

ISSN 2070-9773

КЛИО

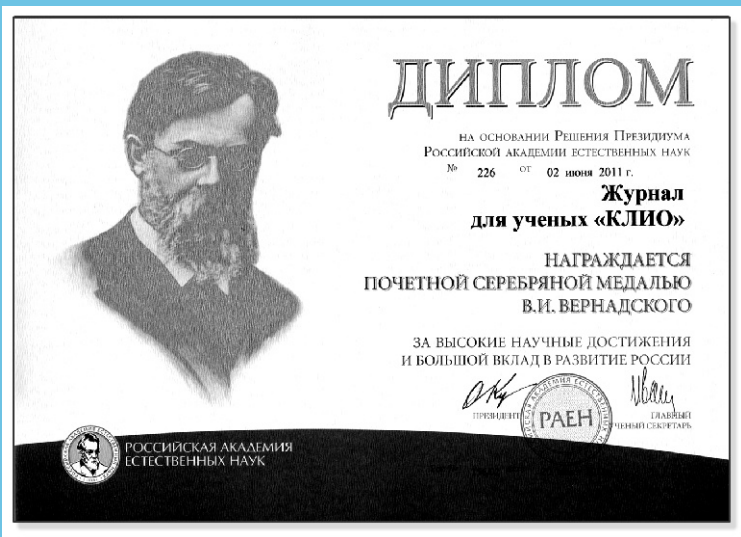

№ 1(133)

январь 2018

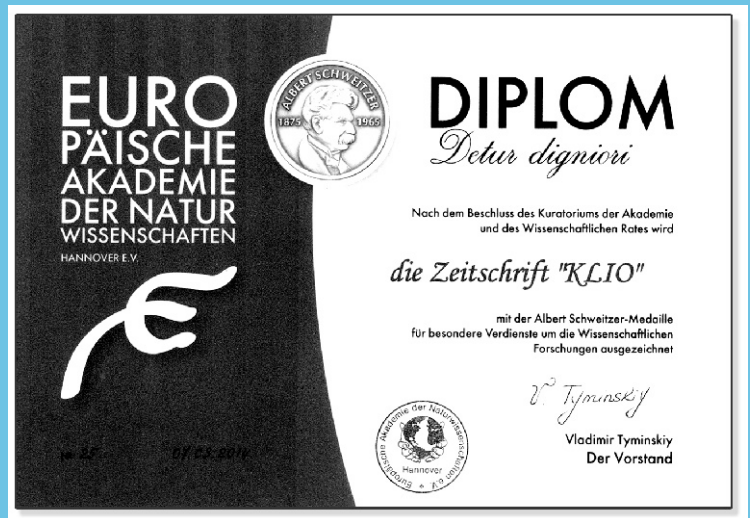
КЛИО

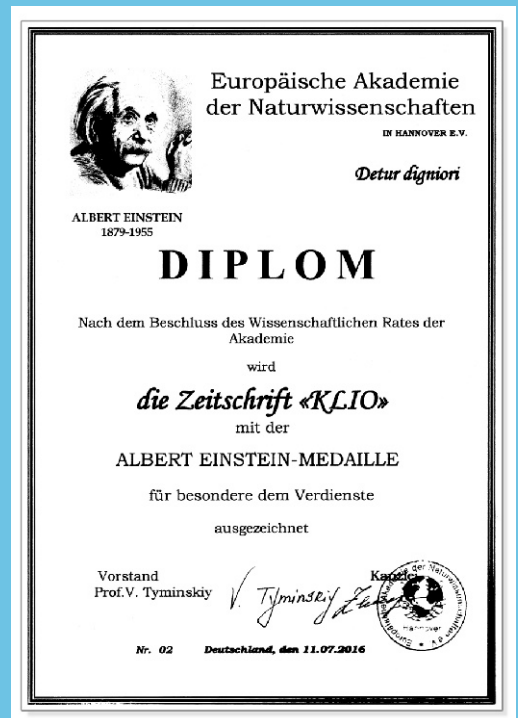

**РЕШЕНИЕМ ПРЕЗИДИУМА
 РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ
 ЕСТЕСТВЕННЫХ НАУК
 №226 ОТ 02.06.2011
 журнал для ученых «Клио»
 награжден почетной серебряной
 медалью В.И. Вернадского
 за высокие научные достижения
 и большой вклад
 в развитие России**

**РЕШЕНИЕМ ПРЕЗИДИУМА
 ЕВРОПЕЙСКОЙ АКАДЕМИИ
 ЕСТЕСТВЕННЫХ НАУК
 (EUROPÄISCHE AKADEMIE
 DER NATURWISSENSCHAFTEN
 (IN HANNOVER) E.V.))
 ОТ 06.03.2014
 журнал для ученых «Клио»
 награжден серебряной медалью
 им. Альберта Швейцера
 за выдающийся вклад
 в содействие и развитие
 научных достижений**

**РЕШЕНИЕМ ПОПЕЧИТЕЛЬСКОГО
 И УЧЕНОГО СОВЕТОВ
 ЕВРОПЕЙСКОЙ АКАДЕМИИ
 ЕСТЕСТВЕННЫХ НАУК
 ОТ 04.04.2015
 журнал для ученых «Клио»
 награжден Орденом дружбы**

**РЕШЕНИЕМ ПРЕЗИДИУМА
 ЕВРОПЕЙСКОЙ АКАДЕМИИ
 ЕСТЕСТВЕННЫХ НАУК
 (EUROPÄISCHE AKADEMIE DER
 NATURWISSENSCHAFTEN
 (IN HANNOVER E.V.)) №02 ОТ 11.07.2016
 журнал для ученых «Клио» награжден медалью
 им. Альберта Эйнштейна за особые заслуги**

Журнал для ученых «Клио» 01 декабря 2015 г.
включен в Перечень рецензируемых научных изданий
(07.00.00 – исторические науки и археология),
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук

Резюме всех статей журнала «Клио» включены в International Bibliography
of the Social Sciences (www.ibss.ac.uk)

Журнал «Клио» представлен в Научной электронной библиотеке (НЭБ),
реализующей проект Министерства образования и науки РФ
«Разработка системы статистического анализа российской науки на основе данных
российского индекса научного цитирования (РИНЦ)»

К Л И О

Ежемесячный журнал для ученых

**Печатный орган
Международной академии исторических и
социальных наук**

№1 (133)

январь

**ООО «ПОЛТОРАК»
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
2018**

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Полтораки С.Н., доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербургский институт внешнеэкономических связей, экономики и права, Санкт-Петербург, Россия)

ПЕРВЫЙ ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Зотова А.В., доктор исторических наук, доцент (Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Блюм А., профессор и ведущий научный сотрудник, (Высшая школа социальных исследований, Париж, Франция)

Вяря Э., доктор философии PhD (Министерство образования и науки Эстонской Республики, Таллинн, Эстония)

Гальперина Б.Д., доктор исторических наук, профессор (Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия)

Ганценмюллер Й., доктор исторических наук, доцент (Фридрих-Шиллер Университет, Йена, Германия)

Дейли Д., доктор исторических наук, профессор (Университет Иллинойса, Чикаго, США)

Е Байчуань, доктор исторических наук, научный сотрудник (Институт истории династии Цин при Народном университете Китая, Пекин, КНР)

Екельчик С., философии, профессор (Университет Виктории, Виктория, Канада)

Еремеева А.Н., доктор исторических наук, профессор (Южный филиал Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева, Краснодар, Россия)

Загребин С.С., доктор исторических наук, профессор (Челябинский государственный педагогический университет, Челябинск, Россия)

Измозик В.С., доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М.А. Бонч-Бруевича, Санкт-Петербург, Россия) (заместитель главного редактора)

Ипполитов Г.М., доктор исторических наук, профессор (Поволжский филиал Института российской истории Российской академии наук, Самара, Россия)

Кан С., доктор исторических наук, профессор (Дартмут колледж, Лебанон, США)

Кашеваров А.Н., доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербургский государственный политехнический университет, Санкт-Петербург, Россия) (ответственный секретарь)

Ковальская С.И., доктор исторических наук, профессор (Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, Астана, Казахстан)

Кокен Ф.-К., доктор исторических наук, профессор (Колледж де Франс, Париж, Франция)

Кройцбергер С., доктор исторических наук, профессор (Ростокский университет, Росток, Германия)

Курумия Х., доктор исторических наук, профессор (Индианский университет, Блумингтон, США)

Линденмайер А., доктор исторических наук, профессор (Университет Вилланова, Вилланова, США)

Любичанковский С.В., доктор исторических наук, профессор (Оренбургский государственный педагогический университет, Оренбург, Россия)

Малышева С.Ю., доктор исторических наук, профессор (Казанский государственный университет, Казань, Россия)

Ма Минь, доктор исторических наук, профессор (Классический университет Центрального Китая, Ухань, КНР)

Минц С.С., доктор исторических наук, профессор (Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия)

Невская Т.А., доктор исторических наук, профессор (Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь, Россия)

Рейли Д. Дж., доктор исторических наук, профессор (Университет штата Северной Каролины, Чапел Хилл, США)

Репинецкий А.И., доктор исторических наук, профессор (Самарский государственный социально-педагогический университет, Самара, Россия)

Робертс Дж., доктор философии, профессор (Университетский колледж Корка – Ирландский национальный университет, Корк, Ирландия)

Самойлов Н.А., доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия)

Самарцева Е.И., доктор исторических наук, профессор (Тульский государственный университет, Тула, Россия)

Серебрянская Г.В., доктор исторических наук, профессор (Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет, Нижний Новгород, Россия)

Сидненко Т.И., доктор исторических наук, доцент (Санкт-Петербургский институт внешнеэкономических связей, экономики и права, Санкт-Петербург, Россия)

Уиндл К., доктор философии, доцент (Австралийский национальный университет, Канберра, Австралия)

Хазан В.И., доктор филологических наук, профессор (Еврейский университет, Иерусалим, Израиль)

Чэнь Кайкэ, доктор исторических наук, профессор (Институт Новой Истории Академии общественных наук Китая, Пекин, КНР)

Штельцль-Маркс Б., доктор исторических наук, зам.директора (Институт по изучению последствий войны им. Людвига Больтсмана, Грац, Австрия)

Эделе М., доктор философии, профессор (Университет западной Австралии, Кроли, Австралия)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

Золотарёв В.А., доктор исторических наук, доктор юридических наук, профессор (Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия) (Председатель Редакционного совета)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Васильев Ю.С., академик РАН (Санкт-Петербургский государственный политехнический университет, Санкт-Петербург, Россия)

Бондаренко А.Ф., доктор исторических наук, доцент (Российский государственный архив социально-политических документов, Москва, Россия)

Голдин В.И., доктор исторических наук, профессор (Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова, Архангельск, Россия)

Дворниченко А.Ю., доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия)

Ежов М.В., доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербургский институт внешнеэкономических связей, экономики и права, Санкт-Петербург, Россия)

Кащенко С.Г., доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия)

Купцова И.В., доктор исторических наук, профессор (Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия)

Лосик А.В., доктор исторических наук, профессор (Балтийский государственный технический университет (Военмех) им. Д.Ф. Устинова, Санкт-Петербург, Россия) (заместитель главного редактора)

Михеева Г.В., доктор педагогических наук, профессор (Российская национальная библиотека, Санкт-Петербург, Россия)

Плешков В.Н., доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербургский институт истории РАН, Санкт-Петербург, Россия)

Попов А.А., доктор исторических наук, профессор (Институт языка, литературы и истории Коми научного центра УрО РАН, Сыктывкар, Россия)

Ржешевский О.А., доктор исторических наук, профессор (Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия)

Рубцов Ю.В., доктор исторических наук, профессор (Военный университет МО РФ, Москва, Россия)

Сенявская Е.С., доктор исторических наук (Институт российской истории РАН, Москва, Россия)

Триодин В.Е., доктор педагогических наук, профессор (Санкт-Петербургский государственный университет культуры и искусств, Санкт-Петербург, Россия)

Чернобаев А.А., доктор исторических наук, профессор (Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва, Россия)

Яблочкина И.В., доктор исторических наук, профессор (Российский государственный университет им. Г.В. Плеханова, Москва, Россия)

Василькова А.А., выпускающий редактор

Подписка на журнал «Клио» осуществляется по каталогу «Роспечать». Индекс 14243

Адрес редакции: Россия, Санкт-Петербург, Гражданский пр., д. 11, офис 913.

Тел.: (812) 534-28-28 (*4224)

Почтовый адрес редакции и издателя: 195220, Россия, Санкт-Петербург-220. ООО «Полторак». До востребования.

E-mail: poltorak2006@yandex.ru

Официальный сайт: <http://clioscience.com/>. Электронный адрес научного периодического издания в Интернете: <http://elibrary.ru/issues/asp?id=2764>

ISSN 2070-9773

© «Клио», 2018

© ООО «Полторак», 2018

© Авторы публикаций, 2018

При отборе статей редколлегия руководствуется научно-редакционной политикой издания и соблюдением принципов публикационной этики.

Точка зрения редакции может не совпадать с мнением авторов статей.

Перепечатка допускается с согласия редакции журнала. Ссылка на «Клио» обязательна.

СОДЕРЖАНИЕ

К ЧИТАТЕЛЯМ ЖУРНАЛА.....	13
--------------------------	----

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

Слепцова О.Ю., Сердюк М.Б. Первое международное десятилетие коренных народов в документах Государственного архива Магаданской области.....	14
Еланцева О.П. Сверхскоростное строительство нового железнодорожного выхода СССР к Тихоокеанскому побережью: по фотодокументам 1943–1945 гг.	19

ИСТОРИОГРАФИЯ

Медведева Л.М., Лаврентьев А.В. Отечественная историография транспортного развития российского Дальнего Востока (1970-е – 2017 г.)	25
--	----

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

Толстокулаков И.А., Ким Ёнсу. Тихоокеанская политика России и вклад русских исследователей в изучение прибрежных вод Кореи во второй половине XIX в.	34
Гарусова Л.Н. Иммиграционная политика канадского государства: исторический опыт	43
Каневская Г.И. «Дiasпорные предприниматели» или «беглые революционеры-каторжники» (Особенности генезиса русской диаспоры в Австралии)	50

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

Беляева Н.А. Всероссийский союз таможенных служащих в 1918 г.: дело об увольнении Владивостокского таможенного инспектора	54
Шабельникова Н.А. Финансовое и материальное обеспечение сотрудников дальневосточной милиции в 1920-е гг. (к 100-летию образования рабоче-крестьянской милиции)	60

ИСТОРИЯ РЕГИОНОВ РОССИИ

Синиченко В.В., Изаксон Р.А. Военнопленные Первой мировой войны на русском Дальнем Востоке: история лагерного быта.....	69
Бондаренко Е.Ю. Политические и исторические аспекты пребывания чехословацких военнопленных на Дальнем Востоке России в годы гражданской войны и интервенции (1918–1920 гг.)	78
Александров П.Г. «События происходят на территории русского города...»: подробности чехословацкого мятежа во Владивостоке	86

Залесская О.В. Деятельность Благовещенской конторы Дальгосторга на китайском рынке в конце 1920-х гг.	94
Орнацкая Т.А. Становление и развитие школьно-курсового обучения юристов на Дальнем Востоке в 1922–1941 гг.	100

ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Анисимов А.В. Чрезвычайный посланник и полномочный министр США в Цинской империи Джон Эллиотт Уорд (1858–1861 гг.): договор любой ценой	109
Тихий К.Т. Сближение советско- японских отношений в 1925 г. в оценках американской прессы	117

ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ

Пикалов Ю.В. Проблема соответствия командиров и политработников Особой Дальневосточной армии профессиональным требованиям и морально-политическим качествам (1929 г.)	121
Ткачева Г.А. Комплектование военно-морских соединений на Дальнем Востоке СССР в годы Второй мировой войны (1939–1945)	128
Усов А.В. Аварийно-спасательная служба Тихоокеанского флота 1941–1945 гг.	137

ПЕРСОНАЖИ ИСТОРИИ

Головин С.А. Основные вехи биографии М.М. Герасимова	145
Поправко Е.А. Деятельность А. В. Хрулева по реабилитации военных руководителей, репрессированных в период «большого террора»	150

The scholarly journal «Klio» 01.12.2015 has been included
in the list of leading peer-reviewed scholarly journals and publications
(07.00.00 – historical sciences and archeology),
in which the main scholarly results of dissertations presented for kandidat
and doctoral degrees should be published

Abstracts of all articles appearing in «Klio» are published
in the International Bibliography of the Social Sciences (www.ibss.ac.uk)

«Klio» participates in the Online Scholarly Library (OSL), which contributes to the realization
of the project of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation
«The development of a system of statistical analysis of Russian scholarship
on the basis of data from the Russian Scholarly Citation Index (RSCI)»

K L I O

A monthly scholarly journal

(12 issues a year)

**Print agency of the
International Academy of history and
social sciences**

№1 (133)

January

**Poltorak Co. Ltd
SAINT PETERSBURG
2018**

EDITOR IN CHIEF

Poltorak S.N., Doctor of Historical Sciences, Professor (Saint Petersburg Institute of Foreign Economic Relations, Economics and Law Saint Petersburg, Russia)

FIRST DEPUTY EDITOR IN CHIEF

Zotova A.V., Doctor of Historical Sciences, Associate Professor (Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia)

EDITORIAL BOARD

Blum A., Professor and senior researcher, (School for Advanced Studies in Social Sciences, Paris, France)

Chen Kaike, Doctor of Historical Sciences, Professor (Institute of a modern history of the Chinese public Academy of Sciences, Beijing, PRC)

Creuzberger S., Doctor of Historical Sciences, Professor (University of Rostock, Rostock, Germany)

Daly J., Doctor of Historical Sciences, Professor (University of Illinois at Chicago, USA)

E Baychuan, Doctor of Historical Sciences, the research associate (Institute of history of a dynasty Cin at Public University of China, Beijing, PRC)

Edele M., Professor (The University of Western Australia, Crawley, Western Australia)

Ekelchik S., Doctor of Philosophy, Professor (University of Victoria, Victoria, Canada)

Eremeeva A.N., Doctor of Historical Sciences, Professor (Southern Branch of D. Likhachev Russian Institute of Cultural and Natural Heritage, Krasnodar, Russia)

Galperina B.D., Doctor of Historical Sciences, Professor (The Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg, Russia)

Ganzenmueller J., Dr. phil. habil., director (Ettersberg Foundation, Weimar), lecturer (Friedrich-Schiller University, Jena, Germany)

Hazan V.I., Doctor of Philology, Professor (The Hebrew University of Jerusalem, Jerusalem, Israel)

Ippolitov G.M., Doctor of Historical Sciences, Professor (Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences Povolzhsky branch, Samara, Russia)

Izmozik V.S., Doctor of Historical Sciences, Professor (The Bonch-Bruевич Saint Petersburg State University of Telecommunications, Saint Petersburg, Russia), (deputy chief editor)

Kan S., Doctor of Historical Sciences, Professor (Dartmouth College, Lebanon, USA)

Kashevarov A.N., Doctor of Historical Sciences, Professor (Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University, Saint-Petersburg, Russia), (executive secretary)

Koken F.-K., Doctor of Historical Sciences, Professor (The Collège de France, Paris, France)

Kovalskaya S.I., Doctor of Historical Sciences, Professor (L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Kazakhstan)

Kuromiya H., Professor of History (Indiana University, Bloomington, USA)

Lindenmeyr A., Professor of History (Villanova University, Villanova, USA)

Lyubichankovskiy S.V., Doctor of Historical Sciences, Professor (Orenburg State Pedagogical University, Orenburg, Russia)

Ma Min, Professor and PhD supervisor in history (Central China Normal University, Wuhan, PRC)

Malysheva S.J., Doctor of Historical Sciences, Professor (Kazan Federal university, Kazan, Russia)

Mints S.S., Doctor of Historical Sciences, Professor (Kuban State University, Krasnodar, Russia)

Nevskaya T.A., Doctor of Historical Sciences, Professor (North-Caucasus Federal University, Stavropol, Russia)

Raleigh D. J., Doctor of Historical Sciences, Professor of History, (University of North Carolina, Chapel Hill, USA)

Repinetskiy A.I., Doctor of Historical Sciences, Professor (Samara State University of Social Sciences and Humanities, Samara, Russia)

Roberts G., Doctor of Philosophy, Professor (University College Cork, National University of Ireland, Ireland)

Samartseva E.I., Doctor of Historical Sciences, Professor (Tula State University, Tula, Russia)

Samoilov N.A., Doctor of Historical Sciences, Professor (Saint Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russia)

Serebrianskaya G.V., Doctor of Historical Sciences, Professor (Nizhny Novgorod State University of Architecture, Building and Civil Engineering, Nizhny Novgorod, Russia)

Sidnenko T.I., Doctor of Historical Sciences, Associate Professor (Saint Petersburg Institute of Foreign Economic Relations, Economics and Law, Saint Petersburg, Russia)

Stelzl-Marx B., Doctor of Historical Sciences, Vice director (Ludwig Boltzmann-Institut für Forschung zu Konsequenzen von Krieg, Graz, Austria)

Vara E., Doctor of Philosophy (Ministry of Education and Science of the Republic of Estonia, Tallinn, Estonia)

Windle. K., Doctor of Philosophy, Associate Professor (Australian National University Canberra, Australia)

Zagrebin S.S., Doctor of Historical Sciences, Professor (Chelyabinsk State Pedagogical University, Chelyabinsk, Russia)

CHAIRMAN OF EDITORIAL COUNCIL

Zolotarev V.A., Doctor of Historical Sciences, Doctor of Law Sciences, Professor (Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (Chairman))

EDITORIAL COUNCIL

Bondarenko A.F., Doctor of Historical Sciences (Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI), Moscow, Russia)

Chernobaev A.A., Doctor of Historical Sciences, Professor (The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia)

Dvornichenko A.J., Doctor of Historical Sciences, Professor (Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia)

Ezhov M.V., Doctor of Historical Sciences, Professor (Saint Petersburg Institute for International Economic Relations, Economics and law, Saint Petersburg, Russia)

Goldin V.I., Doctor of Historical Sciences, Professor (Northern (Arctic) Federal University, Arkhangelsk, Russia)

Jablochkina I.V., Doctor of Historical Sciences, Professor (Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia)

Kaschenko S.G., Doctor of Historical Sciences, Professor (Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia)

Kuptsova I.V., Doctor of Historical Sciences, Professor (Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia).

Losik A.V., Doctor of Historical Sciences, Professor (Ustinov Baltic State Technical University (Voenmeh), Saint Petersburg, Russia), (deputy chief editor)

Miheeva G.V., Doctor of Pedagogical Sciences, Professor (The National Library of Russia, Saint Petersburg, Russia).

Pleshkov V.N., Doctor of Historical Sciences, Professor (Saint Petersburg Institute for History of the Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russia)

Popov A.A., Doctor of Historical Sciences, Professor (The Institute of Language, Literature and History Komi Science Centre, Syktyvkar, Russia)

Rubtsov J.V., Doctor of Historical Sciences, Professor (Military University under Russian Ministry of Defence, Moscow, Russia)

Rzheshhevskiy O.A., Doctor of Historical Sciences, Professor (Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia)

Seniavskaya E.S., Doctor of Historical Sciences (Institute for Russian History of the Russian Academy of Sciences, Moscow)

Triodin V.E., Doctor of Pedagogical Sciences, Professor (Saint Petersburg State University of Culture and Arts, Saint Petersburg, Russia)

Vasiliev J.S., Academician of Russian academy of sciences (Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University Saint Petersburg, Russia)

Vasilkova A.A., publishing editor

Editorial address: Russian Federation, Saint Petersburg, the Civil pr., 11, office 913. Phone/fax: (812) 534-28-28.

The mailing address of the editorial board: 195220, Russian Federation, Saint Petersburg-220. OOO «Poltorak». Post-restante.

Address: 195220, Sergey N. Poltorak, Post-restante 220, Saint Petersburg, Russia

E-mail: poltorak2006@yandex.ru

Official website: <http://clioscience.com/>. E-mail address of scientific periodicals in the Internet: <http://elibrary.ru/issues/asp?Id=2764>

ISSN 2070-9773

© «Klio», 2018

© Poltorak Co. Ltd, 2018

© Authors of publications, 2018

In the selection of articles the editorial board is guided by Klio's editorial policy and general ethical principles of publication. The views expressed in the contributions are not necessarily those of the editorial board.

Reprints are permitted with the consent of the publisher and must include mention of prior publication in «Klio».

CONTENTS

TO THE READERS OF THE JOURNAL.....	13
------------------------------------	----

THEORETICAL ISSUES

Sleptsova O.J., Serdyuk M.B. First International Decade of Indigenous People in documents of the State Archive of the Magadan Region	14
Elantseva O.P. Fast building of a new railway of the USSR to the Pacific coast: by photo documents of 1943–1945	19

HISTORIOGRAPHY

Medvedeva L.M., Lavrentiev A.V. Domestic historiography of the transport development of the Russian Far East (1970s – 2017)	25
---	----

GENERAL HISTORY

Tolstokulakov I.A., Kim Young Soo. Pacific policy of Russia and contribution of Russian researchers to investigation of Korean coastal waters in the second half of XIX century	34
Garusova L.N. The Immigration Policy of Canada: historical experience.....	43
Kanevskaya G.I. «Diaspora entrepreneurs» or «runaway convict revolutionaries». (Feature of the genesis of the Russian diaspora in Australia)	50

HISTORY OF RUSSIA

Belyaeva N.A. All-Russian Union of Customs Officers in 1918: the case of the Vladivostok customs inspector dismissal	54
Shabel'nikova N.A. Finance support and provision of material needs of the Far Eastern militia employees in the 1920th. (Devoted to the 100th anniversary of the Workers and peasants militia formation).....	60

HISTORY OF RUSSIAN REGIONS

Sinichenko V.V., Izakson R.A. Army-prisoners of war of the First World War in the Russian Far East: the history of camp life.....	69
Bondarenko E.Y. Political and historical aspects of the presence of Czechoslovak prisoners of war in the Russian Far East during the Civil War and intervention (1918–1920)	78
Aleksandrov P.G. «The events are under way in the territory of one Russian town...»: the details of Czechoslovak rebellion in Vladivostok.....	86
Zalesskaya O.V. The activity of the Blagoveshchensk office of the Far East state commercial representation (Dalgostorg) in the Chinese market in the late of 1920-s.....	94
Ornatskaya T.A. The formation and development of school-course training of lawyers in the Far East in 1922–1941	100

HISTORY OF INTERNATIONAL RELATIONS

Anisimov A.L. U.S. Extraordinary Envoy and Minister Plenipotentiary to Qing Empire John Elliott Ward (1858–1861): the treaty at any price.....	109
Tikhi K.T. Rapprochement of Soviet-Japanese relations in 1925 in the evaluations of American press	117

MILITARY HISTORY

Pikalov Y.V. The problem of Special Far Eastern Army commanders and political workers' compliance with the with the professional requirements, moral and political qualities (1929).....	121
Tkachyova G.A. Acquisition of naval units in the Far East of the USSR during the Second World War (1939–1945)	128
Usov A.V. Rescue service of the Pacific fleet (1941–1945)	137

HISTORICAL CHARACTERS

Golovin S.A. Biography highlights of M.M. Gerasimov	145
Popravko E.A. The A.V. Khrulev's activity for rehabilitation of officers repressed in the period of «Great Terror»	150

К ЧИТАТЕЛЯМ ЖУРНАЛА / TO THE READERS OF THE JOURNAL

Не секрет, что будущее России во многом определяется развитием Дальнего Востока нашей страны. Наука – стержень этого развития, гарантия успеха реализации смелых, но вполне возможных идей. Историческая наука позволит оценить прежние успехи и неудачи в развитии этого крупного региона, нацелив свои усилия на решение предстоящих задач развития российского государства. Поэтому нынешний выпуск ежемесячного журнала для ученых «Клио» посвящен осмыслению исторического опыта, накопленного поколениями россиян. Этот выпуск журнала приурочен к столетию высшего исторического образования на Дальнем Востоке, которое отмечается в октябре 2018 г.

В номере представлены результаты научных исследований представителей трех крупнейших научно-педагогических центров региона – Владивостока, Хабаровска и Благовещенска.

Несмотря на тематическое разнообразие публикаций дальневосточных авторов по проблемам отечественной и всеобщей истории, публикации можно условно разделить на несколько тематических групп. Среди них – история эмиграции и иммиграционной политики, которые раскрываются через изучение особенностей формирования русской диаспоры в Австралии и формирование иммиграционной политики Канады. История международных отношений представлена в журнале публикациями о политике европейских держав в Китае в середине XIX в.; отражении в американской прессе советско-японского сближения в середине 20-х гг. XX в. Отношениям с сопредельными странами, Китаем и Японией, посвящены публикации, главное внимание в которых сосредоточено на российском вкладе русских ученых в изучение побережья Кореи, на развитие русско-китайской торговли в 20–30-е гг. XX в.

Большая группа исследований отражает проблемы существования региона в драматические периоды нашей истории – далекого от театра военных действий в Первой мировой войне, ставшего ареной кровопролитной братоубийственной Гражданской войны; находившегося в непосредственной близости от тихоокеанского театра военных действий во время Второй мировой. «Мирная тематика» представлена статьями истории и историографии развития транспортной инфраструктуры региона и его промышленности. Особый блок – история правоохранительных органов.

Несмотря на тематическое разнообразие, есть нечто общее в публикациях, что объединяет дальневосточных историков – это опора на оригинальную источниковую базу, прежде всего архивные документы, которые в большей степени вводятся в научный оборот авторами статей, в том числе и посвященных источниковому анализу. Авторы статей, вошедших в этот номер, – преподаватели широко известных в России научных и учебных центров. Им предстоит продолжать традиции высшего исторического образования на российском Дальнем Востоке.

Знакомство с представленными в номере журнала статьями дальневосточных авторов дает надежду на то, что традиции дальневосточной исторической школы будут сохранены и преумножены учеными и педагогами вузов Дальнего Востока России. Верится и в то, что с этим выпуском журнала процесс консолидации исследователей как России, так и других стран, пройдет еще одну важную ступень своего развития.

**Главный редактор журнала
доктор исторических наук, профессор,
академик РАН С.Н. Полторак**

УДК 94(571.6)/ 930.253

OLGA JUR'EVNA SLEPTSOVA

*Senior Lecturer, North-Eastern State University
685000, Russian Federation, Magadan, Portovaya ul., 13.
E-mail: garris@maglan.ru*

MARIIA BORISOVNA SERDYUK

*Doctor of Historical Sciences, Professor,
Far Eastern Federal University.
690090, Russian Federation, Vladivostok, ul. Sukhanova, 8.
E-mail: userdyuk@mail.ru*

First International Decade of Indigenous People in documents of the State Archive of the Magadan Region

The International Decade of the World's Indigenous People coincided with a difficult period of transformation of all spheres of Russian society, as a result of which the indigenous people of the North found themselves in a very difficult situation. The events held within the framework of the decade at the federal and regional levels were designed to ensure the sustainable development of these people.

The article is devoted to the analysis of documents reflecting the events of the First International Decade of Indigenous People in the Magadan Region.

The source of the study was the materials of the Organizing Committee for the International Decade of the World's Indigenous People in the Magadan Region, which were deposited in the Fund of the Administration of the Magadan Region in the State Archive of the Magadan Region.

The article analyzes the composition of documents, explores their information capabilities, the documents are divided into groups. The authors draw conclusions about the high informative value of documents for studying the socio-economic situation of the indigenous small-numbered peoples of the North in the post-Soviet period and the development of a regional state policy on indigenous small-numbered peoples of the North in the Magadan Region.

Keywords: *State Archive of the Magadan Region, indigenous peoples of the North, International Decade of the World's Indigenous People, regional state policy, socio-economic situation.*

ОЛЬГА ЮРЬЕВНА СЛЕПЦОВА

*Старший преподаватель,
Северо-Восточный государственный университет.
685000, Россия, г. Магадан, Портювая, 13.
E-mail: garris@maglan.ru*

МАРИЯ БОРИСОВНА СЕРДЮК

*Доктор исторических наук, профессор,
Дальневосточный государственный университет.
690091, Россия, г. Владивосток, ул. Суханова, 8.
E-mail: userdyuk@mail.ru*

Международное десятилетие коренных народов мира совпало со сложным периодом трансформации всех сфер российского общества, в результате которой коренные народы Севера оказались в крайне тяжелом положении. Мероприятия, проводимые в рамках десятилетия на федеральном и региональном уровне, призваны были обеспечить устойчивое развитие указанных народов.

Статья посвящена анализу документов, в которых отражены события Первого международного десятилетия коренных малочисленных народов в Магаданской области.

Источниковой базой исследования послужили материалы Организационного комитета по проведению в Магаданской области Международного десятилетия коренных народов мира, отложившиеся в фонде администрации Магаданской области в Государственном архиве Магаданской области.

В статье проанализирован состав документов, рассмотрены их информационные возможности, исследуемые документы разделены на группы. Авторы делают выводы о высокой информативной ценности документов для изучения социально-экономического положения коренных малочисленных народов Севера в постсоветский период и развития региональной государственной политики в отношении коренных малочисленных народов Севера в Магаданской области.

Ключевые слова: Государственный архив Магаданской области, коренные малочисленные народы Севера, Международное десятилетие коренных народов, региональная государственная политика, социально-экономическое положение.

Первое международное десятилетие коренных народов в документах Государственного архива Магаданской области

Становление Организации Объединенных Наций совпало с эпохой распада системы колониализма. Принцип «равноправия и самоопределения народов» был закреплён в Уставе ООН [1]. Организация играла роль посредника в процессе деколонизации, активно содействуя получению независимости колониальными странами и народами. И в постколониальную эпоху ООН постоянно уделяет большое внимание международно-правовому регулированию и защите дискриминируемых национальных меньшинств. За последние десятилетия систематически разрабатывались международные документы и программы о соблюдении прав и развитии культурно-национальных меньшинств.

Так, в 1982 г. Экономический и Социальный Совет ООН учредил Рабочую группу по коренному населению, которая представляет собой координационное звено в системе Организации Объединенных Наций по поощрению прав коренных народов. Рабочая группа стала источником многих инициатив, касающихся правового положения и развития коренных народов [2]. ООН провозгласила 1993 год Международным годом прав коренных народов мира. На церемонии открытия в Нью-Йорке руководители коренных народов впервые за всю историю Организации Объединенных Наций выступали с трибуны Генеральной Ассамблеи.

21 декабря 1993 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла резолюцию 48/163, согласно которой 1995–2004 гг. были провозглашены Международным десятилетием коренных народов мира, и постановила, что десятилетие будет проводиться под девизом «Коренные народы: партнерство в действии» [3]. Цель мероприятий – укрепление международного сотрудничества в поисках решения проблем, с которыми сталкиваются коренные народы в таких сферах, как права человека, окружающая среда, развитие, образование и здравоохранение.

В международной практике впервые было уделено такое масштабное внимание коренным народам. Представители аборигенов впервые получили столь широкие международные возможности для общения, для обсуждения и решения своих проблем, построения диалога с правительствами и глобальными организациями.

Российская Федерация, как член ООН и как государство, гражданами которого являются и представители коренных малочисленных народов,

приняла активное участие в проведении Международного десятилетия коренных народов мира. Для реализации решений Генеральной Ассамблеи ООН Правительство РФ приняло постановление о создании Национального организационного комитета по подготовке и проведению Международного десятилетия коренных народов мира, а также поручило органам исполнительной власти субъектов РФ, на территории которых проживают коренные народы, осуществить разработку и реализацию комплексного плана мероприятий по подготовке и проведению Международного десятилетия коренных народов мира, с привлечением общественных движений и организаций [4]. Специальные структуры, Национальные организационные комитеты или Организационные комитеты по подготовке и проведению Международного десятилетия коренных народов мира, создавались в республиках, краях и областях России [5, с. 117]. В годы десятилетия в РФ был разработан и принят ряд федеральных целевых программ по поддержке коренных народов [4].

Необходимо отметить, что Десятилетие коренных народов мира совпало со сложным периодом трансформации всех сфер российского общества, оказавшей существенное влияние на направленность, задачи и бюджет мероприятий, проводимых в рамках десятилетия. Как отмечают исследователи, многие политические и социальные факторы этого периода не только не способствовали сохранению стабильности положения аборигенных народов, но и прямо ухудшали ситуацию [7, с. 384].

На российском Дальнем Востоке во всех субъектах федерации постоянно проживают коренные малочисленные народы. В российском законодательстве их называют коренными малочисленными народами Севера, Сибири и Дальнего Востока (далее – КМНС). В Магаданской области к этой группе постоянного населения относятся пять народов трех языковых групп: ительмены, коряки, чуканцы, эвены (ламуты), юкагиры. По итогам переписи населения 2010 г. они составляют 3% населения области [8]. Проживают в основном в сельской местности.

В 1995 г. постановлением администрации Магаданской области был утвержден комплексный план мероприятий по подготовке и проведению Международного десятилетия коренных народов мира [9, л. 1]. Следующим шагом стало создание в 1997 г. при администрации Магаданской области

Оргкомитета по проведению в области Международного десятилетия коренных народов мира [9, л. 1–4]. Оргкомитет имел статус комиссии при губернаторе Магаданской области и осуществлял координацию деятельности органов местного самоуправления и общественных организаций. В его состав входили представители областной администрации, ассоциаций коренных малочисленных народов области (далее – АКМНС) и районов. В заседаниях оргкомитета, в зависимости от содержания рассматриваемых вопросов, могли принимать участие руководители органов государственной власти, представители органов местного самоуправления, общественных организаций, родовых общин коренных малочисленных народов.

Документы о проведении в области Международного десятилетия коренных народов мира отложились в Государственном архиве Магаданской области (далее – ГАМО). Они представляют собой комплекс разнообразных документов, включенных в фонд администрации Магаданской области. Непосредственно документы оргкомитета составляют 137 единиц хранения. Физическое состояние документов различается в зависимости от того, каким способом они были произведены: посредством машинописи или компьютерного набора, а также от качества бумаги. Более удовлетворительное состояние имеют документы, созданные посредством компьютерного набора. Документы не оцифрованы, поэтому работать можно непосредственно с оригиналами. На наш взгляд, эти документы представляют интерес как для исследований региональной истории, так и для исследований истории участия Российской Федерации в крупных международных программах.

По содержанию информации комплекс документов исследуемого фонда можно разбить на три видовые группы.

К первой группе относятся нормативные акты областной администрации о комплексном плане мероприятий по подготовке и проведению десятилетия; об образовании и составе Оргкомитета по проведению десятилетия в Магаданской области.

Во вторую группу выделяются делопроизводственные источники – документы Оргкомитета: протоколы заседаний, решения по отдельным вопросам, планы мероприятий, переписка с властными структурами, ведомствами и организациями.

Третья группа документов – статистические и информационные материалы, доклады представителей администрации области и глав администраций муниципальных образований. Эти источники содержат статистические данные и описания конкретных фактов жизни КМНС и мероприятий, проводимых в рамках международного десятилетия.

Документы фонда содержат обширную и разнотипную информацию о жизни КМНС на рубеже тысячелетий, о деятельности государственных и муниципальных органов власти, об общественных организациях. Обратим внимание только на некоторые темы.

Ключевое значение для выявления основных направлений государственной региональной политики в отношении коренного населения имеет комплексный план мероприятий по подготовке и проведению Международного десятилетия коренных народов мира. Кроме организационных мероприятий план включал разделы о социальной и правовой защите малочисленных народов и этнических групп Севера, о мероприятиях в сфере образования, культуры и искусства, здравоохранении и по защите окружающей среды [9, л. 1]. Сопоставление с более поздними документами показывает, что планы подвергались корректировке в зависимости от текущих проблем и возможностей финансирования [9, л. 42–44, 45, 23–24].

Документы подтверждают активное сотрудничество органов власти с представителями коренных малочисленных народов и их объединениями. Девиз десятилетия, провозглашенный Генеральной Ассамблеей ООН, «Коренные народы: партнерство в действии» воплотился во встречном движении: снизу – осознание и определение проблем, инициативные предложения по совершенствованию законодательства, улучшению социально-экономического положения коренных народов; сверху – анализ состояния, разработка нормативной базы и программ развития, финансирование, информационная поддержка и т. п.

Согласно протоколам заседаний Оргкомитета, вопросы о демографических показателях и состоянии здоровья коренных народов Севера и мерах по их улучшению; о взаимодействии районных АКМНС с администрацией в решении социально-экономических проблем аборигенов; о работе районных администраций по поддержке хозяйствующих субъектов аборигенов являлись постоянной частью повестки заседаний [9, л. 2].

Важное значение для формирования программ поддержки коренных малочисленных народов имела информация, поступающая непосредственно от местных администраций районов – Северо-Эвенского, Среднеканского района и других, от руководителей национальных предприятий и районных АКМНС, а также статистические и информационные материалы о результатах проведенных в этот период исследований демографических показателей, состояния здоровья, образования, занятости и жилищных условий в местах компактного проживания коренных малочисленных народов.

Обследования, проведенные в 1997 г. в ходе реализации комплексного плана мероприятий Международного десятилетия, показали, что демографическая ситуация у лиц из числа коренных малочисленных народов сложнее, чем в целом по области: средняя продолжительность жизни аборигенов на 10 лет ниже среднеобластной, общая смертность превышала областной показатель в 2 раза, общая заболеваемость – в 1,5 раза [9, л. 70–71]. В национальных селах не велось строительство, и практически каждая вторая семья из числа народов Севера проживала в ветхом жилье [9, л. 42–44].

В документах отмечены и другие проблемы, затрудняющие деятельность национальных предприятий. С одной стороны, органами местного самоуправления не обеспечивалась приоритетность в обеспечении за рыбодобывающими национальными предприятиями перспективных промысловых водоемов. С другой – на освоении выделяемых лимитов сказывалось слабое развитие баз рыбопереработки и недостаточное материально-техническое оснащение [9, л. 75].

Основываясь на этой информации, Оргкомитет оперативно включал в программы дополнительные точечные меры по поддержке коренного населения и национальных предприятий. Например, приобретение для с. Ямск Ольского района дизельного генератора для обеспечения электроэнергией жителей села, двух двадцатифутовых холодильников для заморозки рыбы в период путины, трактора для заготовки дров социально незащищенным категориям населения из числа коренных малочисленных народов, скороморозильной камеры; для с. Тахтоямск Ольского района приобретение скороморозильных камер, вакуумных упаковочных машин под филе кеты, самоходного плашкоута; для с. Тауйск Ольского района – скороморозильные камеры и ледогенератор; для п. Сеймчан Среднеканского района – технологическое оборудование для распиловки и упаковки оленины с переносной электростанцией; строительство бань в с. Ямск и Тахтоямск, хлебопекарни в с. Тахтоямск.

Документы, хранящиеся в ГАМО, сообщают о результатах реализации программ, осуществлявшихся в рамках десятилетия коренных народов. Не по всем пунктам областной программы удалось достичь поставленных задач. Одна из основных проблем состояла в отсутствии финансирования, например, в 1997 г. не было профинансировано ни одно мероприятие по программе «Мать и дитя» [9, л. 42–44].

В последующем, к 2000 г., ситуация с финансированием улучшилась, что позволило реализовать значительную часть комплексного плана мероприятий, проводимых в рамках десятилетия. В частности, среди документов есть подробный доклад начальника департамента образования администрации Магаданской области Т.А. Исаевой о состоянии и проблемах системы образования в области. Констатируя трудности с подготовкой национальных педагогических кадров, начальник департамента отмечает положительные результаты как в матери-

альном обеспечении, так и в организации обучения родным языкам. В рамках федеральных целевых программ «Дети Севера», «Компьютеризация сельских школ», «Экономическое и социальное развитие коренных малочисленных народов Севера» было поставлено компьютерное оборудование в 3 школы Северо-Эвенска, 7 школ Ольского, по 1 школе Хасынского, Среднеканского и Омсукчанского районов. В 2002 г. различными формами организованного труда и отдыха в летний период, оздоровлением охвачено 666 детей малочисленных народов Севера (76,6% от их общего числа). Кроме этого, приводится информация об организации обучения родному языку (корякскому, эвенскому) и об обеспечении учебниками, методическими пособиями; об организации во всех учреждениях дополнительного образования кружков художественно-прикладного направления (национальные декоративные ремесла) – резьба по кости, пошив национального костюма, изготовление украшений, работа с мехом и др. [10, л. 4–12].

Таким образом, можно заключить, что документы ГАМО о первом Международном десятилетии коренных народов мира дают ценный и разнообразный материал для широкого круга исследований: от истории Магаданской области постсоветского периода до истории участия России в глобальных программах ООН. Документы интересны своей информативностью и тем, что отражают специфические особенности развития региона в этот исторический период.

Исследование этого комплекса документов позволяет получить более полную картину демографической и социально-экономической ситуации в местах компактного проживания коренных малочисленных народов Севера; деятельности государственных и муниципальных органов по социальной и правовой защите малочисленных народов и этнических групп Севера и ее результатах. Документы наглядно иллюстрируют механизмы взаимодействия общественных организаций и представителей коренных малочисленных народов с органами власти при определении основных направлений и задач проводимых мероприятий. А также позволяют проследить динамику развития региональной государственной политики в отношении коренных малочисленных народов Севера в Магаданской области. Исследователям, которые будут работать с этим комплексом документов, обеспечена научная новизна – материалы только начинают вводиться в научный оборот.

Литература и источники

1. Устав ООН. Глава 1 [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций. URL <http://www.un.org/ru/sections/un-charter/chapter-i/index.html> (дата обращения: 17.11.2017).
2. Всемирная конференция по коренным народам: история вопроса [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций. URL: <http://www.un.org/ru/ga/69/meetings/indigenous/history.shtml> (дата обращения: 20.11.2017).
3. Международное десятилетие коренных народов мира: Резолюция ООН 48/163 от 21 декабря 1993 [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций. URL: <http://www.un.org/ru/ga/48/docs/48res.shtml> (дата обращения: 20.11.2017).
4. О подготовке и проведении Международного десятилетия коренных народов мира: Постановление Правительства РФ от 23.04.1994 №387 (утратило силу с 26.07.2004) // Собрание законодательства РФ. 1994. №2. Ст. 120.

5. Сулейманов А.А. Коренные народы арктической зоны Якутии и международное научное сотрудничество 90-е гг. XX в. // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2009. №12–2. С. 115–123.
6. Программа «Экономическое и социальное развитие коренных малочисленных народов Севера до 2008 года» [Электронный ресурс] // Федеральные целевые программы России. URL: http://www.programs-gov.ru/2_1.php (дата обращения: 20.11.2017).
7. Никитин М.А. Государственная национальная политика Российской Федерации в отношении коренных малочисленных народов севера в контексте проведения в Российской Федерации международного десятилетия коренных народов мира // Вестник СамГУ. 2008. №5/2 (64). С. 281–288.
8. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года в отношении демографических и социально-экономических характеристик отдельных национальностей [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/results2.html (дата обращения: 17.11.2017).
9. Государственный архив Магаданской области (ГАМО). Ф. Р-451. Оп. 1. Д. 147.
10. ГАМО. Ф. Р-451. Оп. 1. Д. 662.

References

1. The Charter of the United Nations. Chapter 1. *United Nations*. Available at: <http://www.un.org/ru/sections/un-charter/chapter-i/index.html> (accessed 17.11.2017).
2. *Vsemirnaya konferentsiya po korennykh narodam: istoriya voprosa* [World Conference on Indigenous Peoples: Background]. *Organizatsiya Obedennykh Natsii* [United Nations]. Available at: <http://www.un.org/ru/ga/69/meetings/indigenous/history.shtml> (accessed 20.11.2017).
3. *Mezhdunarodnoe desyatiletie korennykh narodov mira: Rezolyutsiya OON 48/163 ot 21 dekabrya 1993* [International Decade of the World's Indigenous People: UN Resolution 48/163 from December 21, 1993]. Available at: <http://www.un.org/ru/ga/48/docs/48res.shtml> (accessed 20.11.2017).
4. *Opodgotovke i provedenii Mezhdunarodnogo desyatiletiya korennykh narodov mira: Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 23.04.1994 №387 (utratilo silu s 26.07.2004)* [On the preparation and holding of the International Decade of the World's Indigenous Peoples: Resolution of the Government of the Russian Federation of April 23, 1994 No. 387 (expired on July 26, 2004)]. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of the legislation of the Russian Federation], 1994, no. 2, art. 120.
5. Suleymanov A.A. Indigenous peoples of the Arctic zone of Yakutia and the international scientific cooperation of the 90-ies of the XX Century. *Scientific problems of humanitarian studies*, 2009, no. 12–2, pp. 115–123 (in Russian).
6. *Programma «Ekonomicheskoe i sotsial'noe razvitie korennykh malochislennykh narodov Severa do 2008 goda»* [The program "Economic and social development of indigenous peoples of the North until 2008"]. *Federal'nye tselevyye programmy Rossii* [Federal target programs of Russia]. Available at: http://www.programs-gov.ru/2_1.php (accessed 20.11.2017).
7. Nikitin M.A. State national policy of the Russian Federation in relation to the indigenous peoples of the North in the context of the Russian Federation of the international decade of indigenous peoples of the world. *Vestnik of Samara State University*, 2008, no. 5/2 (64), pp. 281–288 (in Russian).
8. *Itoги Vserossiiskoi perepisi naseleniya 2010 goda v otnoshenii demograficheskikh i sotsial'no-ekonomicheskikh kharakteristik otdel'nykh natsional'nostei* [The results of census 2010 population in relation to demographic and socio-economic characteristics of individual nationalities]. *Federal'naya sluzhba gosudarstvennoi statistiki* [Federal state statistics service]. Available at: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/results2.html (accessed 17.11.2017).
9. *Gosudarstvennyi arkhiv Magadanskoi oblasti (GAMO)* [State Archive of the Magadan Region], f. R-451, op. 1, d. 147 (in Russian, unpublished).
10. *Gosudarstvennyi arkhiv Magadanskoi oblasti (GAMO)* [State Archive of the Magadan Region], f. R-451, op. 1, d. 662 (in Russian, unpublished).

УДК 625.1(571.6) «1943/1945»

OLGA PAVLOVNA ELANTSEVA

*Doctor of Historical Sciences,
Professor of the Department of Patriotic History and Archive Management,
School of Humanities Sciences, Far Eastern Federal University.
690922, Russian Federation, Vladivostok, Russky Island, Ajax Bay,
FEFU Campus, bld. F, A 402.
E-mail: elantseva.op@dvfu.ru*

Fast building of a new railway of the USSR to the Pacific coast: by photo documents of 1943–1945

It's the first time the author has attempted to systematize thematically photo documents of the history of fast built railway Komsomolsk – Sovetskaya Gavan (1943–1945). More than 15 thousand photos recorded the history of the new building work: the uniqueness of the engineering and geological characteristics of the construction area, the topographic and orographic situation. Also, they revealed professionally significant possible variants for passing the route. The photos turn on the spotlight on various excavations, loading-unloading and explosive, compressor and other types of work made by prospectors, designers, and builders, on the construction of artificial structures. Based on the unique material of central, regional and departmental archives, the author concludes that the presented photo documents are historical evidence setting new research objectives in order to better understand the history of the Great Patriotic War.

Keywords: *the Great Patriotic War, the history of the Far East, transport communications, lines of communications, the railway Komsomolsk – Sovetskaya Gavan, superfast construction, photos as a historical source.*

ОЛЬГА ПАВЛОВНА ЕЛАНЦЕВА

*Доктор исторических наук,
профессор департамента истории и археологии Школы гуманитарных наук
Дальневосточного федерального университета.
690922, Россия, г. Владивосток, о. Русский, п. Аякс, кампус ДВФУ, кор. F, а. 427.
Тел.: +7 (924) 247-75-78; e-mail: elantseva.op@dvfu.ru*

В статье впервые в российской историографии предпринята попытка тематической систематизации богатого информационного потенциала фотодокументов по истории сверхскоростного строительства дороги Комсомольск – Советская Гавань (1943–1945 гг.). Свыше 15 тыс. фотографий зафиксировали историю новостройки: своеобразие инженерно-геологической характеристики района строительства, топографическую и орографическую ситуацию, раскрыли профессионально значимые варианты прохождения трассы. Особый акцент фотодокументов, анализируемых в статье, приходится на выполнение изыскателями, проектировщиками и строителями разнообразных земляных, экскаваторных, погрузо-разгрузочных, взрывных, компрессорных и других видов работ; на возведение искусственных сооружений. Опираясь на уникальные материалы центральных, региональных и ведомственных архивов, автор делает вывод о том, что представленные фотодокументы являются историческими свидетельствами, позволяющими ставить новые исследовательские задачи в целях более полного понимания истории Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: *Великая Отечественная война, история Дальнего Востока, транспортные коммуникации, пути сообщения, железная дорога Комсомольск – Советская Гавань, сверхскоростное строительство, фотографии как исторический источник.*

Сверхскоростное строительство нового железнодорожного выхода СССР к Тихоокеанскому побережью: по фотодокументам 1943–1945 гг.

В годы Великой Отечественной войны резко обострилась необходимость усиления транспортных коммуникаций на Дальнем Востоке СССР. Станция Владивосток на Транссибе, связанная с морским портом, работала на пределе своих возможностей. Требовался относительно безопасный и стратегически выгодный железнодорожный выход к Тихоокеанскому побережью с тем, чтобы, с одной стороны, укрепить фронтную сеть железных дорог

Дальнего Востока, а с другой – установить оптимальные транспортные коммуникации материковой части Советского Союза с Камчаткой, Сахалином, Магаданом и иными восточными территориями.

21 мая 1943 г. Государственный комитет обороны (ГКО) СССР принял решение о сооружении первой очереди железнодорожной линии Комсомольск – Советская Гавань и морского порта в бухте Ванина. К организации работ по строительству железной

дороги и морских причалов следовало приступить немедленно [1, л. 22] с тем, чтобы подготовить и открыть временную эксплуатацию этих объектов в кратчайшие сроки – не позднее 1 августа 1945 г., то есть через два года и два месяца. По оценкам специалистов, даже в мирное время на выполнение этой задачи потребовался бы срок до пяти лет [2, л. 1]. Стройка получила официальное название «Строительство №500 НКВД СССР» [3, л. 135], а в обиходе чаще писали и говорили: «пятисотка».

Сооружение дороги и порта велось сверхскоростными методами, в исключительно тяжелых топографических условиях, в глухих безлюдных таежных местах, при острейшем дефиците ресурсов. Однако на фоне других железнодорожных строителей военного времени дальневосточная стройка была насыщена отечественной и иностранной техникой. Ее рациональное использование дало показатели, часто перекрывавшие не только отечественные, но и мировые рекорды. Не случайно главный инженер ГУЛЖДС НКВД СССР инженер-полковник А.К. Бакин в письме начальнику новостройки Ф.А. Гвоздевскому подчеркивал: «Опыт Строительства №500 в техническом и производственном отношении представляет исключительный интерес и особую ценность для ГУЛЖДС и для строительных организаций НКПС» [4, л. 1]; его необходимо было сделать достоянием широкого круга инженерно-технических и хозяйственно-административных работников и специалистов строительной отрасли.

Яркие страницы сверхскоростного строительства раскрывает комплекс различных документов, в том числе коллекции фотографий, объединенных в тематические фотоальбомы или включенных в квартальные, полугодовые и годовые отчеты «Строительства №500 НКВД СССР», отдельных подразделений новостройки, направляемых в ГУЛАГ НКВД СССР или секретарям Приморского и Хабаровского комитетов ВКП(б) Н.М. Пегову, Г.А. Боркову. Фотодокументы по интересующей нас теме сохранились в ряде центральных, региональных и ведомственных архивов Российской Федерации, в музеях Дальнего Востока, в личных архивах, например, в архиве В.Ф. Зуева (г. Комсомольск-на-Амуре).

Фотодокументы по истории «пятисотки» постепенно публикуются. Начало положил журнал «Отечественные архивы», поместивший на своих страницах ряд снимков [5, с. 91, 93, 95, 97]. В этом же году вышла из печати монография О.П. Еланцевой [6, с. Вкладка] с несколькими десятками фотографий. В 1996 г. была издана книга «Комсомольская магистраль: Очерки, воспоминания, статьи» [7], имевшая иллюстративный материал по интересующей нас теме. Ценнейшие фотографии нашли место в ряде работ В.Ф. Зуева [8, с. 140, 143, 144, 149, 151 и др.; 9, с. 13, 19, 20, 24]. Особый колорит изданиям этого автора придают не только малоизвестные фотографии производственных сторон деятельности строительства, но и многочисленные снимки руководителей и рядовых его участников: Ф.А. Гвоздевского, Б.И. Цвелодуба, П.К. Татаринцева, В.Е. Перегудова, Е.З. Вайншток,

М.В. Филимонова, Н.Н. Маккавеева, Н.И. Смолина, И.И. Пилина, В.В. Зализняка, С.Ф. Тархова, В.И. Кучера, А.Н. Калинина и многих других. В.В. Буркова опубликовала материалы по истории «Строительства №500 НКВД СССР» [10, с. 76, 77], снабдив их тремя снимками. Особо следует отметить книгу «Берег Отечества» [11, с. 35–37, 41], посвященную юбилею Ванинского порта и имеющую более десятка фотографий, отражающих историю «пятисотки». Фото-материал по военному прошлому железной дороги Комсомольск – Советская Гавань нашел отражение в ряде сборников документов Государственного архива Хабаровского края [12, с. Вкладка, фото №14, 15, 16, 18, 19; 13, с. 6; 14, с. 57]. Таким образом, в последние годы не только отдельные авторы, но и предприятия и учреждения обратили внимание на фотоматериал, раскрывающий историю сооружения дороги от Амура до берегов Тихого океана. Вместе с тем количество опубликованных фотографий невелико; к тому же они повторяются в разных изданиях.

В данной статье предпринята попытка оценить информационный потенциал фотодокументов 1943–1945 гг. с точки зрения показа сверхскоростного строительства нового (относительно уже имевшегося на Транссибе) железнодорожного выхода СССР к Тихоокеанскому побережью.

В ходе исследования удалось установить, что в 1943 г. при управлении строительством была организована особая группа специалистов-фотографов, состоявшая из двух человек, а в 1944–1945 гг., в связи с возросшими масштабами работ, – уже из четырех человек; при Сихотэ-Алинской экспедиции была создана специальная фотолаборатория с сотрудником-лаборантом [4, л. 27].

В задачи группы входило, во-первых, производство натурной фотосъемки работ на трассе и в порту, фиксация (по поручению руководителей) наиболее значимых моментов в производственных процессах изысканий и строительства, организации рабочей силы; во-вторых, лабораторная обработка заснятых материалов. В результате появилось свыше 15 000 фотоснимков, из них несколько сотен были включены в Технический проект строительства [подсчитано по данным: 15, л. 56 об.].

Сверхскоростными методами на «пятисотке» был выполнен колоссальный объем земляных работ. Именно эти работы сыграли решающую роль в обеспечении бесперебойного движения поездов и являлись наиболее трудоемкими. В 1943 г. объем земляных работ на «пятисотке» составил 231 тыс. м³, в 1944 г. – 9 016 тыс. м³, в 1945 г. – 6 160 тыс. м³. Таким образом, их общее количество за 1943–1945 гг. превысило 15,4 млн м³, в том числе 6,5 млн м³ – в скальных грунтах [15, л. 62].

В контексте наших рассуждений достаточно сослаться на то, что чрезвычайно сложная 475-километровая горно-таежная магистраль [1, л. 22] пересекала несколько перевалов. Исключительную трудность представляло преодоление Сихотэ-Алиня. Здесь на участке в 22 км нужно было устроить девять выемок глубиной более 30 м каждая, пять насыпей высотой

по 25 м и выше и один бортовой тоннель длиной около 400 м. Проектный объем земляных работ на перевале приближался в 2 млн м³. Закономерно, что многочисленные фотоснимки, с одной стороны, давали общую панораму, позволявшую представить неординарность требуемых инженерно-технических решений. Подписи под снимками гласили: «Горный хребет Сихотэ-Алинь. Перевал», «Хребет Сихотэ-Алиня в верховьях р. Косграмбо», «Вид на перевал км 204», «Хребет Сихотэ-Алинь» [16, л. 1, 21, 22, 27], «Главнейшее препятствие на пути прохождения трассы – горный хребет Сихотэ-Алинь» [17, л. 20].

С другой стороны, фотографии детализировали производственные процессы, например: «Перевал. Сеть автовозочных дорог для отсыпки насыпи 203 км» [17, л. 61], «Перевальный выемка. Зачистка откосов», «Западный портал тоннеля. Выкатка породы» [18, л. 33, 37], «Км 205. Отсыпка насыпи автовозкой (высота насыпи 24 метра)» [19, л. 27], «Отсыпка насыпи ПК 553 км 198», «Выемка “Пик”», «Отсыпка насыпи ПК 555 км 199» [16, л. 10, 11, 13].

Иными словами, фотоматериал фиксировал, сопровождал общие характеристики земляных работ: объемы насыпей и выемок, профильную и рабочую кубатуру работ, характеристику грунтов по категориям, по способам их разработки и транспортировки и др. Снимки, сделанные на Сихотэ-Алиньском перевале, демонстрировали все главнейшие сооружения с деталями оригинальных конструкций и установок. Они подчеркивали оправдавшие себя инженерно-технические идеи и подходы в области проектирования и производства работ, нацеленные на сверхскоростные темпы. Они указывали на практически круглосуточную производственную деятельность на «пятисотке». Фотографии прекрасно иллюстрировали наиболее эффективные методы труда на «пятисотке», использование новых механизмов и средств передовой отечественной и иностранной техники.

В выборе способов производства земляных работ основным аргументом служила не только технико-экономическая целесообразность того или иного способа, но нередко – количество механизмов, иных материальных ресурсов на строительстве, а с приходом укладки – наличие рельсового пути, позволявшего широко применять поездную возку грунта.

Не меньшее значение в организации сверхскоростного строительства дороги и морского порта приобрели взрывные работы. Это не только и не столько взрывы, применявшиеся при корчевке пней, добыче камня, разработке котлованов искусственных сооружений, хотя и они значительно облегчали и ускоряли производственные процессы. Важнее были мелкие взрывы рыхления породы зарядами, расположенными в шпурах и норах. Однако колоссально продвигали работы вперед взрывы третьего типа – взрывы массового рыхления породы в железнодорожных выемках и грунтовых карьерах и взрывы массового выброса породы из железнодорожных выемок. По нашим подсчетам, всего за 1943–1945 гг. взрывами разрыхлили и переместили свыше

9,4 млн м³ грунта, затратив на это 6 400 тонн аммониа [подсчитано по данным: 15, л. 81 об.].

Представление о технической и технологической подготовке взрывов, произведенном эффекте и результативности данного вида работ дают, допустим, такие снимки, как «Зарядка колодцев», «Джугжинский прижим. Подготовка к взрыву» [20, л. 20, 23], «Км 315. Мыс “Клеопатра”. Проходка взрывных штолен» [17, л. 82], «Км 371. Подача взрывчатки для зарядки минных колодцев», «Проходка штолен для взрыва Худяминского косогра» [21, л. 37, 44], «Км 323. Патахинский прижим. Зарядка взрывных штолен», «На перевальном участке км 201. Выемка на ПК 12-15 перед взрывом», «На перевальном участке км 201. Выемка на ПК 12-15 в момент взрыва (заряд 153 тонны)», «На перевальном участке км 201. Выемка на ПК 12-15 после взрыва (глубина выемки 28 метров)» [18, л. 15–18].

Сохранившиеся фотографии позволяют увидеть, как менялся характер взрывов: взрывы, произведенные в 1945 г., разительно отличаются от взрывов предыдущего года. В 1944 г. большой удельный вес имели крупные взрывы массового выброса и массового рыхления породы, а в 1945 г. центр внимания был перенесен на мелкие взрывы рыхления неглубокими колодцами, шпурами, норами и накладными зарядами. Это значительно ускоряло работы по укреплению откосов, не нарушая ритма движения поездов.

По мнению руководителей «Строительства №500 НКВД СССР» Ф.А. Гвоздевского, Б.И. Цвелодуба, П.К. Татаринцева, одной из главных задач успешного выполнения задания Государственного комитета обороны являлось внедрение на строительстве таких методов и способов организации работ, которые давали бы резкое уменьшение потребности в рабочей силе. Этого добивались, в частности, за счет широкого применения механизации трудоемких процессов производства.

Фотографии подтверждают, что, к примеру, весной 1944 г. на строительстве прошла апробацию, а летом уже была освоена механизированная экскаваторная погрузка грунта на железнодорожные вертушки, каждая из которых имела до двадцати платформ; разгрузку грунта стали производить бульдозерами. В эксплуатации находилось всего шесть вертушек, но и это позволяло выполнять высокие плановые показатели. Так, до пуска в работу бульдозеров разгрузка грунта с платформы занимала до двух часов с привлечением большого числа рабочих. Кстати, часть сохранившихся фотографий, например, снимок «Доставка поездами камня для отсыпки корневой части пирса №2» [22, л. 18] доносит до нас именно такие сюжеты. При применении бульдозерных вертушек время разгрузки сократилось до 12 минут почти при полном отсутствии грузчиков. Серия фотографий [18, л. 25; 19, л. 25; 23, л. 13 и др.] показывает усовершенствованный производственный процесс.

Немало фотографий 1943–1945 гг. дают яркое представление об организации экскаваторных работ на «пятисотке» ударными, боевыми темпами: «Экскаватор ЛК №184 в земляном карье-

ре» [23, л. 55], «Работа экскаватора “Керинг”-2445 в выемке 205 км» [17, л. 73], «Работа экскаватора ППГ в выемке», «Работа экскаватора “Ковровец” в скальном карьере», «Экскаватор “Лайм” разрабатывает канал по спрямлению реки В. Удоми» [19, л. 22, 24, 26].

Известно, что в практике довоенного железнодорожного строительства считалось обязательным условием при выборе карьеров и расстановке экскаваторов руководствоваться наличием сосредоточенных, больших объемов работ с расчетом максимального использования их по времени в одном карьере.

Экскаваторные работы на линии Комсомольск – Советская Гавань организовали по другому принципу, а именно по принципу частой передислокации экскаваторов на новые производственные объекты. В период путеукладочных работ использование экскаваторов было полностью подчинено директивному графику укладки железнодорожного пути. При этом дизельные экскаваторы как наиболее легкие быстро перебрасывались вперед, в новые, заблаговременно подготовленные карьеры; паровые же экскаваторы оставались на месте в старых карьерах, где продолжали работать с железнодорожным транспортом, оборудованным в своем большинстве бульдозерными вертушками.

Все в течение 1943–1945 гг. с помощью экскаваторов переместили 5,8 млн м³ грунта (или 40% от общего объема земляных работ на «пятисотке»), что составило 116% от директивных норм [24, л. 2] и, безусловно, способствовало сверхскоростным темпам строительства.

Существенную роль в механизации работ на строительстве железной дороги Комсомольск – Советская Гавань сыграло активное использование компрессоров на таких работах, как перфораторное бурение скального грунта, подача воздуха в кессоны, кладка металлических конструкций мостовых ферм и т. д. Только в 1945 г. на «Строительстве №500 НКВД СССР» с помощью компрессоров было пробурено 423 807 пог. м шпура при годовом задании 407 000 пог. м [5, л. 7 об., 8]. В отчетах «пятисотки» отмечалось, что производительность за один машино/час полезной работы компрессоров и их производительность за сутки превышала директивные нормы [5, л. 8].

Официальные документы содержат информацию об особенно тяжелых условиях бурения скал в штольнях и минных колодцах при подготовке массовых взрывов на глубине до 14 метров. Фотографий, зафиксировавших это, пока обнаружить не удалось. Вместе с тем ряд снимков – «Бурение шпуров в верхней штольне», «Компрессор», «Компрессор на Чепсарском прижиме» [21, л. 14, 18, 23] – раскрывают применение данных механизмов на устройстве полок на Зубковском, Джугжинском, Худоминском и других прижимах рек. Здесь с их помощью в 1944 г. пробурили около 100 тысяч пог. метров шпура.

Работы на компрессорах характеризовались большими трудностями. Достаточно отметить, что дороги к месту работ на прижимах отсутствовали. До весны 1944 г. строители пользовались зимником,

проложенным по р. Тумнин. В этом случае компрессоры устанавливались на льду, а полки разбивались в отвесных скалах на высоте до 30 метров. Данное обстоятельство заставляло форсировать работы с тем, чтобы к моменту вскрытия реки разработка полок была бы доведена до размеров, позволяющих установить на них работающие компрессоры. Однако часть компрессоров все же заканчивала свою работу в воде, которая появилась сверх льда до вскрытия Тумнина.

После освобождения реки ото льда производственная деятельность на прижимах, прежде всего на Джугжинском, осложнилась, но теперь уже потому, что из-за отсутствия дорог компрессоры оказались отрезаны от основной базы горюче-смазочных материалов. В течение полутора месяцев рабочие вынуждены были подносить горючее в бидонах на расстояние трех километров по чрезвычайно неудобным тропам, проходившим по сопкам.

В весенний период компрессоры использовались, будучи установленными на плотках. Но и здесь ярко проявилось «отягчающее» обстоятельство: стремительное горное течение Тумнина. Однако к такому способу вынуждены были прибегать, поскольку он обеспечивал передвижение компрессоров под отвесными скалами и позволял выполнить работы на прижимах в директивные, жестко ограниченные сроки.

Большое количество фотографий, сделанных на строительстве железной дороги Комсомольск – Советская Гавань в 1943–1945 гг., позволяют зримо представить возведение искусственных сооружений, в том числе мостов, лотков и водопропускных труб, причалов паромной переправы через Амур и портовых сооружений в бухте Ванина. В основе их проектирования и строительства находились суровые требования военного времени: строжайшая экономия металла и цемента и замена их другими материалами, чаще всего – древесиной. В 1944 г., например, на строящейся трассе возвели свыше 500 искусственных сооружений (ИССО), в том числе 85 деревянных мостов на лежнях общей длиной 1 657 пог. м, 33 деревянных моста рамнеряжевых и ряжевых (785 пог. м), 10 деревянных мостов на сваях (215 пог. м), 52 деревянные трубы (1 148 пог. м).

При организации строительства малых и средних искусственных сооружений учитывали как минимум три главных обстоятельства: специфику объемов работ на трассе, характер сооружений и расположение лесных массивов. Весомые положительные результаты как по темпам выполнения производственных заданий, так и по качеству возводимых сооружений получили, создав на «пятисотке» специализированные колонны. Там, где на трассе в районе возводимых ИССО отсутствовал пригодный в дело строевой лес, пошли по пути создания строительных дворов с малой механизацией по заготовке деталей искусственных сооружений. Доставка деталей к месту сборки производилась автотранспортом. Сборка сооружения (моста, водопропускной трубы и т. п.) велась «сквозными», специальными бригадами, переходившими с объекта на объект.

По фотографиям можно проследить новшества в процессе производства работ осенью 1944 г., когда Наркомат внутренних дел принял график форсированной укладки на центральной участке трассы Комсомольск – Советская Гавань. В тот период полное изготовление и пригонка деталей деревянных конструкций производились в стороне и только сборка – в пролете. Это давало возможность отдельные сооружения собирать на месте в рекордно короткие сроки.

Фотографии зафиксировали окончание укладки железнодорожного полотна на Сихотэ-Алиньском перевале 15 июля 1945 г. [8, с. 140, 143, 144 и др.; 25, л. 83–85]. Начальник «пятисотки» Ф.А. Гвоздевский выполнил почетную миссию – вбил символический, завершающий костыль в железнодорожное полотно, соединившее ст. Пивань на р. Амуре и порт Ванино на Тихоокеанском побережье.

Станционная площадка разъезда Кузнецовский на перевале была заполнена народом. Здесь собралось более трех тысяч человек – вольнонаемных и заключенных. Выемку украшали лозунги и портреты руководителей ВКП(б) и правительства СССР. На ее восточном склоне разместили написанный большими буквами лозунг «Слава Великому Сталину – организатору наших побед!»; наверху выемки – портреты членов политбюро ЦК ВКП(б), а у ее начала – доски показателей работы бригад выемки, щиты лучших экскаваторщиков, плакаты, производственные панно, т. е. все то, что показывало конкретный трудовой вклад всех и каждого в успех дела; на трибуне укрепили лозунг «Привет победителям Перевала!». Он как нельзя лучше отражал специфику июльского праздника «пятисотки». Часть фотографий отразила открытие сквозного движения поездов от Пивани до Ванино (19–21 июля 1945 г.). Первая очередь дороги Комсомольск – Советская Гавань с 20 июля 1945 г. начала работать, перевозить военные грузы.

Таким образом, за сравнительно малый отрезок времени – всего за двадцать два месяца – первая

очередь новой железнодорожной магистрали к Тихоокеанскому побережью СССР была сооружена, задание ГКО выполнено.

Сохранившийся исторический фотоматериал позволяет ярче, яснее увидеть и понять, ощутить особенности «пятисотки» с разных точек зрения: инженерно-геологической характеристики района прохождения трассы; топографической, орографической ситуаций; с позиций человеческого фактора, напряженного самоотверженного труда коллектива строителей и высокого инженерного мастерства.

В свое время богатый фотоматериал выступал в роли весомого аргумента в пользу того или иного варианта решения производственных вопросов, раскрывал профессионально значимые процессы и отдельные сюжеты изыскательских и строительных работ на ней. Продуманные, взвешенные подходы к решению организационно-технических и инженерных задач, проявление при этом ответственности и инициативы инженеров, техников, рядовых участников строительства и руководящего состава позволили вести строительство сверхударными темпами, не только выполнить, но и по многим позициям перевыполнить плановые задания, успешно реализовать ответственное задание Государственного комитета обороны.

В настоящее время фотодокументы о сверхскоростном строительстве нового железнодорожного выхода СССР к Тихоокеанскому побережью приобрели свою особую значимость с точки зрения исторических источников. В дошедших до нашего времени фотографиях сохраняется и передается история строительства, история человеческих судеб. Отрадно отметить востребованность фотодокументов «пятисотки» в научных, научно-публицистических целях. Это в немалой степени способствует сохранению исторической памяти нашего народа, истории Дальнего Востока России в годы Великой Отечественной войны. Однако главный массив фотодокументов «пятисотки» ждет своего исследователя.

Литература и источники

1. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 644. Оп. 1. Д. 119.
2. Объединенный ведомственный архив РЖД. Филиал «Дальневосточной железной дороги Комсомольское отделение» (ОВА РЖД ДВЖД). Ф. 1. Оп. 1/т. Д. 119.
3. РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 200.
4. ОВА РЖД ДВЖД. Ф. 1. Оп. 1/т. Д. 148.
5. Еланцева О.П. Из истории строительства железной дороги Комсомольск – Советская Гавань (1943–1945 гг.) // Отечественные архивы. 1995. №3. С. 90–100.
6. Еланцева О.П. Строительство №500 НКВД СССР: железная дорога Комсомольск – Советская гавань (1930–1940-е годы). Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1995. 100 с.
7. Комсомольская магистраль: Очерки, воспоминания, статьи. Хабаровск: Кн. изд-во, 1996. 192 с.: ил.
8. Зуев В.Ф. Байкало-Амурская – магистраль жизни. Хабаровск: Частная коллекция, 2004. 296 с.: ил.
9. Зуев В.Ф. Золотой фонд магистрали. Хабаровск: Частная коллекция, 2007. 192 с.: ил.
10. Буркова В.В. Строительство №500 // Железнодорожный транспорт. 2010. №2. С. 75–77.
11. Берег Отечества: ОАО «Ванинский морской торговый порт»: 65 лет. Хабаровск: ИД «Приамурские ведомости», 2008. 176 с.: ил.
12. БАМ: через годы, через расстояния. Сборник архивных документов по истории строительства Восточного участка Байкало-Амурской магистрали. Хабаровск: Частная коллекция, 2014. 568 с.: ил.
13. Комсомольск-на-Амуре. Страницы истории: Сборник документов об истории строительства и развития города

Комсомольска-на-Амуре / [сост.: А.В. Размахнина, Л.В. Салеева, М.В. Самылина, С.Г. Сухарева; ред. кол.: Т.А. Шевчик (гл. ред.) и др.]; Государственный архив Хабаровского края. Хабаровск: Изд-во Хворова А.Ю., 2012. 624 с.: ил.

14. Трудный путь к Победе: сборник документов Государственного архива Хабаровского края о Великой Отечественной войне (22 июня 1941 г. – 9 мая 1945 г.) и войне СССР с Японией (9 августа – 3 сентября 1945 г.) / [сост.: Л.А. Кривченко, И.Д. Морозова, Л.В. Салеева; ред. кол.: Т.А. Шевчик (гл. ред.) и др.]; Государственный архив Хабаровского края. Хабаровск: Частная коллекция, 2005. 543 с.

15. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 9407. Оп. 1. Д. 530.

16. ОВА РЖД ДВЖД. Ф. 1. Оп. 1/т. Д. 30.

17. Государственный архив Приморского края (ГАПК). Ф. П-68. Оп. 4. Д. 62.

18. Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). Ф. Ф-4. Оп. 2. Д. 8.

19. ГАПК. Ф. П-4287. Оп. 3. Д. 86.

20. Фотоальбом Сихотэ-Алиньской экспедиции. 1944 г. // Текущий архив Ленгипротранса.

21. ГАХК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 1719.

22. ОВА РЖД ДВЖД. Ф. 1. Оп. 1/т. Д. 32.

23. ГАПК. Ф. П-68. Оп. 4. Д. 63.

24. ГАРФ. Ф. 9407. Оп. 1. Д. 531.

25. ГАХК. Ф. П-1165. Оп. 1. Д. 111.

References

1. *Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv sotsial'no-politicheskoi istorii (RGASPI)* [Russian State Archive of Socio-Political History], f. 644, op. 1, d. 119.

2. *Ob'edinennii vedomstvennyi arkhiv RZhD. Filial «Dal'nevo-stochnoi zheleznoi dorogi Komsomol'skoe otdelenie» (OVA RZhD DVZhD)* [Joint departmental archive of Russian Railways. Branch of the Far Eastern Railway Komsomol], f. 1, op. 1/t, d. 119.

3. *Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv sotsial'no-politicheskoi istorii (RGASPI)* [Russian State Archive of Socio-Political History], f. 644, op. 1, d. 200.

4. *Ob'edinennii vedomstvennyi arkhiv RZhD. Filial «Dal'nevo-stochnoi zheleznoi dorogi Komsomol'skoe otdelenie» (OVA RZhD DVZhD)* [Joint departmental archive of Russian Railways. Branch of the Far Eastern Railway Komsomol], f. 1, op. 1/t, d. 148.

5. Elantseva O.P. *Iz istorii stroitel'stva zheleznoi dorogi Komsomol'sk – Sovetskaya Gavan' (1943–1945 gg.)* [From the history of the building of the railway Komsomolsk – Sovetskaya Gavan']. *Otechestvennye arkhivy* [Domestic archives], 1995, no. 3, pp. 90–100.

6. Elantseva O.P. *Stroitel'stvo №500 NKVD SSSR: zheleznyaya doroga Komsomol'sk – Sovetskaya Gavan' (1930–1940-e gody)* [Construction no. 500 of the NKVD of the USSR: the railway Komsomolsk – Sovetskaya Gavan' (1930–1940s)]. Vladivostok, FESU Publ., 1995, 100 p.

7. *Komsomol'skaya magistral': Ocherki, vospominaniya, stat'i* [Komsomolskaya main highway: Essays, memoirs, articles]. Khabarovsk, Kn. izd-vo Publ., 1996, 192 p., illustrated.

8. Zuev V.F. *Baikalo-Amurskaya – magistral' zhizni* [Baikal-Amur – highway of life]. Khabarovsk, Chastnaya kollektsiya Publ., 2004, 296 p.: illustrated.

9. Zuev V.F. *Zolotoi fond magistrali* [Gold fund of the highway]. Khabarovsk, Chastnaya kollektsiya Publ., 2007, 192 p., illustrated.

10. Burkova V.V. *Stroitel'stvo №500* [Building no. 500]. *Zheleznodorozhnyi transport* [Railway transport], 2010, no. 2, pp. 75–77.

11. *Bereg Otechestva: OAO «Vaninskii morskoi trgovyi port»: 65 let* [The Coast of the Fatherland: JSC Vanino Commercial Sea Port: 65 years]. Khabarovsk, Priamurskie vedomosti Publ., 2008, 176 p., illustrated.

12. *BAM: cherez gody, cherez rasstoyaniya. Sbornik arkhivnykh dokumentov po istorii stroitel'stva Vostochnogo uchastka Baikalo-Amurskoi magistrali* [BAM: through the years, through distances. Collection of archival documents on the history of the building of the Eastern section of the Baikal-Amur Mainline]. Khabarovsk, Chastnaya kollektsiya Publ., 2014, 568 p., illustrated.

13. *Komsomol'sk-na-Amure. Stranitsy istorii: Sbornik dokumentov ob istorii stroitel'stva i razvitiya goroda Komsomol'ska-na-Amure* [Komsomolsk-on-Amur. Pages of History: Collection of documents on the history about the building and development of the city of Komsomolsk-on-Amur]. A.V. Razmahina, L.V. Saleev, M.V. Samylnina, S.G. Sukhareva, T.A. Shevchik (eds.) and etc., the State Archive of Khabarovsk Krai. Khabarovsk, Khvorov A.Yu. Publ., 2012, 624 p., illustrated.

14. *Trudnyi put' k Pobede: sbornik dokumentov Gosudarstvennogo arkhiva Khabarovskogo kraia o Velikoi Otechestvennoi voine (22 iyunya 1941 g. – 9 maya 1945 g.) i voine SSSR s Yaponiei (9 avgusta – 3 sentyabrya 1945 g.)* [A difficult way to Victory: a collection of documents of the State Archive of Khabarovsk Krai about the Great Patriotic War (June 22, 1941 – May 9, 1945) and the war of the USSR with Japan (August 9 – September 3, 1945)]. L.A. Krivchenko, I.D. Morozova, L.V. Saleeva, T.A. Shevchik (eds.) and etc., the State Archive of Khabarovsk Krai. Khabarovsk, Chastnaya kollektsiya Publ., 2005, 543 p.

15. *Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii (GARF)* [State Archive of the Russian Federation], f. 9407, op. 1, d. 530.

16. *Ob'edinennii vedomstvennyi arkhiv RZhD. Filial «Dal'nevo-stochnoi zheleznoi dorogi Komsomol'skoe otdelenie» (OVA RZhD DVZhD)* [Joint departmental archive of Russian Railways. Branch of the Far Eastern Railway Komsomol], f. 1, op. 1/t, d. 30.

17. *Gosudarstvennyi arkhiv Primorskogo kraia (GAPK)* [The State Archive of Primorsky Krai], f. P-68, op. 4, d. 62.

18. *Gosudarstvennyi arkhiv Khabarovskogo kraia (GAKhK)* [The State Archive of Khabarovsk Krai], f. F-4, op. 2, d. 8.

19. *Gosudarstvennyi arkhiv Primorskogo kraia (GAPK)* [The State Archive of Primorsky Krai], f. P-4287, op. 3, d. 86.

20. *Fotoal'bom Sikhote-Alin'skoi ekspeditsii. 1944 g.* [Photo album of the Sikhote-Alin mountain expedition. 1944]. *Tekushchii arkhiv Lengiprotransa* [The current archive of Lengiprotrans].

21. *Gosudarstvennyi arkhiv Khabarovskogo kraia (GAKhK)* [The State Archive of Khabarovsk Krai], f. P-35, op. 1, d. 1719.

22. *Ob'edinennii vedomstvennyi arkhiv RZhD. Filial «Dal'nevo-stochnoi zheleznoi dorogi Komsomol'skoe otdelenie» (OVA RZhD DVZhD)* [Joint departmental archive of Russian Railways. Branch of the Far Eastern Railway Komsomol], f. 1, op. 1/t, d. 32.

23. *Gosudarstvennyi arkhiv Primorskogo kraia (GAPK)* [The State Archive of Primorsky Krai], f. P-68, op. 4, d. 63.

24. *Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii (GARF)* [State Archive of the Russian Federation], f. 9407, op. 1, d. 531.

25. *Gosudarstvennyi arkhiv Khabarovskogo kraia (GAKhK)* [The State Archive of Khabarovsk Krai], f. P-1165, op. 1, d. 111.

УДК 930: 656 (571.6) «1970/2017»

LIUDMILA MIKHAILOVNA MEDVEDEVA

*Doctor of Historical Sciences, Professor,
Department of Management,
Vladivostok State University of Economics and Service.
690014, Russian Federation, Vladivostok, Gogolya St., 41.
E-mail: medvedeva_l@mail.ru*

ALEXANDER VALENTINOVICH LAVRENTIEV

*Ph.D. in History, Associate Professor,
Department of Management,
Vladivostok State University of Economics and Service.
690014, Russian Federation, Vladivostok, Gogolya St., 41.
E-mail: lavrist@list.ru*

Domestic historiography of the transport development of the Russian Far East (1970s – 2017)

Transport of the Far East plays an important role in the development of the region and is one of the key factors in realizing its potential. The periods of the rise of social and economic transformations in the east of the country are connected with the implementation of large-scale transport projects. Domestic historiography includes a considerable number of works devoted to the history of rail, sea, river, automobile and air transport at different periods of time. The authors have done a great job of identifying new sources and modern interpretation of historical phenomena. They described the process of construction of communication routes, the functioning of transport enterprises and their role in providing transportation. Systematization and analysis of available works allowed to sum up some results of the research of transport subjects, to reveal tendencies and features of its studying at different time periods, to define new development guidelines.

Keywords: *historiography, the Russian Far East, the history of transport, the way of communication.*

ЛЮДМИЛА МИХАЙЛОВНА МЕДВЕДЕВА

*Доктор исторических наук, профессор кафедры управления,
Владивостокский государственный университет экономики и сервиса.
690014, Россия, г. Владивосток, ул. Гоголя, 41.
Тел.: +7 (902) 557-61-93, e-mail: medvedeva_l@mail.ru*

АЛЕКСАНДР ВАЛЕНТИНОВИЧ ЛАВРЕНТЬЕВ

*Кандидат исторических наук, доцент кафедры управления,
Владивостокский государственный университет экономики и сервиса.
690014, Россия, г. Владивосток, ул. Гоголя, 41.
Тел.: +7 (914) 676-37-87, e-mail: lavrist@list.ru*

Транспорт Дальнего Востока играет важную роль в развитии региона и выступает одним из ключевых факторов реализации его потенциала. Периоды подъема социально-экономических преобразований на востоке страны связаны с осуществлением масштабных транспортных проектов. Отечественная историография включает значительное количество работ, посвященных истории железнодорожного, морского, речного, автомобильного и авиационного транспорта в различные периоды времени. Авторы проделали большую работу по выявлению новых источников и современной интерпретации исторических явлений. Они описали процесс сооружения путей сообщения, функционирования транспортных предприятий и их роль в обеспечении перевозок. Систематизация и анализ имеющихся трудов позволили подвести некоторые итоги исследования транспортной тематики, выявить тенденции и особенности ее изучения в различные периоды времени, определить новые ориентиры развития.

Ключевые слова: *историография, российский Дальний Восток, история транспорта, пути сообщения.*

Отечественная историография транспортного развития российского Дальнего Востока (1970-е – 2017 г.)

Состояние и развитие транспорта Дальнего Востока – это один из ключевых факторов реализации не только регионального и национального потенциала, но и удовлетворения геополитических интересов страны. Периоды подъема социально-экономических преобразований в регионе связаны с осуществлением масштабных транспортных проектов, и в настоящее время обеспечение внутренних и внешних коммуникаций играет важнейшую роль в проведении государственной политики на Дальнем Востоке и удовлетворении потребностей населения.

Проблема транспорта и его значения в развитии России нашла заметное отражение в отечественной научной литературе. Имеется немало трудов посвященных железнодорожному, морскому, авиационному, автомобильному и другим видам транспорта. Транспортная тематика особенно активно разрабатывалась экономистами и представителями технических специальностей, для которых центральными были задачи выявления эффективности и перспективности эксплуатации путей сообщения и средств передвижения. Исторический аспект проблемы также нашел отражение в научной литературе.

Для анализа историографии принципиальное значение имеет время ее появления. Публикации советского периода объединены общими идеями преимуществ социалистического строительства, поэтому им присуще обоснование поступательного развития транспорта в СССР и частного, локального характера негативных явлений. В то же время исследователи внесли большой вклад в изучение различных периодов развития транспорта, основываясь на внушительном по своим качественным и количественным характеристикам массиве фактического материала. В их трудах содержится обширная информация о сооружении путей сообщения, формировании кадров, техническом оснащении предприятий, объемах перевозок. В публикациях Г.А. Куманева [1], Б.А. Вайнера, Н.Н. Малахова, Д.В. Буковецкого [2], Г.А. Чистякова [3], Ю.А. Долматовского [4] и других авторов представлена картина создания транспортной системы страны, отражен вклад в ее функционирование талантливых руководителей и выдающихся работников отрасли. Данные о региональной транспортной системе в указанных исследованиях представлены фрагментарно, в контексте общегосударственного развития коммуникаций.

Популярной для дальневосточной тематики проблеме посвящена монография Д.В. Залужской [5], в которой описывается история крупнейшей железнодорожной линии страны – Транссибирской магистрали – от начала ее строительства до второй половины 1970-х гг. Из книги можно почерпнуть многочисленные сведения о развитии трассы и деятельности железнодорожников, процессе технического совершенствования дороги и роста ее производительности. В традиционной для времени

написания книги манере показана работа партийных организаций.

Несмотря на строгие рамки теоретико-методологического характера, дальневосточные исследователи В.В. Даниленко [6], В.П. Бянкин [7], А.Г. Проскурякова [8], и другие представили в своих трудах ценные данные по истории регионального транспорта, отметили его роль в системе жизнеобеспечения населения и экономики Дальнего Востока. В.П. Бянкин рассмотрел развитие русского торгового мореплавания на Дальнем Востоке с 1860 по 1925 г. Существенен его вклад в изложение истории Добровольного флота. Из книги можно почерпнуть сведения об его организации, составе, численности, участии в перевозках. Работа В.П. Бянкина дает возможность проследить важные отправные точки эволюции советского морского транспорта в регионе и его преобразований в 1922–1925 гг.

А.Г. Проскурякова предложила периодизацию процесса формирования и развития транспортной системы Дальнего Востока. Она рассмотрела проблему с точки зрения экономической целесообразности. Особенностью этапа 1932–1940 гг. автор называет отсутствие в нем относительного равновесия между потребностями народного хозяйства в перевозках и возможностями транспортной системы. Правомерен вывод автора о том, что широкое применение переходных и упрощенных типов строительства позволило в достаточно короткие сроки сформировать транспортную сеть при минимальных затратах и освоить грузопотоки, однако ориентация на осуществление облегченных проектов осложнила последующую эксплуатацию сети [8, с. 111]. Несмотря на то, что А.Г. Проскурякова абстрагируется от антисоциальной сущности методов ускоренного развития транспортной системы региона, ее критические замечания точно характеризуют целый ряд происходивших в 30-е гг. экономических процессов.

Всплеск исследовательского интереса авторов к истории транспорта инициировало сооружение Байкало-Амурской железнодорожной магистрали. В.А. Ламин [9], в рамках оригинальной авторской концепции, на фоне исторических событий, связанных с освоением Сибири и Дальнего Востока, дал оценку идеям и проектам транспортного развития восточных территорий. На основе изучения широкого круга источников, значительную часть которых составили материалы текущих архивов строительных и других организаций, А.П. Деревянко осветил историю сооружения БАМа в контексте масштабных планов социально-экономического развития прилегающей к ней зоны [10]. В силу того, что ответственную роль в осуществлении строительства магистрали играли партийные и комсомольские органы, их участию уделялось много внимания в публикациях, посвященных БАМу [11–14]. В монографии В.М. Федина [15] нашла отражение деятельность краевых, областных и республиканских партийных и комсомольских органов по

развертыванию всесоюзного шефства над сооружением дороги. Особое внимание уделялось трудностям создания и сплочения коллектива строителей. Автор вполне обосновано указывал на то, что необходимо сохранять созданные трудовые коллективы для последующего освоения районов Сибири и Дальнего Востока. Исследователи отметили, что ореол ударной комсомольской стройки сыграл значительную роль в повышении трудовой активности строителей и выполнении грандиозного проекта [16–18].

Во второй половине 1980-х гг. в исторической науке постепенно поднимается критическая волна, направленная на пересмотр общественных приоритетов и ценностей, а вместе с тем и методологических основ исследовательской деятельности. Однако выявление и разработка новых подходов к прочтению исторического прошлого потребовала времени и не сразу отразилась на результатах исследований. В транспортной тематике доминировал интерес к развитию магистральных сообщений на Дальнем Востоке, которые имели стратегическое значение для региона, связывая его с европейской частью страны. Вследствие этого недостаточно внимания уделялось изучению процесса формирования пассажирских направлений, условий создания внутренних социально-ориентированных коммуникаций региона.

Накопленные учеными материалы воплощались в обобщающие труды по истории транспорта [19–23]. Так Е.В. Алтунин исследовал историю становления и развития гражданской авиации Восточной Сибири и Дальнего Востока в 1923–1945 гг. Он продемонстрировал глубокое понимание проблем авиаторов, специфики их работы в экстремальных условиях сурового климата и технического несовершенства воздушного флота [24]. Автор восстановил события строительства воздушной трассы Красноярск – Уэлькаль и транспортировки самолетов из США в СССР. Также истории авиации, но в более узких географических рамках посвящена работа А.С. Шкурина [25], который обратился к ретроспективе развития отрасли в Приморском крае.

В 90-е гг. XX в. российские ученые пересмотрели многие сюжеты исторического прошлого страны, используя новые теоретические подходы и методы научного анализа. Отправной точкой для концептуальных построений нередко служили воззрения зарубежных авторов, труды которых получили свободное хождение в России. В связи с повышением доступности ранее закрытых архивных источников, возможностью высказать независимое мнение, авторы обратились к рассмотрению вопросов, связанных с наиболее мрачными страницами истории СССР, и активно публиковали материалы, компрометирующие советский строй.

Предметом пристального внимания исследователей стала тема репрессий, исправительно-трудовых лагерей и использования труда заключенных в хозяйственной деятельности, в частности, на строительстве транспортных объектов. На базе вновь открывшихся архивных данных О.П. Еланцева [26–28]

исследовала историю строительства БАМА, вторых путей Транссибирской магистрали и линии Комсомольск – Советская гавань в 1930–1940-е гг. Труды автора отличаются подробным описанием событий, характеристиками участников, сделанными на основе тщательного изучения источников.

Работы В.Ф. Зуева [29–30] несут в себе информацию об изыскателях, строителях и содержат уникальный иллюстративный материал. М. Кузьмина посвятила свою книгу сооружению силами заключенных и спецпоселенцев нефтепровода Оха (на Сахалине) – Циммермановка (на Амуре). Указанные исследования показали, как формировалась транспортная система Дальнего Востока посредством реализации специфических методов, свойственных тоталитарному режиму [31].

Среди вышедших в конце 1990-х – начале 2000-х гг. изданий немало трудов, охватывающих длительные периоды истории транспорта. Авторы исследовали поэтапное развитие транспорта [32–34]. Вовлекая в научный оборот новые источники информации, они расширили не только хронологические, но и содержательные рамки исследуемых вопросов.

Заметным вкладом в историографию дальневосточного транспорта стала монография М.А. Ковальчука, который исследовал период со второй половины XIX в. по июнь 1941 г. Она представляет собой многоплановый труд, посвященный морскому, железнодорожному и речному транспорту. Автор изучил вопросы технического развития и правового регулирования транспорта, формирования кадров, жизненного уровня и правового положения транспортников. Прделав кропотливую работу, автор показал динамику количественных показателей работы транспорта и роста протяженности путей сообщения [35].

Начальный этап реформирования железнодорожного транспорта на Сахалине в первой половине 1990-х гг. исследуется в монографии историка А.И. Костанова [36]. Автором проанализированы антикризисные меры, предпринятые на министерском и местном уровнях управления для социально-экономической поддержки отрасли. В работе рассмотрен процесс установления тесных связей по обмену профессиональным опытом российских железнодорожников с коллегами с соседнего японского острова Хоккайдо, что являлось одним из важных звеньев в налаживании международного сотрудничества с зарубежными странами, бывшими в силу советской идеологии закрытыми для активных контактов.

Широкий взгляд на проблемы формирования и развития транспортной системы продемонстрировали авторы книги «Глобальный трек: развитие транспортной системы на востоке страны» В. Ламин, В. Пленкин и В. Ткаченко [37]. Основываясь на анализе теории и практики США и стран Западной Европы, они справедливо отметили, что каждый вид транспорта на пути к экономически обусловленному месту в структуре современных коммуникаций прошел через различные фазы развития:

от становления через апогей лидирующей роли до стабилизации удельного веса и абсолютного значения в общей массе грузооборота. Авторы развивают мысль о том, что в процессе формирования транспортной системы происходит смена лидирующего положения различных видов транспорта в исторически сложившейся последовательности: внутренний водный – железнодорожный – автомобильный [37, с. 12]. Содержащиеся в книге критические оценки сложившейся на востоке страны транспортной системы и поиск наиболее рациональных тенденций ее развития внесли новизну в представления о целесообразности схемы коммуникаций и месте отдельных видов транспорта в экономике и обслуживании населения.

Серия вышедших в конце 1990-х – 2000-е гг. трудов была приурочена к юбилейным датам [38–41]. Авторы, в основном из числа специалистов, имевших большой стаж работы в системе транспортных предприятий, учитывая особый характер публикаций, не формулировали глубоких научных выводов, но проиллюстрировали свои работы ярким и разнообразным фактическим материалом о достижениях в транспортной сфере, ветеранах, руководителях и передовиках отрасли.

Авторы В.В. Зеленцов, У.В. Ежеля, М.А. Ковальчук [42–43], А.В. Лаврентьев, Л.М. Медведева, И.П. Тесельская, Ю.И. Ципкин [44] руководствовались фундаментальным подходом к исследованию истории транспорта. Л.М. Медведева рассмотрела развитие транспорта и путей сообщения во взаимосвязи с проблемами заселения и хозяйственного освоения региона в 1920–1930-е гг. [45], а также его преобразование и роль в решении задач военного и гражданского назначения в период Великой Отечественной войны [46]. Исследовав историю дальневосточных морских сообщений в течение второй половины XX в., В.В. Зеленцов [47] один из разделов своей монографии посвятил реорганизации транспортной отрасли в 1990-е гг. Функционирование морского транспорта автор рассмотрел на фоне реализации государственной целевой программы поддержки отечественного торгового флота. Основываясь на изучении зарубежного опыта, автор высказал практические рекомендации относительно приватизации транспорта. А.В. Лаврентьев [48] расширил историографию малоизученной части транспортной тематики, относящейся к истории автомобильного транспорта на Дальнем Востоке. Он также проследил процесс формирования транспортной отрасли в течение сложного периода ее перехода к новым формам собственности и рыночным отношениям, показав его своеобразие и трудности.

Социальные последствия в ходе реструктуризации и акционирования железнодорожной системы страны в 1990-е – начале 2000-х гг. нашли свое отражение в книге У.В. Ежеля [49]. Историком приводятся неопубликованные прежде сведения о размерах заработной платы, оптимизации кадровой структуры, показателях сферы охраны труда в подразделениях Дальневосточной железной дороги.

Дальневосточные историки разрабатывали различные аспекты транспортной тематики с точки зрения ее актуальности и возможности исторических аналогий. В работах Н.А. Троицкой [50] и Н.А. Беляевой [51–52] проанализированы условия и результаты использования режима порто-франко на Дальнем Востоке в конце XIX – начале XX вв. Уникальные архивные материалы, их скрупулезный авторский анализ позволили высветить преимущества и проблемы исторического опыта применения инструментов протекционизма, их влияния на экономическое положение и работу транспортно-логистической системы региона. Представленные авторами данные позволили провести историческую параллель с применением особого таможенного режима в современных условиях.

В последнее десятилетие интерес ученых к транспортной тематике возрос в связи с повышенным вниманием со стороны государства к развитию Дальневосточного региона. В потоке научной литературы, где преобладают работы касающиеся экономики, управления, технического оснащения и эксплуатации транспорта, заметны и труды исторической направленности. Авторы продолжили исследование малоизученных исторических сюжетов и пересмотр трактовок событий прошлого, руководствуясь современными методологическими установками и принципами. Их труды свидетельствуют о стремлении расширить представления в области ранее рассматривавшихся вопросов и проявлении интереса к относительно новым фактам и оставшимся без должного внимания тенденциям.

Авторы вновь и вновь обращаются к проблемам сооружения транспортных линий на Дальнем Востоке, характеризуя предпосылки, условия проектирования и осуществления строительства, становления и развития предприятий транспорта [53–54]. Продолжается изучение истории строительства железных дорог, которая обогащается новыми фактами и оригинальными выводами. О.Н. Солдатова посвятила свою статью истории изыскания и проектирования БАМа в 1887–1932 гг. [55]. Актуализация проблемы повышения интенсивности движения по Северному морскому пути привела к появлению ряда работ, в которых историческая ретроспектива его освоения в 1930-е гг. переплетается с насущными вопросами и перспективами деятельности флота в сложных природно-климатических зонах [56–58].

Одна из важнейших выполняемых транспортом функций – обеспечение международных связей. Изучение этого аспекта в историческом ракурсе способствовало появлению наполненных интересными фактами и трактовками публикаций, отражающих деятельность транспортных организаций в различные периоды времени. Авторы затронули проблему транспортного обеспечения на Дальнем Востоке внешних торгово-экономических связей, осуществления поставок по ленд-лизу в годы Великой Отечественной войны [59–62].

Несомненно, не могли остаться без внимания события новейшей истории дальневосточного

транспорта. Авторы подвергли анализу стратегию транспортного развития региона и механизмы ее реализации, отметили их изменения под воздействием внутренних и внешних причин, проследили итоги осуществления ключевых проектов. В их трудах нашли отражение результаты транспортного обеспечения населения и экономики Дальнего Востока [63–64]. Авторский интерес распространился на неисследованные области истории транспорта и связанных с ним отраслей. В публикациях А.В. Усова через призму реформирования морского транспорта отражены результаты анализа деятельности морских спасательных служб Дальневосточного региона [65–66].

В целом в рассматриваемый период была проделана огромная работа по развитию исторического знания. Она осложнилась разрушением стереоти-

пов и поиском более совершенных понятий, существенных подходов и средств анализа источников и информации. Советская историография, несмотря на ее идеологический конформизм, послужила фундаментом для трансформации исследований в современную генерацию научной литературы критического характера. Авторы выявили и переосмыслили существенный объем исторического материала и продвинулись в сторону объективного постижения прошлого, сделали новый виток в систематизации и освещении исторических событий. Несмотря на полученные результаты, имеется значительный потенциал для дальнейшего исследования истории дальневосточного транспорта. Не завершилась переоценка событий прошлого, и динамичные изменения, происходящие в отрасли, дают ученым новый материал для работы.

Литература и источники

1. Куманев Г.А. На службе фронта и тыла: Железнодорожный транспорт СССР накануне и в годы Великой Отечественной войны. 1938–1945. М.: Наука, 1976. 456 с.
2. Вайнер Б.А., Малахов Н.Н., Буковецкий П.М. История советского морского транспорта: в 2-х томах. Т. 1: 1917–1945. Вып. 4: Развитие морского транспорта в период победы социализма и упрочения социалистического общества (1933 – июнь 1941 г.). М.: ЦБНТИ ММФ, 1979. 228 с.
3. Вайнер Б.А., Чистяков Г.А. История советского морского транспорта: в 2-х томах. Т. 1: 1917–1945. Вып. 5: Советский морской транспорт в Великой Отечественной войне (1941–1945 гг.). М.: ЦБНТИ ММФ, 1979. 212 с.
4. Долматовский Ю.А. Автомобиль за 100 лет. М.: Знание, 1986. 235 с.
5. Залужская Д.В. Транссибирская магистраль: (ее прошлое и настоящее). М.: Мысль, 1980. 287 с.
6. Даниленко В. Крылья Дальнего Востока. Хабаровск: Кн. изд-во, 1972. 191 с.
7. Бянкин В.П. Русское торговое мореплавание на Дальнем Востоке (1860–1925 гг.). Владивосток: Дальневост. кн. изд-во, 1979. 255 с.
8. Проскурякова А.Г. Особенности и тенденции формирования и развития регионального транспорта Дальнего Востока // Региональные экономические проблемы развития транспортной системы Дальнего Востока. Владивосток: ДВНЦ АН СССР, 1982. С. 9–19.
9. Ламин В.А. Ключи к двум океанам. Хабаровск: Кн. изд-во, 1981. 256 с.
10. Деревянко А.П. Строительство Байкало-Амурской железнодорожной магистрали (1974–1982 гг.): исторический опыт. Владивосток: ДВНЦ Ин-т истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока, 1983. 252 с.
11. Аникин Н.И. Стройка века. М.: Транспорт, 1976. 128 с.
12. Тяжелников Е.М. Комсомольская магистраль: сб. ст. М.: Мол. гвардия, 1976. С. 60–79.
13. Беляев И.Ю. Шефство Хабаровской краевой комсомольской организации над строительством Восточного участка БАМа // Социально-экономические проблемы строительства БАМа: сб. ст. Владивосток: ДВНЦ АН СССР, 1980. С. 119–127.
14. Филиппов Д. По мандату эпохи. Хабаровск: Кн. изд-во, 1980. 142 с.
15. Федин В.М. Ведущая сила БАМа. Хабаровск: Кн. изд-во, 1984. 271 с.
16. Загорский Б.М. Социалистическое соревнование на Байкало-Амурской магистрали. М.: Транспорт, 1980. 112 с.
17. Старин Б.С. Социалистическое соревнование строителей БАМа. Улан-Удэ: Бурятское кн. изд., 1983. 32 с.
18. Медведева Л.М. Трудовая и политическая активность строителей Байкало-Амурской железнодорожной магистрали (1974–1984 гг.). М.: Наука, 1988. 140 с.
19. Транспорт страны Советов. Итоги за 70 лет и перспективы развития. М.: Транспорт, 1987. 312 с.
20. Жуков Е.А. Транспортный комплекс в структуре народного хозяйства. М.: Наука, 1990. 160 с.
21. Зотов Д.К., Ушаков С.С. Проблемы развития транспорта СССР. М.: Транспорт, 1990. 304 с.
22. Шугуров Л.М. Автомобили России и СССР. М.: ИЛБИ, Часть первая, 1993. 256 с.; Часть вторая, 1994. 158 с.
23. Пузырев В.П., Скугарев В.Д., Басов А.В. и др. Под флагом России: История зарождения и развития морского флота. М.: Согласие, 1995. 568 с.
24. Алтуниев Е.В. Очерки истории гражданской авиации Восточной Сибири и Дальнего Востока (1923–1945). Иркутск: Изд-во Иркутск. ун-та, 1990. 268 с.
25. Шкурин А.С. История развития гражданской авиации в Приморском крае. Владивосток: Изд-во ДВГТУ, 1994. 76 с.
26. Еланцева О.П. Кто и как строил БАМ в 30-е годы // Отечественные архивы. 1992. №5. С. 71–81.
27. Еланцева О.П. БАМ: первое десятилетие // Отечественные архивы. 1994. №6. С. 89–103.
28. Еланцева О.П. Строительство №500 НКВД СССР: железная дорога Комсомольск – Советская Гавань (1930–40-е годы). Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1995. 98 с.
29. Зуев В.Ф. Линия ВОЛК // Дальневосточное ожерелье. Комсомольск-на-Амуре: Приамурское геогр. общ-во, 1997. С. 58–86.
30. Зуев В.Ф. Первопроходцы восточных магистралей России. Хабаровск: Изд. дом «Частная коллекция», 2001. 352 с.
31. Кузьмина М. Строительство №15: нефтепровод. Комсомольск-на-Амуре: Кн. изд-во, 2000. 155 с.

32. Контаев В.А. Отечественный торговый флот в период с 1946 по 1985 г.: история развития; техническая политика. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2000. 110 с.
33. Новосельцев Б.Ф., Ефремов Н.А., Воронцов В.М., Поспелов В.И. Внутренний водный транспорт. М.: Рос. реч. регистр., 2006. 221 с.
34. Транспорт России: исторические очерки: в 4 т. Т. 4 / под общ. ред. Т.Л. Пашковой. М.: ПАН ПРЕСС, 2009. 541 с.
35. Ковальчук М.А. История транспорта Дальнего Востока России (вторая половина XIX в. – июнь 1941 г.): в 2 кн. Хабаровск: Упр-е ДВЖД, Приамурское геогр. о-во, ХГТУ, 1997. Кн. 1. 167 с.; Кн. 2. 153 с.
36. Костанов А.И. Самая восточная дорога России: очерки истории Сахалинской железной дороги. М.: Транспорт, 1997. 218 с.
37. Ламин В., Пленкин В., Ткаченко В. Глобальный трек: Развитие транспортной системы на востоке страны. Екатеринбург: УрО РАН, 1999. 197 с.
38. Сергеев Г.И. Счисление пройденного пути: документальные очерки. Благовещенск: [б. и.], 1999. 232 с.
39. Морские ворота Колымы. Магаданскому морскому торговому порту 70 лет. Хабаровск: Изд. дом «Приамурские ведомости», 2003. 64 с.
40. Берсенев В.Г. 150 лет русского судоходства на Амуре. Комсомольск-на-Амуре: Кн. изд-во. 2005. 560 с.
41. ДВМП: рейс длиною в 125 лет. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2005. 267 с.
42. Ковальчук М.А. Исторический опыт формирования транспортной отрасли Дальнего Востока России: (70-е гг. XIX в. – июнь 1941 г.). Хабаровск: Изд-во ДВГУПС, 2003. 193 с.
43. Ковальчук М.А. Грунтовые дороги Дальнего Востока России: (середина XVII – начало XX веков). Хабаровск: Изд-во ДВГУПС, 2005. 165 с.
44. Тесельская И.П., Ципкин Ю.Н., Ежеля У.В. Железные дороги советского Дальнего Востока в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). Хабаровск: Изд-во ДВГУПС, 2014. 193 с.
45. Медведева Л.М. Развитие транспорта и его роль в освоении Дальнего Востока СССР (20–30-е годы XX века). Владивосток: Дальнаука, 2002. 244 с.
46. Медведева Л.М. Транспорт Дальнего Востока СССР в годы Великой отечественной войны (1941–1945 гг.). Владивосток: Дальнаука, 2005. 152 с.
47. Зеленцов В.В. Морской транспорт Дальнего Востока во второй половине XX века. Владивосток: Дальнаука, 2003. 239 с.
48. Лаврентьев А.В. Развитие транспорта на Дальнем Востоке России (сер. 1980-х годов – нач. XXI века). Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2014. 227 с.
49. Ежеля У.В. Дальневосточная железная дорога во второй половине XX века: свершения, проблемы и их решение (социально-экономический аспект). Хабаровск: Изд-во ДВГУПС, 2009. 111 с.
50. Троицкая Н.А. Тоска о порто-франко. Из истории таможенной политики на русском Дальнем Востоке // Россия и АТР. 1995. №4. С. 48–50.
51. Беляева Н.А. От порто-франко к таможене. Очерк региональной истории российского протекционизма. Владивосток: Дальнаука, 2003. 214 с.
52. Беляева Н.А. Порто-франко в системе российской таможенной политики (к 150-летию введения порто-франко во Владивостоке) // Вестник ДВО РАН. 2013. №1. С. 55–64.
53. Поздняков А.Ф. Портовое строительство на севере Дальнего Востока СССР (1920-е – 1940-е гг.) // Вестник Северо-Восточного научного центра ДВО РАН. 2009. №2. С. 100–107.
54. Ярошенко А.А. Гражданская авиация Дальнего Востока РСФСР: становление, развитие, управление (1929–1941 гг.) // Власть и управление на Востоке России. 2009. №1. С. 193–198.
55. Солдатова О.Н. К вопросу об истории изысканий и проектирования Байкало-Амурской магистрали. 1887–1932 гг. // Всеобщая история. 2016. №1. С. 3–13.
56. Медведева Л.М., Лаврентьев А.В. Северный морской путь: опыт освоения и перспективы развития // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2014. №2. С. 23–29.
57. Веретенников Н.П., Геращенко Л.В., Горячевская Е.С. Северный морской путь: история, экономика, политика, безопасность // Геополитика и безопасность. 2015. №2. С. 88–94.
58. Наумов Ю.А. Дальневосточные порты в системе Северного морского пути: история освоения, современное состояние и перспективы развития // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2017. №3. С. 133–144.
59. Боякова С.И. Ленд-лиз и Якутия: плавание на восточном участке Северного морского пути в годы Великой Отечественной войны // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2015. №1. С. 6–11.
60. Романова Г.Н. Экономические связи СССР и Китая в сфере железнодорожного транспорта в 30–40-е гг. XX в. // Россия и АТР. 2015. №2. С. 139–156.
61. Быстрова И.В. СССР и США: сотрудничество на авиатрассе Аляска – Сибирь (1941–1945 гг.) // Гуманитарные науки в Сибири. 2016. Т. 23. №1. С. 77–83.
62. Устюгова О.А. Дальний Восток России в системе внешнеторговых связей накануне и во время революций 1917 г. // Россия и АТР. 2017. №3. С. 25–35.
63. Лаврентьев А.В. Основные этапы политики транспортного освоения Дальнего Востока России их результаты (вторая половина 1980-х – начало 2000-х гг.) // Российский научный журнал. 2015. №4. С. 52–56.
64. Медведева Л.М., Лаврентьев А.В. Стратегии транспортного развития Дальнего Востока и их реализация в новейшей истории России (2000–2015 гг.) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. №11. С. 113–116.
65. Усов А.В. Госморспасслужба России: условия создания и перспективы развития // Актуальные проблемы гуманитарных наук и образования в социокультурном пространстве АТР: материалы междунар. науч.-исслед. семинара. Владивосток, 2013. С. 84–94.
66. Усов А.В. Исторический опыт развития и деятельность Государственной морской спасательной службы Дальневосточного бассейна России (1991–2014): источниковая основа исследования // Теория и практика общественного развития. 2015. №5. С. 80–84.

References

1. Kumanev G.A. *Na sluzhbe fronta i tyla: Zheleznodorozhnyi transport SSSR nakanune i v gody Velikoi Otechestvennoi voiny. 1938–1945* [At the service of the front and rear: Railway transport of the USSR on the eve and during the Great Patriotic War. 1938–1945]. Moscow, Nauka Publ., 1976, 456 p.

2. Vainer B.A., Malakhov N.N., Bukovetskii P.M. *Istoriya sovetskogo morskogo transporta: v 2-kh tomakh. T. 1: 1917–1945. Vyp. 4: Razvitie morskogo transporta v period pobedy sotsializma i uprocheniya sotsialisticheskogo obshchestva (1933 – iyun' 1941 g.)* [The history of Soviet maritime transport: in 2 volumes. Vol. 1: 1917–1945. Issue 4: The development of maritime transport in the period of the victory of socialism and the consolidation of the socialist society (1933 – June 1941)]. Moscow, Central Bureau of Scientific and Technical Information of the Ministry of the Navy, 1979, 228 p.
3. Vainer B.A., Chistyakov G.A. *Istoriya sovetskogo morskogo transporta: v 2-kh tomakh. T. 1: 1917–1945. Vyp. 5: Sovetskii morskoi transport v Velikoi Otechestvennoi voine (1941–1945 gg.)* [The history of Soviet maritime transport: in 2 volumes. Vol. 1: 1917–1945. Issue 5: Soviet maritime transport in the Great Patriotic War (1941–1945)]. Moscow, Central Bureau of Scientific and Technical Information of the Ministry of the Navy, 1979, 212 p.
4. Dolmatovskii Yu.A. *Avtomobil' za 100 let* [A car for 100 years]. Moscow, Znanie Publ., 1986, 235 p.
5. Zaluzhskaya D.V. *Transsibirskaya magistral': (ee proshloe i nastoyashchee)* [Trans-Siberian Railway: (its past and present)]. Moscow, Mysl' Publ., 1980, 287 p.
6. Danilenko V. *Kryl'ya Dal'nego Vostoka* [Wings of the Far East]. Khabarovsk, Knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1972, 191 p.
7. Byankin V.P. *Russkoe torgovoe moreplavanie na Dal'nem Vostoke (1860–1925 gg.)* [Russian merchant shipping in the Far East (1860–1925)]. Vladivostok, Dal'nevostochnoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1979, 255 p.
8. Proskuryakova A.G. *Osobennosti i tendentsii formirovaniya i razvitiya regional'nogo transporta Dal'nego Vostoka* [Features and tendencies of formation and development of regional transport of the Far East]. *Regional'nye ekonomicheskie problemy razvitiya transportnoi sistemy Dal'nego Vostoka* [Regional economic problems of development of the transport system of the Far East]. Vladivostok, Far-Eastern Scientific Center, Academy of Sciences of USSR, 1982, pp. 9–19.
9. Lamin V.A. *Klyuchi k dvum okeanam.* [The keys to the two oceans]. Khabarovsk, Knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1981, 256 p.
10. Derevyanko A.P. *Stroitel'stvo Baikalo-Amurskoi zheleznodorozhnoi magistrali (1974–1982 gg.): istoricheskii opyt* [Construction of the Baikal-Amur Railway (1974–1982): historical experience]. Vladivostok, Far-Eastern Scientific Center, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, 1983, 252 p.
11. Anikin N.I. *Stroika veka* [The construction of the century] Moscow, Transport Publ., 1976, 128 p.
12. Tyazhel'nikov E.M. *Komsomol'skaya magistral'* [Komsomolskaya main line]. Collection of articles. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 1976, pp. 60–79.
13. Belyaev I.Yu. *Shefstvo Khabarovskoi kraevoi komsomol'skoi organizatsii nad stroitel'stvom Vostochnogo uchastka BAMa* [The patronage of the Khabarovsk Krai Komsomol organization over the construction of the Eastern section of the Baikal-Amur Mainline] *Sotsial'no-ekonomicheskie problemy stroitel'stva BAMa* [Socio-economic problems of the construction of the Baikal-Amur Mainline]. Collection of articles. Vladivostok, Far-Eastern Scientific Center, Academy of Sciences of USSR, 1980, pp. 119–127.
14. Filippov D. *Po mandatu epokh.* [Under the mandate of the era] Khabarovsk, Knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1980, 142 p.
15. Fedin V.M. *Vedushchaya sila BAMa* [The leading force of BAM]. Khabarovsk, Knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1984, 271 p.
16. Zagorskii B.M. *Sotsialisticheskoe sorevnovanie na Baikalo-Amurskoi magistrali* [Socialist competition on the Baikal-Amur Mainline]. Moscow, Transport Publ., 1980, 112 p.
17. Starin B.S. *Sotsialisticheskoe sorevnovanie stroitelei BAMa* [Socialist competition builders of the Baikal-Amur Mainline]. Ulan-Ude, Buryatskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1983, 32 p.
18. Medvedeva L.M. *Trudovaya i politicheskaya aktivnost' stroitelei Baikalo-Amurskoi zheleznodorozhnoi magistrali (1974–1984 gg.)* [Labor and political activity of builders of the Baikal-Amur railway main (1974–1984)]. Moscow, Nauka Publ., 1988, 140 p.
19. *Transport strany Sovetov. Itogi za 70 let i perspektivy razvitiya* [Transport of the country of the Soviets. Results for 70 years and development prospects]. Moscow, Transport Publ., 1987, 312 p.
20. Zhukov E.A. *Transportnyi kompleks v strukture narodnogo khozyaistva.* [Transport complex in the structure of the national economy]. Moscow, Nauka Publ., 1990, 160 p.
21. Zotov D.K., Ushakov S.S. *Problemy razvitiya transporta SSSR* [Problems of transport development in the USSR]. Moscow, Transport Publ., 1990, 304 p.
22. Shugurov L.M. *Avtomobili Rossii i SSSR.* [Cars of Russia and the USSR]. Moscow, ILBI Publ., first part, 1993, 256 p.; second part, 1994, 158 p.
23. Puzryev V.P., Skugarev V.D., Basov A.V. and etc. *Pod flagom Rossii: Istoriya zarozhdeniya i razvitiya morskogo flota* [Under the flag of Russia: the history of the birth and development of the navy]. Moscow, Soglasie Publ., 1995, 568 p.
24. Altunin E.V. *Ocherki istorii grazhdanskoi aviatsii Vostochnoi Sibiri i Dal'nego Vostoka (1923–1945)* [Essays on the history of civil aviation in Eastern Siberia and the Far East (1923–1945)]. Irkutsk, Irkutsk University Publ., 1990, 268 p.
25. Shkurin A.S. *Istoriya razvitiya grazhdanskoi aviatsii v Primorskoy krae* [History of Civil Aviation Development in the Primorsky Krai]. Vladivostok, Far Eastern State Technical University Publ., 1994, 76 p.
26. Elantseva O.P. *Kto i kak stroil BAM v 30-e gody* [Who and how BAM built in the 30s]. *Otechestvennye arkhivy* [Domestic archives], 1992, no. 5, pp. 71–81.
27. Elantseva O.P. *BAM: pervoe desyatiletie* [BAM: the first decade]. *Otechestvennye arkhivy* [Domestic archives], 1994, no. 6, pp. 89–103.
28. Elantseva O.P. *Stroitel'stvo №500 NKVD SSSR: zheleznaya doroga Komsomol'sk – Sovetskaya Gavan' (1930–40-e gody)* [Construction no. 500 of the NKVD USSR: the Komsomolsk – Sovetskaya Gavan railway (1930–40s)]. Vladivostok, Far Eastern University Publ., 1995, 98 p.
29. Zuev V.F. *Liniya VOLK. Dal'nevostochnoe ozherel'e* [VOLK line. Far Eastern necklace]. Komsomolsk-on-Amur, Amur geographical society, 1997, pp. 58–86.
30. Zuev V.F. *Pervoprophodtsy vostochnykh magistralей Rossii* [Pioneers of the eastern highways of Russia]. Khabarovsk, Chastnaya kollektsiya Publ., 2001, 352 p.
31. Kuz'mina M. *Stroitel'stvo №15: nefteprovod* [Construction number 15: oil pipeline]. Komsomolsk-on-Amur, Knizhnoe izdatel'stvo Publ., 2000, 155 p.
32. Kontalev V.A. *Otechestvennyi torgovyi flot v period s 1946 po 1985 g.: istoriya razvitiya; tekhnicheskaya politika* [Domestic trade fleet in the period from 1946 to 1985: history of development; technical policy]. Vladivostok, Far Eastern University Publ., 2000, 110 p.
- Novosel'tsev B.F., Efremov N.A., Vorontsov V.M., Pospelov V.I. *Vnutrennii vodnyi transport* [Inland waterway transport]. Moscow, Russian River Register, 2006, 221 p.
34. *Transport Rossii: istoricheskie ocherki: v 4 t.* [Transport of Russia: historical essays: in 4 volumes], vol. 4. T.L. Pashkova (ed.). Moscow, PAN PRESS, 2009, 541 p.

35. Koval'chuk M.A. *Istoriya transporta Dal'nego Vostoka Rossii (vtoraya polovina XIX v. – iyun' 1941 g.)* [The history of transport in the Far East of Russia (second half of the nineteenth century – June 1941)], in 2 books. Khabarovsk, Far Eastern Railway Administration, Priamursky Geographical Society, Khabarovsk State Technical University, 1997, book 1, 167 p.; book 2, 153 p.
36. Kostanov A.I. *Samaya vostochnaya doroga Rossii: ocherki istorii Sakhalinskoi zheleznoi dorogi* [The Most Eastern Road of Russia: Essays on the History of the Sakhalin Railroad]. Moscow, Transport Publ., 1997, 218 p.
37. Lamin V., Plenkin V., Tkachenko V. *Global'nyi trek: Razvitie transportnoi sistemy na vostoche strany* [Global track: Development of the transport system in the east of the country]. Ekaterinburg, Ural Branch of RAS, 1999, 197 p.
38. Sergeev G.I. *Schislenie proidennogo puti: dokumental'nye ocherki* [Calculation of the passed way: documentary essays]. Blagoveshchensk, without publishing, 1999, 232 p.
39. *Morskoe vorota Kolymy. Magadanskomu morskому torgovomu portu 70 let* [The Magadan Sea Commercial Port is 70 years old]. Khabarovsk, Priamurskie vedomosti Publ., 2003, 64 p.
40. Bersenev V.G. *150 let russkogo sudokhodstva na Amure* [150 years of Russian shipping on the Amur]. Komsomolsk-on-Amur, Knizhnoe izdatel'stvo Publ., 2005, 560 p.
41. *DVMP: reis dlinoyu v 125 let* [FESCO: a flight of 125 years]. Vladivostok, Far Eastern University Publ., 2005, 267 p.
42. Koval'chuk M.A. *Istoricheskiy opyt formirovaniya transportnoi otrasli Dal'nego Vostoka Rossii: (70-e gg. XIX v. – iyun' 1941 g.)* [Historical experience of the formation of the transport industry of the Far East of Russia (70s of the 19th cent. – June, 1941)]. Khabarovsk, Far Eastern State Transport University Publ., 2003, 193 p.
43. Koval'chuk M.A. *Gruntovye dorogi Dal'nego Vostoka Rossii: (seredina XVII – nachalo XX vekov* [Ground roads of the Far East of Russia: (mid 17th – early 20th centuries)]. Khabarovsk, Far Eastern State Transport University Publ., 2005, 165 p.
44. Tesel'skaya I.P., Tsipkin Yu.N., Ezhelya U.V. *Zheleznye dorogi sovetskogo Dal'nego Vostoka v gody Velikoi Otechestvennoi voiny (1941–1945)* [The railways of the Soviet Far East during the Great Patriotic War (1941–1945)]. Khabarovsk, Far Eastern State Transport University Publ., 2014, 193 p.
45. Medvedeva L.M. *Razvitie transporta i ego rol' v osvoenii Dal'nego Vostoka SSSR (20–30-e gody XX veka)* [The development of transport and its role in the development of the Far East of the USSR (20–30s of the twentieth century)]. Vladivostok, Dal'nauka Publ., 2002, 244 p.
46. Medvedeva L.M. *Transport Dal'nego Vostoka SSSR v gody Velikoi otechestvennoi voiny (1941–1945 gg.)* [Transport of the Far East of the USSR during the Great Patriotic War (1941–1945)]. Vladivostok, Dal'nauka Publ., 2005, 152 p.
47. Zelentsov V.V. *Morskoi transport Dal'nego Vostoka vo vtoroi polovine XX veka* [Maritime transport of the Far East in the second half of the twentieth century]. Vladivostok, Dal'nauka Publ., 2003, 239 p.
48. Lavrent'ev A.V. *Razvitie transporta na Dal'nem Vostoke Rossii (ser. 1980-kh godov – nach. XXI veka)* [The development of transport in the Far East of Russia (mid 1980s – early 21st century)]. Vladivostok, Vladivostok State University Economics and Service Publ., 2014, 227 p.
49. Ezhelya U.V. *Dal'nevostochnaya zheleznyaya doroga vo vtoroi polovine XX veka: sversheniya, problemy i ikh reshenie (sotsial'no-ekonomicheskii aspekt)* [The Far Eastern Railway in the second half of the 20th century: achievements, problems and their solution (socio-economic aspect)]. Khabarovsk, Far Eastern State Transport University Publ., 2009, 111 p.
50. Troitskaya N.A. *Toska o porto-franko. Iz istorii tamozhennoi politiki na russkom Dal'nem Vostoke* [The longing for porto-franco. From the History of Customs Policy in the Russian Far East]. *Rossiya i ATR* [Russia and the Pacific], 1995, no. 4, pp. 48–50.
51. Belyaeva N.A. *Ot porto-franko k tamozhne. Ocherk regional'noi istorii rossiiskogo protektsionizma* [From port to customs. An outline of the regional history of Russian protectionism]. Vladivostok, Dal'nauka Publ., 2003, 214 p.
52. Belyaeva N.A. *Porto-franko v sisteme rossiiskoi tamozhennoi politiki (k 150-letiyu vvedeniya porto-franko vo Vladivostoke)* [Porto-Franco in the system of Russian customs policy (to the 150th anniversary of the introduction of the port-franco in Vladivostok)]. *Vestnik DVO RAN* [Bulletin of the Far-Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences], 2013, no. 1, pp. 55–64.
53. Pozdnyakov A.F. *Portovoe stroitel'stvo na severe Dal'nego Vostoka SSSR (1920-e – 1940-e gg.)* [Port construction in the north of the Far East of the USSR (1920s – 1940s)]. *Vestnik Severo-Vostochnogo nauchnogo tsentra DVO RAN* [Bulletin of the North-Eastern Scientific Center, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences], 2009, no. 2, pp. 100–107.
54. Yaroshenko A.A. *Grazhdanskaya aviatsiya Dal'nego Vostoka RSFSR: stanovlenie, razvitie, upravlenie (1929–1941 gg.)* [Civil aviation of the Far East of the RSFSR: formation, development, management (1929–1941)]. *Vlast' i upravlenie na Vostoke Rossii* [Power and government in the East of Russia], 2009, no. 1, pp. 193–198.
55. Soldatova O.N. *K voprosu ob istorii izyskaniy i proektirovaniya Baikalo-Amurskoi magistrali. 1887–1932 gg.* [On the issue of the history of exploration and design of the Baikal-Amur Mainline. 1887–1932 gg.]. *Vseobshchaya istoriya* [General history], 2016, no. 1, pp. 3–13.
56. Medvedeva L.M., Lavrent'ev A.V. *Severnyi morskoi put': opyt osvoeniya i perspektivy razvitiya* [The Northern Sea Route: Experience of Development and Prospects of Development]. *Oikumena. Regionovedcheskie issledovaniya* [Oikumene. Regional studies], 2014, no. 2, pp. 23–29.
57. Veretennikov N.P., Gerashchenko L.V., Goryachevskaya E.S. *Severnyi morskoi put': istoriya, ekonomika, politika, bezopasnost'* [The Northern Sea Route: History, Economics, Politics, Security]. *Geopolitika i bezopasnost'* [Geopolitics and Security], 2015, no. 2, pp. 88–94.
58. Naumov Yu.A. *Dal'nevostochnye porty v sisteme Severnogo morskogo puti: istoriya osvoeniya, sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya* [Far Eastern ports in the system of the Northern Sea Route: the history of development, the current state and development prospects]. *Oikumena. Regionovedcheskie issledovaniya* [Oikumene. Regional studies], 2017, no. 3, pp. 133–144.
59. Boyakova S.I. *Lend-liz i Yakutiya: plavanie na vostochnom uchastke Severnogo morskogo puti v gody Velikoi Otechestvennoi voiny* [Yakutia: swimming on the eastern section of the Northern Sea Route during the Great Patriotic War]. *Severo-Vostochnyi gumanitarnyi vestnik* [Northeast Humanitarian News], 2015, no. 1, pp. 6–11.
60. Romanova G.N. *Ekonomicheskie svyazi SSSR i Kitaya v sfere zhelezndorozhnogo transporta v 30–40-e gg. XX v.* [Economic ties between the USSR and China in the field of rail transport in the 30–40s of the 20th century]. *Rossiya i ATR* [Russia and the Pacific], 2015, no. 2, pp. 139–156.
61. Bystrova I.V. *SSSR i SShA: sotrudnichestvo na aviatrasse Alyaska – Sibir' (1941–1945 gg.)* [USSR and the USA: cooperation on the air route of Alaska-Siberia (1941–1945)]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri* [Humanities in Siberia], 2016, vol. 23, no. 1, pp. 77–83.
62. Ustyugova O.A. *Dal'nii Vostok Rossii v sisteme vneshnetorgovykh svyazei nakanune i vo vremya revolyutsii 1917 g.* [Far East of Russia in the system of foreign trade relations on the eve and during the revolutions of 1917]. *Rossiya i ATR* [Russia and the Pacific], 2017, no. 3, pp. 25–35.

63. Lavrent'ev A.V. *Osnovnye etapy politiki transportnogo osvoeniya Dal'nego Vostoka Rossii ikh rezul'taty (vторая polovina 1980-kh – nachalo 2000-kh gg.)* [The main stages of the transport development policy of the Far East of Russia are their results (the second half of the 1980s and the beginning of the 2000s)]. *Rossiiskii nauchnyi zhurnal* [The Russian Scientific Journal], 2015, no. 4, pp. 52–56.

64. Medvedeva L.M., Lavrent'ev A.V. *Strategii transportnogo razvitiya Dal'nego Vostoka i ikh realizatsiya v noveishei istorii Rossii (2000–2015 gg.)* [Strategies for the transport development of the Far East and their implementation in the newest history of Russia (2000–2015)]. *Istoricheskie, filosofskie politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* [Historical, philosophical political and legal sciences, cultural studies and art criticism. Questions of theory and practice], 2015, no. 11, pp. 113–116.

65. Usov A.V. *Gosmorspassluzhba Rossii: usloviya sozdaniya i perspektivy razvitiya* [Gosmorspassluzhba of Russia: conditions of creation and prospects of development]. *Aktual'nye problemy gumanitarnykh nauk i obrazovaniya v sotsiokul'turnom prostranstve ATR: materialy mezhdunar. nauch.-issled. seminara* [Actual problems of the humanities and education in the socio-cultural space of the Asia-Pacific Region: materials of the international seminar]. Vladivostok, 2013, pp. 84–94.

66. Usov A.V. *Istoricheskii opyt razvitiya i deyatel'nost' Gosudarstvennoi morskoi spasatel'noi sluzhby Dal'nevostochnogo basseina Rossii (1991–2014): istochnikovaya osnova issledovaniya* [Historical experience of development and activities of the State Marine Rescue Service of the Far Eastern Basin of Russia (1991–2014): the source of research]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya* [Theory and practice of social development], 2015, no. 5, pp. 80–84.

© Клио, 2018

© Медведева Л.М., Лаврентьев А.В., 2018

УДК 327(571.6:519)(091)

IGOR ANATOLIEVICH TOLSTOKULAKOV

*Doctor of Historical Sciences, Professor of the Chair of Korean Studies,
Far Eastern Federal University.
690105, Russian Federation, Vladivostok, Davydova St., 42–75.
E-mail: tolstokulakov.ia@dvfu.ru*

KIM YOUNG SOO

*Ph.D., Research Fellow at the Northeast Asia History Foundation (Republic of Korea, Seoul).
120-705, Republic of Korea, Seoul, Seodaemun-gu, Imgwang Bldg., Tongillo 81.
Tel.: 010-3492-4416, e-mail: pasac1@hanmail.net*

**Pacific policy of Russia and contribution of Russian researchers to investigation
of Korean coastal waters in the second half of the 19th century***

In the second half of the 19th century Korea became a subject of colonial aspiration of western states. The European world investigates a new country actively, and Russia participates in Korean Studies as well. This article has been prepared mainly on the base of archival dates and aimed for objective analysis of the contents of Russian Pacific Policy and the contribution of Russian navigators to investigation of coastal waters near Korean peninsula. The results of studying Korean seaside geography by Russian experts turned out to be weightier than surveys of western colleague. As the principal task of Russians was guaranteeing the regional interests for Russian Empire. This article is marked by balanced approach of Russia toward Korean political problems, the authors has pointed out Russia's readiness to protect a sovereignty of Korean state even under the raising external pressure. And at the same time they also take into consideration Russia's insistence for strengthening own political and naval position in the region.

Keywords: *Russian policy, investigation, Korean Peninsula, coastal waters, archival date, cartography, island, navigator.*

ИГОРЬ АНАТОЛЬЕВИЧ ТОЛСТОКУЛАКОВ

*Доктор исторических наук, профессор кафедры корееведения
Дальневосточного федерального университета.
690105, Россия, г. Владивосток, ул. Давыдова, 42, кв. 75.
Тел.: +7 (902) 554-86-24, e-mail: tolstokulakov.ia@dvfu.ru*

КИМ ЁНСУ

*Ph.D., научный сотрудник
Фонда изучения истории Северо-Восточной Азии (Республика Корея, г. Сеул).
120-705, Republic of Korea, Seoul, Seodaemun-gu, Imgwang Bldg., Tongillo 81.
Тел.: 010-3492-4416, e-mail: pasac1@hanmail.net*

Во второй половине XIX в. Корея становится объектом колониальных устремлений западных держав. Европейский мир активно изучает новую страну, принимает в этом участие и Россия. Статья написана преимущественно на основе архивных материалов и нацелена на объективный анализ содержания тихоокеанской политики России и участия русских мореплавателей в изучении прибрежных вод Корейского полуострова. Результаты исследований морской географии Кореи, проведенных российскими специалистами, оказались весомее, чем у зарубежных коллег. Главная задача русских исследований заключалась в обеспечении национальных интересов Российской империи. В статье отмечается сбалансированный

* This work was supported by the Core University Program for Korean Studies through the Ministry of Education of the Republic of the Korea and Korean Studies Promotion Service of the Academy of Korean Studies (AKS-2015-OLU-2250003).

подход России к проблемам Кореи, готовность защищать ее суверенитет в условиях нарастающего внешнего давления; при этом учитывается нацеленность России на усиление собственных политических и военно-морских позиций в регионе.

Ключевые слова: *российская политика, исследование, Корейский полуостров, прибрежные воды, архивные данные, картография, остров, мореплаватель.*

Тихоокеанская политика России и вклад русских исследователей в изучение прибрежных вод Кореи во второй половине XIX в. *

Вторая половина XIX в. представляется нам драматической страницей в истории Кореи, ставшей в этот момент объектом экспансионистских устремлений европейских держав и пережившей несколько десятилетий, связанных с попыткой колониального проникновения. В то же время в данный период состоялось взаимное знакомство корейцев и европейцев, определившее судьбу страны на рубеже двух веков. Аннотированный реестр описей фондов Российского государственного архива Военно-морского флота (далее – РГА ВМФ) [1] содержит описание примерно 1 тыс. единиц хранения – экспедиционных отчетов и других документов, атласов и карт Дальневосточного региона и прилегающих к нему морских акваторий, в совокупности отражающих очевидный интерес России к Корейскому полуострову на рубеже XIX–XX вв. Это в основном карты восточного (япономорского) побережья Корейского полуострова, планы его портов, фарватеров, мест якорных стоянок, сезонных ледовых полей у прибрежной линии и прочее [2]. Все это свидетельствует о проведении широко-масштабных морских исследований в прибрежных водах Кореи на акватории Японского моря и подтверждает заблаговременную подготовку России к потенциальному конфликту со своими тихоокеанскими соседями.

В российской и южнокорейской историографии, связанной с историей мореплавания вблизи берегов Кореи, отмечены изыскания преимущественно западных исследователей: французов и англичан, а существенному вкладу россиян уделяется незаслуженно мало внимания. Среди малочисленных отечественных авторов, в трудах которых отражены достижения российских картографов и мореходов, мы можем назвать лишь В.Т. Зайчикова [3–4] и Н.Г. Гарина-Михайловского [5]. В какой-то степени эта проблематика затрагивается в двух коллективных трудах по Корее: «Описание Кореи» [6, с. 19–22] и «По Корее. Путешествия. 1885–1896 гг.» [7]. Из современных российских востоковедов интерес к этой теме проявила лишь Т.М. Симбирцева [8–9].

Особо не жалуют своим вниманием россиян и южнокорейские авторы, среди них следует отметить Чхве Мёнбока, признавшего вклад наших соотечественников в изучение географии островов Токто и прилегающей акватории Японского моря [10], Сим Хонёна, первым среди южнокорейских коллег

комплексно осветившего историю российских исследований восточного побережья Кореи с 80-х гг. XIX в. [11], и Чхве Доккю, проанализировавшего военно-морскую политику России на Тихом океане во второй половине XIX – начале XX в. [12].

Такое невнимание к достижениям российских исследователей нам кажется незаслуженным, данная работа в какой-то мере должна восполнить этот пробел. Наша задача состоит в ознакомлении отечественной аудитории с ходом и достижениями российских исследований в прибрежных водах Корейского полуострова во второй половине XIX в. Следует подчеркнуть, что они были тесно связаны с общим контекстом военно-морской и внешней политики Российской империи на Дальнем Востоке.

Российская политика и исследования в прибрежных водах полуострова в период внешнеполитической изоляции Кореи (до 80-х гг. XIX в.)

Пионерами в изучении прибрежных вод Кореи в Японском море, несомненно, были Франция, Великобритания, Япония и Россия. Для каждого из этих государств Корейский полуостров имел определенную стратегическую значимость. Интерес Японии к изучению одного из морей, омывающих ее берега, понятен, но французы, англичане и русские успели ее опередить.

В этом отношении показательным является история открытия и нанесения на карту островов Токто, которые и сегодня остаются спорной территорией между Южной Кореей и Японией. В современной интерпретации приоритет открытия Токто принадлежит Франции, это случилось в 1849 г., когда экипаж французского китобойного судна «Le Liancourt», проходившего вдоль побережья Кореи, впервые нанес его на карту. До сих пор нет уверенности в том, как французы называли эту группу скал, даже есть сомнения, вообще было ли им присвоено имя... Англичане прошли вблизи островов 25 апреля 1855 г. и присвоили им название скалы Хорнет в честь своего корабля «Хорнет», что закреплялось в британском атласе 1858 г, но при этом в атласе 1861 г. справедливость была восстановлена, и острова получили наименование Liancourt Rocks – скалы Лианкур, понятно его происхождение от названия французского судна [13, с. 29–31].

* Статья подготовлена при поддержке Основной университетской программы корейских исследований Министерства образования Республики Корея и Службы по содействию корейским исследованиям Академии корейских исследований (AKS-2015-OLU-2250003).

Японцы припозднились с появлением вблизи Токто: преследуя очевидные стратегические и коммерческие цели, правительство Японии приняло решение о целенаправленном изучении островов Токто и Уллындю, и в сентябре 1880 г. к ним был направлен военный корабль «Амаги», в состав экипажа которого входил младший лейтенант Миура, которому приписывается авторство японского названия Токто – Такэсима. Чуть позже у островной империи появилось специальное судно исследования акватории Японского моря, и в 1895–1896 гг. японские власти уже обладали подробными картами восточного побережья Корейского полуострова [14, с. 248].

А что же Россия? Когда и как она узнала о существовании островов Токто и Уллындю? В 1852 г. российские власти отправили на Дальний Восток эскадру во главе с фрегатом «Паллада» под командованием адмирала Путятина. Основная цель экспедиции, как известно, заключалась в «открытии» для России китайских и японских портов, а также установлении дипломатических и торговых отношений с Японией. 7 октября 1852 г. «Паллада» и парусная шхуна «Восток» направились из Кронштадта в Дальневосточный регион, по пути к ним присоединились корвет «Оливуца» и транспортный корабль «Князь Меншиков», в таком составе эскадра 10 августа 1853 г. вошла в японский порт Нагасаки. Отсюда «Оливуца» 2 апреля 1854 г. взял курс на Корейский пролив, а затем на север вдоль берегов Кореи к Татарскому проливу, по пути он на год раньше англичан открыл острова Токто.

Разумеется, на этом исследовательская миссия русской эскадры не завершилась, Е.В. Путятин определил задачи каждому из ее участников. «Князь Меншиков» был направлен в Шанхай для получения дипломатической почты, затем ему следовало добраться до островов Гамильтон (совр. – Комундо), расположенных на юго-западе Кореи, точнее – на выходе из Корейского пролива в Желтое море, и соединиться с фрегатом «Паллада». Шхуне «Восток» сначала предстоял южный маршрут до островов Рюкю для сбора информации об американской дипломатической миссии в Японии 1852–1854 гг. во главе с Мэттью К. Перри, а затем – обратный путь на север до Комундо и встреча с «Князем Меншиковым» и «Палладой». Корвет «Оливуца» направлялся в Татарский пролив в распоряжение адмирала Г.И. Невельского, возможно, и дальше на Камчатку. Сам же Е.В. Путятин на фрегате «Паллада» направился на филиппинский остров Камигин для ремонта судовых мачт. Примечательно, что там во время десятидневной стоянки Е.В. Путятин завершил работы над первой в России подробной картой Кореи.

Русские моряки опередили англичан и на островах Гамильтон, отсюда собственно и началось знакомство наших соотечественников с Кореей. В последних числах марта 1854 г. участники экспедиции фрегата «Паллада» впервые сошли на корейский берег острова Гамильтон. Среди них был личный

секретарь Путятина И.А. Гончаров, известный писатель и автор первого отечественного описания Кореи, представленного в книге «Фрегат “Паллада”» [15]. Проведя на Комундо примерно неделю, суда адмирала Путятина вернулись в Нагасаки, но не получив ответа о возможности начать торговлю с Японией, вновь ушли к Корейскому полуострову, на этот раз к его восточным берегам.

Период с конца апреля и до середины мая, когда Татарский пролив и вся северная часть Японского моря подвержены густым туманам и активному передвижению морских льдов, руководитель экспедиции отвел исследованию восточного побережья Корейского полуострова. Результатом этого стал подробный отчет, в котором много места отведено географическому и картографическому описанию Кореи («Всепоподданнейший отчет генерал-адъютанта гр. Путятина о плавании отряда военных судов наших в Японию и Китай 1852–1855 гг.»). В документе отмечается, что «...были сделаны снимки и проведены исследования восточного побережья Корейского полуострова до реки Туманган на границе с Маньчжурией, а также нескольких десятков деревень, находящихся на побережье» [16, л. 7].

Российские моряки ощущали себя настоящими первопроходцами, об этом свидетельствуют запечатленные ими на карте Кореи географические названия, например, залив Лазарева (совр. – Восточно-Корейский залив). К сожалению, их научный приоритет впоследствии был предан забвению, и многие русские топонимы исчезли, сохранившись только в отчетах об экспедиции Путятина и на старых картах. Участники экспедиции провели замеры глубин в заливе Лазарева и его бухтах, а также топографическое исследование морского дна с использованием водолазного оборудования в бухте, где в 1880 г. будет основан Порт Лазарева (совр. – Вонсан, провинция Канвон, КНДР) [16, л. 8]. Очевидно, что при выборе места для будущего торгового порта российские власти учли географические наработки экспедиции Путятина.

Одним из важнейших научных достижений «Оливуца», да и всей экспедиции в целом является «повторное» открытие островов Токто. 6 апреля 1954 г. по пути следования к Татарскому проливу корвет первым из российских кораблей и за год до англичан обнаружил эти острова. При этом двум крупнейшим из них присвоили русские названия: восточному – скала Менелай и западному – скала Оливуца. Русские мореходы стали первыми, кто на картах разделил Токто на два острова: западный и восточный.

В экспедиционных отчетах об этом сообщается так: «Обнаруженные утром два острова в течение четверти дня находились в поле зрения, и сейчас их можно хорошо разглядеть. Это две высокие остроконечные скалы, лишенные растительности, высотой примерно в 300 саженей (642 метра), одна из которых находится на юго-востоке, другая – на юго-западе. Западный остров находится на 37°13' с. ш. и 131°55' в. д. Из двоих островов

более высокий западный был назван «Оливуца». Второй остров был назван «Менелай», чтобы увековечить первое имя корвета, данное в то время, когда корвет входил в состав Черноморского флота (до 1846 г.). Примерно в двух милях на северо-запад от Оливуца над водой виднеются другие скалы. О-ва Оливуца и Менелай в ясную погоду видны с расстояния в 30 миль (примерно 55 км). 6 апреля 1854 г. наш корабль сделал стоянку на четверть дня в 4 милях к западу от острова Оливуца» [17, л. 1].

Фрегат «Паллада» с 20 апреля по 11 мая 1854 г. проводил обследование береговой полосы восточного побережья Кореи протяженностью примерно 600 миль (более 1 тыс. км) в диапазоне от 35°30' до 42°30' с. ш., от нынешнего южнокорейского порта Пхохан (провинция Северный Кёнсан, Республика Корея) до устья пограничной с Россией реки Туманган. Результаты данных исследований стали основой для создания российских карт и атласов, первый из которых был напечатан уже в январе 1855 г.

Шхуна «Восток» обследовала воды вблизи островов Дажелет (совр. – Уллындю), открытого французской тихоокеанской экспедицией в 1787 г. Русские моряки исправили карту Лаперуза, точнее описав контуры острова и уточнив его координаты. Установлено его географическое положение в точке 37°22' с. ш. и 130°56' в. д., определена длина побережья в окружности, составившая 20 миль (37 км), описана очень узкая и труднодоступная береговая полоса, измерена высота самой высокой точки острова – 2 100 футов (640 м), а также расстояние до берега Корейского полуострова – примерно 120 км. Определение точного географического положения островов Токто и Уллындю имело важное значение для обеспечения навигации по Японскому морю. Достаточно отдаленные от берегов полуострова, они находятся на перекрестке морских транспортных путей, ведущих к северной части Японского моря.

Существенный вклад в дальнейшее освоение морского пространства вблизи берегов Кореи сделал И.Ф. Лихачёв, командовавший Дальневосточной флотилией в период 1860–1861 гг., он подчеркивал стратегическую значимость Японского моря, Корейского полуострова и острова Цусима для обеспечения тихоокеанских интересов Российской империи. При этом особо выделялась роль трех проливов – Татарского, Корейского и Лаперуза, служивших для выхода российского побережья к открытому Тихому океану. По мнению И.Ф. Лихачёва, Россия должна была прилагать усилия для контроля над этими проливами, особенно – над Корейским, открывающим доступ к коммерческим портам Японии и Китая. Первым из наших соотечественников он предложил использовать остров Цусима не только в качестве ключа к Корейскому проливу, но и как базу снабжения российского флота; в докладной записке на имя императора И.Ф. Лихачёв писал: «Остров Цусима может быть сравнен с Мальтой в Средиземном море... Нам необходимо (1) сделать российской территорией весь остров или хотя бы его часть; (2) для обеспечения

свободного прохода российских кораблей, как минимум, завладеть береговой территорией, где будут построены склады, лечебницы и другие важные сооружения; (3) также необходимо сделать так, чтобы остров не был открыт для других европейских государств» [18, л. 17].

В соответствии с докладом И.Ф. Лихачёва, Россия в 1861 г. оккупировала часть территории острова, но уже в следующем году была вынуждена покинуть Цусиму из-за резкого обострения отношений с Великобританией. После потери Цусимы И.Ф. Лихачёв полагал, что надежное обеспечение свободного выхода из Владивостока в Японское море возможно лишь при наличии баз, расположенных в корейских портах. Россия нуждалась в усилении влияния в Корею, а для этого стране нужно было хорошо знать [19, л. 3]. Такие взгляды командующего Дальневосточной флотилией способствовали дальнейшему развитию российских исследований вблизи корейских берегов.

Среди них следует выделить экспедиции парусных судов «Гайдамак» и «Воевода» в корейской акватории Японского моря. В начале 1860 гг. клипер «Гайдамак» пытался «открыть» Корею для контактов с Россией по примеру японской экспедиции адмирала Путятина. С этой целью он неоднократно подходил к берегу полуострова, определял прибрежную инфраструктуру, держась на расстоянии, изучал портовые поселения и до конца лета 1861 г. проводил исследования прибрежных вод на северо-востоке страны. Корвет «Воевода» в 1860 г. провел детальное исследование дельты реки Туманган, формирующей российско-корейскую пограничную линию. Одновременно решались задачи картографирования приграничной российской зоны: залива Посъет, бухт и островов в южной части современного Приморья. Одновременно велись наблюдения за хозяйственной деятельностью местных жителей, о которых участник экспедиции П.Н. Назимов писал в отчете: «Основной пищей жителей прибрежной полосы являются гаюлян, морская капуста и тюлень» [20, л. 19–20].

В апреле 1869 г. для проверки информации о том, что годом ранее Франция захватила корейский остров Канхвадо, российские власти снарядили и отправили к западному побережью Кореи канонерскую лодку «Соболь». Пользуясь картами французского исследовательского корпуса, составленными в 1866 г., русский корабль вошел в Желтое море и осмотрел район острова Канхвадо. 17 апреля 1869 г. группа лейтенанта Мальцева при попытке высадиться на берег попала под огонь корейских солдат. Русские солдаты невредимыми вернулись на борт, однако капитан «Соболя» принял решение ответить корейцам шестидесятью пушечными залпами, корабельная артиллерия обстреляла береговые укрепления Канхвадо, нанеся им ощутимый ущерб [21, л. 23]. События 1869 г. на Канхвадо являются единственным документально подтвержденным вооруженным инцидентом между русскими моряками и корейцами. Он зафиксирован

в хрониках королевства Чосон (название корейского государства в период с конца XIV по начало XX в.), однако местные власти в тот момент не смогли определить государственную принадлежность иностранного судна [12, с. 25]. Рейд «Соболя» на остров Канхвадо интересен еще и тем, что он был практически единственной экспедицией русских в Желтом море.

В ходе морских исследований второй половины XIX в. стала очевидной значимость Корейского полуострова для обеспечения национальных интересов России на тихоокеанском побережье, в результате царское правительство осознало необходимость заключения соглашения с Кореей. В газете «Московские ведомости от 29 декабря 1884 г. это понимание было сформулировано следующим образом: «Глядя на карту, мы хорошо понимаем, что Корея – это “ключ к Японскому морю”. Для России занимающая в Азии транзитное географическое положение Корея имеет то же значение, что и Турция в Европе» [22, л. 48].

Готовясь к оформлению межгосударственного соглашения, российские власти внимательно изучили торговые договоры, подписанные Кореей с США, Германией и Великобританией в начале 1880-х гг. вдогонку Канхваскому договору с Японией, заключенному в феврале 1876 г. Суть этих документов сводилась к тому, что иностранные государства «...получали право арендовать земли в открытых портах, основывать там предприятия, разрабатывать природные богатства страны, нанимать корейских рабочих, ...пользовались правом экстерриториальности, свободой религиозной и образовательной деятельности» [23, с. 335]. Управляющий Морским министерством вице-адмирал И.А. Шестаков, обращаясь в мае 1882 г. к министру иностранных дел Н.К. Гирсу, настаивал: «Российский посол в Китае должен осознать значимость корейских портов для проложения маршрутов военных кораблей России» [24, л. 128]. В конечном итоге усилия отечественных дипломатов, подкрепленные успехами в изучении соседней страны, завершились дальневосточным турне российского посланника К.И. Вебера сначала в Токио, а затем в Сеул, где 25 июня 1884 г. был заключен Договор о взаимоотношениях и торговле между Россией и Кореей [6, с. 512–526].

Российские исследования прибрежных вод Кореи в 1880–1890-е гг.

Пользуясь привилегиями, установленными для иностранцев в неравноправных договорах, навязанных Корее в 1870–1880-х гг., российские военно-морские силы приступили к детальному изучению береговой полосы Корейского полуострова. Первым событием из этого разряда стала экспедиция фрегата «Герцог Эдинбургский», который вышел из Владивостока 17 августа 1882 г., 19 августа провел исследования залива Лазарева, а 20 августа вплотную подошел к корейскому берегу в районе современного Вонсана и даже высадил небольшой исследовательский десант. Подчеркнем, что слу-

чилось это за два года до подписания российско-корейского договора, но уже после подписания Договора между Кореей и США [6, с. 502–506], статья 10 которого распространяла все оговоренные для американцев возможности в Корее и на граждан других зарубежных государств [6, с. 505], поэтому действовать вблизи и на корейском берегу русские могли без опасения получить отпор местных жителей.

Заметной страницей в истории реализации российской политики и усиления русского влияния в Корее стала экспедиция клипера «Крейсер», проходившая в марте – апреле 1886 г. под руководством капитана Остолова. Оценивая навигационные особенности и транспортные возможности морского пути вдоль берегов Кореи, на этот раз экипаж имел возможность свободного захода в корейские порты: Вонсан, Хонвон, Пукчхон и др., состоялась поездка группы россиян в столицу Сеул. Впервые экипаж российского корабля провел закупку в Хонвоне провианта и угля. Особое внимание было уделено исследованию острова Гончарова (совр. – Маяндо, провинция Южный Хамгён, КНДР), моряки пришли к выводам, что «...после осмотра береговой линии острова Гончаров и берега полуострова стало ясно, что пролив безопасен» и что «...в случае возникновения войны с Великобританией для беспрепятственного прохождения кораблей и обеспечения якорных стоянок нашего военно-морского флота необходимо заранее измерить глубины и провести топографические исследования» [25, л. 7]. Рассмотренные нами документы свидетельствуют, что Россия в середине 1880-х гг. главным своим соперником в районе Корейского полуострова считала Великобританию и явно недооценивала угрозы со стороны Японии.

Не менее значимы исследования, проведенные канонерской лодкой «Сивуч», принявшей активное участие в изучении северной части Тихого океана и сопредельных с Россией морей. Кроме того, лодка периодически служила стационаром (т. е. судном, постоянно находящимся на стоянке в иностранном порту) в портах Китая и Кореи. Иногда лодка привлекалась для защиты лежбищ котиков, в основном от американских браконьеров. В августе 1886 г. канонерская лодка «Сивуч» исследовала группу островов Чинхэ (провинция Южный Кёнсан, Республика Корея), рассчитывая создать на них бункеровочную базу и хранилища угля для российского флота. Отметим, что Чинхэ и сегодня сохраняют важное стратегическое значение: здесь расположена крупнейшая в Южной Корее военно-морская база США.

В апреле 1887 г. канонерской лодке «Сивуч» поручили произвести тщательные измерения в дельте реки Туманган; на пути следования из Нагасаки к Тумангану корабль миновал острова Токто и Уллындо. Переход «Сивуча» к месту назначения описан следующим образом: «7 апреля в 8 часов утра наш корабль, имеющий три паровых двигателя, снялся с якорной стоянки в порту Нагасаки. Проходя мимо маяка Иво-Сима, мы определили дальнейший

маршрут следования и взяли курс 65° на северо-запад со скоростью 7 узлов. В 11:30 утра мы прошли острова Оки и установили курс 29° на северо-запад. После полудня начался северный ветер со скоростью 3–4 м/с. В 15:10 мы прошли камень Таке и установили курс 15° на северо-запад. 8 апреля в 6 утра мы установили курс 11° на север и следуя ему прошли в 6 милях к западу от острова Дажелет. С этой точки мы взяли курс 15° на северо-запад и достигли мыса Болтина (совр. – мыс Мусудан, Северный Хамгён, КНДР)» [26, л. 33].

В приведенном отрывке следует обратить внимание на название «камень Таке». Капитан «Сивуча» в 1887 г. использовал японское название островов Токто – Такэсима (с яп. букв. – «камень Такэ»). Почему капитан Сивуча не использовал упомянутые выше топонимы «Менелай», «Оливуца» или «Лианкур»? Вероятно, ему привычнее было слово «Такэсима», ставшее в Японии популярным с 1880 г., возможно, находясь в Нагасаки, русские моряки знакомились с местными навигационными материалами. Но данный эпизод из истории русского мореплавания у берегов Кореи стал исключением, русские моряки практически не использовали японское название островов Токто, впрочем, и русское тоже... В отечественном морском деле прочно закрепился топоним «Токто».

В апреле 1887 г. «Сивуч» провел гидрографические работы и съемку берегов южнее пограничной реки Туманган (побережья провинции Хамгён), был открыт и обследован остров Муравьева (совр. – Чокто), названный по фамилии члена экспедиции лейтенанта А.П. Муравьева, а 7 июля прибыл в Чемульпхо (совр. – Инчхон, провинция Кёнги, Республика Корея), откуда экипаж совершил поездку в Сеул.

О важности корейского направления в морских исследованиях России свидетельствует плавание к берегам Японского моря вице-адмирала И.А. Шестакова, управлявшего Морским министерством с 1882 г. В июне 1886 г. с парохода «Москва» он руководил экспедицией на острова Комундо. Узнав о создании там наблюдательного поста британского флота, И.А. Шестаков постарался убедить своих российских коллег – дипломатов, работавших в Японии и Корее, в необходимости русского плацдарма на полуострове, принимал участие в работе над вторым и на этот раз секретным российско-корейским соглашением. Вице-адмирал настаивал на том, что «...Корея нуждается в российской защите, и за обеспечение безопасности может уступить России свои порты; ...взамен Вонсана Корее можно будет сделать ряд уступок» [27, л. 76].

Узнав о готовящемся секретном соглашении, активизировались конкуренты России на корейском направлении: Великобритания предлагала правительству Китая немедленно оккупировать Корею, а Японии выдвинула проект раздела страны между Китаем и Японией. Китай же не принял таких предложений и предпочел вступить в переговоры с Россией в августе 1886 г.; они закончились договоренностью о взаимных гарантиях ненападения на

Корею. Министр иностранных дел России Н.К. Гирс расценил этот договор как соглашение, создающее условия для ненападения на Корею со стороны других западных держав.

В мае 1887 г. Н.К. Гирс потребовал от Управления военно-морского флота обеспечить частое посещение Кореи российскими военными кораблями. В связи с этим основной задачей Тихоокеанской эскадры стало усиление политического влияния России на Корейском полуострове и ее позиционирование как государства, имеющего возможность противостоять любым посягательствам на суверенитет Кореи. Командующий Тихоокеанской эскадрой контр-адмирал А.А. Корнилов получил приказ направить в порт Чемульпхо один из боевых кораблей. Исполняя приказ властей, в начале мая 1887 г. парусно-винтовой клипер «Вестник» посетил порт Чемульпхо, в конце мая канонерская лодка «Бобр» заходила в Пусан и Вонсан. Линкор «Анна» под командованием Ф.К. Гека в июле 1887 г. возобновил регулярное обследование япономорского берега Кореи. Капитан Гек получил приказ «...следуя вдоль восточного побережья Корейского полуострова, исследовать возможные места якорных стоянок и укрытия военных кораблей» [28, л. 127]. В докладе по итогам экспедиции он подчеркнул, что «оккупировав бухту Посьет, Россия перекроет Китаю путь в Маньчжурию и тем самым усилит свое давление на Китай и влияние в Корее» [28, л. 138]. К докладу были приложены картографические наброски ряда бухт и гаваней восточного побережья Кореи и южной части современного Приморья.

18 марта 1888 г. новый командующий Тихоокеанской эскадрой В.П. Шмидт прибыл в порт Чемульпхо на фрегате «Дмитрий Донской» в сопровождении канонерской лодки «Бобр», откуда он по реке Ханган направился в Сеул и далее, при подготовке и в ходе плавания были созданы, а затем отправлены в Главное гидрографическое управление карты корейских реки и их описание [29, л. 1–3]. В июле 1894 г. посол России в Корее К.И. Вебер направил директиву командующему Тихоокеанской эскадрой С.П. Тыртову обеспечить резервную линию охранения в порту Чемульпхо, к тому времени уже ставшему местом постоянного базирования кораблей российского флота.

Наряду с дипломатическими усилиями Россия не прекращала исследовательских работ в водах Кореи, канонерская лодка «Сивуч» с мая по июль 1895 г. проводила изыскания в северной части Корейского полуострова, охватив бухты и заливы, расположенные в дельте реки Туманган: Гашкевича, Курингай, Сопонг, Цинзани, Хокорпунга, Когай, Экспедиции, Корнилова и др. Капитан лодки П.Ф. Юрьев пришел к заключению, что «наиболее надежным убежищем для военно-морских сил России в случае возникновения войны является залив Корнилова» [30, л. 41] (совр. – Раджинпхо, провинция Северный Хамгён, КНДР). Именно там сегодня располагается один из наиболее значимых япономорских портов КНДР – Раджин, включенный

в 1996 г. в состав СЭЗ «Раджин – Сонбон», ориентированной на развитие морских грузоперевозок. Выводы российских исследователей, сделанные во второй половине XIX в., выдерживают испытания современностью. 14 июля 1895 г. во время высочайшей аудиенции правитель Кореи Коджон высоко оценил результаты топографических съемок восточного побережья страны, включая наработки «Сивуча» [26, л. 93].

В ноябре 1895 г. исследователи, работавшие на канонерской лодке «Кореец», подготовили подробный доклад о стратегической значимости восточного берега Кореи для России. Они провели детальные замеры гаваней и заливов портов Синпхо, Вонсана, Масана, а также островов Корейского пролива Кочжедо (провинция Южный Кёнсан, Республика Корея) и Цусима; работа осуществлялась в целях создания стационарных постов военно-морских сил России. В описании порта Вонсан говорилось: «Залив Браутона, включая бухту Лазарева, является важным пунктом на всем побережье от бухты Посьет до Пусана. На восточном берегу полуострова Нахимова располагается множество гор, сам полуостров отделен от материка несколькими возвышенностями. Южный берег залива Браутона обладает гораздо большим количеством преимуществ, чем предполагали японцы, выбравшие этот район в качестве места проживания и торговли... Принимая во внимание близость к Владивостоку, Вонсан имеет большое стратегическое значение, он важен для торговых контактов, поэтому есть необходимость проведения измерений и создания подробных карт этой местности, а также климатических исследований в ближайшие два года... Вонсан является местом сосредоточения внутренней и внешней торговли, соединяется наземными путями с Сеулом и Пхеньяном и находится близко от российской границы». Определяя будущее Вонсана, русские моряки внесли ряд конкретных предложений: «1) открыть русское консульство в Вонсане; 2) провести телеграфные линии от Вонсана до Сеула и Пусана; 3) начать предварительные ис-

следования для строительства железной дороги из Вонсана в Пхеньян и далее в Сибирь; 4) обеспечить скоростное транспортное сообщение с Владивостоком, как минимум трижды в месяц» [31, л. 34].

Не остались без внимания и достоинства порта Масан: «Обладая длиной в 8,5 миль, максимальной шириной в 3 мили и постоянной глубиной в 5–7 сажень, залив Масанпхо является отличным местом для якорной стоянки, но самым главным преимуществом здесь представляется наличие хорошей дороги, ведущей из южной части полуострова к Сеулу, что делает Масан особо значимым для ведения торговли и установления армейских опорных пунктов» [31, л. 42].

Разумеется, морские исследования у берегов Кореи проводились Россией с целью усиления собственной военно-морской мощи, но в отличие от других участников корейских событий второй половины XIX в. только наша страна последовательно выступала за сохранение статус-кво на полуострове и суверенитета Кореи. Столкнувшись с нарастающей конкуренцией Японии, особенно после ее победы в Китайско-японской войне 1894–1895 гг., российские власти немного сместили акценты своей дальневосточной политики: поддержка корейского суверенитета теперь нуждалась в дополнительных мерах, а именно – в согласовании позиции с европейскими державами и США при одновременном наращивании военной мощи Тихоокеанской России. Иными словами, с одной стороны, усилия должны быть направлены на мирное разрешение ситуации в Корее, но с другой – Россия должна быть готова противостоять потенциальной военной агрессии японцев. В конечном итоге российское руководство приступило к созданию оборонительного плацдарма в Маньчжурии, сохраняя долгосрочную политику по сохранению статус-кво в Корее. Активное изучение прибрежных вод Корейского полуострова во второй половине XIX в. облегчало решение многие стратегических проблем, проявившихся в преддверии Русско-японской войны 1904–1905 гг.

Литература и источники

1. Аннотированный реестр описей фондов Российского государственного архива военно-морского флота (1696–1917) / сост. Т.П. Мазур. СПб.: РБЦ «Блиц», 1996. 512 с.
2. Российский государственный архив военно-морского флота (РГА ВМФ). Ф. 1331. Атласы, карты и планы архива центрального картографического производства ВМФ. 1550–1920 гг. Оп. 1–14.
3. Зайчиков В.Т. Корея. М.: Государств. изд-во географич. лит-ры, 1951. 480 с.
4. Зайчиков В.Т. Вклад русских ученых в исследование Кореи // Вопросы географии. 1948. №8. С. 37–60.
5. Гарин-Михайловский Н.Г. Из дневников кругосветного путешествия (по Корее, Маньчжурии и Ляодунскому полуострову). М.: Государств. изд-во географич. лит-ры, 1949. 404 с.
6. Описание Кореи. М.: Изд-во восточ. лит-ры, 1960. 662 с.
7. По Корее. Путешествия. 1885–1896 гг. М.: Изд-во восточ. лит-ры, 1958. 292 с.
8. Симбирцева Т.М. Фрегат «Паллада» у корейских берегов // Восточная коллекция. 2002. №4. С. 66–73.
9. Симбирцева Т.М. Пребывание в Корее экспедиции адмирала Путятина (1854) и некоторые ее оценки в южнокорейской историографии // Вестник Центра корейского языка и культуры. Вып. 3–4. СПб.: СПбГУ, 1999. С. 96–116.
10. Чхве Мёнбок. Токтова Росия (Острова Токто и Россия). Сеул: Хэнь чолляк, 1999. 216 с.
11. Сим Хонён. Роильчондженги росиай тонъасиа хэнь кунсачоллякква Токтоый висанъ (Военно-морская стратегия России в период русско-японской войны и положение островов Токто) // Кукка чолляк. 2008. Т. 14. №2. С. 114–142.
12. Чхве Доккю. Чеджонъ Росиай Ханпандо Чонъчхэк (Политика царской России на Корейском полуострове). Сеул: Кённин Мунхваса, 2008. 149 с.

13. Ли Джинмён. Токто чирисаный чэбальгён (Повторное географическое открытие островов Токто). Сеул: Санин, 1998. 145 с.
14. Чхве Сою. Кумичхык мунхоне натханан Токто (Острова Токто в исторических памятниках Европы и Америки) // Токто Ёнгу. 1985. С. 242–256.
15. Гончаров Н.А. Фрегат «Паллада». Очерки путешествия: в 2-х т. Саратов: Приволж. кн. изд-во, 1986. 573 с.
16. РГА ВМФ. Ф. 296. Оп. 1. Д. 75.
17. РГА ВМФ. Ф. 870. Оп. 1–3. Д. 7208.
18. РГА ВМФ. Ф. 410. Оп. 2–2. Д. 2385.
19. РГА ВМФ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 244.
20. РГА ВМФ. Ф. 240. Оп. 1. Д. 6.
21. РГА ВМФ. Ф. 410. Оп. 2–2. Д. 3088.
22. РГА ВМФ. Ф. 23. Оп. 1. Д. 52.
23. История Кореи (с древнейших времен до наших дней): в 2-х т. М.: Наука, 1974. Т. 1. 470 с.
24. РГА ВМФ. Ф. 410. Оп. 2. Д. 4122.
25. РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 206.
26. РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 257.
27. РГА ВМФ. Ф. 26. Оп. 1. Д. 4.
28. РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 312.
29. РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 382.
30. РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 1340.
31. РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 1341.

References

1. *Annotirovannyi reestr opisei fondov Rossiiskogo gosudarstvennogo arkhiva voenno-morskogo flota (1696–1917)* [The annotated register of inventories of funds at the Russian State Navy Archive (1696–1917)]. T.P. Mazur (comp.). St. Petersburg, Blits Publ., 1996, 512 p. (in Russian).
2. *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv voenno-morskogo flota (RGA VMF)* [Russian State Navy Archive], f. 1331. *Atlasy, karty i plany arkhiva tsentral'nogo kartograficheskogo proizvodstva VMF. 1550–1920 gg.* [Atlases, maps and plans at the Archive of Navy central cartographical production. 1550–1920], op. 1–14 (in Russian, unpublished).
3. Zaichikov V.T. *Koreya* [Korea]. Moscow, Geograficheskaya Literatura State Publ., 1951, 480 p. (in Russian).
4. Zaichikov V.T. *Vklad russkikh uchenykh v issledovanie Korei* [Contribution of Russian scientists to Korean Studies]. *Voprosy geografii* [Geography Questions], 1948, no. 8, pp. 37–60 (in Russian).
5. Garin-Mikhailovskii N.G. *Iz dnevnikov krugosvetnogo putesthestviya (po Koree, Man'chzhurii i Lyaodunskomu poluostrovu)* [From diaries of around-the-world voyage (across Korea, Manchuria and the Liaodong Peninsula)]. Moscow, Geograficheskaya Literatura State Publ., 1949, 404 p. (in Russian).
6. *Opisanie Korei* [Description of Korea]. Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 1960, 662 p. (in Russian).
7. *Po Koree. Putesthestviya. 1885–1896 gg.* [Across Korea. Travels in 1885–1896]. Moscow, Vostochnaya Literatura Publ., 1958, 292 p. (in Russian).
8. Simbirtseva T.M. *Fregat «Pallada» u koreiskikh beregov* [The Pallada frigate at the Korean coast]. *Vostochnaya kollektsiya* [Oriental Collection], 2002, no. 4, pp. 66–73 (in Russian).
9. Simbirtseva T.M. *Prebyvanie v Koree ekspeditsii admirala Putyatina (1854) i nekotorye ee otsenki v yuzhnokoreiskoi istoriografii* [Admiral Putyatin expedition's stay in Korea (1854) and some of its estimates in South Korean historiography]. *Vestnik Tsentra koreiskogo yazyka i kul'tury* [Proceedings of the Center for Korean Language and Culture], issue 3–4. St. Petersburg, St. Petersburg Univ. Press, 1999, pp. 96–116 (in Russian).
10. Choi Myongbok. *Toktova Rosia (Ostrova Tokto i Rossiya)* [Tokto Islands and Russia]. Seoul, Haeyang Cheollyagyu Publ., 1999, 216 p. (in Korean).
11. Sim Heoneong. *Roil'chondzhen"gi rosiayi ton"asia kheyan" kunsachollyakkva Toktoyi visan" (Voенно-морская стратегия России в период русско-японской войны и положение островов Токто)* [Naval strategy of Russia during Russia-Japanese War and position of Tokto Islands]. *Kukka Cheollyak* [State Strategy], 2008, vol. 14, no. 2, pp. 114–142 (in Korean).
12. Choi Dokgyu. *Chedzhon"rosiayi Khanpando Chon"chkhek (Politika tsarskoi Rossii na Koreiskom poluostrove)* [Policy of Imperial Russia toward Korean peninsula]. Seoul, Keongin Munkhvasa Publ., 2008, 149 p. (in Korean).
13. Lee Chinmyong. *Tokto chirisan"yi chebal"gen (Povtornoe geograficheskoe otkrytie ostrovov Tokto)* [Repeated geographical discovery of Tokto Islands]. Seoul, Sanin, 1998, 145 p. (in Korean).
14. Choi Sogyu. *Kumichkhyk munhone natkhanan Tokto (Ostrova Tokto v istoricheskikh pamyatnikakh Evropy i Ameriki)* [Tokto Islands in European and American historical sources]. *Tokto Engu* [Studies of Tokto Islands], 1985, pp. 242–256 (in Korean).
15. Goncharov N.A. *Fregat «Pallada». Ocherki putesthestviya* [The Pallada frigate. Travel essay], vol. 1–2. Saratov, Privolzhskoe Knizhnoe Publ., 1986, 573 p. (in Russian).
16. *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv voenno-morskogo flota (RGA VMF)* [Russian State Navy Archive], f. 296, op. 1, d. 75 (in Russian, unpublished).
17. *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv voenno-morskogo flota (RGA VMF)* [Russian State Navy Archive], f. 870, op. 1–3, d. 7208 (in Russian, unpublished).
18. *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv voenno-morskogo flota (RGA VMF)* [Russian State Navy Archive], f. 410, op. 2–2, d. 2385 (in Russian, unpublished).
19. *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv voenno-morskogo flota (RGA VMF)* [Russian State Navy Archive], f. 16, op. 1, d. 244 (in Russian, unpublished).
20. *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv voenno-morskogo flota (RGA VMF)* [Russian State Navy Archive], f. 240, op. 1, d. 6 (in Russian, unpublished).
21. *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv voenno-morskogo flota (RGA VMF)* [Russian State Navy Archive], f. 410, op. 2–2, d. 3088 (in Russian, unpublished).
22. *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv voenno-morskogo flota (RGA VMF)* [Russian State Navy Archive], f. 23, op. 1, d. 52 (in Russian, unpublished).

23. *Istoriya Korei (s drevneishikh vremen do nashikh dnei)* [Korean history (since ancient times up to our days)], vol. 1–2. Moscow, Nauka Publ., 1974, vol. 1, 470 p. (in Russian).
24. *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv voenno-morskogo flota (RGA VMF)* [Russian State Navy Archive], f. 410, op. 2, d. 4122 (in Russian, unpublished).
25. *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv voenno-morskogo flota (RGA VMF)* [Russian State Navy Archive], f. 417, op. 1, d. 206 (in Russian, unpublished).
26. *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv voenno-morskogo flota (RGA VMF)* [Russian State Navy Archive], f. 417, op. 1, d. 257 (in Russian, unpublished).
27. *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv voenno-morskogo flota (RGA VMF)* [Russian State Navy Archive], f. 26, op. 1, d. 4 (in Russian, unpublished).
28. *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv voenno-morskogo flota (RGA VMF)* [Russian State Navy Archive], f. 417, op. 1, d. 312 (in Russian, unpublished).
29. *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv voenno-morskogo flota (RGA VMF)* [Russian State Navy Archive], f. 417, op. 1, d. 382 (in Russian, unpublished).
30. *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv voenno-morskogo flota (RGA VMF)* [Russian State Navy Archive], f. 417, op. 1, d. 1340 (in Russian, unpublished).
31. *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv voenno-morskogo flota (RGA VMF)* [Russian State Navy Archive], f. 417, op. 1, d. 1341 (in Russian, unpublished).

УДК 94 (71)

LARISA NIKOLAEVNA GARUSOVA

Doctor of Historical Sciences, Professor,
Professor of Asia Pacific Department,
School of Regional and International Studies,
Far Eastern Federal University.
690922, Russian Federation, Vladivostok, Russky Island, Ajax-10, D 415.
E-mail: lgarusova@mail.ru

The Immigration Policy of Canada: historical experience

Productive use of opportunities of international migration largely depends on effective immigration policy of the host state. In its historical development, Canada has great immigration experience that could be applied in other countries. The evolution of Canadian immigration policy was considered on the analysis of Canadian literature and sources, including the immigration laws of Canada of the 19th–21st centuries. The author has identified the main trends in the development of the immigration process in Canada from the classical colonial period to the present time. It was formulated author's periodization of the immigration policy of Canada, which includes 4 main stages. The immigration policies of the Canadian state depend on the needs of the economy, ideas about social organization, the foreign policy interests, and the international situation. The most essential changes have occurred over the last 50 years. Canadian immigration policy has abandoned the principles of discrimination of migrants on racial-ethnic lines and focused on service socio-economic needs of the country. The author has identified the recent trend for the enhancement of the humanitarian component in its structure that can become the main feature of the immigration policy of the Canadian state in the 21st century.

Keywords: Canada, immigration policy, racial and ethnic discrimination, immigration laws, Chinese immigration, immigrants from the United States and Europe, economic immigration programs.

ЛАРИСА НИКОЛАЕВНА ГАРУСОВА

Доктор исторических наук, профессор,
профессор кафедры Тихоокеанской Азии,
Школа региональных и международных исследований,
Дальневосточный федеральный университет.
690922, Россия, г. Владивосток, о. Русский, б. Аякс-10, D 415.
Тел.: +7 (953) 228-00-79, e-mail: lgarusova@mail.ru

Продуктивное использование возможностей международной миграции во многом зависит от продуманной и эффективной иммиграционной политики принимающего государства. В ходе своего исторического развития именно Канада накопила огромный иммиграционный опыт, который может быть востребован и другими странами. Эволюция канадской иммиграционной политики рассмотрена на основе анализа англоязычной литературы и источников, в том числе иммиграционных законов Канады XIX–XXI вв. Автор выявил основные тенденции развития иммиграционного процесса в Канаде с классического колониального периода до настоящего времени. В результате исследования была сформулирована авторская периодизация иммиграционной политики Канады, включающая в себя четыре основных этапа. Иммиграционная политика канадского государства менялась в зависимости от потребностей экономики, представлений о социальной организации общества, внешнеполитических интересов страны и международной ситуации. Наиболее существенные ее изменения произошли за последние 50 лет. Канадская иммиграционная политика отказалась от принципов дискриминации мигрантов по расово-этническому признаку и сконцентрировалась на обслуживании социально-экономических потребностей страны. Автор выявил наметившуюся недавно тенденцию к повышению значимости гуманитарной составляющей в ее структуре, что может стать главной особенностью иммиграционной политики канадского государства в XXI в.

Ключевые слова: Канада, иммиграционная политика, расово-этническая дискриминация, иммиграционные законы, китайская иммиграция, иммигранты из США и Европы, экономические иммиграционные программы.

Иммиграционная политика канадского государства: исторический опыт

Миграционные процессы являются неотъемлемой частью социально-экономического, политического и культурного развития любой страны, региона мира и мирового сообщества в целом. Значение международной миграции оче-

видно: она обеспечивает соединение рабочей силы с территориально распределенными (по континентам, странам, регионам внутри стран) природными ресурсами и средствами производства, содействует в получении работы, жилья, образования, а также

социально-профессиональной и академической мобильности и изменению социального статуса. Продуктивное использование возможностей международной миграции во многом зависит от продуманной и эффективной иммиграционной политики принимающего государства. В ходе своего исторического развития именно Канада накопила огромный опыт принятия и адаптации мигрантов, который может быть востребован и в остальном мире.

Канада – это страна, созданная трудом иммигрантов. По данным Статистического бюро Канады, в 2017 г. 21,3% жителей страны являлись иммигрантами. Только в 1921 г. число иммигрантов от общего числа жителей Канады составила еще большую долю – 22,3 % [1]. На протяжении всей своей истории канадское общество развивалось под воздействием мощного притока переселенцев из других регионов мира. При этом одним из важнейших факторов, определяющих величину и национальный состав иммиграционных потоков, этно-территориальное обустройство Канады, а также ее социально-экономическое благополучие, является проводимая правительством иммиграционная политика. Иммиграционная политика Канады менялась в зависимости от потребностей экономики, представлений о социальной организации общества, внешнеполитических интересов страны и международной ситуации. В своем развитии иммиграционная политика Канады прошла ряд этапов: от действий в русле колониальной иммиграционной стратегии Лондона, до ее продолжения в несколько более свободной (а по факту хаотичной и неопределенной) форме в статусе доминиона и далее – через расовую дискриминацию «небелых» мигрантов к пониманию ценности иммиграции как квалифицированного трудового ресурса вне зависимости от его этнической принадлежности.

До середины XIX в. основной поток иммигрантов в Канаду шел в рамках традиционной колониальной системы из Англии, Шотландии и Ирландии. Большинство всех приезжих оседала в Верхней Канаде, самой быстроразвивающейся части Британской Северной Америки того времени, включавшей территорию современной провинции Онтарио. Кроме того, англоговорящее население увеличивалось в Атлантических провинциях и в городах Нижней Канады, вроде Квебека и Монреаля. Однако иммиграция в тот период времени сделала Канаду, в отличие от Соединенных Штатов, уже принимавших переселенцев со всей Западной Европы, лишь более «британской». Сюда ехало гораздо меньше переселенцев из других стран, поскольку территория Канады все еще находилась под управлением Великобритании.

Уже в качестве доминиона Великобритании в 1869 г. правительство Канады впервые предприняло попытки создать закон, регулирующий приток иммигрантов в страну. Был принят Иммиграционный акт, по которому вся ответственность на привлечение и отбор иммигрантов ложилась на иммиграционных агентов [2]. Этот период относительной неразберихи и «открытых границ» длился с 1869 г почти до конца XIX в., когда в Канаду приглашали не только англий-

ских граждан, но и наемных работников, фермеров и прислугу из других стран Западной Европы и США. В этом миграционном потоке преимущественно «белого населения» неким исключением стали китайцы, как его особенная часть, непосредственно повлиявшая на всю иммиграционную политику и законодательство Канады.

Началом массовой иммиграции китайцев в Канаду считается 1858 г., когда первая группа китайских рабочих высадилась на побережье страны в г. Виктория в провинции Британская Колумбия [3, с. 46]. В то время на востоке страны были колонии Нью-Брансуик, Ньюфаундленд, Остров Принца Эдуарда и Новая Шотландия, а также Онтарио и Квебек. На западном тихоокеанском побережье находилась колония Ванкувер, расположенная на одноименном острове. Ни в одной из этих колоний не было иммиграционных ограничений. Большинство китайских иммигрантов прибывали в Канаду из южных прибрежных провинций Гуандун и Фуцзянь, а также из британских и португальских владений в Гонконге и Макао.

Поскольку канадская Британская Колумбия находилась далеко как от Европы, так и восточной части Северной Америки, то Китай оказался для нее ближайшим ресурсом дешевой рабочей силы. В апреле 1858 г. новость о золоте, найденном в долине реки Фрейзер, привлекла большое количество золотоискателей, в том числе и китайцев, которые были заняты на золотых приисках и строительстве железных дорог в Калифорнии. 28 июня 1858 г. первая группа китайцев, прибывших на судне из Сан-Франциско, высадилась в г. Виктория – столице Британской Колумбии. Иммиграция китайцев в Британскую Колумбию началась организованно, а сами иммигранты были наняты компаниями Сан-Франциско и Гонконга. Первое же прибытие китайцев из Гонконга зафиксировано в 1859 г. Наиболее состоятельные из них открывали маленькие предприятия в Виктории, такие как прачечные, рестораны и др. Крупнейшей из таких предприятий была компания Квон Ли (Kwong Lee), транспортировавшая продовольствие из Китая в Британскую Колумбию [4].

Однако большая часть прибывавших китайцев не имела средств и была вынуждена работать на приисках или обслуживать белое население, особенно после 1860 г., когда китайские иммигранты прибывали преимущественно из Китая, а не из Калифорнии, и поэтому не имели шахтерского опыта. Те же китайцы, которые работали на шахтах, старались не создавать конкуренцию белым золотоискателям и тем самым избегать антикитайских настроений. Согласно первой канадской переписи населения 1871 г., в Британской Колумбии проживало 1 548 выходцев из Поднебесной, треть из которых концентрировались в Виктории [4]. С последующими годами их число увеличилось, несмотря на то, что некоторые китайцы покинули Канаду, когда золотая лихорадка пошла на спад.

К 1884 г. в Британской Колумбии насчитывалось более 30 городов с китайскими общинами. В Викто-

рии было сосредоточено большинство коммерческих предприятий и богатых людей. Китайская диаспора в столице состояла в основном как из предпринимателей, так и из прислуги в домах богатейших жителей города. Самыми распространенными китайскими фамилиями в то время были Чжоу, Ли, Хуан, Чэнь, Линь, Лян, Ма и У. Однако данные фамилии не были разбросаны по провинции, а были сконцентрированы в определенных местах. Около половины китайцев в Нанаймо носили фамилию Ма, почти четверть китайцев в Йеле были с фамилией Ли. Любые контакты китайских диаспор с правительством провинции или страны осуществлялись посредством генерального консула в Сан-Франциско.

Сложные взаимоотношения китайских общин как между собой, так и с правительством Британской Колумбии, дискриминация китайцев и необходимость отстаивания их интересов перед канадскими властями, а также проблема роста этнической преступности (игорные дома, опиумокурильни, проституция и т. д.) актуализировали вопрос о создании собственной организации иммигрантов, способной преодолевать или смягчать возникающие затруднения. Поэтому в 1884 г. была создана Китайская объединенная благотворительная ассоциация, влияние которой распространилось на все китайское сообщество в Канаде. Появление такой организации служит подтверждением общей закономерности социализации и адаптации мигрантов в любом принимающем обществе: а) либо через негосударственные организации самопомощи и помощи мигрантам; б) либо посредством государственной политики, прежде всего, через систему школьного образования и обучение на языке принимающего общества (как, например, в США). Поскольку канадские школы оказались закрытыми для китайцев, а местные власти проводили дискриминационную политику в их отношении, то единственно возможным путем адаптации к реалиям принимающего общества оказалось создание организаций-посредников между властями и белым населением с одной стороны и китайскими общинами (на фоне их капсуляции в чайнатаунах) с другой.

Китайская объединенная благотворительная ассоциация взяла на себя именно такие – регулирующие и контролирующие функции, а также роль посредника между китайцами и белым населением. Она занималась поддержанием порядка в чайнатаунах и старалась выступать арбитром при мелких правонарушениях до того, как о них будет сообщено в полицию. Для вступления в эту организацию требовалось заплатить взнос в размере 2 долларов. Если же кто-то не мог заплатить столько, то он был обязан заплатить ассоциации уже 10 долларов, прежде чем ему будет разрешено вернуться на родину [5]. Разумеется, подобные взносы носили добровольно-принудительный характер.

Согласно своему названию, ассоциация также занималась благотворительностью. Она собирала деньги, чтобы помочь бедным и недееспособным людям в возрасте старше 60 лет вернуться в Китай, посылала денежные пособия китайцам, жившим в

Канаде, Китае и других странах. Кроме этого, ассоциация построила больницу, где размещали бедняков и бездомных, а также собирала деньги на похороны в случае их смерти в ее стенах. На деньги, собранные организацией, на месте построенной в Виктории в 1885 г. больницы для китайцев, которая называлась «Комнатой покоя» (Peaceful Room), в 1895 г. был воздвигнут госпиталь для китайцев (Chinese Hospital). В случае смерти китайского иммигранта ассоциация выделяла денежные средства на транспортировку его тела на родину и предание его земле.

В начале 1880-х гг. было начато строительство Канадской тихоокеанской железной дороги (Canadian Pacific Railway, CPR), где было занято огромное количество китайских рабочих. Несмотря на имевшиеся в Виктории антикитайские настроения, в мае 1882 г. премьер-министр Канады Джон А. Макдональд заявил, что если жители Британской Колумбии хотят получить железную дорогу в ближайшие сроки, то им придется нанять китайцев [6]. Некоторые китайские рабочие прибывали по суше из США, некоторые же – по морю из Китая, и таких было больше. В 1885 г. Королевская комиссия по китайской иммиграции (Royal Commission on Chinese Immigration) отметила, что за четыре года строительства железной дороги (с 1881 по 1884 гг.) в Канаду прибыло порядка 17 000 китайцев, среди которых свыше 10 000 приехали из Китая [4].

Китайский труд использовался на строительстве почти всех железнодорожных линий в Британской Колумбии, но число белых рабочих превосходило число китайских. Однако на отрезке дороги между Литтоном (Lytton) и Камлупсом (Kamloops) преобладало число китайских рабочих. О жизни китайцев в палаточных лагерях известно очень мало главным образом потому, что не сохранилось никаких документов или дневниковых записей самих китайцев за период строительства железной дороги. Известно, однако, что в одном месте могло жить и работать порядка тысячи китайских иммигрантов, и в таких поселениях были даже собственные закусочные, прачечные и парикмахерские. Крупные палаточные лагеря находились в Порт-Муди (Port Moody), Йеле (Yale) и Савоне (Savona) [7]. Последняя часть Канадской тихоокеанской железной дороги была построена в 1885 г., после чего китайских рабочих уволили. Некоторые из них вернулись на родину, некоторые же остались в Канаде и устроились на лесозаготовках, консервных заводах, трудились в угольных шахтах и в качестве прислуги.

Наплыв китайских иммигрантов, особенно в период железнодорожного бума, а также попытки их «организационного оформления» вызвали опасения и антикитайские настроения в канадском обществе и его элите. Китайцы считались в Канаде «расой чужаков», рабочие видели в них конкурентов, белое население относилось к ним презрительно за «варварский язык», чуждый образ жизни и культуру. Трудолюбие и неприхотливость китайских рабочих, а также очевидная выгода от использования их труда для экономики Канады в расчет не принимались.

В ходе строительства Канадской тихоокеанской железной дороги, с продвижением китайцев в восточные провинции, антикитайские настроения усиливались и там. В результате в 1885 г. правительство Канады приняло специальный Акт – закон в отношении китайских иммигрантов (Chinese Immigration Act of 1885). Согласно этому закону с китайцев взимали пошлину в размере 50 долларов при въезде в страну, тем самым ограничивая и регулируя иммиграцию из Китая. От уплаты налога освобождались дипломаты, студенты, ученые, торговцы и туристы [8]. Однако ограничительные меры не остановили китайскую иммиграцию. К началу двадцатого века в Канаде насчитывалось около 28 000 выходцев из Китая [9]. В свою очередь, иммиграционная политика канадского государства была направлена на дальнейшую дискриминацию китайских мигрантов. Акт о государственной службе, принятый в 1917 г. значительно ограничил сферу деятельности китайцев, запретив им работать на предприятиях, финансируемых из государственного бюджета, в банковском деле, юриспруденции, медицине, а также преподавать в университетах и школах Канады.

Китайский иммиграционный акт (Chinese Immigration Act) или Акт об исключении китайцев (Chinese Exclusion Act) 1923 г. стал апогеем борьбы канадской общественности с «чужаками», прибывавшими из Китая на заработки. Согласно этому закону, «каждый человек китайского происхождения, проживающий в Канаде, независимо от гражданства, должен зарегистрироваться в течение 12 месяцев после вступления закона в силу и обязан получить свидетельство о регистрации. В противном случае его ожидало наказание в виде штрафа в 500 долларов или тюремного заключения до 12 месяцев, или оба эти наказания одновременно» [10]. Данный акт прекратил на несколько десятилетий иммиграцию китайцев в Канаду и легализовал подчиненный статус для тех, кто уже находился в стране. Акт о китайской иммиграции был аннулирован в мае 1947 г. Актом о канадском гражданстве 1947 г. избирательные права и гражданство предоставлялись всем канадцам вне зависимости от того, где они родились. Тем самым было покончено с «эрой унижений» для китайских иммигрантов.

Отношение к иммигрантам в Канаде улучшалось по мере изменения ее законодательства. В 1988 г. парламент «страны иммигрантов» принял Акт о мультикультурализме (Canadian Multiculturalism Act), провозгласивший ценность традиций и культуры всех диаспор, проживающих на территории Канады, а также их сохранение и поддержку. Такая политика государства ускорила «привыкание» белого населения к иммигрантам, сгладила шероховатости в их взаимоотношениях, а также помогла представителям различных этнических групп влиться в канадское общество.

В отличие от китайской иммиграции, оказавшейся для Канады в XIX в. во многом чужеродной, вынужденной и незапланированной, иммиграция из Европы и США приветствовалась. Иммиграционная

политика канадского государства на рубеже веков была сориентирована на приток «белых» мигрантов, преимущественно крестьян и фермеров. Именно их приток в Канаду в большей степени, чем китайская иммиграция, оказал влияние на формирование канадского общества. Массовая миграция американских фермеров, а также крестьян уже из Центральной и Восточной Европы, в том числе украинцев из Австро-Венгрии и духоборов из России, привела к освоению западных, прерийных территорий Канады. Благодаря аграрной миграции успешно заработал Закон о земельных участках (гомстедах) Доминиона Канада от 1872 г., согласно которому любому переселенцу в возрасте от 21 года и старше передавались в собственность 64,7 га свободной земли при условии, что он заплатил пошлину в 10 долларов и прожил на этой земле 3 года, построил дом и обработал 12,1 га земли. После образования провинций Саскачеван и Альберта в 1905 г. оказалось, что больше половины иммигрантов этих регионов составляют американские фермеры. Если в 1896 г. число мигрантов из США едва достигало 2 тыс. человек, то в 1900 г. оно составляло уже 18 тыс. человек, в 1904 г. – 44 тыс. В 1909 г. общее число американцев, прибывших в Канаду, превысило 100 тыс. человек. Их было почти столько же, сколько прибыло мигрантов из Европы. За 17 лет до начала Первой мировой войны в Канаду переселилось около 3 миллионов иммигрантов [11, с. 74].

Если на протяжении XIX века иммиграционная политика в Канаде, за редким исключением, придерживалась принципа «открытых границ», то уже в первые десятилетия XX века происходит ее ужесточение. В 1910 г. федеральный парламент принял очередной Акт об иммиграции, в котором определялись три класса «нежелательных» иммигрантов: лица с физическими, психическими или моральными недостатками; лица, относящиеся к национальностям, от которых трудно ожидать ассимиляции в Канаде (речь, разумеется, шла о «небелых» мигрантах); лица, склонные к проживанию в городских зонах, которые могут способствовать тем самым росту безработицы [12]. В том же году были введены правила, касающиеся всех иммигрантов из Азии, предписывающие, чтобы эти лица пребывали в Канаду непосредственно из своих стран, а не через третьи страны, чем была ограничена, например, миграция из Индии, не имевшей прямого сообщения с Канадой. Тем не менее даже такая дискриминационная иммиграционная политика вызывала недовольство канадских консерваторов, которые требовали от правительства более жестких критериев отбора для новых поселенцев. В результате ужесточения иммиграционного законодательства в 1915–1925 гг. количество иммигрантов резко уменьшилось, прежде всего за счет китайских иммигрантов.

После Второй мировой войны, в условиях возросшей потребности канадской экономики в трудовых ресурсах, изменились иммиграционные приоритеты канадского государства. Правительство Канады заявило о необходимости активной иммиграционной политики, направленной на усиление экономиче-

ского развития страны. При этом предполагалось проводить более тщательный отбор кандидатов на канадское гражданство с тем, чтобы число иммигрантов не превысило так называемый «абсорбционный потенциал» страны, т. е. не изменило уже сложившуюся расово-этническую композицию Канады. Предпочтение отдавалась претендентам, спонсируемым родственниками в Канаде и беженцам, потерявшим свое имущество и кров во время войны. Эти два принципа отбора иммигрантам сохраняют свое значение и в современной иммиграционной политике Канады.

Потребность в высококвалифицированной рабочей силе привела к изменению канадского иммиграционного законодательства в 1962–1967 гг. и, тем самым, открыла новый этап миграционной политики канадского государства. Источником квалифицированных специалистов, нехватка которых остро ощущалась в Канаде, в то время могли стать страны Азии, въезд иммигрантов из которых ранее ограничивался. Принятый в 1962 г. иммиграционный закон снимал расовые и этнические ограничения и впервые вводил понятие профессиональной иммиграции. Согласно новому закону, главным условием приема «независимых» иммигрантов в Канаду является соответствие их профессиональных качеств спросу на канадском рынке труда или наличие довольно крупного состояния, а не их этническое происхождение [13]. В 1967 году была разработана объективная балльная система определения квалификации и знания языка профессионального иммигранта. С этого времени третьим и ключевым критерием отбора претендентов на постоянное место жительства в Канаде стала их «экономическая целесообразность», профессиональное и квалификационное соответствие кандидата потребностям экономики страны.

Изменения в иммиграционной политике государства существенно повлияли на структурный состав канадской иммиграции – к концу 1990-х годов доля иммигрантов из стран Азии, Африки, Латинской Америки увеличилась до 80%. Тенденция к увеличению числа выходцев из неевропейских стран сохраняется и сегодня, что породило в Канаде феномен так называемых «видимых меньшинств», не поддающихся – даже при желании с их стороны, полной ассимиляции. Наиболее многочисленным «видимым меньшинством» в Канаде, в начале XXI в. стали представители народов Южной Азии, прежде всего выходцы из Индии и Пакистана. Если раньше самым обширным «видимым меньшинством» в стране являлись китайцы, то сегодня акценты сместились. Несмотря на то, что иммиграционные потоки из Китая в Канаду по-прежнему стабильны, они по своей интенсивности уступают предыдущим периодам. Многие канадские китайцы становятся таковыми не столько в результате прямой иммиграции, сколько в качестве представителей новых поколений, потомков некогда иммигрировавших предков.

Современная иммиграционная политика Канады реагирует не только на потребности экономического развития страны, но и на изменение международной

ситуации, обострение угроз национальной и региональной безопасности. Так, на фоне борьбы с международным терроризмом был принят федеральный закон 2001 г. «Об иммиграции и защите беженцев» (Immigration and Refugee Protection Act). Главные цели иммиграционной политики Канады были сформулированы следующим образом:

- предотвращение прибытия в Канаду лиц, создающих угрозу безопасности канадского общества;
- создание механизмов для привлечения квалифицированных работников; это позволит извлечь реальные выгоды из глобального перемещения людей;
- содействие быстрому воссоединению семей;
- предоставление убежища тем, кто в нем нуждается [14].

Этот закон отразил желание канадцев найти необходимый баланс между двумя целями: упрощением иммиграционной процедуры, в том числе для высококвалифицированных специалистов всего мира, и обеспечением безопасности всех канадских граждан.

Разумеется, что на протяжении последних десятилетий иммиграционное законодательство Канады менялось и модифицировалось, однако главный критерий отбора, принятый еще в конце 1960-х гг. и связанный с экономической целесообразностью, оставался неизменным. Именно он стал ключевым фактором формирования полиэтнической композиции современного канадского общества. Так, по данным Статистического бюро Канады за 2017 г., 61,8% канадских иммигрантов родились в Азии. Семь из десяти основных стран происхождения новых иммигрантов были азиатскими: Филиппины, Индия, Китай, Иран, Пакистан, Сирия и Южная Корея. При этом, большая часть иммигрантов – 60,3%, прибывших в Канаду в период между 2011 и 2016 гг., получили иммиграционные документы в рамках именно экономических иммиграционных программ, а менее 40% – по программам спонсорства родственников для воссоединения семей (26,8%), также имеющих «экономическую подоплеку», и только 11,6% иммигрантов прибыли по гуманитарным программам в связи с угрозой проживания в странах исхода [1].

С января 2015 года основные экономические программы иммиграции в Канаду перешли на систему отбора Express Entry, которая определяет приоритетный порядок рассмотрения документов с наилучшими анкетными данными, включающими в себя высокие профессиональные и квалификационные показатели, знание языка (языков) принимающей страны, опыт работы в Канаде и пр. Действовавший до 2015 года принцип рассмотрения документов: «первый подал первым получил» был отменен. Более половины всех кандидатов в данной системе отбора иммигрантов оказались гражданами одной из пяти стран: Индии, Филиппин, Китая, Великобритании и Ирландии. Активные участники Express Entry имеют возможность увеличить шансы на получение приглашения (ITA) за счет улучшения своего рейтинга Comprehensive Rating System (CRS), что можно сделать разными способами:

- получить дополнительный опыт работы;
- получить дополнительное образование;
- улучшить знания языка или выучить новый язык.

Благодаря введению принципа обора по программе Express Entry Канада получила возможность привлекать лучших специалистов, желающих легализоваться в Канаде, эффективно регулировать процессом иммиграции, а также принципиально сократить срок на рассмотрение документов до шести месяцев и меньше. В ходе своей апробации новая система привела к снижению количества принятых иммигрантов в 2016 г., что, однако, не исключает возможности исправления такой ситуации в будущем.

Однако в последнее время наметилась новая тенденция в канадском иммиграционном процессе, которая может внести поправки в сложившуюся систему преференций при отборе потенциальных граждан Канады. Так, к началу 2017 г., департамент иммиграции Канады выдал разрешение на постоянное место жительства (ПМЖ) 369 тыс. соискателей (на 16% меньше аналогичных показателей за 2015 г.). Из них только 39% (144 тыс.) получили право на ПМЖ по экономическим классам виз – программам для квалифицированных работников. При этом почти 26% мигрантов – более четверти всех соискателей, разрешение на ПМЖ было выдано на гуманитарных основаниях как беженцам и лицам, ищущим политическое убежище [15]. Для сравнения, в 2011–2016 гг. доля иммигрантов по гуманитарному основанию колебалась в пределах 11–12%. Так, в январе 2017 г. канадский премьер-министр Джастин Трюдо, в ответ на заявления американского президента Дональда Трампа о том, что Соединенные Штаты в условиях войны с международным терроризмом не будут принимать иммигрантов-мусульман из ряда стран, включая Сирию, написал в своем Твиттере: «Тех, кто бежит от преследований, террора и войны, канадцы будут принимать, независимо от их веры. В многообразии наша сила. Добро пожаловать в Канаду» [16]. С момента его избрания премьер-министром (осень 2015 г.), в Канаду прибыло более 39 тыс. беженцев из Сирии. Таким образом, в условиях глобальной и региональной нестабильности миграционная политика Канады, возможно, претерпевает очередную трансформацию, усиливая, наряду с традиционными экономическими приоритетами, гуманитарную составляющую.

Таким образом, иммиграционная политика Канады в своем развитии прошла четыре этапа. Первый из них – колониальный, когда она формировалась в Лондоне, а Канада, соответственно, принимала мигрантов преимущественно из Великобритании. С момента обретения Канадой статуса доминиона в 1860-е гг. и до конца XIX в. иммиграционная политика «открытых границ» Канады была сориентирована в

большей степени на переселенцев из стран Европы и США, прежде всего на фермеров и крестьян для освоения Западный, территорий пригодных для развития сельского хозяйства. На этом фоне китайская иммиграция оказалась неким инородным телом в общем миграционном потоке. Несмотря на то, что китайцы внесли заметный вклад в развитие экономики Канады, они не сумели «вписаться» в канадское общество и первые дискриминационные миграционные законы были направлены именно против них. Третий этап канадской иммиграции, продолжавшийся почти до середины XX в. был во многом дискриминационным, направленным против «небелых» мигрантов из Азии, Африки и Латинской Америки. На этом этапе, как и на двух предыдущих, полезные, с экономической точки зрения, ресурсы мигранта приносились в жертву его расово-этническим характеристикам. Потребности экономического развития Канады, а также новые представления о социально-политической организации общества и гуманитарные ценности изменили ситуацию. Радикальные изменения в иммиграционной политике канадского государства произошли во второй половине XX в., когда постепенно были сформулированы ее основные принципы, действующие и сегодня. С конца 1960-х гг. и до настоящего времени Канада сориентирована на максимальное использование профессионально-квалификационных качеств и возможностей иммигрантов.

Современная иммиграционная система и иммиграционное законодательство Канады находятся в непрерывном развитии, приспосабливаясь к потребностям национальной и региональной экономики, рынку труда и социальным инновациям. Как свидетельствует канадский опыт, все более актуальным становится привлечение высококлассных специалистов в отрасли, связанные с инновационными технологиями, создающими наукоемкие товары и высокотехнологичные услуги постиндустриального общества. Поэтому и федеральные, и провинциальные власти уделяют повышенное внимание совершенствованию собственной миграционной системы, нацеленной на решение экономических задач создания конкурентоспособного национального хозяйства, основанного на передовых технологиях. При этом, долгое время гуманитарная составляющая иммиграционной политики, хотя и была обозначена в качестве одного из приоритетов, не занимала в ней существенного места. Однако в условиях глобальной и региональной нестабильности, вызванной в том числе и международными террористическими угрозами, иммиграционная политика канадского государства готова отреагировать на них усилением гуманитарных преференций при отборе будущих граждан Канады. Это может стать новым трендом в канадской иммиграционной политике в XXI в.

Литература и источники

1. Immigration's statistics in Canada. 01.11.2017. Lex International Service. Vancouver. URL: <http://canadalex.com/immigration-news/206-statistics-immigration-canada> (дата обращения: 23.11.2017).

2. Green Alan G., Green David. The Goals of Canada's Immigration Policy: A Historical Perspective [Электронный ресурс] // Canadian Journal of Urban Research Canadian Journal of Urban Research. Summer 2004. Vol. 13. No. 1. URL: <https://www.questia.com/article/1G1-115498148/the-goals-of-canada-s-immigration-policy-a-historical> (дата обращения: 06.11.2017).
3. Казачун Г.А. Китайская диаспора в Канаде: история и современность // Россия – Восток – Запад: проблемы межкультурной коммуникации. Материалы 3-й международной научной конференции. Владивосток, 2007. Ч. 1. С. 46–52.
4. Con H., Wickberg E. From China to Canada: a History of the Chinese Communities in Canada [Электронный ресурс]. URL: <http://content.lib.sfu.ca/cdm/compoundobject/collection/mcc/id/1068/show/685> (дата обращения: 02.11.2017).
5. Chuen-Yan Lai. The Chinese Consolidated Benevolent Association: Its Origins and Functions [Электронный ресурс]. URL: <http://ojs.library.ubc.ca/index.php/bcstudies/article/view/756/798> (дата обращения: 03.10.2017).
6. Chinese Canadian History / Simon Fraser University and David See-Chai Lam Centre for International Communication [Электронный ресурс]. URL: <http://www.sfu.ca/chinese-canadian-history> (дата обращения: 09.11.2016).
7. The Chinese and the CPR [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kamloops.ca/museum/archives/pdfs> (дата обращения: 05.01.2017).
8. Perpetual foreigners [Электронный ресурс] / Metro Toronto Chinese and Southeast Asian Legal Clinic. URL: <http://www.roadtojustice.ca/laws/chinese-head-tax> (дата обращения: 16.10.2017).
9. Statistics Canada [Электронный ресурс] // Historical Statistics of Canada: Population and Migration. URL: <http://www.statcan.gc.ca/pub/11-516-x/sectiona/4147436-eng.htm> (дата обращения: 26.10.2017).
10. The Exclusion Act [Электронный ресурс] // Chinese genealogy. 2010. URL: <http://www.legacy1.net/popup/exclusion.html> (дата обращения: 10.09.2017).
11. Денисенко М.Б. Иммиграционная политика в Российской Федерации и странах Запада. М.: ИЭПП, 2003. 326 с.
12. Immigration and migration patterns 1891–1921 [Электронный ресурс] / University of Calgary. 2005. URL: http://www.ucalgary.ca/applied_history/tutor/canada1891/5frame.html (дата обращения: 07.06.2017).
13. The Commonwealth Immigrants Act 1962 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.britishcitizen.info/CIA1962.pdf> (дата обращения: 22.10.2017).
14. Immigration and Refugee Protection Act [Электронный ресурс]. URL: <http://laws.justice.gc.ca/eng/acts/i-2.5/> (дата обращения: 18.11.2017).
15. Севастьянов А. Иммиграция в Канаду 2016. Статистика, цифры, факты [Электронный ресурс]. 28 декабря 2016 г. URL: http://rospersonal.ru/expert_article/immigraciya_v_kanadu_2016_statistika_cifry_fakty/ (дата обращения: 21.11.2017).
16. Trudeau says Canada will take refugees banned by U.S. PBS. Jan 28, 2017. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.pbs.org/newshour/world/trudeau-canada-refugees-banned-u-s> (дата обращения: 31.01.2017).

References

1. Immigration's statistics in Canada. 01.11.2017. Lex International Service. Vancouver. Available at: <http://canadalex.com/immigration-news/206-statistics-immigration-canada> (accessed 23.11.2017).
2. Green Alan G., Green David. The Goals of Canada's Immigration Policy: A Historical Perspective. *Canadian Journal of Urban Research Canadian Journal of Urban Research*, summer 2004, vol. 13, no. 1. Available at: <https://www.questia.com/article/1G1-115498148/the-goals-of-canada-s-immigration-policy-a-historical> (accessed 06.11.2017).
3. Kazachun G.A. *Kitayskaya diaspora v Kanade: istoriya i sovremennost'* [The Chinese Diaspora in Canada: history and modernity]. *Rossiya – Vostok – Zapad: problemy mezhkul'turnoi kommunikatsii. Materialy 3-i mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii* [Russia – East – West: problems of intercultural communication. Materials of 3rd international scientific conference]. Vladivostok, 2007, part 1, pp. 46–52.
4. Con H., Wickberg E. From China to Canada: a History of the Chinese Communities in Canada. Available at: <http://content.lib.sfu.ca/cdm/compoundobject/collection/mcc/id/1068/show/685> (accessed 02.11.2017).
5. Chuen-Yan Lai. The Chinese Consolidated Benevolent Association: Its Origins and Functions. Available at: <http://ojs.library.ubc.ca/index.php/bcstudies/article/view/756/798> (accessed 03.10.2017).
6. Chinese Canadian History. Simon Fraser University and David See-Chai Lam Centre for International Communication. Available at: <http://www.sfu.ca/chinese-canadian-history> (accessed 09.11.2016).
7. The Chinese and the CPR. Available at: <http://www.kamloops.ca/museum/archives/pdfs> (accessed 05.01.2017).
8. Perpetual foreigners. Metro Toronto Chinese and Southeast Asian Legal Clinic. Available at: <http://www.roadtojustice.ca/laws/chinese-head-tax> (accessed 16.10.2017).
9. Statistics Canada. *Historical Statistics of Canada: Population and Migration*. Available at: <http://www.statcan.gc.ca/pub/11-516-x/sectiona/4147436-eng.htm> (accessed 26.10.2017).
10. The Exclusion Act. *Chinese genealogy*, 2010. Available at: <http://www.legacy1.net/popup/exclusion.html> (accessed 10.09.2017).
11. Denisenko M.B. *Immigratsionnaya politika v Rossiiskoi Federatsii i stranakh Zapada* [Immigration policy in the Russian Federation and the countries of the West]. Moscow, Institute of the Economy in Transition Publ., 2003, 326 p.
12. Immigration and migration patterns 1891–1921. University of Calgary, 2005. Available at: http://www.ucalgary.ca/applied_history/tutor/canada1891/5frame.html (accessed 07.06.2017).
13. The Commonwealth Immigrants Act 1962. Available at: <http://www.britishcitizen.info/CIA1962.pdf> (accessed 22.10.2017).
14. Immigration and Refugee Protection Act. Available at: <http://laws.justice.gc.ca/eng/acts/i-2.5/> (accessed 18.11.2017).
15. Sevast'yanov A. *Immigratsiya v Kanadu 2016. Statistika, tsifry, fakty* [Immigration to Canada 2016. Statistics, figures, facts], 28 Dec. 2016. Available at: http://rospersonal.ru/expert_article/immigraciya_v_kanadu_2016_statistika_cifry_fakty/ (accessed 21.11.2017).
16. Trudeau says Canada will take refugees banned by U.S. PBS. Jan 28, 2017. Available at: <https://www.pbs.org/newshour/world/trudeau-canada-refugees-banned-u-s> (accessed 31.01.2017).

УДК 314.74

GALINA IVANOVNA KANEVSKAYA

*Doctor of Historical Sciences, Associate Professor,
Senior Researcher of the Scientific Laboratory of
International Institutes and Multilateral Cooperation of the APR.
Eastern Institute – School of Regional and International Studies,
Far Eastern Federal University.
690105, Russian Federation, Vladivostok, ul. Davydova, 36.
E-mail: gkanevskaya@mail.primorye.ru*

**«Diaspora entrepreneurs» or «runaway convict revolutionaries»
(Feature of the genesis of the Russian diaspora in Australia)**

Diasporal research is a relatively new trend in Russian science. Of particular interest is the evolution of diasporas in various countries of Russian dispersion. The article deals with the initial pre-revolutionary period in the history of Russian immigration in Australia. The main attention is paid to revealing the general and particular in the formation of the Russian diaspora on the fifth continent to understand what makes it similar in a series of other waves of migration and what are its specific features inherent only in this phenomenon. The author comes to the conclusion that the specificity of the genesis of the Russian diaspora has manifested itself in the decisive role in this process of political emigrants as the most active part of immigration. The article is based mainly on the materials of periodicals of Russian immigrants in Australia.

Keywords: *Russian immigration in Australia, Russian political emigrants, institutionalization of the national diaspora.*

ГАЛИНА ИВАНОВНА КАНЕВСКАЯ

*Доктор исторических наук, доцент, старший научный сотрудник
Научной лаборатории международных институтов и
многостороннего сотрудничества АТР.
Восточный институт – школа региональных и международных исследований
Дальневосточного федерального университета.
690105, Россия, Владивосток, ул. Давыдова, д. 36.
Тел.: +7 (951) 026-79-77, e-mail: gkanevskaya@mail.primorye.ru*

Диаспоральные исследования являются сравнительно новой тенденцией отечественной науки. Особый интерес вызывает эволюция диаспор в различных странах русского рассеяния. В данной статье рассматривается начальный, дореволюционный, период истории русской иммиграции в Австралии. Главное внимание уделено выявлению общего и особенного в становлении русской диаспоры на пятом континенте для понимания того, что делает ее подобной в ряду других волн миграций и в чем ее специфические черты, присущие лишь данному феномену. Автор приходит к выводу, что специфика генезиса русской диаспоры выразилась в решающей роли в этом процессе политэмигрантов как наиболее активной части иммиграции. Статья основана главным образом на материалах периодики русских иммигрантов в Австралии.

Ключевые слова: *русская иммиграция в Австралии, русские политэмигранты, институализация национальной диаспоры.*

**«Диаспорные предприниматели» или «беглые революционеры-каторжники»
(Особенности генезиса русской диаспоры в Австралии)**

В работах и австралийских, и отечественных авторов, посвященных раннему этапу истории русских в Австралии, главный акцент делается на политической деятельности иммигрантов, на их участие в австралийском рабочем движении. Цель данной статьи показать решающую роль политэмигрантов в становлении русской диаспоры на пятом континенте.

Эмиграция россиян на пятый континент началась в конце XIX в., одновременно с началом массового исхода из России в другие страны, и продолжает-

ся до настоящего времени. Причины эмиграции и ее характер на каждом из этапов были сходны с другими странами рассеяния, но институализация русской иммиграции в Австралии имеет свои особенности.

В дореволюционный период, по сведениям русского генерального консула в Мельбурне А.Н. Абазы, численность выходцев из Российской империи в Австралии достигла 11 тыс. человек (1914 г.). Но консул считал, что эта цифра ниже действительной [1, с. 296]. Основным центром русской иммиграции в

начале XX в. стал северо-восточный штат Квинсленд и его столица Брисбен, где сосредоточились около 5 тыс. россиян. К 1911 г. в Брисбене было несколько улиц, заселенных русскими, и по численности они стали четвертой этнической группой в городе [2, с. 51]. Здесь и началось становление и развитие русских диаспорных институтов.

Русская иммиграция в это время делилась на две категории: трудовая (экономическая) и революционная (политическая). Положение и той, и другой было одинаковым: иммигрантов использовали в качестве малоквалифицированной и дешевой рабочей силы на строительстве железных дорог, в рудниках, на плантациях сахарного тростника и хлопка.

Относительная малочисленность русских в Австралии, по сравнению с другими странами, изолированность и дисперсность их расселения, жесткость условий тормозили интеграционные процессы. Не было в дореволюционный период в Австралии и русской православной церкви – одного из главных связующих центров для русских, в какой бы части земного шара они ни очутились.

Спецификой генезиса русской диаспоры в Австралии явилась решающая роль в этом процессе политэмигрантов как наиболее активной части иммиграции, которые положили начало этнической активности и самоорганизации русских, создав первые национальные структуры.

В современной литературе русских австралийцев (главным образом, выходцев из Китая) существуют иное мнение. Так, авторы «Истории русских в Австралии» голословно утверждают: «Глубоко ошибаются те историки, которые в своих трудах пишут, что российские иммигранты, прибывшие на Пятый континент в течение первого и второго периодов (по данной в книге периодизации – 1871–1920 гг. Г.К.), сыграли какую-то роль в формировании русских общин в Австралии». Они отказываются признавать, какое бы то ни было значение деятельности русских политэмигрантов, называя их «беглыми революционерами-каторжанами» [3, с. 130].

Авторам выше названного труда возражает ведущий специалист по истории дореволюционной русской иммиграции в Австралии доктор Е.В. Говор (Австралийский национальный университет), которая в своем открытом письме пишет: «в основном же это были политические ссыльные и самые обычные люди, затянутые в вихрь революции, которая всколыхнула всю страну. Но «каторжане», конечно же, создают нужный образ» [4, с. 2]. Между тем, именно среди политэмигрантов было немало людей высокой культуры, хорошо образованных, с богатым жизненным опытом и организаторскими способностями.

Как и Е.В. Говор, мы не можем согласиться с авторами «Истории русских в Австралии» и, чтобы опровергнуть их утверждение, более подробно остановимся на начальном этапе истории русских иммигрантов в Австралии.

К категории политэмигрантов, «невольных жителей Австралии», как метко называли их русские

австралийцы, относились в основном участники революционных событий 1905–1907 гг., бежавшие в большинстве своем с сибирской каторги и поселений. Численность политэмигрантов, представлявших всю палитру революционных течений России, составляла около 500 чел., и они были сосредоточены, главным образом, в штате Квинсленд [5, с. 1845]. Наиболее известным среди них стал большевик Артем – Федор Андреевич Сергеев (1883–1921), сосланный в Сибирь и бежавший в сентябре 1910 г. в Китай. Летом 1911 г. он приехал в Брисбен.

Положение соотечественников в Австралии Артем весьма точно охарактеризовал следующим образом: «Разрозненные, немые, не знающие страны и незнакомые стране, мы были послушными игрушками в руках первого встречного. Рабочие к нам относились недоверчиво, полувраждебно; высший класс нас третировал как низшую расу. И сами мы себя чувствовали как затравленные волки в незнакомом лесу» [6]. В таких условиях главная задача, вставшая, по мнению Артема, перед русскими, заключалась в сплочении всех слоев иммиграции.

Еще в 1910 г. в Брисбене появилась первая русская организация – Союз русских эмигрантов (СРЭ), кружок взаимопомощи и совместного проведения досуга. Артем и его сторонники энергично включились в деятельность СРЭ с целью преобразовать его в общественно-политическую организацию российских рабочих. Был создан Брисбенский русский рабочий клуб (БРРК), который стал сосредоточением русской жизни в Квинсленде [7, с. 26].

Но главной заботой Артема было создание русской газеты, так как он осознавал исключительно важную роль печати как коллективного организатора. Первый номер газеты «Эхо Австралии» – органа СРЭ вышел 27 июня 1912 г. в Брисбене под редакцией Артема. Подзаголовок ее гласил: «Единственная русская газета Австралии, издающаяся еженедельно по четвергам. Цена 4 п. (пенни – Г.К.)» [8]. Газета на русском языке выходила в Австралии до конца 1917 г. под разными названиями: «Известия Союза русских эмигрантов», «Известия Союза русских рабочих», «Рабочая жизнь». Газета всесторонне освещала жизнь русских иммигрантов и не только исполняла роль «пропагандиста и организатора» пролетариата, но на практике стала объединяющим центром для всей русской иммиграции, способствуя сохранению их национальной идентичности. Тираж ее быстро рос. Первоначально газета печаталась в количестве 300 экземпляров, а к декабрю 1915 г. только число подписчиков составило 654 чел.

Структурные подразделения СРЭ: газетная, театральная и библиотечная комиссии, – много внимания уделяли организации культурно-просветительной работы среди русских. Важная роль отводилась устройству русской библиотеки. Из фонда Союза выделялись деньги на выпуск литературы и периодики из России, причем, не только партийных изданий, но и популярных журналов: «Нива», «Русское богатство» и др. В фонде библиотеки имелась русская и зарубежная классика [9].

В Брисбене существовала и русская школа. Работала она ежедневно с 7 часов вечера, занятия велись двумя группами [10]. СРЭ предпринимал попытки создать школу для русских детей, но такая школа появилась только в сентябре 1919 г. в Вуллунгаббе – русском районе Брисбена. Уроки проводились дважды в неделю, и ее посещало около 50-ти детей [11].

Активно работал БРРК, где были поставлены пьесы «Женитьба» Н.В. Гоголя и «Дни нашей жизни» Л.Н. Андреева, прошедшие с большим успехом. Устраивались пикники и семейно-танцевальные вечера. Регулярно проводились лекции. Например, 17 октября 1915 г. с лекцией «Лик века. Обзор современной жизни, науки, литературы, искусства и пр.» выступил поэт С. Алымов, а 31 октября состоялась лекция на тему «Современная русская поэзия в характеристиках и образах», доход с которых пошел на выпуск новых книг для библиотеки СРЭ [12].

К 1917 г. Союз российских рабочих (СРР), как с декабря 1915 г. стал называться СРЭ, имел уже 11 отделов в различных районах Квинсленда и за его пределами, объединяя в своих рядах около 500 чел., но его влияние на соотечественников было гораздо шире. Как считает исследователь истории русской революционной эмиграции в Австралии А.И. Савченко (Днепропетровск), несколько тысяч российских эмигрантов, формально не являясь членами Союза, принимали участие в проводимых им мероприятиях и поддерживали его материально [13, с. 162].

В 1912 г. политэмигранты организовали в Брисбене Австралийское общество помощи политиче-

ским ссыльным и каторжникам в России (1912–1917 гг.). К середине 1915 г. число его членов достигло 100 чел., еще сотни русских эмигрантов поддерживали его материально. Подобные общества появились в Сиднее и Мельбурне. Всего же в Австралии до революции насчитывалось 16 российских эмигрантских организаций [14, с. 177].

Вышеприведенные факты свидетельствуют, что уже в дореволюционный период в Австралии началось становление и развитие русских диаспорных институтов: появились достаточно крупные русские организации, первая русская пресса, типография, школа, библиотеки, велась активная культурно-просветительная деятельность, что способствовало сохранению этнической основы русской диаспоры.

Решающую роль в становлении русской диаспоры и ее институтов на пятом континенте сыграли политэмигранты. Численность их была невелика, но они представляли наиболее интеллектуальную и организованную часть русской иммиграции. Деятельность политэмигрантов – «диаспорных предпринимателей» – была направлена на интеграцию русской диаспоры, часто под революционными лозунгами, результаты ее способствовали идентификации русской диаспоры как части австралийского общества.

Специфика становления русской диаспоры в Австралии подтверждает вывод одного из отечественных исследователей В.А. Тишкова, по мнению которого: «О формировании русской диаспоры можно говорить уже применительно к эмиграции XIX – начала XX в., именно они во многом подготовили почву для последующих волн» [15].

Литература и источники

1. Российская консульская служба в Австралии. 1857–1917 гг. Сборник документов. М.: Международные отношения, 2014. 352 с.
2. Наседкин В.Н. Пятнадцать лет скитаний по земному шару. М.: Географгиз, 1963. 140 с.
3. История русских в Австралии. Т. I: К 80-летию русских общин в Австралии (1923–2003). Сидней: Австралиада, 2004. 298 с.
4. Говор Е. Ненужный юбилей, «беглые революционеры-каторжане» и наша история. Открытое письмо авторам «Истории русских в Австралии». Т. I. (Сидней, 2004). Рукопись. 2 с. // Архив Г.И. Каневской.
5. Союз русских рабочих в Австралии // Коммунистический интернационал. 1920. №11. С. 1845–1848.
6. Эхо Австралии. 1912. 25 июля.
7. Артемов Ю. Русская революция в Австралии и «сети шпионажа». СПб.: Алетейя, 2017. 282 с.
8. Эхо Австралии. 1912. 23 августа.
9. Известия Союза русских эмигрантов. 1913. 26 декабря.
10. Эхо Австралии. 1912. 23 августа.
11. Encounters under the Southern Cross. Adelaide: Crawford House Publishing, 2007. 419 p.
12. Известия Союза русских эмигрантов. 1915. 20 мая.
13. Савченко А.И. Большевики и российская трудовая эмиграция в Австралии (1907–1917 гг.) // Девятнадцатая научная конференция по изучению Австралии и Океании. Тезисы докладов. Часть II. М.: ИВ АН СССР, 1988. С. 155–162.
14. Пайчадзе С.А. Русская книга в странах Азиатско-Тихоокеанского региона. (Очерки истории второй половины XIX – начала XX столетия). Новосибирск: ГПНТБСОРАН, 1995. 225 с.
15. Тишков В.А. Исторический феномен диаспоры [Электронный ресурс]. URL: http://www.kuchaknig.ru/show_book.php?book=166278 (дата обращения: 12.10.2013).

References

1. *Rossiiskaya konsul'skaya sluzhba v Avstralii. 1857–1917 gg. Sbornik dokumentov* [Russian consular service in Australia. 1857–1917 years. Collection of documents]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 2014, 352 p.
2. Nasedkin V.N. *Pyatnadtsat' let skitanii po zemnomu sharu* [Fifteen years of wandering the globe]. Moscow, Geografiz Publ., 1963, 140 p.
3. *Istoriya russkikh v Avstralii. T. I: K 80-letiyu russkikh obshchin v Avstralii (1923–2003)* [History Russians in Australia. Vol. I: On the 80th anniversary of the Russian community in Australia (1923–2003)]. Sydney, Avstraliada Publ., 2004, 298 p.
4. Govor E. *Nenuzhnyi yubiley, «beglye revolyutsionery-katorzhane» i nasha istoriya. Otkrytoe pis'mo avtoram «Istorii russkikh v Avstralii». T. I. (Sidnei, 2004). Rukopis'. 2 s.* [Needless anniversary, “escaped convicts revolutionaries” and our history. Open letter to authors of “History Russians in Australia”. Vol. I. Sydney (2004). Manuscript. 2 p.]. *Arkhiv G.I. Kanevskoi* [Archive of G.I. Kanevskaya]. (In Russian).
5. *Soyuz russkikh rabochikh v Avstralii* [The Union of Russian Workers in Australia]. *Kommunisticheskii internatsional* [The Communist International], 1920, no. 11, pp. 1845–1848.
6. *Ekho Avstralii* [Echo of Australia], 1912, 25 July.
7. Artemov Yu. *Russkaya revolyutsiya v Avstralii i «seti shpionazha»* [The Russian Revolution in Australia and the “espionage network”]. Saint Petersburg, Aleteiya Publ., 2017, 282 p.
8. *Ekho Avstralii* [Echo of Australia], 1912, 23 August.
9. *Izvestiya Soyuz russkikh emigrantov* [Proceedings of the Union of Russian Emigrants], 1913, 26 December.
10. *Ekho Avstralii* [Echo of Australia], 1912, 23 August.
11. *Encounters under the Southern Cross*. Adelaide: Crawford House Publishing, 2007. 419 p.
12. *Izvestiya Soyuz russkikh emigrantov* [Proceedings of the Union of Russian Emigrants], 1915, 20 May.
13. Savchenko A.I. *Bol'sheviki i rossiiskaya trudovaya emigratsiya v Avstralii (1907–1917 gg.)* [The Bolsheviks and the Russian labor emigration to Australia (1907–1917)]. *Devyatnadtsataya nauchnaya konferentsiya po izucheniyu Avstralii i Okeanii. Tezisy dokladov* [Nineteenth Scientific Conference on the Study of Australia and Oceania. Theses of reports], part II. Moscow, IV AN SSSR Publ., 1988, pp. 155–162.
14. Paichadze S.A. *Russkaya kniga v stranakh Aziatsko-Tikhookeanskogo regiona. (Ocherki istorii vtoroi poloviny XIX – nachala XX stoletiya)* [Russian book in the Asia-Pacific region. (Essays on the history of the second half of the 19th – early 20th century)]. Novosibirsk, GPNTBSORAN Publ., 1995, 225 p.
15. Tishkov V.A. *Istoricheskii fenomen diaspor*y [The historical phenomenon of the diaspora]. Available at: http://www.kuchaknig.ru/show_book.php?book=166278 (accessed 12 November 2013).

УДК 94(571.6):94(47).084.1

NATALYA ANATOLYEVNA BELYAEVA

*Doctor of Historical Sciences, Professor,
Professor of the Department of Humanitarian Disciplines
Vladivostok branch of
Far Eastern Law Institute of the Ministry of
Internal Affairs of the Russian Federation.
Russia, 6900012, Vladivostok, Nadibaidze ul., 17, 204
e-mail: minava204@rambler.ru*

**All-Russian Union of Customs Officers in 1918:
the case of the Vladivostok customs inspector dismissal**

The author of the article examines the situation in the local departments of All-Russian Union of Customs Officers in the spring and the summer of 1918. Based on the dismissal Vladivostok customs inspector accused of bureaucracy, the processes that took place among customs officers during the short period of Soviet power in the territory of the former Primorsky general – governance are analyzed. The fact that the inspector had served in the far region for more than fifteen years of life and his personality led to public response. The situation divided customs environment on a social basis. The story of the dismissal of the inspector is studied as a reflection of the common process of politicization of such an important state institution as customs after the seizure of power by the Bolshevik Party and the formation of the Soviet government. The study was carried out on the basis of archival documents of the Russian State Historical Archive of the Far East, which are introduced into scientific study for the first time.

Keywords: *The All-Russian Union of Customs Officers, the customs department, the October Revolution, the Far East, the customs inspector, the struggle against bureaucracy, the social division, the civil war*

НАТАЛЬЯ АНАТОЛЬЕВНА БЕЛЯЕВА

*Доктор исторических наук, профессор,
профессор кафедры гуманитарных дисциплин
Владивостокского филиала
Дальневосточного юридического института МВД России.
690012, г. Владивосток, ул. Надибаидзе, 17, кв. 204.
Тел.: 89025273633; e-mail: minava204@rambler.ru*

В статье рассматривается ситуация, сложившаяся в местных отделах Всероссийского союза таможенных весной-летом 1918 г. На основании дела об увольнении по обвинению в бюрократизме Владивостокского таможенного инспектора анализируются процессы, проходившие в среде таможенных служащих в течение краткого периода существования советской власти на территории бывшего Приамурского генерал-губернаторства. Личность инспектора, отдавшего службе в отдаленном регионе более полутора десятков лет жизни, придала этому делу особый общественный резонанс, фактически расколов некогда единую таможенную среду по социальному принципу. История с увольнением инспектора рассматривается как отражение общего процесса политизации такого важного государственного института как таможня после захвата власти партией большевиков и формирования советского правительства. Исследование выполнено на основе архивных документов Российского государственного исторического архива Дальнего Востока, которые впервые вводятся в научный оборот.

Ключевые слова: *Всероссийский союз таможенных служащих, таможенное ведомство, октябрьский переворот, Дальний Восток, таможенный инспектор, борьба с бюрократизмом, социальный раскол, гражданская война.*

Всероссийский союз таможенных служащих в 1918 г.: дело об увольнении Владивостокского таможенного инспектора

История Всероссийского союза таможенных служащих не может быть отнесена к разрабатанным темам в историографии. В публикациях советского периода создание и деятельность Союза рассматривалась лишь косвенно в связи со становлением таможенной службы советского государства [1, с. 65-93] упоминалась роль центрального комитета в организации работы таможенного ведомства в условиях забастовки служащих государственных учреждений, к которой присоединился и департамент таможенных сборов. Повторимся, что обращение к этой теме можно назвать «случайным», обстоятельства этого «коллективного управления» оставались вне поля исторического исследования.

Единственной на сегодняшний день публикацией, в которой рассматривается создание и упадок первой профессиональной организации таможенных служащих, является статья С. Дейнеко. Главную причину краха союза, изначально объявлявшего себя беспартийным, автор видит в чрезмерной политизации общества [2, с. 68]. И с этим утверждением нельзя не согласиться. Документы из фондов таможенных учреждений, хранящихся в Российском государственном историческом архиве Дальнего Востока (далее РГИА ДВ), дают основания для вывода об особой роли Всероссийского союза таможенных служащих и его Центрального комитета в том расколе «таможенной семьи», который наметился после перехода власти в руки большевиков в октябре 1917 г. В статье предпринимается попытка проследить это влияние на материалах резонансного дела об увольнении Владивостокского таможенного инспектора С.Н. Латкина летом 1918 г.

Все выявленные в процессе исследования документы говорят об о падении служебной дисциплины, усилении противоречий между таможенными чиновниками (старшими служащими) и таможенными досмотрщиками (младшими служащими), усилении постоянно на протяжении всего 1917 г. Своей высшей точки эти процессы достигли после октябрьских событий, когда потребовалось определить свое отношение к произошедшим переменам в политической жизни страны. Усугубляли ситуацию и первые мероприятия советской власти, в частности Декрет ВЦИК об уничтожении сословий и гражданских чинов от 23 ноября 1917 г., согласно которому все существовавшие в Российской империи сословия, сословные привилегии и организации, а равно все гражданские чины упразднились. Уничтожались все звания и «наименования» гражданских чинов, устанавливалось «одно общее для всего населения России наименование – граждан Российской республики» [3, с. 72]. Для таможенных, как и других государственных учреждений это означало ликвидацию формального различия между классными таможенными чинами, канцелярскими чиновниками и досмотрщиками. Однако это различие не возникло произвольно, оно было заложено в самой структуре таможенного

ведомства, в распределении ответственности и содержании практической деятельности каждого сотрудника. Закрепленные в российском таможенном Уставе, который продолжал действовать, напомним, вплоть до принятия в 1924 г. первого советского таможенного Устава, таможенные обрядности представляли собой отлаженную технологию, в осуществлении которой каждое структурное подразделение и каждый сотрудник (будь то чиновник или досмотрщик) играли четко определенную роль. Служебная иерархия не могла быть отменена простым уравниванием социального статуса сотрудников в результате отмены чинов и званий.

Сложившаяся ситуация была двойственной для таможенных учреждений – с одной стороны все функции таможенного ведомства сохранялись, с другой все его сотрудники были теперь равны и смысл этого равенства понимался каждым по-своему. Одни видели в нем установление настоящего социального равенства, другие – способ свести счеты с «бывшими». Следствием стало усиление внутреннего противоборства, которое подчас скрывалось за лозунгом борьбы с бюрократизмом, в которую были вовлечены сотрудники таможенных учреждений по воле своей профессиональной организации.

Именно под знаком борьбы с бюрократизмом началась первая «чистка», инициированная ЦК Всероссийского союза таможенных служащих в период подготовки ко Второму съезду таможенного союза, намеченному на лето 1918 г. В директиве местным отделам рекомендовалось обсудить широкий круг жизненно важных вопросов, выносимых затем на рассмотрение съезда. Среди них – система таможенных учреждений, техника службы, применение тарифа к товарам, таможенные штаты, институт досмотрщиков, права и преимущества службы, а также вопрос о бюрократизме управления [4, л. 139]

Борьба с бюрократизмом как в центре, так и на местах подчас принимала одиозные формы и выглядела как сведение личных счетов, зачастую являясь таковой. Об этом красноречиво свидетельствуют материалы проходившего в Москве с 19 июня по 5 июля 1918 г. Второго съезда Всероссийского союза таможенных служащих, протоколы которого сохранились в документах фонда департамента таможенных сборов в Российском государственном историческом архиве (РГИА).

3 июля 1918 г. на заседании съезда рассматривался вопрос о ликвидации забастовки в департаменте таможенных сборов. Делегаты рассмотрели апелляцию уволенных «за бюрократизм и несоответствие новым условиям службы», а на деле за активное и бескомпромиссное участие в забастовке бывших сотрудников департамента [5, л. 27об.]. Все они требовали восстановления в правах и реабилитации. Однако съезд выразил поддержку ЦК союза в действиях по ликвидации забастовки в департаменте таможенных сборов и отказал в рассмотрении апелляции на том

основании, что все 9 сотрудников во главе с директором департамента С.А. Гринвальдом были уволены общеведомственной комиссией, в дела которой съезд не имеет права вмешиваться [5, л. 28]. Одновременно оказалось, что целый ряд руководителей таможенных учреждений в центре и на периферии уволен с той же формулировкой решением уже самого Центрального комитета. В их числе и руководители таможенных учреждений Приамурья и Восточной Сибири – управляющие Сретенской и Иркутской таможнями, таможенные инспекторы Хабаровского и Владивостокского таможенных участков [5, л. 28]. Все они были «отрешены от должностей» решением ЦК без всякого разбирательства и согласования с местными отделами Союза таможенных служащих.

Развернувшаяся на съезде острая дискуссия по поводу подобного вмешательства ЦК в действия местных отделов Союза завершилась признанием (большинством голосов) за центральным органом Союза права «самочинно», без отделов «удалять бюрократов». На последнем заседании съезда, 5 июля 1918 г. делегаты от Дальнего Востока поставили вопрос о восстановлении в должности Хабаровского таможенного инспектора Н.Н. Котлова и его помощника П.П. Маевского, а также о конфликте между старшими и младшими служащими во Владивостоке по поводу увольнения Владивостокского таможенного инспектора С.Н. Латкина [5, л. 32об.]. Однако съезд не пожелал рассмотреть этот, жизненно важный для отдаленного региона вопрос, передав его на усмотрение Центрального комитета Союза и далее, если потребуются, на третий Всероссийский союз таможенных служащих, которому уже не суждено было собраться.

Увольнение Владивостокского таможенного инспектора С.Н. Латкина в марте 1918 г. привело к расколу в некогда единой «таможенном семье». И дело прежде всего в масштабе личности самого инспектора. Достаточно сказать, что к моменту описываемых событий он служил в Приамурском крае уже без малого 16 лет, занимая должности Заамурского таможенного инспектора (1902-1909 гг.), начальника Приамурского таможенного округа (1909-1912 гг.), Владивостокского таможенного инспектора (с 1912 г.) [6].

Документы (подлинники и копии), позволяющие установить последовательность событий, отложились в архивном деле фонда Владивостокской таможни в Российском государственном историческом архиве Дальнего Востока (РГИА ДВ), озаглавленном «Дело о поездке в Шанхай г. инспектора С.Н. Латкина» [7].

Открывает дело телеграмма из Петрограда на имя исполнявшего обязанности Владивостокского таможенного инспектора П.Д. Добросмыслова, датированная 10 марта 1918 г. Исполняющий обязанности инспектора информируется об увольнении Владивостокского таможенного инспектора С.Н. Латкина «по бюрократизму». Примечательно то, что сам Сергей Николаевич Латкин еще 16 декабря 1917 г. выехал в Шанхай для участия в работе между-

народной комиссии по тарифу. Командировка не была неожиданной – она планировалась еще в 1914 г., однако была отложена из-за начавшейся мировой войны. Советское правительство не отказалось от участия российских представителей в выработке нового китайского таможенного тарифа. Поэтому телеграмма об увольнении инспектора, была неожиданной и вызвала возмущение в среде таможенных служащих – членов Всероссийского союза.

Предпринятое чиновников управления таможенного инспектора расследование показало, что решению Центрального комитета союза таможенных служащих предшествовала попытка нескольких досмотрщиков Никольск-Уссурийского таможенного поста дискредитировать С.Н. Латкина, предпринятая на фоне роста антибюрократической и антибуржуазной риторики.

Воспользовавшись отсутствием инспектора представители Никольск-Уссурийского таможенного поста потребовали от Комитета союза таможенных служащих Владивостокского инспекторства рассмотрения вопроса о заграничной командировке С.Н. Латкина. Комитет отнесся к просьбе отрицательно, отказав в рассмотрении вопроса, который всем был хорошо знаком и не вызывал необходимости дополнительного обсуждения. Однако 28 января в местной газете «Уссурийский край» появилась заметка неизвестного автора, из которой следовало, что Латкин получил от «свергнутого буржуазного правительства» «из народных денег» около 60 тыс. руб. и уехал в Шанхай «сочувствовать Семеновым, Корниловым, Калединам, Дутовым, Петлюрам и др.». Это было прямое обвинение в деятельности, направленной на подрыв новой власти. Никольск-Уссурийские члены союза вновь потребовали рассмотрения дела о командировке, сформулировав на этот раз вопросы для обсуждения: 1) какого числа Латкин получил разрешение выехать в Пекин в межведомственную комиссию по тарифу; 2) какого числа выписаны командировочные и суточные – кем и в каком размере; 3) была ли необходимость выполнять решение Временного правительства, которое к этому времени уже не существует, а есть рабоче-крестьянское правительство – Совнарком; которое «в том числе борется и с растратами, пытаясь отобрать власть у старых буржуазных представителей – послов и консулов», которые «при пособничестве латкиных» защищают свои буржуазные интересы. В итоге следовало решить – признать ли командировку Латкина «контрреволюционным заговором» против рабоче-крестьянского правительства или обыкновенным корыстным использованием служебного положения – попыткой «истратить изрядную сумму народных трудов, с каковым вообще буржуазных класс никогда не считался». О решении следовало сообщить в Центральный комитет союза таможенных служащих [7, л. 3об.].

Однако требования рассмотрения дела о командировке инспектора и на этот раз была отклонена Комитетом, поскольку в инспекторстве имелась еще вся переписка с департаментом таможенных сборов

об участии С.Н.Латкина в работе «шанхайской комиссии» и предстоящей командировке. Проверить же информацию из газеты оказалось невозможным. В архивном деле сохранился текст запроса по этому поводу в Никольск-Уссурийский совдеп. Ответ последнего краток: «Газета «Уссурийский край» в настоящее время закрыта Советом и редактор ее сбежал, а потому навести справки невозможно» [7, л. 6]. Неудача второй попытки осуждения Латкина на заседании местного комитета привела к обращению Никольск-Уссурийских товарищей в Центральный Комитет союза, который быстро внял сигналам из отдаленного региона и без всяких сомнений уволил инспектора, проинформировав местный комитет уже упоминавшейся телеграммой.

Это была лишь одна стороны истории с увольнением инспектора С.Н. Латкина – личная. Вторая сторона истории имела ярко выраженный общественный характер и касалась взаимоотношений центрального аппарата союза таможенных служащих и его региональных отделений.

15 марта 1918 г. Комитет союза таможенных служащих во Владивостоке обсуждал вопрос – доводить ли телеграмму из Петрограда о снятии Латкина до сведения таможенных учреждений или оставить ее «без последствий». Участвовавший в заседании член союза помощник таможенного инспектора П.Г. Ковалевский предложил выразить протест центральному комитету в связи с увольнением. Однако окончательное решение было отложено до получения объяснений от инспектора.

Официальная объяснительная записка С.Н. Латкина была получена Комитетом 21 марта. В архивном деле имеется ее машинописный экземпляр, а также подлинный рукописный текст, датированный 2/15 марта 1918 г. с автографом члена Всероссийского союза таможенных служащих Сергея Николаевича Латкина [7, л. 9-14 об.]. Документ представляет особый интерес, поскольку затрагивает целый ряд проблем, имевших особое значение для таможенной службы в условиях надвигавшейся гражданской войны.

С самого начала С.Н. Латкин отвергает обвинения в свой адрес, называя их «гнусной клеветой и провокацией». Далее следует подробное разъяснение обстоятельств командировки, вопрос о которой был решен еще при старом правительстве. Сам он считал свой отъезд нежелательным «по политической конъюнктуре и обстановке», но был вынужден уступить требованиям лиц и учреждений, «имевшим право распоряжаться» им по службе.

Цель поездки был вполне определенной – ему предстояло защищать русский импорт в Китай от чрезмерного налогового обременения, с установлением максимально низких таможенных тарифных ставок на русские товары, тем самым создать наиболее выгодные условия для русского экспорта в Китай [7, л. 9]. Все это было далеко от обвинений в контрреволюционной деятельности. Инспектор подчеркивал, что «работа фиска и его агентов» должны быть вне политики. «Гнусной клеветой и недобросо-

вестностью, на которые способны лишь недоумки и низко стоящие в нравственном отношении лица» называет С.Н. Латкин приписываемое ему получение на поездку 60 тыс. руб. народных денег. На самом деле, – пишет он, – «ни одной копейки народных денег на эту поездку я не получал вообще, к чести своей могу сказать, что за все время бешеного хищения народного богатства, как за время войны, так и после революции, когда вся деятельность ныне политиканствующих сил сводится к разграблению народного состояния, я ни одной лишней народной копейкой не воспользовался, так как никаких подачек от правительства не имел и остаюсь при прежнем своем довольствии, установленном еще в довоенное время» [7, л. 9-9 об.]

Из текста объяснительной записки следует, что еще до отъезда инспектор обратился к комиссару Временного правительства по делам Дальнего Востока А.Н. Русанову, подсчитав, что при тогдашнем курсе для поездки нужна сумма в 6 тыс. руб. (в 10 раз меньше, чем ему вменялось). Однако у Русанова денег не было – договорились, что Латкин едет на свои средства, а расходы будут ему впоследствии возмещены. В итоге инспектор использовал 2 тыс. руб. из собственных средств и еще 4 тыс. руб. занял под расписку. И именно на личные деньги, а не «на трудовую копейку» поехал в Шанхай и в Пекин. Его проживание в Пекине оплачивалось Русско-Азиатским банком авансом под отчет до утверждения Министерства финансов и Государственного контроля, а пока под его личную ответственность и ответственность русского посланника в Китае А.Н. Кудашева.

По сути ему в укор был поставлен бюрократизм, т.е. принадлежность «чиновничьему люду», состояние на правительственной службе. Однако Латкин полностью отрицает наличие у него таких характерных для бюрократа отрицательных качеств как чиновничество, бессердечность, презрительное отношение к младшим служащим, формализм и требование строгой дисциплины от подчиненных. «Не мне судить, – обращается он к сослуживцам, – о своих положительных и отрицательных качествах – в своем деле никто себе не судья, но думаю одно только одно, что все кто меня знали до революции и знают теперь, не кривя душой, могут сказать, что во всех служащих, на какой бы ступени служилой иерархии они не стояли, я прежде всего видел человека, себе равного и отношение мое к нему было человеческое, надменности и третирования младшей братии у меня не было и нет, низкопоклонства и фаворитизма также, а служебный долг у меня лично был всегда на первом плане» [7, л. 10 об.]. Сожалея, что не успевает к сроку созыва экстренного съезда (пароход «Пенза» отходил в день, когда на международной конференции подписывались заключительные протоколы) инспектор замечает, что уехать для защиты своего доброго имени, означает для него бросить «на произвол судьбы порученное мне дело и не исполнить своего служебного долга» [7, л. 11].

В заключении своей записки С.Н. Латкин формулирует принципиальную проблему, которая уже

прозвучала за заседании Комитета 15 марта – эта проблема характера взаимоотношений местных отделов Союза таможенных служащих и его центрального аппарата, а точнее проблема вмешательства центрального аппарата в «автономные права местных отделов».

В этом ключе была составлена предложенная помощником Владивостокского таможенного инспектора П.Г. Ковалевским резолюция экстренного съезда. Ее содержание отражено в телеграмме в «Тамсбор», датировка которой дается нами по сопутствующим документам – не ранее 24 марта: «Комитетом отдела получена телеграмма от ЦК о возбуждении последнего ходатайства об увольнении инспектора Латкина. Конкретных обвинений ему не предъявлено ходатайство возбуждено помимо ведома автономного отдела. Признавая такое явление недопустимым, нарушающим права отдела и Латкина, управление инспекции в полном составе протестует против самочинных действий Цека, настаивает на передаче дела на заключение местного отдела» [7, л. 18].

Завершается архивное дело машинописным текстом, без подписей и датировки. Можно предположить, что это текст резолюции, предложенной съезду: «Инспектору Сергею Николаевичу Латкину как начальнику и сослуживцу выразить полное доверие, действия центрального комитета, не признающего автономности местного отдела, игнорирующие местный отдел признать неправильными. Подтвердить телеграмму комитета местного отдела о срочной высылке ему ЦК мотивов обвинений г. Латкина. Дальнейшую защиту члена союза Латкина предоставить комитету» [7, л. 20].

Однако, как оказалось, этот проект резолюции отражал мнение лишь части делегатов открывшегося 24 марта съезда Владивостокского отдела Всероссийского союза таможенных служащих. Раскол произошел уже в первые часы работы съезда, когда его мандатная комиссия отказалась признать полномочия большинства делегатов от старших служащих, прибывших из разных таможенных учреждений из-за отсутствия мандатов за подписями участников избирательных собраний. В результате съезд не смог достичь своей цели – единения в таможенной среде, необходимого для одобрения действий ЦК союза по «прекращению забастовки» департамента таможенных сборов и кандидатуры назначенного по должности директора департамента В.Э. Копайтича. Избранные таможенными учреждениями Владивостокского таможенного инспекторства делегаты-чиновники покинули съезд и организовали отдельное собрание. Теперь на съезде отделения таможенного союза Владивостокского инспекторства имели право участвовать 53 делегата от младших служащих (досмотрщиков) и только 13 из 57 чел. избранных на съезд от старших (бывших чиновников) [8, л. 98].

На первом же заседании съезда были заслушаны резолюции по делу об увольнении Владивостокского таможенного инспектора С.Н. Латкина,

среди которых была представлена и резолюция Владивостокского комитета. Однако обсуждение не состоялось, большинство съезда единодушно одобрило «ликвидацию» забастовки в департаменте таможенных сборов и предложенную досмотрщиком Никольск-Уссурийского поста Василием Власенко резолюцию, одобряющую увольнение инспектора по обвинению в бюрократизме. Подобный исход дела был предсказуем. За годы мировой войны серьезно изменился состав досмотрщиков – места призванных в действующую армию заняли люди случайные, далекие от профессиональных задач таможенной службы, пришедшие сюда в безвыходной жизненной ситуации на время отсутствия штатных сотрудников. Им были чужды интересы службы, объединяющем значении которых в течение первого года своей работы постоянно говорило руководство Всероссийского союза таможенных служащих. Против Латкина голосовали «новопринятые», а не «старослужащие» досмотрщики, знавшие его. В знак протеста против необоснованных резолюций съезда делегаты от чиновников сложили свои полномочия [8, л. 103 об.].

На съезде старших чиновников, заседавшем параллельно со съездом Владивостокского отдела союза таможенных служащих (съезда досмотрщиков) 24 марта 1918 г. была принята резолюция, осуждавшая увольнение инспектора. Чиновники характеризовали решения съезда с участием одних досмотрщиков, односторонними и групповыми, а принятые им резолюции «заранее предрешенными и несправедливыми». Это давало им основания для признания всех решений съезда не обязательными для себя [9, л. 70].

Как следует из документов Второго съезда Всероссийского союза таможенных служащих следует решения в отношении Владивостокского таможенного инспектора осталось в силе. На эту должность был назначен П.П. Маевский, также пострадавший от «борцов с бюрократизмом». Он занимал эту должность до августа 1918 г. [10, л. 5].

Конфликтная ситуация во Владивостокском таможенном инспекторстве в конечном итоге разрешилась в пользу профессиональных интересов – в августе 1918 г. инспектор С.Н. Латкин вернулся к исполнению своих обязанностей. Однако произошло это после смены власти в Приамурье. В августе 1918 г. завершился краткий период существования советской власти на окраине страны. Созданный в августе 1918 г. т.н. «Деловой кабинет» Д.Л. Хорвата попытался сконцентрировать в своих руках всю полноту власти. Одним из приказов нового правителя стало назначение С.Н. Латкина на должность уполномоченного таможенными сборами при сохранении за ним должности Владивостокского таможенного инспектора [11, л. 2].

На этом посту С.Н. Латкин продолжал работать до 1920 г. Именно его «служебный опыт и такт» позволили в условиях гражданской войны и интервенции решить целый ряд острых проблем. Его усилиями был, в частности, выработан механизм

взаимодействия с воинским контингентом интервентов – установлен временный порядок таможенного оформления грузов, пересекающих россий-

скую таможенную границу, который использовался всеми таможенными учреждениями Приамурья и Забайкалья.

Литература и источники

1. Марков Л. Н. Очерки по истории таможенной службы. Иркутск: Изд-во Иркутского госуниверситета, 1987. 182 с.
2. Дейнеко С. Всеросійська спілка митних службовців у 1917 році // Вісник Харківського національного університету ім. М.М. Каразіна. Серія: «Історія». 2014. №1134. Вип. 49. С. 57-68.
3. Декреты Советской власти. М.: Политиздат, 1957. Т. 1. 626 с.
4. Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (РГИА ДВ). Ф. 1251. Оп. 1. Д. 22.
5. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 21. Оп. 12. Д. 160.
6. Беляева Н.А. Таможенный инспектор Сергей Николаевич Латкин // Россия на Тихом океане. Роль личности в становлении Российской государственности и проблемы безопасности. VI Крушановские чтения. 2009. Владивосток: Дальнаука, 2011. С. 234-240.
7. Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (РГИА ДВ). Ф. 25. Оп. 3. Д. 74.
8. Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (РГИА ДВ). Ф. 410. Оп. 2. Д. 231.
9. Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (РГИА ДВ). Ф. 410. Оп. 2. Д. 227.
10. Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (РГИА ДВ). Ф. р-596. Оп. 2. Д. 107.
11. Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (РГИА ДВ). Ф. 1639. Оп. 1. Д. 2.

Reference

1. Markov L. N. *Oчерki po istorii tamozhennoy sluzhby* [Essays on the history of customs service]. Irkutsk: Izd-vo Irkutskogo gosuniversiteta, 1987. 156 p.
2. Deyneko S. *Vserossiyskiy soyuz tamozhennykh sluzhashchikh v 1917 godu* [All-Russian Union of Customs Officers in 1917]. *Vestnik KHar'kovskogo natsional'nogo universiteta im. N.N. Karazina*. [Bulletin of Kharkiv National University. N.N. The Karazin. Seriya: Istoriya]. 2014. №1134. P. 57-68. (in Ukrainian.)
3. *Dekrety Sovetskoy vlasti* [Decrees of the Soviet government]. Moscow: Politizdat, 1957. T.1. 626 p.
4. *Rossiyskiy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv Dal'nego Vostoka* (RGIA DV). [Russian State Historical Archive of the Far East, RSHA FE]. F. 1251. Op. 1. D. 22. (In Russian, unpublished)
5. *Rossiyskiy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv* [Russian State Historical Archive, RSHA] (RGIA). F. 21. Op. 12. D. 160 (In Russian, unpublished).
6. Belyaeva N.A. *Tamozhennyi inspektor Sergey Nikolayevich Latkin* [Customs Inspector Sergey Nikolaevich Latkin]. *Rossiya na Tikhom okeane. Rol' lichnosti v stanovlenii Rossiyskoy gosudarstvennosti i problemy bezopasnosti. VI Krushanovskiye chteniya* [Russia in the Pacific. The role of the individual in the formation of the Russian statehood and the problem of security. VI Krushanov readings.]. 2009. Vladivostok: Dal'nauka publ., 2011. P. 234-240.
7. *Rossiyskiy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv Dal'nego Vostoka* [Russian State Historical Archive of the Far East, RSHA FE] (RGIA DV). F. 25. Op. 3. D. 74 (In Russian, unpublished).
8. *Rossiyskiy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv Dal'nego Vostoka* (RGIA DV). [Russian State Historical Archive of the Far East, RSHA FE]. F. 410. Op. 2. D. 231 (In Russian, unpublished).
9. *Rossiyskiy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv Dal'nego Vostoka* (RGIA DV). [Russian State Historical Archive of the Far East, RSHA FE]. F. 410. Op. 2. D. 227 (In Russian, unpublished).
10. *Rossiyskiy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv Dal'nego Vostoka* (RGIA DV). [Russian State Historical Archive of the Far East, RSHA FE]. F. r-596. Op. 1. D. 107 (In Russian, unpublished).
11. *Rossiyskiy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv Dal'nego Vostoka* [Russian State Historical Archive of the Far East, RSHA FE] (RGIA DV). F. 1619. Op. 1. D. (In Russian, unpublished).

УДК 947.084.51.6

NATAL'JA ALEKSEEVNA SHABEL'NIKOVA

Doctor of Historical Sciences, full professor, Professor of the Department of Humanitarian Disciplines, Vladivostok branch of Far Eastern Law Institute of the Russian Ministry of Internal Affairs. 690087, Russian Federation, Vladivostok, Kotelnikova St., 21. E-mail: nhistorik@mail.ru

**Finance support and provision of material needs
of the Far Eastern militia employees in the 1920s
(Devoted to the 100th anniversary of the Workers and peasants militia formation)**

An effective system of social protection of police employees, which is based on finance support and provision of material needs, has a significant impact on the effective implementation of tasks assigned to internal affairs bodies. In the article features state insurance formation of the Far Eastern militia employees in the 1920s are considered. Attention is drawn to the fact that in the conditions of the need to ensure public order and fight against crime, the militia financing should have been among the main priorities of the Soviet state. However, due to the difficult situation in the country, many departments were financed by a residual principle, including the NKVD. Data are provided that the emerging system of state security in the country, in general, and in the Far East in particular, directly depended on the means of local budgets. Author comes to the conclusion that despite the measures taken by the NKVD leadership and state bodies (one-off increases in salaries, the introduction of a bonus system for fight against various kinds of offences, and so on) social problems of the Workers and peasants militia in the 1920s were not resolved.

Keywords: *Workers and peasants militia, Far East, Russian SFSR, budget, money allowance, salary, premium pay, clothing allowance, pension provision, social insurance, state insurance.*

НАТАЛЬЯ АЛЕКСЕЕВНА ШАБЕЛЬНИКОВА

*Доктор исторических наук, профессор,
профессор кафедры гуманитарных дисциплин Владивостокского филиала
Дальневосточного юридического института
Министерства внутренних дел Российской Федерации.
690087, Россия, Владивосток, ул. Котельникова, 21.
Тел.: +7 (914) 720-61-91, e-mail: nhistorik@mail.ru*

Действенная система социальной защищенности сотрудников полиции, основой которой является финансовое и материальное обеспечение, оказывает существенное влияние на эффективное выполнение органами внутренних дел возложенных на них задач. В статье рассмотрены особенности формирования государственного обеспечения дальневосточной милиции в 1920-е гг. Обращается внимание на то, что в условиях необходимости обеспечения общественного порядка и борьбы с преступностью финансирование милиции должно было входить в число основных приоритетов советского государства. Однако вследствие сложного положения в стране, многие ведомства финансировались по остаточному принципу, в том числе, и НКВД. Приводятся данные о том, что складывающаяся система государственного обеспечения в стране, в целом, и на Дальнем Востоке, в частности, напрямую зависела от средств местных бюджетов. Автор приходит к выводу о том, что несмотря на предпринимаемые руководством НКВД и государственными органами меры (разовые повышения окладов, введение системы премирования за борьбу с разного рода правонарушениями и т.п.) социальные проблемы рабоче-крестьянской милиции в 1920-е гг. не были решены.

Ключевые слова: *рабоче-крестьянская милиция, Дальний Восток, РСФСР, бюджет, денежное довольствие, заработная плата, премиальное вознаграждение, вещевое довольствие, пенсионное обеспечение, социальное страхование, государственное страхование.*

**Финансовое и материальное обеспечение сотрудников
дальневосточной милиции в 1920-е гг.
(к 100-летию образования рабоче-крестьянской милиции)**

История российской милиции неотделима от истории нашего государства, его героического и трагического прошлого и настоящего. Рожденная в трудное для страны время и прошедшая сложный и противоречивый путь развития, она сто

лет стоит на страже охраны общественного порядка, обеспечивая безопасность граждан России.

Формирование милиции на Дальнем Востоке прошло два сложных и качественно разных этапа: период образования милиции Дальневосточной

республики (1917–1922 гг.) и период становления и совершенствования аппарата рабоче-крестьянской милиции (1922–1930 гг.). Именно после окончания гражданской войны и интервенции на Дальнем Востоке начинается преобразование всей системы органов внутренних дел в соответствии с общими условиями развития страны.

Проблема государственного обеспечения работников милиции возникла одновременно с созданием ее органов и подразделений. Организационные основы финансового и материального обеспечения милиции были заложены Постановлением НКВД РСФСР «О рабочей милиции» от 28 октября 1917 г. [1]. Со времени создания и до января 1931 г. организационные основы финансового и материального обеспечения милиции претерпели существенное изменение, связанное с выбором источника финансирования.

Так, с ноября 1917 г. по октябрь 1918 г. милиция и уголовный розыск содержались за счет средств местного бюджета. Основным видом государственного обеспечения сотрудников милиции являлось денежное довольствие. В ноябре 1918 г. бюджетные ассигнования местных Советов были дополнены средствами НКВД России, т.е. вводилось смешанное финансирование. Государственное обеспечение включало в себя вещевое довольствие, ежегодные оплачиваемые отпуска, медицинское обслуживание и социальное страхование. Продовольственные пайки приобретались по твердым государственным ценам.

С мая 1919 г. по декабрь 1922 г. была предпринята попытка содержания органов милиции и уголовного розыска за счет государства. Государственное обеспечение включало денежное содержание, вещевое довольствие, ежегодные оплачиваемые отпуска, медицинское обслуживание и социальное страхование, бесплатные продовольственные пайки, что обеспечивало, насколько это было возможно в условиях того времени, определенную социальную защищенность. Однако ввиду сложности социально-экономического, политического и военного положений, наличия многих острых и неотложных проблем, требовавших безотлагательного разрешения, возникла необходимость сокращения расходной части государственного бюджета. Например, на 1922 г. планировалось ассигновать Управлению милиции Дальнего Востока 193 235 руб., а фактически было получено меньше половины – 94 763 руб. [2, л. 21].

В дальнейшем, с принятием в январе 1923 года декрета ВЦИК и СНК РСФСР о передаче расходов на содержание милиции в местные бюджеты [3, с. 58], ситуация с финансовым и материальным обеспечением милиции ухудшилась. Для сотрудников милиции вводилась премиальная оплата, льготы по подоходному налогу, выплата процентной надбавки за выслугу лет. Вещевое довольствие выдавалось не по нормам НКВД, а в зависимости от наличия финансовых средств в местном бюджете. Период финансирования органов милиции за счет средств местных бюджетов продолжался до декабря 1930 г. За это время финансовое и материальное положение

милиции значительно ухудшилось, поскольку из-за острого дефицита бюджета местные органы были просто не в состоянии удовлетворить их потребности.

Ситуация усугублялась отсутствием нормативных актов, регулирующих порядок содержания милиции. Это позволяло местным Советам самим устанавливать сумму процентного отчисления из бюджета на содержание милиции. Так, например, в финансовых документах доходов и расходов Никольск-Уссурийского исполкома за 1923–1924 гг. отчисления из бюджета на обеспечение милиции и уголовного розыска определялись в размере 12,5% (на милицию – 10,8% и на уголовный розыск – 1,7%) [4, л. 3]. Во второй половине 1920-х гг. расходы на милицию из бюджетных средств уменьшаются. Так, в местном бюджете 1927/28 финансового года расходы на содержание милиции составили 5,1% объема всего бюджета, а в 1928/29 г. произошло их снижение до 5% [5, с. 64–65]. Кроме того, так как милиция была поставлена в полную материальную зависимость от исполкомов, местные Советы полагали, что «...раз они платят деньги, то являются не только начальниками, но и «хозяевами» милиции». В этих условиях имели место не только децентрализация милиции и уголовного розыска, но иногда и полное неподчинение ведомственному центру и даже полное игнорирование его распоряжений (при одновременном выполнении распоряжений местной власти) [6, л. 124].

На местах на милицию возлагалось множество несвойственных ей функций, что отрицательно сказывалось на выполнении ее основных обязанностей. Так, в целях сокращения административно-управленческих расходов советы и исполкомы принимали решения об упразднении в своих штатах должностей швейцаров, конюхов, посыльных, сторожей и т.п. А через некоторое время их обязанности возлагались на милицию.

Незначительный объем средств местных бюджетов определил принцип подбора кадров милиции: качество за счет количества. Вместо двух или нескольких неквалифицированных или мало подготовленных младших милиционеров принимали на службу одного квалифицированного сотрудника, который выполнял тот же объем работы. Тем не менее, специалисты, имевшие хорошую профессиональную подготовку, не стремились работать в органах милиции по причине сравнительно малых окладов, не соответствовавших большой нагрузке и ответственности.

Таким образом, перевод содержания учреждений милиции и уголовного розыска на местные средства (последствия которого предвидело руководство уголовного розыска республики в докладной записке в НКВД в 1922 г.) привел к крайне нежелательным результатам [7, л. 274]. Конечным результатом явилась полная материальная зависимость от исполкомов, не располагающих опытом организации борьбы с преступностью и достаточными средствами на содержание аппаратов милиции и уголовного розыска.

Слабое финансовое и материальное обеспечение работников милиции, а также большая нагрузка при-

вели к высокой текучести личного состава. Серьезные трудности возникли с качественным комплектованием органов милиции и уголовного розыска. Так, например, руководство милиции констатировало: «Наш милицкий аппарат, если можно так выразиться, представляет биржу труда №2. На бирже труда №1 стоят работники, ожидающие получения работы, где бы то ни было. В милиции служат до тех пор, пока не найдут лучшей работы» [8, с. 157].

Характеристикой нелегких условий работы милиции Камчатки в период становления могут служить слова начальника Тигильской районной милиции Н.С. Ворсина: «...В милиции тогда трудно работать было, штат милиции небольшой. Приходилось много ездить по району: зимой на собаках, летом – на лошади. Суд приезжал раз в год» [9, с. 352].

На Втором съезде административных работников, состоявшемся в апреле 1928 г., была дана низкая оценка места и роли милиции в системе правоохранительных органов: «милиция – отхожий промысел», «милиция – технический исполнитель», «милиция – карусель, на которой катаются все, кому не лень» и др. [10, с. 37, 59, 64].

Совместительство для сотрудников милиции и уголовного розыска было запрещено, ввиду чего побочные заработки на другой работе для них были недоступны. Материальная необеспеченность толкала сотрудников на путь либо «теневых» доходов и поиск средств к существованию путем совершения должностных преступлений, либо заставляла уходить в другие учреждения на лучше оплачиваемые должности. Результатом такого поиска средств являлось предание суду сотрудников за совершенные по должности преступления или же потеря хороших работников. В обоих случаях сложившаяся ситуация с кадрами, ввиду материальной необеспеченности, отрицательно влияла как на состояние самих аппаратов милиции и уголовного розыска, так и на эффективность организации борьбы с преступностью [7, л. 273].

Особую озабоченность у руководства милиции и уголовного розыска вызывало ее материальное положение в условиях значительного усложнения социальной структуры общества в период НЭПа: «Мы на каждом углу кричим о необходимости поднятия уровня сотрудника госучреждения и об их моральном воспитании... Вокруг кипит НЭП. Благоденствуют и рвут цветы жизни те, кто живет и работает для своих личных целей, а сотрудник милиции, охраняющий их благоденствие, отдающий все свое время тяжелой и опасной для жизни работе, не обеспечивается даже прожиточным минимумом. Он должен бегать по 20 верст в день, он голодный, раздетый, босой, должен, когда все граждане спят спокойным сном, бежать на облаву, преследовать бандитов и преступников и все это во имя спокойствия граждан». Сотрудник милиции и уголовного розыска по роду своей деятельности «вращается в среде людей, орудующих десятками, иногда и сотнями миллиардов и, конечно, могущих «щедро наградить» его за оказанную «услугу». Это разлагает морально, убивает в нем

гражданина, веру в справедливость, вырабатывает зависть и озлобление...» [11, л. 275].

В рассматриваемый период центральными и местными органами власти предпринимались попытки улучшения социального положения милиции. Финансовая и материальная деятельность милиции регулировалась законодательными актами, инструкциями и циркулярами. Эта деятельность велась по следующим основным направлениям:

- 1) введение прогрессивной заработной платы;
- 2) разработка системы премиальных вознаграждений;
- 3) обеспечение вещевым довольствием;
- 4) предоставление льгот работникам милиции и их семьям (продовольственное довольствие, пенсионное обеспечение, социальное и государственное страхование).

Дальневосточный революционный комитет, отмечая работу, выполняемую органами милиции «ценою тяжелых усилий», и принимая во внимание сложные материальные условия, в которых находилась рабоче-крестьянская милиция, в 1922 г. постановил: «... выплачивать сотрудникам рабоче-крестьянской милиции жалование в размере 100% тарифных ставок» [12, л. 157].

Однако недостаток финансовых средств и трудности организационного периода, связанные с преобразованием самих органов власти и их структурных звеньев привели к практике выплаты жалования в размере 70% от тарифной ставки [12, л. 267].

Приказом начальника рабоче-крестьянской милиции Дальнего Востока №7 от 27 января 1923 года объявлялись для сведения новые тарифные ставки оплаты труда служащих и рабочих государственных учреждений, принятые постановлением отдела труда Дальревкома №1 от 2 января 1923 г. (в том числе и работников милиции). В соответствии с приказом в милиции были установлены 17 разрядов (17-й – самый высокий), с дифференцированной оплатой труда не только по разрядам, но и по губерниям Дальнего Востока. Так, ставка 1-го разряда, установленная для Николаевского района Приамурской губернии, предусматривала получение заработной платы в размере 28-ми рублей, 17-го разряда – 115-ти рублей. А в Кербинском районе Приамурской губернии – 25 и 125 рублей соответственно. Самые низкие оклады были установлены для остальных районов бывшей Дальневосточной республики – 14 рублей 50 копеек по 1-му разряду и 72 рубля 50 копеек по 17-му разряду [13, л. 7].

Кроме регулярных задержек заработной платы, закономерным явлением было неравенство в ставках заработной платы для сотрудников милиции губерний, уездов и волостей Дальнего Востока, так как денежное содержание милиции напрямую зависело от местных исполкомов. Так, например, отделом управления Дальревкома неоднократно предлагалось губернскому административному отделу (ГАО) устранить неравенство в ставках заработной платы работников милиции волостей Свободненского уезда по сравнению со ставками заработной платы Бла-

говещенской и Завитинской уездных милиций. Так, старшие милиционеры волостей Свободненского уезда получали 26 рублей, в то время как в остальных уездах губернии – 33 рубля 45 копеек. Кроме того, прожиточный минимум Свободненского уезда был выше, чем в Благовещенском и Завитинском, а в основу определения ставок заработной платы работников милиции волостей Свободненского уезда не были включены нормы поясной тарификации [14, л. 67].

В рассматриваемый период в соответствии с решениями центральных органов власти минимальные ставки зарплат работников милиции периодически повышались. Материальное положение милиции Приморской губернии в этот период, по сравнению с милицией центральных губерний, было несколько выше. В журнале «Рабоче-крестьянская милиция», №3–4 за 1923 г., в статье под названием «Работа милиции» отмечалось: «... в большинстве губерний России заработная плата младшего милиционера в декабре 1923 г. составляла 8–10–15 червонных рублей, тогда как в Приморье она составляла от 27 до 32 рублей в месяц. Средняя заработная плата в начале 1923 г. была 37 рублей, а в конце 1923 г. – 38 рублей 50 копеек» [15, л. 31].

Повышение заработной платы сотрудникам дальневосточной милиции стало возможным в связи со значительным сокращением штатов. После перевода милиции и уголовного розыска Дальнего Востока на бюджеты губисполкомов органам власти необходимо было либо содержать расширенный штат сотрудников, распределяя между ними ограниченные кредиты, либо пойти по пути существенного сокращения штатов, увеличивая заработную плату за счет сокращаемых сотрудников. Приоритетное развитие получил второй путь. Так, штат Приморской милиции, насчитывающий в начале 1923 г. более двух тысяч человек, к середине 1924 г. был сокращен до 752-х сотрудников, что позволило повысить заработную плату в среднем на 20% [16, с. 14].

Вторая половина 1920-х годов характеризуется активной деятельностью правительства РСФСР по совершенствованию государственного регулирования заработной платы рабочих и служащих предприятий и бюджетной сферы, в том числе и милиции. В этот период были предприняты, во-первых, постепенный (начиная с 1924 г.) перевод зарплат на оплату в золотой валюте (червонцах); во-вторых, введение в государственных учреждениях, состоящих как на общегосударственном, так и на местном бюджете, единообразной сокращенной номенклатуры должностей с твердыми окладами (тарифами), а в последующем – централизованного нормирования зарплат служащих государственных учреждений по каждой штатной должности; в-третьих, выделение из бюджета СССР субвенционных (целевых) фондов на финансовую поддержку оплаты труда низового аппарата советских органов, содержащегося за счет местного бюджета (начальники районных отделов милиции в укрупненных областях и старшие милиционеры – в неукрупненных), и, в-четвертых,

ежегодное установление для отдельных должностей госслужащих, состоящих на местном бюджете, в том числе и работников милиции, минимальных ставок зарплат, ниже которых устанавливать денежные оклады запрещалось [17, с. 163–164].

Согласно Постановлению СНК РСФСР от 14 августа 1925 г. о 50%-м повышении заработной платы, предусматривалось увеличение денежного содержания сотрудников милиции. Однако практически нигде на территории Дальневосточного края увеличение заработной платы не было проведено. В некоторых областях, например, в Приморской губернии, при проведении даже не 50%-й, а 25%-й надбавки одновременно были снижены основные ставки и фактически 25%-го увеличения содержания достигнуто не было [18, л. 101].

В десятую годовщину образования милиции ВЦИК и СНК РСФСР впервые принимают два специальных постановления по улучшению материального положения строевого состава милиции и сотрудников уголовного розыска: 3 октября 1927 г. «Об улучшении положения работников Рабоче-крестьянской милиции и уголовного розыска» и 11 ноября 1927 г. «О мерах по улучшению быта и службы работников Рабоче-крестьянской милиции». Данными постановлениями было предусмотрено повышение местными исполнительными комитетами в 1927–1928 гг. заработной платы работникам милиции и установлен минимальный предел заработной платы для милиционеров, работающих в сельской местности [19, с. 253].

К этому времени в основном складывается и система денежного довольствия сотрудников уголовного розыска. Как правило, средняя заработная плата рядовых сотрудников уголовного розыска превышала среднюю заработную плату рядового и младшего командного состава милиции в 1,5 раза. Так, если заработная плата сотрудников милиции на Дальнем Востоке составляла 30–40 рублей, то сотрудников уголовного розыска – 45–57 рублей [17, л. 31–32]. Причем, разница в заработной плате начальника уголовного розыска и агента, начальника уголовного розыска губернии и начальника уголовного розыска уезда и т.п. была довольно существенной. Так, средняя заработная плата начальника уголовного розыска губернского города Дальневосточной губернии составляла 119,69 руб., агента – 45,16 руб.; средняя заработная плата начальника уголовного розыска уезда – 69,62 руб., агента – 40,96 руб. [20, л. 74].

Несмотря на более сложные условия работы и высокую нагрузку, вследствие значительного сокращения штатов, дальневосточная милиция (в некоторых губерниях количество населения, обслуживаемого одним милиционером, в 5 раз превышало установленные нормативы в сравнении с милицией центральных губерний) обеспечивалась финансами слабее [6, л. 67].

О низких ставках денежного содержания сотрудников милиции и уголовного розыска свидетельствуют данные о заработной плате других категорий работников. Так, в 1927 г. секретарь волостного ис-

полкома получал заработную плату 42 рубля, сторож – 30–45, дворник – 45–50, стрелок военизированной охраны – 60 рублей. А сотрудники уголовного розыска Дальнего Востока – 57 рублей, уездных городов – 47, что было значительно ниже заработной платы стрелка военизированной охраны и практически наравне – с заработной платой дворника [20, л. 58].

Установление различных ставок заработной платы для одних и тех же категорий сотрудников в разных губерниях и даже в различных уездах одной губернии зависело не от условий и качества труда, а от «прочности» местных бюджетов. Например, в 1929 г. заработная плата старшего милиционера по РСФСР составляла от 43 до 74 рублей в месяц, начальника районной и волостной милиции 62–80 рублей (для сравнения, агент уголовного розыска 1 разряда получал 80 руб.), в то время как у рабочего заработок не опускался ниже 75 рублей [21, л. 74]. Таким образом, в сравнении с другими категориями граждан, в частности, рабочими промышленных предприятий, заработная плата сотрудников милиции сильно отставала. Это было одной из причин «слабого притока рабочих в милицию» [22, с. 120].

Наибольший результат в деле улучшения материального положения работников милиции дало введение прогрессивной заработной платы. В мае 1928 г. ВЦИК и СНК РСФСР приняли постановление «Об установлении периодических надбавок к заработной плате за выслугу лет для работников строевого и активного состава милиции». Надбавки исчислялись следующим образом: за три года непрерывной службы в милиции – 10%, за шесть лет – 20% и за 9 лет – 30% от основного должностного оклада. В результате этих мер уже в 1928 г. зарплата работников милиции РСФСР в среднем увеличилась на 17,1% [8, с. 159].

Однако, если в среднем по России заработная плата увеличилась, то на Дальнем Востоке выполнение Постановления ВЦИК и СНК РСФСР об установлении надбавок за выслугу лет строевому и активному составу милиции, действовавшего с 1 января 1929 г., предусматривало выплаты из местных бюджетов, которые не всегда были готовы обеспечить выполнение принятого постановления. Об этом свидетельствуют материалы письма сотрудников милиции на имя М.И. Калинина, в котором они сообщали, что их заработная плата в сельской местности составляет всего 45 рублей в месяц, агента уголовного розыска и помощника начальника милиции – 50 рублей. Денежное содержание в таких размерах не могло удовлетворить даже самых минимальных потребностей, если учитывать, что многие милиционеры не имели собственного жилья и были вынуждены платить за наем помещения 10–15 рублей. Еще в более тяжелом положении оказывались сотрудники, имеющие на своем содержании семьи. Милиционеры вынуждены были покупать хлеб на рынке по 11–12 рублей за пуд [23, л. 317].

Постановление ВЦИК и СНК предусматривало повышение окладов не только милиции, но и другим категориям работников, находящимся на содер-

жании местных бюджетов. Для сравнения, учителя школ должны были получать до 50 рублей в месяц, врачи – до 110, начальники районной милиции – до 70, старшие милиционеры – до 39. Секретари и заведующие отделов Советов в районах с населением до 75 тыс. человек, горсоветов в городах с населением до 25 тыс. человек, народные судьи районов с населением до 75 тыс. человек имели оклады свыше 250 рублей [24, с. 68]. Эти данные свидетельствуют о значительном разрыве в оплате труда милиции и других категорий служащих. С 1920-х годов начинается и, к сожалению, до сегодняшнего времени продолжается практика остаточного финансирования органов милиции (полиции) и уголовного розыска. В изучаемый период, вследствие необходимости компенсации низкой заработной платы, начинается формирование системы льгот сотрудникам милиции и уголовного розыска.

Таким образом, в 1920-е гг. сложилась система денежного содержания сотрудников милиции и уголовного розыска, которая включала оклад по должности (тариф) и оплату за непрерывный стаж работы в системе НКВД РСФСР (выслугу лет). В денежном довольствии личного состава милиции в изучаемый период следует отметить ряд характерных особенностей: во-первых, повышение заработной платы осуществлялось за счет сокращения численности милиции и перераспределения фонда заработной платы; во-вторых, наблюдалась значительная дифференциация заработной платы рядового и командного состава в зависимости от должностного положения – чем выше был должностной уровень руководителя, тем больше была и заработная плата; в-четвертых, еще не были до конца нормативно урегулированы условия службы, не определены льготы и компенсации сотрудникам милиции в местах с тяжелыми климатическими условиями, в том числе и для районов Дальнего Востока.

В период проведения новой экономической политики не удалось вернуться к дореволюционному состоянию межотраслевой дифференциации заработной платы. Для работников государственных органов это означало, что оплата их труда производится не в соответствии с социальной оценкой, а на основе субъективных представлений руководителей соответствующего уровня, многие из которых относились к милиции как к органу подсобному, второстепенному.

Важным элементом совершенствования оплаты труда работников милиции и уголовного розыска можно считать попытку введения денежной компенсации, адекватной количеству затраченного времени. Положение о службе нормативно закрепило оплату сверхурочных и предоставление отгулов за работу в праздничные и выходные дни, ночное время. Однако эта норма повсеместно не выполнялась из-за отсутствия финансовых средств и значительного некомплекта личного состава в органах и подразделениях милиции.

С целью повышения материальной обеспеченности личного состава при низких должностных

окладах для сотрудников милиции с 1922 г. начинает вводиться система премирования. Как правило, премии сотрудникам милиции выплачивались из сумм штрафов, взысканных в административном порядке за нарушение законодательных актов или обязательных постановлений местных органов власти и отчисляемых местными Советами в пользу милиции. Кроме того, в 1920-е годы премиальные вознаграждения работникам милиции выплачивались: за борьбу с контрабандой, за раскрытие незаконного приготовления, хранения и сбыта спиртных напитков и спиртосодержащих веществ, за борьбу с незаконными лесопорубками, за приведение в исполнение решений судов по гражданским искам, за выявление нарушителей правил рыболовства, за раскрытие имущественных преступлений и т.д. [25, с. 385].

Стоимость имущества и размер процентного отчисления определялись в денежных знаках образца 1922 г. рабоче-крестьянской инспекцией и экспертом-оценщиком (специализирующимся в различного рода имуществах). Оценка происходила в присутствии потерпевшего или его представителя и сотрудника уголовного розыска. По результатам экспертизы комиссией составлялся акт, в котором указывались номер дела, какое именно имущество разыскано, его стоимость и сумма процентного отчисления. Полученные денежные суммы от процентного отчисления распределялись распоряжением начальника уголовного розыска по следующему расчету [26, л. 5]:

- 1) 35% выдавалось сотрудникам розыска, непосредственно разыскивавшим имущество и виновного;
- 2) 15% отчислялось на выдачу денежных наград сотрудникам розыска за раскрытие преступлений, по которым не производилось оценочных отчислений за отсутствием имущественных ценностей;
- 3) 30% распределялось пропорционально полученному содержанию среди сотрудников уголовного розыска;
- 4) 10% поступало на культурно-просветительные нужды розыска (устройство библиотеки, клуба, организация лекций и др.);
- 5) 10% отчислялось для образования особого фонда для выдачи в экстренных случаях пособий служащим розыска и их семьям (на случай болезни, смерти и т.д.).

Введенный порядок денежного вознаграждения за эффективную работу по охране общественного порядка и борьбе с преступностью предусматривал возможность премирования сотрудника в размере до шести месячных окладов на уровне республики, до трех месячных окладов – на уровне губернии, месячного – на уровне уезда. За особо тяжелые и опасные условия работы сотрудникам уголовного розыска была введена 50%-я надбавка к окладу [27, л. 259]. Кроме 50%-й надбавки к окладу наиболее активным сотрудникам уголовного розыска должен был ежегодно предоставляться отпуск в двойном размере.

Декларированный порядок денежного вознаграждения на местах вводился медленно, о чем свидетельствовали рапорта, поступавшие от началь-

ников губернских уголовных розысков в Управление уголовного розыска Дальнего Востока. Принимая во внимание, что это отрицательно действовало как на моральное состояние сотрудников, так и на продуктивность их работы, начальник уголовного розыска Дальнего Востока Донцов вышел с предложением в Дальревком о необходимости решения данного вопроса [28, л. 62]. Однако и 50%-я надбавка к окладу в условиях слабого финансирования, и ежегодное предоставление отпусков в двойном размере были скорее исключением, чем правилом.

В целях упорядочения системы премирования СНК РСФСР, по ходатайству НКВД, в 1929 г. изменил порядок премирования сотрудников уголовного розыска и милиции в сторону его увеличения. Кроме того, местными отделами милиции и уголовного розыска был создан единый премиальный фонд, из которого решением руководителей административного отдела и отдела уголовного розыска поощрялись как оперативный состав, так и работники строевой милиции за активную оперативно-служебную деятельность по раскрытию преступлений любого вида [29, с. 615-616].

Важную роль в материальном обеспечении сотрудников милиции имело вещевое довольствие, в которое входило обмундирование, снаряжение и вооружение.

В начале 1920-х гг. все виды довольствия милиционеров и командного состава милиции были приняты на счет государства и приравнены к снабжению Красной Армии. Снабжение обмундированием милиции Дальнего Востока происходило крайне неравномерно. Так, к 1 января 1922 г. на балансе Управления милиции Дальнего Востока состояло всего 17 папах и шапок, 30 рубах, 7 пар сапог, 1 пара ботинок и т.д. [2, л. 44(об.) – 45].

Обеспечение вещевым довольствием было не только различным в пределах Дальнего Востока, но и в масштабах одной области. Например, в отношении обмундирования Благовещенская городская милиция в 1923 г., а также Благовещенский и Свободненский уезды были удовлетворены на 100%, однако совсем не было получено обуви. Остальные уезды Амурской губернии были обеспечены слабее. К 1 ноября 1923 г. Владивостокская милиция была обмундирована полностью, а уездная – на 50%. К концу 1924 г. вся милиция Приморской губернии была снабжена верхним обмундированием полностью, зимними бекешами – на 60%, носильным и постельным бельем – на 20% [30, с. 51].

В целом по Дальнему Востоку средний процент обеспеченности обмундированием на 1923 г. составил 58%, обуви – 62%. В докладе заведующего подотделом милиции отдела управления Дальревкома за 1923 г. отмечалось, что «с момента передачи содержания милиции на местные средства (1-го апреля 1923 г.) материальное положение милиции ухудшилось: склады маленькие, снабжение обмундированием нерегулярное» [31, л. 68].

Снабжение сотрудников милиции состояло не только в обеспечении вещевым довольствием,

но и так называемым «артиллерийским», то есть оружием и оружейными принадлежностями. Снабжение оружием и оружейными принадлежностями губернских управлений милиции и уголовного розыска Дальнего Востока было неравномерным. Так, если в целом по Дальнему Востоку обеспеченности револьверами сотрудников милиции в 1923 г. составлял 90%, то в Амурской губернии – 56% [32, л. 69].

Таким образом, в 1920-е гг. государственными органами предпринимались меры по обеспечению сотрудников милиции вещевым довольствием: обмундированием, снаряжением и вооружением. Обеспечение вещевым довольствием милиции различных областей было неравномерным, так как осуществлялось за счет средств исполкомов местных Советов, в зависимости от их финансовых возможностей. Несмотря на острый дефицит промышленных товаров и недостаток качественного оружия и оружейных принадлежностей, государственные органы искали пути решения проблемы обеспечения сотрудников милиции вещевым довольствием. К концу 1920-х гг. на местах, в том числе и в районах Дальнего Востока, сложилась практика обеспечения вещевым довольствием сотрудников милиции и уголовного розыска по нормам, утвержденным НКВД, за счет губернских и административных отделов исполнительных комитетов.

В 1920-е гг. происходит дальнейшее формирование системы пенсионного обеспечения, социального и государственного страхования. Работники милиции выступали в качестве сотрудников административно-исполнительных органов советской власти, на которых почти в полном объеме распространялся КЗоТ. Однако из-за значительного дефицита местных бюджетов и пенсионное обеспечение, и государственное страхование находились на низком уровне. К началу 1930-х гг. на строевой состав милиции и работников уголовного розыска были распространены многие правовые нормы, регулирующие прохождение службы военнослужащими Красной Армии. Это означало, что государство взяло на себя обязанность по пенсионному обеспечению и социальному страхованию.

Таким образом, в 1920-е годы в органах милиции начала складываться система государственного обеспечения. Правовой основой социальной защищенности сотрудников милиции являлись Конституции

РСФСР (1918 г. и 1924 г.), закрепившие для граждан ряд социальных гарантий. На их основе ВЦИК и СНК РСФСР разрабатывали и утверждали законы, декреты и другие нормативные акты высших органов государственной власти и управления, определявшие механизм реализации конституционных положений. Однако вследствие сложного положения в стране, многие ведомства финансировались по остаточному принципу, в том числе и НКВД.

Складывавшаяся в 1920-е годы система государственного обеспечения: денежного, вещевого довольствия, пенсионного обеспечения, социального и государственного страхования, напрямую зависела от средств местных бюджетов.

В изучаемый период государственными органами и руководством НКВД предпринимались меры по улучшению финансового и материального положения сотрудников милиции (разовые повышения окладов, введение системы премирования за борьбу с различного рода правонарушениями и т.п.). Предпринимаемые меры свидетельствовали о том, что в условиях слабого финансирования имели место попытки выйти из сложившейся ситуации, наладить работу управлений милиции в имеющихся условиях и имеющимися средствами.

Однако они не могли кардинально изменить к лучшему обеспечение милиции. Требовалась разработка стабильной программы материального стимулирования работников милиции и уголовного розыска, которая могла успешно функционировать при следующих условиях: либо при обеспечении передачи содержания милиции на общегосударственный бюджет, либо при создании стабильных и бездефицитных местных бюджетов и разработке нормативно-правовой базы порядка и условий содержания милиции за их счет.

Провозглашение курса на индустриализацию страны и коллективизацию крестьянства, свертывание новой экономической политики, зачастую искусственное провоцирование обострения классовой борьбы в обществе объективно обусловили более значимую роль милиции в становлении тоталитарного режима в стране. Последнее, в свою очередь, повлекло изменение политики государства, которое стало предоставлять более значимые социальные гарантии и преимущества работникам правоохранительных органов, в том числе и сотрудникам милиции.

Литература и источники

1. Постановление НКВД РСФСР «О рабочей милиции» // Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. 1917. 1 дек. (№1).
2. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 372. Оп. 1. Д. 188.
3. Собрание узаконений (СУ РСФСР). 1923. №3.
4. Государственный архив Приморского края (ГАПК). Ф. П-32. Оп. 1. Д. 3.
5. Административный вестник. 1929. №6–7.
6. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 393. Оп. 58. Д. 49.
7. ГАРФ. Ф. 393. Оп. 38. Д. 2.
8. Уваров И.А. Поиск путей улучшения финансового и материального обеспечения милиции в 1923–1931 гг. // Труды академии МВД Российской Федерации. М., 1994. С. 155–160.

9. Кудрявцев Н.Б., Чернявский А.В. История возникновения Камчатской милиции // Совершенствование деятельности органов внутренних дел в современных условиях: сборник научных трудов. Хабаровск, 2001. Ч. III. С. 350–353.
10. Второй Всероссийский съезд административных работников. 23–30 апреля 1928 г. (сокращенная стенограмма). М.: Изд. НКВД РСФСР, 1929. 134 с.
11. ГАРФ. Ф. 393. Оп. 38. Д. 3.
12. Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (РГИА ДВ). Ф. Р-2422. Оп. 1. Д. 1401.
13. РГИА ДВ. Ф. Р-2422. Оп. 1. Д. 1399.
14. ГАРФ. Ф. 393. Оп. 66. Д. 139.
15. ГАПК. Ф. 1119. Оп. 1. Д. 13.
16. Губернское совещание административно-милиейских работников Приморской губернии 23–25 июля 1924 г. Владивосток: [б. и.], 1924. 64 с.
17. Шамаров В.М. Государственная служба в милиции НКВД РСФСР (становление и развитие правовых и организационных основ). М.: Издательство Академии МВД РФ, 1999. 220 с.
18. ГАРФ. Ф. 393. Оп. 66. Д. 39.
19. История советской милиции. М.: Изд. Акад. МВД СССР, 1977. Т. 1. 346 с.
20. ГАРФ. Ф. 393. Оп. 59. Д. 26.
21. ГАРФ. Ф. 393. Оп. 83. Д. 15.
22. Полиция и милиция России: страницы истории. М.: Наука, 1995. 318 с.
23. ГАРФ. Ф. 393. Оп. 79. Д. 31.
24. Осокина Е.А. Иерархия потребления. О жизни людей в условиях сталинского снабжения 1928–1935 гг. М.: МГОУ, 1993. 144 с.
25. Действующие распоряжения по милиции. М.: НКВД РСФСР, 1928. 638 с.
26. РГИА ДВ. Ф. Р-2422. Оп. 1. Д. 1458.
27. ГАРФ. Ф. 393. Оп. 83. Д. 6.
28. РГИА ДВ. Ф. Р-2422. Оп. 1. Д. 1435.
29. Бюллетень НКВД РСФСР. 1929. №31.
30. Красный милиционер Приморья. Владивосток: [б. и.], 1924. 64 с.
31. РГИА ДВ. Ф. Р-2422. Оп. 1. Д. 1442.
32. РГИА ДВ. Ф. Р-2422. Оп. 1. Д. 1443.

References

1. *Postanovlenie NKVD RSFSR «O rabochei militsii»* [The resolution of People's Commissariat for Internal Affairs of RSFSR "About working militia"]. *Sobranie zakonov i rasporyazhenii rabochego i krest'yanskogo pravitel'stva* [Collection of legal and orders of the workers and peasants government], 1917, 1 Dec. (No. 1).
2. *Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv sotsial'no-politicheskoi istorii (RGASPI)* [Russian State Archive of Socio-Political History], f. 372, op. 1, d. 188 (in Russian, unpublished).
3. *Sobranie zakonov (SU RSFSR)* [Collection of legal documents of the RSFSR], 1923, no. 3.
4. *Gosudarstvennyi arkhiv Primorskogo kraia (GAPK)* [State Archive of the Primorsky Region], f. П-32, op. 1, d. 3 (in Russian, unpublished).
5. *Administrativnyi vestnik* [Administrative Bulletin], 1929, no. 6–7.
6. *Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii (GA RF)* [State Archives of the Russian Federation], f. 393, op. 58, d. 49 (in Russian, unpublished).
7. *Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii (GA RF)* [State Archives of the Russian Federation], f. 393, op. 38, d. 2 (in Russian, unpublished).
8. Uvarov I.A. *Poisk putei uluchsheniya finansovogo i material'nogo obespecheniya militsii v 1923–1931 gg.* [The search for ways to improve the Finance support and provision of material needs of the militia in 1923–1931]. *Trudy akademii MVD Rossiiskoi Federatsii* [Studies of the Academy of the Russian Interior Affairs Ministry]. Moscow, 1994, pp. 155–160.
9. Kudryavtsev N.B., Chernyavskii A.V. *Istoriya vozniknoveniya Kamchatskoi militsii* [History of the Kamchatka militia formation]. *Sovershenstvovanie deyatel'nosti organov vnutrennikh del v sovremennykh usloviyakh: sbornik nauchnykh trudov* [Improvement of the law-enforcement bodies activity in modern conditions: collection of studies]. Khabarovsk, 2001, vol. III, pp. 350–353.
10. *Vtoroi Vserossiiskii s'ezd administrativnykh rabotnikov. 23–30 aprelya 1928 g. (sokrashchennaya stenogramma)* [The Second All-Russian Congress of Administrative Workers. April 23–30, 1928 (redundant shorthand report)]. Moscow, NKVD of the RSFSR Publ., 1929. 134 p.
11. *Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii (GA RF)* [State Archives of the Russian Federation], f. 393, op. 38, d. 3 (in Russian, unpublished).
12. *Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Dal'nego Vostoka (RGIA DV)* [Russian State Historical Archive of the Far East], f. Р-2422, op. 1, d. 1401 (in Russian, unpublished).
13. *Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Dal'nego Vostoka (RGIA DV)* [Russian State Historical Archive of the Far East], f. Р-2422, op. 1, d. 1399 (in Russian, unpublished).
14. *Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii (GA RF)* [State Archives of the Russian Federation], f. 393, op. 66, d. 139 (in Russian, unpublished).
15. *Gosudarstvennyi arkhiv Primorskogo kraia (GAPK)* [State Archive of the Primorsky Region], f. 1119, op. 1, d. 13 (in Russian, unpublished).
16. *Gubernskoe soveshchanie administrativno-militseiskikh rabotnikov Primorskoi gubernii 23–25 iyulya 1924 g.* [Provincial Session of Administrative-Militia employees of Primorye Governorate on July 23–25, 1924]. Vladivostok, without publishing, 1924, 64 p.
17. Shamarov V.M. *Gosudarstvennaya sluzhba v militsii NKVD RSFSR (stanovlenie i razvitie pravovykh i organizatsionnykh osnov)* [State service in the militia NKVD of the RSFSR (formation and development of legal and organizational bases)]. Moscow, Academy of the Russian Interior Affairs Ministry Publ., 1999, 220 p.
18. *Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii (GA RF)* [State Archives of the Russian Federation], f. 393, op. 66, d. 39 (in Russian, unpublished).
19. *Istoriya sovetской militsii* [History of the Soviet militia]. Moscow, Academy of the Russian Interior Affairs Ministry Publ., 1977, vol. 1, 346 p.

20. *Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii (GA RF)* [State Archives of the Russian Federation], f. 393, op. 59, d. 26 (in Russian, unpublished).
21. *Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii (GA RF)* [State Archives of the Russian Federation], f. 393, op. 83, d. 15 (in Russian, unpublished).
22. *Politsiya i militsiya Rossii: stranitsy istorii* [Police and militia of Russia: pages of history]. Moscow, Nauka Publ., 1995, 318 p.
23. *Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii (GA RF)* [State Archives of the Russian Federation], f. 393, op. 79, d. 31 (in Russian, unpublished).
24. Osokina E.A. *Ierarkhiya potrebleniya. O zhizni lyudei v usloviyakh stalinskogo snabzheniya 1928–1935 gg.* [Hierarchy of consumption. About people's life in the conditions of Stalin's supply in 1928–1935]. Moscow, Moscow Region State University Publ., 1993, 144 p.
25. *Deistvuyushchie rasporyazheniya po militsii* [The existing orders on militia]. Moscow, NKVD of the RSFSR Publ., 1928, 638 p.
26. *Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Dal'nego Vostoka (RGIA DV)* [Russian State Historical Archive of the Far East], f. P-2422, op. 1, d. 1458 (in Russian, unpublished).
27. *Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii (GA RF)* [State Archives of the Russian Federation], f. 393, op. 83, d. 6 (in Russian, unpublished).
28. *Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Dal'nego Vostoka (RGIA DV)* [Russian State Historical Archive of the Far East], f. P-2422, op. 1, d. 1435 (in Russian, unpublished).
29. *Byulleten' NKVD RSFSR* [Bulletin of People's Commissariat for Internal Affairs of RSFSR], 1929, no. 31.
30. *Krasnyi militsioner Primor'ya* [Red militiaman of Primorye]. Vladivostok, without publishing, 1924, 64 p.
31. *Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Dal'nego Vostoka (RGIA DV)* [Russian State Historical Archive of the Far East], f. P-2422, op. 1, d. 1442 (in Russian, unpublished).
32. *Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Dal'nego Vostoka (RGIA DV)* [Russian State Historical Archive of the Far East], f. P-2422, op. 1, d. 1443 (in Russian, unpublished).

ИСТОРИЯ РЕГИОНОВ РОССИИ / HISTORY OF RUSSIAN REGIONS

УДК 614.81

VLADIMIR VIKTOROVICH SINICHENKO

*Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Chair of
State Legal and Civil Law Disciplines in
Vladivostok's branch of the
Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs
of the Russian Federation.
690087, Russian Federation, Vladivostok, Kotel'nikova ul., 21.
E-mail: v.v.sinichenko@bk.ru*

RAISA ANDREEVNA IZAKSON

*Lecturer of the Chair of Criminal Law and Criminology in
East-Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
664081, Russian Federation, Irkutsk, Volzhskaya ul., 51
E-mail: raysa@mail.ru*

Army-prisoners of war of the First World War in the Russian Far East: the history of camp life

Different aspects of location of army-prisoners in the Russian Far East during the First World War are shown in the article. The problem of army-prisoners in the rear regions of Russia was solved not systematically, but situationally. The studying of historical, political and legal literature of the 20th century proves that the problem of contradictory policy of the Russian government towards army-prisoners of the First World War was interested many researchers from Russia and foreign countries. Materials about this theme in different periods were published in the periodicals, memoirs of army-prisoners, scientific works, monographs, etc. Article provides a comprehensive view of both the scale of deployment of prisoners of war in the east of Russia and the mechanisms for the functioning of camp life.

Keywords: *First World War, Army-prisoners, Russian Far East, camp life, maintenance of army-prisoners, temporary foreign population in Russia, shoots of army-prisoners, rights of army-prisoners, acceptance of army-prisoners in citizenship, placement regime of army-prisoners.*

ВЛАДИМИР ВИКТОРОВИЧ СИНИЧЕНКО

*Доктор исторических наук, профессор,
начальник кафедры государственно-правовых и гражданско-правовых дисциплин
Владивостокского филиала Дальневосточного юридического института
Министерства внутренних дел Российской Федерации.
690087, Россия, Владивосток, ул. Котельникова, 21.
Тел.: +7 (924) 338-78-79, e-mail: v.v.sinichenko@bk.ru*

РАИСА АНДРЕЕВНА ИЗАКСОН

*Преподаватель кафедры уголовного права и криминологии,
Восточно-Сибирский институт МВД России.
664081, Россия, Иркутск, ул. Волжская, 51.
Тел.: +7 (902) 577-64-74, e-mail: raysa@mail.ru*

В статье показаны различные аспекты размещения на территории русского Дальнего Востока военнопленных в годы Первой мировой войны. Проблема содержания военнопленных в тыловых районах России решалась не системно, на основании заранее продуманного предвоенного плана, а ситуативно. Изучение исторической, политической и юридической литературы начала XX в. доказывает, что проблема противоречивой политики властей по отношению к военнопленным, размещённым на русском Дальнем Востоке в годы Первой мировой войны (1914–1918 гг.), интересовала многих исследователей из России и зарубежных стран. Материалы, посвящённые данной теме, в разные годы появлялись в периодической печати, опубликованных воспоминаниях военнопленных, научных трудах и монографиях, а также художественной литера-

туре. Настоящая статья даёт комплексное представление как о масштабах размещения военнопленных на востоке России, так и о механизмах функционирования лагерного быта.

Ключевые слова: Первая мировая война, военнопленные, русский Дальний Восток, обеспечение военнопленных, временное иностранное население в России, лагерный быт, побеги военнопленных, права военнопленных, принятие военнопленных в гражданство, режим размещения военнопленных.

Военнопленные Первой мировой войны на русском Дальнем Востоке: история лагерного быта

В 20-30-х гг. XX в. тема лагерного быта военнопленных «Центральных держав», находившихся на территории Восточной Сибири и русского Дальнего Востока в годы Первой мировой войны впервые нашла своё освещение. Появились мемуары бывших военнопленных, которые описали условия своего содержания в российских лагерях [1, с. 64–72].

Кроме того, в 20-е гг. XX в. вышел первый том Сибирской советской энциклопедии, где в статье В.Д. Вегмана «Военнопленные империалистической войны» рассказывалось о вкладе немцев и венгров интернационалистов в дело установления советской власти [2].

В годы второй мировой войны и предшествующей ей период времени тема интернационалистов-военнопленных исчезала из ряда актуальных в советской историографии. Но после создания Совета экономической взаимопомощи и организации Варшавского договора, в преддверии годовщин Октябрьской революции, обсуждение подвигов воинов-интернационалистов вновь стало актуальным.

В 1957 г. в Иркутске ко дню сороколетней победы революции были изданы воспоминания Арманда Мюллера. В Красноярске в то же время вышли в свет в виде газетных статей исследования В. Пылаева, а в Новосибирске И.Г. Матвеева [3, с. 11–18]. Советские историки изучали участие зарубежных воинов-интернационалистов и бывших военнопленных в деле установления Советской власти.

Появился в середине XX в. и ряд работ восточноевропейских авторов, связанных с оценкой роли военнопленных-интернационалистов в свершении Октябрьской революции [4, с. 117–149]. В 1968 г. вышел сборник документов об интернациональной солидарности венгерских военнопленных [5]. В это же и последующее время появилась серия работ, в которых рассматривалась история появления венгерских военнопленных в Восточной Сибири и на русском Дальнем Востоке [6]. Отдельно можно выделить опубликованную в 70-х гг. XX в. работу А. Йожа «Венгерские интернационалисты в борьбе за победу Октября» [7]. Интернациональное движение военнопленных в Сибири изучал также западносибирский советские исследователь Н.С. Колмогоров [8].

В 1980 г. вышел сборник работ «Венгерские интернационалисты в Сибири и на Дальнем Востоке. 1917–1922 гг.», в котором ряд авторов (Н.Н. Чугунов, В.Т. Агалаков, Б.М. Шерешевский) рассмотрели вопросы участия венгерских военнопленных в революционном движении в Сибири [9, с. 228–237]. Ценная информация о положении военнопленных в

Сибири приведена также в очерке Б.С. Санжиева о Ярославе Гашеке [10].

С 2000 г. над темой истории военнопленных центральных держав в России работает исследователь Елена Юрьевна Бондаренко, очертившая общую концепцию проблемы размещения иностранных военнопленных на Дальнем Востоке России в XX в. [11, с. 99–113]. Крупным исследованием проблемы жизнедеятельности военнопленных стал её труд «Иностранные военнопленные на Дальнем Востоке России: 1914–1956 гг.», защищённый на соискание ученой степени доктора исторических наук во Владивостоке. В третьей главе исследования «Иностранные военнопленные на дальнем Востоке России в годы Первой мировой войны (1914–1918 гг.)» Е.Ю. Бондаренко изучила процесс формирования контингента военнопленных на Дальнем Востоке и бытового устройства иностранных военнопленных в дальневосточных лагерях [12].

Были предприняты попытки исследования установленной в теме статьи проблематики и на территории Восточной Сибири. Так, в труде Аллы Ивановны Гергилёвой «Военнопленные Первой мировой войны на территории Сибири», который был защищён в Красноярске в 2006 г. в качестве исследования на соискание ученой степени кандидата исторических наук, была предпринята попытка на основе анализа положения дел в Омском и Иркутском военных округах изучить положение военнопленных Первой мировой войны. Исследователь уделила достаточное внимание обработке и анализу нормативно-правовой базы, изменившей положение военнопленных в 1917 г. Так, по мнению автора, в первые месяцы после февраля 1917 г. положение военнопленных значительно улучшилось. Был облегчён режим пребывания в концентрационном лагере, освобождены из тюрем многие военнопленные, ранее арестованные царскими властями за политическую деятельность.

Во многих городах военнопленные получили возможность свободно выходить за территорию лагеря, ходить без конвоя по улицам. Стремление русского народа к миру вселяло в военнопленных надежду на скорое заключение перемирия между Россией и центральными державами, что гарантировало возвращение на родину.

Стоит отметить, что военнопленные содержались в неодинаковых условиях. Некоторым категориям пленных были предоставлены исключительные льготы. Так, например, известному социал-демократу Отто Бауэру (впоследствии ставшему государственным секретарём министерства иностранных дел в коалиционном правительстве Австрийской

республики), распределённому в Иркутский концентрационный лагерь, было разрешено выехать в Петроград, а оттуда на родину; большевику Бела Куну, отбывавшему плен в Томском концентрационном лагере, было разрешено поселиться на частной квартире, а затем выехать в Петроград для партийной работы [13].

Интересными исследованиями в области истории повседневности российского плена в Восточной Сибири и на русском Дальнем Востоке представляются статьи В.В. Синиченко, В.П. Зиновьева и А.С. Кузьменко [14, с. 109–113].

Внимание к теме истории плена в Сибири продолжилось и в европейской историографии. В 1997 году в Италии вышла в свет работа М. Росси «Пленники царя: итальянские солдаты австро-венгерской армии в лагерях России (1914–1918)», которая касается и темы военнопленных. Однако узость источниковой базы и опора исключительно на воспоминания самих военнопленных не позволила данным исследованиям подняться до обобщающего или сравнительно-исторического уровня [15, с. 172–175]. С 90-х гг. изучением быта военнопленных преимущественно занимались австрийские и германские исследователи [16].

В 2005 г. вышел труд Р. Нахтигаль «Военный плен на Восточном фронте в 1914–1918 гг.», в котором автор, как он подчёркивает, делает попытку системного изучения вопроса плена на примере одной страны – России [17]. Историк приходит к следующему выводу: изучение военного плена должно быть связано с событиями в России. Особенности военного плена Первой мировой войны автор считает национальной пропаганду в лагерях, взаимные поездки сестёр милосердия в государства противника с целью изучения положения дел, а также активную благотворительную деятельность представителей нейтральных держав.

Тема положения военнопленных поднята в иностранной литературе и в ином аспекте. Так, Н.В. Суржикова, анализируя взгляды Йохана Принса («Военнопленные Первой мировой войны на Востоке России»), пришла к выводу, что в определенные отрезки времени (особенно зимой 1916–1917 гг.) уровень жизни пленных офицеров в России был значительно выше, чем уровень жизни гражданского населения на их родине. При этом дело было не только в том, что пленным офицерам полагались жалование, денщики лучшие и помещения. Ситуация определялась участием военнопленных в принудительных работах. И в то время, как пленные офицеры жаловались, что они от безделья «толстеют и теряют фигуру», для рядовых плен представлял собой рабское полуголодное существование [18, с. 340–361].

Стоит отметить, что в иностранных работах подробно рассматривается тема быта военнопленных, но нет страниц, посвящённых использованию иностранного труда. Это неудивительно – иностранцы в изучении проблемы опираются на сохранившиеся воспоминания пленных, а не на архивные материалы.

Крупные работы по указанной тематике выходили и в последние годы. Татьяна Яковлевна Иконникова в 2009 г. опубликовала работу «Дальневосточный тыл

в годы Первой мировой войны» [19]. Также в 2014 г. было опубликовано фундаментальное исследование Ирины Беловой «Вынужденные мигранты: беженцы и военнопленные Первой мировой войны в России. 1914–1925 гг.» [20]. В 2015 г. в Новосибирском издательстве «Автограф» опубликована монография М.В. Шиловского «Первая мировая война 1914–1918 годов и Сибирь».

В этих работах исследователями подробно изучена нормативно-правовая база использования труда военнопленных, а также дан анализ последствий, к которым привели эти акты. Вместе с тем, отдельные вопросы использования труда военнопленных в дальневосточном регионе остались вне поля зрения историков.

Известно, что 28 ноября 1916 г., по данным Главного управления генерального штаба, общее количество бежавших из России в Китай военнопленных составило с начала войны 145 офицеров и 717 нижних чинов. Из Приамурского военного округа бежали 10 офицеров и 61 нижний чин; Иркутского военного округа – 67 офицеров и 18 нижних чинов; Омского военного округа – 46 офицеров и 66 нижних чинов; из Туркестанского военного округа – 22 офицера и 572 нижних чина [21, л. 281].

Из пределов Иркутского военного округа и Приамурского военного округа бежали 77 офицеров и 79 нижних чинов. Всего существовало пять мест на границе, через которые китайцы переводили военнопленных. Потом китайские агенты передавали бежавших немецким коллегам, которые и сопровождали их в германское консульство в Мукдене. Руководил этими операциями в конце 1916 – начале 1917 г. помощник германского консула китаец Тан Жучжен [21, л. 313, 319].

Всего в Восточной Сибири находилось к концу 1916 г. находилось: в Красноярске – 13 000 пленных; в Иркутске – 8 800; в Верхнеудинске – 8 500 (на станции Дивизионная, недалеко от Верхнеудинска – 27 500), в Троицкосавске – 6 700; в Чите – 32 500 чел. военнопленных Германской, Австро-Венгерской и Османской (турецкой) армий [22, с. 242].

По архивным спискам размещённых военнопленных на Дальнем Востоке России значилось 3 923 офицера и 44 901 нижних чинов. К 1 июня 1917 г. на учёте в Приамурском военном округе было 970 германских офицеров и 12 482 солдата, 2 874 австрийских офицера и 28 635 рядовых этой страны, 13 офицеров и 2 148 нижних чинов турецкой армии. Однако, согласно статьям Гаагской конвенции, рядовых можно было использовать на различных работах. Поэтому в Казанский военный округ из лагерей для военнопленных на Дальнем Востоке было направлено на работы в 1915–1917 гг. 29 185 нижних чинов, Московский военный округ – 5 033 рядовых, а 64 офицера и 694 солдат находились на излечении в госпиталях Приамурского края [23, л. 285].

На работах Приамурского военного округа использовались в начале 1917 г. на земских и городских работах, находящихся в ведении МВД (120 человек); в торгово-промышленных заведениях (57 человек),

работах МПС (1 266 человек), комитета Землеустройства и Земледелия (260 человек), военного ведомства (1698 военнопленных). Итого 3 401 солдат иностранной армии из более чем 6 000 нижних чинов на состояние 1 февраля 1917 г. трудились на государственных учреждениях Приамурья [24, л. 289–292].

Офицеры, не задействованные в работах в крае и слабо контролировавшиеся поредевшими российскими войсками, нередко устраивали побег. Оставшиеся офицеры покрывали беглецов, выкрикивая их фамилию на вечерней поверке личного состава лагеря. Бежавшие стремились перебраться как в нейтральный Китай, так и на родину. В августе 1916 г. в Финляндии был задержан бежавший из Красноярска и пробравшийся к шведской границе военный врач Христиан Шенке [25, л. 18; 25].

Бежали и солдаты. Так, в июле 1917 г. из Никольск-Уссурийского гарнизона, 2-го отряда военнопленных бежал Венцель (Вацлав) Шамбелян. Следствие установило вопиющее нарушение правил содержания военнопленных со стороны руководства и охраны лагеря. На работы иностранных солдат водила невооружённая команда, военнопленные могли оставаться на рабочем месте и не возвращаться в казармы. На работах германских и австрийских солдат никто не охранял. Того же Шамбеляна хватились только через два дня, когда он не был обнаружен ни в казарме, ни на работе. Поверка состава военнопленных проводилась поверхностно.

Впоследствии Вацлав Шамбелян также был задержан русско-финской границе. При нем был найден паспорт на имя дворянина Василия Мархания, уроженца Кавказа. Но поскольку «уроженец Кавказа» говорил с польским акцентом, он вызвал подозрение у железнодорожных жандармов и был задержан. На следствии Шамбелян рассказал историю о том, как он был пленен 21 августа 1914 г. русскими войсками в Восточной Пруссии, заявлял будто бы 20 октября 1915 г. бежал из Владивостока в Шанхай. Не желая воевать за Германскую империю, занялся коммерцией, приехал под вымышленной фамилией в Россию, встретился с польскими беженцами, получил временный вид на имя Кахельского и стал промышлять спекуляциями. Однако ввести следствие в заблуждение военнопленному не удалось, личность поляка установили и снова отправили его в Сибирь [25, л. 2–8; 37; 48].

После этого случая была проведена проверка состояния военнопленных и в других гарнизонах. Впечатление высших военных властей было негативным. Обнаружилось, что надзор за пленными немцами ослаб. В селе Раздольном военнопленные Мартенс и Лам свободно ходили по территории округа, обедали на квартире инженера Лебединского, играли в теннис и азартные игры с представителями военных властей, посещали женщин. Лам неоднократно уезжал из Раздольного в город Никольск-Уссурийский к своей пассии – госпоже Виноградовой [26, л. 7; 12].

В результате разбора дел комиссия наказала виновных в побеге Шамбеляна – зауряд-полковника Егорова и, непосредственно отвечавших за 2-й отряд

военнопленных, зауряд-прапорщиков Хорькова и Никитина [25, л. 4]. Было сделано замечание командиру 8-го корпуса ополчения за «частные отношения» военнопленных с российским населением в селе Раздольном. Лам и Мартенс были переведены на поселение в другую местность [26, л. 15].

В послаблениях военнопленным было «виновато» само российское правительство. Изменение отношения к пленникам относится к 28 июня 1916 г., когда императорским и королевским военными министерствами дуалистической монархии Австро-Венгрии в Вене было опубликовано постановление, призывавшее офицеров не бежать из плена «так как это ухудшает положение военнопленных». Постановление предписывало офицерам оставаться в лагерях и «тактично и энергично защищать интересы нижних чинов».

Австрийские военные власти предписывали офицерам получившим послабление в лагерном режиме России не бежать за пределы этой страны, поскольку даже в случае успеха они будут снова водворены в Россию и потеряют право на какие-либо новые льготы. Австрийским и венгерским офицерам напоминалось, что они имеют право требовать для себя следующих льгот: во-первых, право на прогулки и физические упражнения; во-вторых, право на посещение зубного врача [26, л. 199].

В ответ на это постановление российские военные власти, в свою очередь, пошли на либерализацию режима содержания военнопленных. Так, временный командующий Приамурским военным округом приказал предоставить военнопленным право сооружать площадки для занятия спортом и даже организовать футбольный турнир [26, л. 186–196].

В русских селах Приамурского края во второй половине 1916 г. и в начале 1917 г. военнопленные офицеры отпускались на прогулки в окрестности без конвоя, под честное слово, что они не будут заходить в сёла и общаться с местными жителями. Военнопленный офицер ежедневно осматривался врачом, жил в казарме и имел право владеть несколькими личными вещами домашнего обихода: одеждой, чайником, кружками и пр. Казармы обслуживались, помимо казённых провиантских заведений, частными лавочками, где офицер имел возможность за свои деньги приобретать вещи. Раз в месяц иностранных офицеров посещали представители Шведского и Американского красного креста, которые помогали им материально [26, л. 264–266].

Порядок прогулок военнопленных офицеров определялся инструкцией утвержденной в ГУГШе. Согласно ей каждый офицер-военнопленный, выходя на прогулку, должен был дать старшему лицу караула своё слово, написанное на специально заготовленной бумаге. Офицеру запрещалось во время прогулки покупать товары в неразрешённых для этого магазинах, вступать в разговоры с посторонними людьми и посещать определённые районы местности [26, л. 278].

В январе 1917 г. чиновнику по дипломатической части при Иркутском генерал-губернаторе было

сообщено, что посольство Северно-Американских Соединенных Штатов в Петрограде в настоящее время ведёт якобы близящиеся к окончанию переговоры с Министерством иностранных дел России касательно разрешения ввоза в империю караваном через Монголию 9 000 комплектов одежды и разных принадлежностей, предназначенных Американским Красным Крестом для содержащихся в Сибири военнопленных.

Руководство вышеупомянутым верблюдом караваном предполагалось было вручить некоему американцу Фреду Шредеру – специалисту по коммерческой части, много лет разъезжающему по Китаю в целях скупки кожи, мехов, шерсти и т. п. [27, л. 91].

Как отмечал чиновник по дипломатической части при Иркутском генерал-губернаторе в сообщении генерал-губернатору от 6 февраля 1917 г. за №152, «...в делах штаба округа никаких неблагоприятных сведений об американце Фреде Шредере не имеется. Об этом сообщил исполняющий дела Окружного Генерал-Квартирмейстера, Генерального Штаба полковник Никитин» [27, л. 93].

Однако есть факты, свидетельствующие о слабости паспортного надзора за иностранными подданными со стороны жандармской полиции. Так, приехавшая в Читу из Монголии делегатка Австрийского Красного Креста графиня Ревертера, интересовалась, нет ли в гарнизоне техников среди военнопленных австрийских офицеров, и предлагала денежные средства для побега в Китай. По её словам, весной будущего года они будут «полезны» для своего отечества [28, л. 5].

Как сообщила в сентябре 1917 г. №205 чиновнику по дипломатической части при Иркутском Краевом Комиссаре российская миссия в Пекине, в Шанхае были добыты письма председательницы германского благотворительного общества в Тяньцзинь на имя того же общества в Шанхае от 2 октября 1916 г. «Копия этого письма была найдена во время обыска в квартире одного австрийца на французской концессии в Шанхае и содержит не подлежавшие оглашению данные о частных ссудах и казённых пособиях, выданных обществом в Тяньцзине австро-германским военнопленным в Сибири. Копия в Хабаровск» [27, л. 111].

На немецком языке в этом документе сообщалось: «В бюро помощи в Шанхае. Мы получили Вашу телеграмму 6 сего месяца, и просим по телеграфу сейчас уже приступить к изготовлению различной одежды, не вынуждая получения образцов. Просим Вас при заказах поступать сообразно Вашему усмотрению. Мы хотели бы Вам сообщить, что Австро-венгерское правительство предоставило нам 2 миллиона крон, которые должны расходоваться на одежду и т. п. для военнопленных.

Господин Варфильд посетил лагерь в Верхнеудинске, Березовке, Чите, Иркутске и полагает, что они во всем терпят недостаток. Главное... в следующем: ни у одного из военнопленных нет одеял. Только у 80% есть большая или маленькая обувь. Большинство сапог велики, у 20% нет никакой обуви. Чулки со-

вершенно отсутствуют. Деньги на пищу рассчитаны по накладным, на голову приходится по 5 коп в день, из этого 4,5 копеек расходуются на мясо, а 0,5 копеек на картофель, овощи и др.

Варфильд донес об этом настоятельно в Петербург. Он ждёт снова выдачи военнопленным каждый день стакана чая и куска сахара. Сильно ощущается недостаток в лекарствах и дезинфицирующих средствах. Если можно достать того и другого в большем количестве в Шанхае, то было бы желательно отправить таковые Варфильду, предьявив нам счёт под уплату. Пятна тифа снова появились, надеемся на посещение Варфильдом Приамурья, потому что там приходится всё хуже» [27, л. 118].

В приложении к документу был произведён расчёт приблизительных ежемесячных расходов. Деньги военнообязанным посылались через Русско-Азиатский Банк военнопленным в денежных письмах [27, л. 119]. Список местностей для поселения и лагерей военнопленных и объёмы получаемых пособий (в рублях) от Бюро помощи были следующими:

1) Балаганск 4000 руб.; Киренск – 1200 руб.; Верхнеудинск – 1600 руб.; Колыван – 300 руб.; Даурия – 1500 руб.; Владивосток и Иркутск – различные пособия на 500 руб;

2) лагеря военнопленных: Никольск Уссурийский – 270 руб.; Шкотово – 2400; Спасское – 2400; для Раздольного, Хабаровска, Красноярска сумма так и не была точно определена, около 6000–9000 руб.;

3) деньги офицерским комитетам: Шкотово – 1000 руб.; Спасское – 1200; Нижнеудинское – 800; Канское – 800; Омск – 300; Даурия – 600; Уссурийск Николаевский – 800 [27, л. 120].

Российские власти пытались принять различные меры, чтобы переломить негативную ситуацию. 30 июня 1917 г. циркулярной телеграммой Главного Управления Генерального Штаба было доведено до сведения местных властей решение МВД и междоведомственного совещания от 28 июня о разрешении принимать в российское подданство иностранных военнопленных. Для этого пленные должны были обратиться в МВД России с письменным ходатайством, приложить к нему рекомендацию от начальника лагеря для военнопленных, поручительство какой-либо славянской организации. Вообще на протяжении всей войны российские власти пытались противопоставить славянских и немецко-венгерских военнопленных. Для военнопленных славянского происхождения существовал ряд льгот в лагерном быту.

Пленные офицеры славянского происхождения пользовались свободой, могли покидать лагерь, охотиться, посещать магазины и аптеки в посёлках. При оставлении лагеря офицер должен был дать расписку, что он не будет бежать, отправлять переписку, заходить в определённые районы (бухты и пр.) [26, л. 278].

Так, в российское подданство попросился 2 августа 1917 г. поручик австрийской армии Ричард Филипп, который был рождён от брака австрияка с русской, свободно говорил на русском языке, жил не-

которое время в Москве и за русофильство бойкотировался другими пленными офицерами [29, л. 3–4].

Как свидетельствует циркулярное распоряжение Штаба ПВО, военнопленные могли принять русское подданство, если хотели отправиться в добровольные части Чешского корпуса и вступить в брак с россиянками с разрешения Главного Управления Генерального Штаба [29, л. 30].

Однако с августа 1917 г. – времени Корниловского мятежа и резкого ослабления центральной власти – началась и дезорганизация системы охраны и управления военнопленными. Так, солдаты 304 пешей Вятской дружины возбудили ходатайство о выдаче им вознаграждения за «окарауливание военнопленных» [26, л. 411]. По сведениям контрразведывательного отделения округа, военнопленные по инициативе большевистского Комитета общественной безопасности «отлучаются из мест водворения без конвоя, заводят дружеские сношения с русскими солдатами, участвуют в митингах и даже произносят на таковых речи» [26, л. 283–284].

Брестский договор, заключённый в марте 1918 г., имел и статьи об обмене военнопленных. Он гласил, что военнопленные обеих сторон будут отпущены на родину [30].

Однако не все военнопленные стремились вернуться из России и продолжить участие в боевых операциях на Западном фронте – значительная часть военнопленных не стремилась к возвращению. Как отмечалось исследователем Н.В. Грековым, в 1918 на родину вернулась 101 тыс. германских военнопленных, 214 тыс. германских «гражданских пленников», 725 тыс. военнопленных и «гражданских» пленников Австро-Венгрии и 25 тыс. турок [30].

Возникшие в 1918 на территории Сибири антисоветские политические объединения не признавали Брестского мира и установили для военнопленных – немцев, австрийцев, венгров – жёсткий режим существования. Тысячи пленных германцев были мобилизованы на работы по обслуживанию чехословацкой армии. Чтобы подавить недовольство в лагерях, мятежники расстреливали целые группы немцев и венгров, поэтому вполне естественно, что сотни пленных немцев и мадьяр на ещё не занятой чехословаками территории начали создавать отряды самообороны. На базе этих отрядов и формировались интернациональные батальоны Красной Армии,

которые, как наиболее боеспособные части, большевики выставляли против чехословаков.

Некоторые военные отряды итальянцев, венгров, германцев контролировали отдельные территории Сибири. Более того, капитуляция в ноябре 1918 г. Австро-Венгрии и Германии кардинально не изменила положения. 9 января 1919 г. в крае под надзором правительств Колчака находилось несколько тысяч захваченных красноармейцев и ранее содержавшихся в лагерях немецко-венгерских военнопленных. Последних подозревали в том, что они могут примкнуть к большевикам, поэтому немцев и венгров продолжали содержать под стражей несмотря на то, что война уже завершилась. Только за первую половину 1919 г. красноармейцы и бывшие военнопленные осуществили 587 побегов [14, с. 109–113].

В январе 1920 г. Восточная Сибирь была освобождена Красной Армией и процесс репатриации возобновился. Так в 1920 г. в Германию было направлено 20 000 бывших военнопленных [31, л. 23].

Итак, труд военнопленных в годы Первой мировой войны активно использовался в хозяйстве Российской империи в Сибири и на русском Дальнем Востоке. Двести тысяч военнопленных, находившихся в Восточной Сибири в 1916 г. и около пятидесяти тысяч военнопленных на русском Дальнем Востоке были серьёзным трудовым ресурсом. Однако восточный тыл страны не смог обеспечить 250 000 рабочих мест для военнопленных, поэтому значительную их часть в 1917 г. перевели на запад.

Положение военнопленных в России было двояким. С одной стороны, немецкие, венгерские, турецкие и австрийские военнопленные, как неблагонадёжные, попадали за Урал, в Сибирь и на русский Дальний Восток, где с ними обращались достаточно мягко и уважительно. Уровень обеспечения питанием был высоким. Вместе с тем, в силу неподготовленности тыла к приему сотен тысяч военнопленных, они не получили должного надзора, обслуживания и даже мест размещения, которые отвечали бы элементарным бытовым условиям.

Нарушался и режим размещения военнопленных: лагеря офицеров и солдат находились рядом. Часто солдаты и офицеры встречались вне лагерей. Представители Красного креста снабжали военнопленных денежными средствами и, порой, документами, что облегчало последним побег за границу.

Литература и источники

1. Шипек А. Военнопленные и их использование в мировой и гражданской войнах / А. Шипек // Война и революция. – 1928. – №2 – С. 64–72; Фрид Д. Чешские военнопленные в борьбе с чехословацким мятежом / Д. Фрид // Пролетарская революция – 1928. – №5. – С. 158–165; Шнейдер И. Революционное движение среди военнопленных в России. 1915–1919 гг. / И. Шнейдер // Борьба классов – 1935. – №3. – С. 70–73.
2. Вегман В. Д. Военнопленные империалистической войны // Сибирская советская энциклопедия. – 1929. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.knigafund.ru/books/78146> (дата обращения 11.04.2017).
3. Мюллер А. А. В пламени революции (1917–1920 гг.): воспоминания командира интернационального отряда Красной гвардии / А. А. Мюллер. – Иркутск: Иркут. кн. Изд-во, – 1957. – 179 с.; Пылаев В. Так рождалось братство (очерк) / В. Пылаев // Красноярский комсомолец – 1959. – С. 11–18.

4. Жилак А. Великий Октябрь и революционное движение военнопленных венгров в России (1917–1918 гг.) / А. Жилак // Интернационалисты в боях за власть Советов – М., – 1965. – С. 117–149.
5. Венгерские интернационалисты в Октябрьской революции и гражданской войне в СССР: Сборник документов / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Глав. архивное упр. при Совете Министров СССР. Ин-т воен. истории М-ва обороны СССР. ВНР. Ин-т истории партии при ЦК ВСРП. Воен.-ист. ин-т и музей ВНА. Центр. архивное упр. Венг. Нар. Республики; [Предисл. Д. Милей и др.]. – М.: Политиздат, – 1968. – 2 т: Т. 1.: Возникновение и развитие революционного движения среди венгерских военнопленных в России / Сост. О. С. Рябухина, Л. М. Чижова, Д. Милей и др. – 1968. – XX, – 511 с. Т. 2.: Участие венгерских интернационалистов в защите Советской власти на фронтах гражданской войны в СССР / Сост. А. А. Ходак, Л. М. Чижова, А. Йожа и др. – 1968. – 515 с.
6. Клеванский А. Х. Военнопленные центральных держав в царской и революционной России (1914–1918 гг.) // Интернационалисты в боях за власть Советов. – М., – 1967. – С. 21–65; Авдеева Н. А., Крушанов А. И., Мухачев Б. И. и др. Венгерские интернационалисты борются за советскую власть на Дальнем Востоке // Венгерские интернационалисты в Сибири и на Дальнем Востоке. – М., – 1980. – С. 76–90.
7. Йожа А. Венгерские интернационалисты в борьбе за победу Октября / А. Йожа, Д. Милей; Пер. с венг. Б. Я. Гейгера и др.; Вступ. ст. и ред. Ю. Н. Щербакова. М.: Прогресс, 1977. 384 с.
8. Колмогоров Н. С. Красные мадьяры (венгерские интернационалисты в борьбе за власть Советов в Омске. 1917–1919 гг.). Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1970. 135 с.
9. Чугунов, Н. Н. Революционная деятельность Белы Куна в Томске / Н. Н. Чугунов // Венгерские интернационалисты в Сибири и на Дальнем Востоке 1917–1922 гг. – М., – 1980. – С. 25–37; Агалаков В. Т. Венгерские интернационалисты в борьбе за власть Советов в Восточной Сибири // Венгерские интернационалисты в Сибири и на Дальнем Востоке, 1917– 1922 гг.: К истории сов.-венг. интернациональных связей. – М., – 1980. – С. 45–54; Шерешевский, Б. М. О некоторых вопросах изучения участия венгерских интернационалистов в борьбе за власть Советов в Сибири и на Дальнем Востоке 1917–1922 гг. / Б. М. Шерешевский // Венгерские интернационалисты в Сибири и на Дальнем Востоке, 1917–1922 гг.: К истории сов.-венг. интернациональных связей. – М., – 1980. – С. 228–237.
10. Санжиев Б. С. Ярослав Гашек в Сибири: документальный очерк о деятельности писателя-интернационалиста в период гражданской войны. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1993. 208 с.
11. Бондаренко Е. Ю. Военнопленные венгры 1918–1922 / Е. Ю. Бондаренко // Россия и АТР. – 2000. – №4. – С. 64–69; Бондаренко Е. Ю. Иностранные военнопленные на Дальнем Востоке России в XX в (концепция проблемы) / Е. Ю. Бондаренко // Россия и АТР. – 2002. – №4. – С. 70–79; Бондаренко Е. Ю. Иностранные военнопленные на Дальнем Востоке России 1914–1956 гг. Историография проблемы / Е. Ю. Бондаренко // Россия и АТР. – 2003. – №1 – С. 99–113.
12. Бондаренко Е. Ю. Иностранные военнопленные на Дальнем Востоке России: 1914–1956 гг.: дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.02 / Е. Ю. Бондаренко; Дальневост. гос. ун-в. Владивост. инст-т межд. Отн. – Владивосток, 2004. – 477с.
13. Гергилёва А. И. Военнопленные Первой мировой войны на территории Сибири: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / А. И. Гергилёва; Сиб. гос. техн. ун-в. – Красноярск, 2006. – 186 с.
14. Синиченко В. В. Немецкие и турецкие военнопленные на русском Дальнем Востоке в годы первой мировой войны / В. В. Синиченко // Силловые структуры: история и современность. Сборник статей. Иркутск: ВСИ МВД РФ, 2002. – С. 109–113; Зиновьев В. П. Сибирский тыл в период Первой мировой войны // Сборник тезисов Сибирского исторического форума «Сибирь в войнах начала XX века». Красноярск, 2013. С. 43–47.; Кузьменко А. С. Сибирский тыл и «недобровольные» мигранты в годы Первой мировой войны // Сборник научных трудов «Сибирь в войнах начала XX века Сибирь в войнах начала XX века». Красноярск: СФУ, 2013. С. 119–123.
15. Francescotti R. Lepopea degli italiani dell'esercito austro-ungarico prigionieri in Russia nella Grande Guerra 1914–1918. Valdagno italiani 1944. M Rossi Italiani prisoners of the Austrian Army 1914–1918 World War I and the XX Century. Acts of the International Conference of Historians. – М., 1994. – P.172–175.
16. Wiesenhofer F. Gefangen unter Habsburgs Krone. K u k Kriegsgefangenenlager Im Erlaufthal Purgstall 1997. Koch R Das Kriegsgefangenenlager Sigmundsherberg Diss 1981. Leidinger H, Montz V. Gefangenschaft, Revolution, Heimkehr. Die Bedeutung der Kriegsgefangenenproblematik fñr die Geschichte des Kommunismus in Mittel-und Osteuropa 1917-1920 – Wien, 2003; Wurzer G Die Kriegsgefangenen der Mittelmächte in Russland Im Ersten Weltkrieg Diss Tuebingen 2000, Hinz U. Gefangen Im Grossen Krieg Kriegsgefangenschaft in Deutschland 1914–1918. Diss Freiburg, 2003. Kriegsgefangene im Europa des Ersten Weltkrieges – Essen, 2005.
17. Nachtigal Kriegsgefangenschaft an der Ostfront 1914–1918 Literaturbericht zu einem neuen Forschungsfeld, – Frankfurt am Main, 2005.
18. Суржикова Н. В. Военнопленные Первой мировой войны на Востоке России: взгляд Йохана Принса / Н. В. Суржикова, М. И. Вебер // Диалог со временем. – 2014. – №47. – С. 340–361.
19. Иконникова Т. Я. Дальневосточный тыл России в годы первой мировой войны: 1914-1918 гг.: автореферат дис. ... доктора исторических наук : 07.00.02. – Москва, 1999. – 46 с.
20. Белова И. Б. Вынужденные мигранты беженцы и военнопленные Первой мировой войны в России 1914–1925 гг. М.: АИРО-XXI, 2014. 432 с.
21. Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ) Ф. Китайский стол. Оп. 49. Д. 3341.
22. Штвртецкий Ш. Из истории участия чехословацких красноармейцев в боях на фронтах гражданской войны в Советской России // Былые походы. Воспоминания словацких красноармейцев. Перевод со словацкого. Под общ. Ред. Карякина В. Д. М.: Военизд. МО, 1961. – С. 242.
23. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 1558. Оп. 9. Д. 33.
24. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 1558. Оп. 9. Д. 20.
25. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 1558. Оп. 9. Д. 7.
26. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 1558. Оп. 9. Д. 11.
27. Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 25. Оп. 11. Д. 112.
28. Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 600. Оп. 1. Д. 996.
29. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 1558. Оп. 9. Д. 37.
30. Греков Н. В. Германские и австрийский военнопленные в Сибири (1914–1917). // Австрия. Венгрия: информационно-исторический портал. – 2011. [Электронный ресурс]. – URL: <http://ah.milua.org/germany-and-austro-hungarian-pows-in-siberia-1914-1917> (дата обращения: 18.11.16).
31. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 1558. Оп. 9. Д. 22.

References

1. Shipek A. *Voennoplennye i ikh ispol'zovanie v mirovoi i grazhdanskoi voynakh. Voina i revolyutsiya* [Army-prisoners of war and their use in world and civil wars. War and Revolution] 1928, no. 2, pp. 64–72; Frid D. *Cheshskie voennoplennye v bor'be s chekhoslovatskim myatezhom. Proletarskaya revolyutsiya* [Czech army-prisoners in the fight against the Czechoslovak insurgency. The proletarian revolution] 1928, no. 5, pp. 158–165; Shneider I. *Revolutsionnoe dvizhenie sredi voennoplennykh v Rossii. Bor'ba klassov* [Revolutionary movement between army-prisoners in Russia. Fighting classes]. 1935, no. 3, pp. 70–73.
2. Vegman V. D. *Voennoplennye imperialisticheskoi voyny* [Army-prisoners of the imperialist war] *Sibirskaya sovetskaya entsiklopediya* [Siberian Soviet Encyclopedia]. 1929, Available at: <http://www.knigafund.ru/books/78146> (Accessed 11 April 2017).
3. Myuller A. A. *V plameni revolyutsii (1917–1920): vospominaniya komandira internatsional'nogo otryada Krasnoi gvardii* [In the flames of the revolution (1917–1920): memoirs of the commander of the international detachment of the Red Guard]. Irkutsk, Irkut. Publ., 1957, 179 p.; Pylaev V. *Tak rozhдалos' bratstvo (ocherk)* [Thus was born the brotherhood (essay)]. Krasnoyarskii komsomolets Publ., 1959, pp. 11–18.
4. Zhilak A. *Velikii Oktyabr' i revolyutsionnoe dvizhenie voennoplennykh vengrov v Rossii (1917–1918)* [Great October and the revolutionary movement of army-prisoners of the Hungarians in Russia (1917–1918)]. *Internatsionalisty v boyakh za vlast' Sovetov* [Internationalists in the battles for the power of the Soviets]. Moscow, 1965, pp. 117–149.
5. *Vengerskie internatsionalisty v Oktyabr'skoi revolyutsii i grazhdanskoi voine v SSSR: Sbornik dokumentov* [Hungarian Internationalists in the October Revolution and Civil War in the USSR: A Collection of Documents]. Moscow, Politizdat Publ., 1968, Vol. 1, 2: Vol. 1: *Vozniknovenie i razvitie revolyutsionnogo dvizheniya sredi vengerskikh voennoplennykh v Rossii* [The emergence and development of the revolutionary movement among Hungarian army-prisoners in Russia] O. S. Ryabukhina, L. M. Chizhova, D. Milei, 1968, 511 p. Vol. 2: *Uchastie vengerskikh internatsionalistov v zashchite Sovetskoi vlasti na frontakh grazhdanskoi voyny v SSSR* [Participation of Hungarian internationalists in the defense of Soviet power on the fronts of the civil war in the USSR] Sost. A. A. Khodak, L. M. Chizhova, A. Iozha, 1968. 515 p.
6. Klevanskii A. Kh. *Voennoplennye tsentral'nykh derzhav v tsarskoi i revolyutsionnoi Rossii (1914–1918)* [Army-prisoners of the central powers in imperial and revolutionary Russia] *Internatsionalisty v boyakh za vlast' Sovetov* [Internationalists in the battles for the power of the Soviets]. Moscow, 1967, pp. 21–65; Avdeeva N. A., Krushanov A. I., Mukhachev B. I. *Vengerskie internatsionalisty boryutsya za sovetskuyu vlast' na Dal'nem Vostoke* [Hungarian internationalists are fighting for Soviet power in the Far East]. Moscow, 1980, pp. 76–90.
7. Iozha A. *Vengerskie internatsionalisty v bor'be za pobedu Oktyabrya* [Hungarian internationalists in the struggle for the victory of October]. Moscow, Progress Publ., 1977. 384 p.
8. Kolmogorov N. S. *Krasnye mad'yary (vengerskie internatsionalisty v bor'be za vlast' Sovetov v Omske. 1917–1919)* [Red Magyars (Hungarian internationalists in the struggle for the power of the Soviets in Omsk, 1917–1919)]. Novosibirsk, Zap.-Sib. Publ., 1970. 135 p.
9. Chugunov, N. N. *Revolutsionnaya deyatel'nost' Bely Kuna v Tomske* [Revolutionary activity of Bela Kun in Tomsk] *Vengerskie internatsionalisty v Sibiri i na Dal'nem Vostoke 1917–1922* [Hungarian internationalists in Siberia and the Far East 1917–1922]. Moscow, 1980, pp. 25–37; Agalakov V. T. *Vengerskie internatsionalisty v bor'be za vlast' Sovetov v Vostochnoi Sibiri* [Hungarian internationalists in the struggle for the power of the Soviets in Eastern Siberia]. Moscow, 1980. pp. 45–54; Shereshevskii, B. M. *O nekotorykh voprosakh izucheniya uchastiya vengerskikh internatsionalistov v bor'be za vlast' Sovetov v Sibiri i na Dal'nem Vostoke 1917–1922* [Some issues of studying the participation of Hungarian internationalists in the struggle for the power of the Soviets in Siberia and the Far East 1917–1922]. Moscow, 1980, pp. 228–237.
10. Sanzhiev B. S. *Yaroslav Gashek v Sibiri: dokumental'nyi ocherk o deyatel'nosti pisatelya-internatsionalista v period grazhdanskoi voyny* [Yaroslav Hasek in Siberia: a documentary essay about the activities of an internationalist writer during the Civil War]. Irkutsk, Vost.-Sib. Publ., 1993. 208 p.
11. Bondarenko, E. U. *Voennoplennye vengry 1918–1922* [Army-prisoners of War of the Hungarians 1918–1922]. Russia and ATR, 2000, no. 4, pp. 64–69; Bondarenko E. Yu. *Inostrannye voennoplennye na Dal'nem Vostoke Rossii v XX v (kontseptsiya problemy)* [Foreign army-prisoners in the Far East of Russia in the XX century (concept of the problem)]. Russia and ATR, 2000, no. 4, pp. 70–79; Bondarenko E. U. *Inostrannye voennoplennye na Dal'nem Vostoke Rossii 1914–1956. Istoriografiya problemy* [Foreign army-prisoners in the Russian Far East in 1914–1956. Historiography of the problem]. Russia and ATR, 2003, no. 1, pp. 99–113.
12. Bondarenko E. U. *Inostrannye voennoplennye na Dal'nem Vostoke Rossii 1914–1956 gg.: dis. ... d-ra ist. nauk : 07.00.02* [Foreign army-prisoners in the Russian Far East: 1914–1956. Dr. hist. sci. diss]. Vladivostok, 2004. 477 p.
13. Gergileva A. I. *Voennoplennye Pervoi mirovoi voyny na territorii Sibiri: dis. ... kand. ist. nauk: 07.00.02* [Army-prisoners of the First World War in the territory of Siberia. Dr. hist. sci. diss.]. Krasnoyarsk, 2006. 186 p.
14. Sinichenko V. V. *Nemetskie i turetskie voennoplennye na russkom Dal'nem Vostoke v gody pervoi mirovoi voyny. Silovye struktury: istoriya i sovremennost'*. [German and Turkish army-prisoners in the Russian Far East during the First World War. Power structures: history and modernity]. Irkutsk, 2002, pp. 109–113; Zinov'ev V. P. *Sibirskii tyl v period Pervoi mirovoi voyny. Sbornik tezisov Sibirskogo istoricheskogo foruma Sibiri v voynakh nachala KhKh veka* [Siberian rear during the First World War. Collection of theses of the Siberian Historical Forum Siberia in wars of the early twentieth century]. Krasnoyarsk, 2013, pp. 43–47; Kuz'menko A. S. *Sibirskii tyl i nedobrovol'nye migranty v gody Pervoi mirovoi voyny* [Siberian rear and involuntary migrants during the First World War. Collection of theses of the Siberian Historical Forum Siberia in wars of the early twentieth century]. Krasnoyarsk, 2013, pp. 119–123.
15. Francescotti R. *Lepopea degli italiani dell'esercito austro-ungarico prigionieri in Russia nella Grande Guerra 1914–1918. Valdagno italiani 1944. M Rossi Italiani prisoners of the Austrian Army 1914–1918 World War I and the XX Century. Acts of the International Conference of Historians.* – M., 1994. – P.172–175.
16. Wiesenhofer F. *Gefangen unter Habsburgs Krone. K u k Kriegsgefangenenlager Im Erlaufthal Purgstall 1997.* Koch R *Das Kriegsgefangenenlager Sigmundsherberg Diss 1981.* Leidinger H, Montz V. *Gefangenschaft, Revolution, Heimkehr. Die Bedeutung der Kriegsgefangenenproblematik filer die Geschichte des Kommunismus in Mittel-und Osteuropa 1917–1920* – Wien, 2003; Wurzer G *Die Kriegsgefangenen der Mittelmächte in Russland Im Ersten Weltkrieg Diss Tuebingen 2000.* Hinz U. *Gefangen Im Grossen Krieg Kriegsgefangenschaft in Deutschland 1914–1918. Diss Freiburg, 2003.* Kriegsgefangene im Europa des Ersten Weltkrieges – Essen, 2005.
17. *Nachtigal Kriegsgefangenschaft an der Ostfront 1914–1918 Literaturbericht zu einem neuen Forschungsfeld*, – Frankfurt am Main, 2005.
18. Surzhikova N. V. *Voennoplennye Pervoi mirovoi voyny na Vostoke Rossii: vzglyad lokhana Prinsa* [Army-prisoners of the First World War in the East of Russia: a look of Johan Prince]. N. V. Surzhikova, M. I. Veber *Dialog so vremenem* [Dialogue with time]. 2014, no. 47, pp. 340–361.

19. Ikonnikova T. Ya. *Dal'nevostochnyi tyl Rossii v gody pervoi mirovoi voiny: 1914-1918 gg. : avtoreferat dis. ... doktora istoricheskikh nauk : 07.00.02* [The Far Eastern rear of Russia during the First World War: 1914-1918. Dr. hist. sci. diss.]. Moscow, 1999. 46 p.
20. Belova I. B. *Vynuzhdennye migranty bezhentsy i voennoplennyye Pervoi mirovoi voiny v Rossii 1914–1925 gg* [Forced migrants refugees and army-prisoners of the First World War in Russia 1914-1925]. Moscow, AIRO-XXI Publ., 2014. 432 p.
21. *Arkhiv vneshnei politiki Rossiiskoi imperii (AVPRI)* [The Foreign Policy Archive of the Russian Empire] F. Chinese. Reg. 49. F. 3341.
22. Shtvrtetskii Sh. *Iz istorii uchastiya chekhoslovatskikh krasnoarmetsev v boyakh na frontakh grazhdanskoi voiny v Sovetskoj Rossii. Bylye pokhody. Vospominaniya slovatskikh krasnoarmetsev* [From the history of the participation of the Czechoslovak Red Army soldiers in the battles on the fronts of the Civil War in Soviet Russia. Early campaigns. Memories of the Slovak Red Army.] Translated from slovak. Moscow, Voenizdat Publ., 1961. P. 242.
23. *Rossiiskii gosudarstvennyi voenno-istoricheskii arkhiv (RGVIA)* [The Russian State Military Historical Archive]. F. 1558. Reg. 9. F. 33.
24. *Rossiiskii gosudarstvennyi voenno-istoricheskii arkhiv (RGVIA)* [The Russian State Military Historical Archive]. F. 1558. Reg. 9. F. 20.
25. *Rossiiskii gosudarstvennyi voenno-istoricheskii arkhiv (RGVIA)* [The Russian State Military Historical Archive]. F. 1558. Reg. 9. F. 7.
26. *Rossiiskii gosudarstvennyi voenno-istoricheskii arkhiv (RGVIA)* [The Russian State Military Historical Archive]. F. 1558. Reg. 9. F. 11.
27. *Gosudarstvennyi arkhiv Irkutskoi oblasti (GAIO)* [The State Archives of the Irkutsk Region]. F. 25. Reg. 11. F. 112.
28. *Gosudarstvennyi arkhiv Irkutskoi oblasti (GAIO)* [The State Archives of the Irkutsk Region]. F. 600. Reg. 1. F. 996.
29. *Rossiiskii gosudarstvennyi voenno-istoricheskii arkhiv (RGVIA)* [The Russian State Military Historical Archive]. F. 1558. Reg. 9. F. 37.
30. Grekov N. V. *Germanskije i avstriiskije voennoplennnye v Sibiri (1914–1917)* [German and Austrian army-prisoners in Siberia (1914-1917)]. *Avstriya. Vengriya: informatsionno-istoricheskii portal [Austria. Hungary: information and historical site]*. 2011, Available at: <http://ah.milua.org/germany-and-austro-hungarian-pows-in-siberia-1914-1917> (Accessed 18 November 2016).
31. *Rossiiskii gosudarstvennyi voenno-istoricheskii arkhiv (RGVIA)* [The Russian State Military Historical Archive]. F. 1558. Reg. 9. F. 22.

УДК 94 (47+571)+341.341+355. (415.8+257.72)

ELENA YUR'EVNA BONDARENKO

*Doctor of Historical Sciences, Professor of the
Laboratory of Social Design and Forecasting of the
Department of Social and Psychological Sciences of the
School of Humanitarian Sciences of the Far Eastern Federal University.
690048, Russian Federation, Vladivostok, the Centennial Ave, 47–6.
E-mail: plen02.09.1954@mail.ru*

Political and historical aspects of the presence of Czechoslovak prisoners of war in the Russian Far East during the Civil War and intervention (1918–1920)

Based on a wide range of Russian and foreign sources, the main aspects of the stay of Czechoslovak prisoners of war in the Russian Far East during the Civil War and military intervention (1918–1920) are explored. The reasons for the appearance of Czechoslovaks on Russian territory are analyzed. The relationship between former Czechoslovak captives, voluntarily surrendered to Russia and betrayed by its own government with Russian revolutionary detachments, as well as with foreign military units based in Vladivostok is being investigated. Conclusions are drawn about the reasons for the split of the Czechoslovak corps. Particular attention is drawn to the responses of American, British and Japanese newspapers to the peculiarities of the relationship between the Czechoslovak corps and the Entente. It is concluded that the destinies of Czechs were fateful, in addition to their own were caught in a Civil War in Russia.

Keywords: *Russia, World War I, Civil War, military intervention, Czechoslovak corps, foreign prisoners of war, Czechoslovak-White guard coup, Far East, Vladivostok.*

ЕЛЕНА ЮРЬЕВНА БОНДАРЕНКО

*Доктор исторических наук, профессор, научный сотрудник
Лаборатории социального проектирования и прогнозирования
Департамента социальных и психологических наук
Школы гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета.
690048, Россия, Владивосток, проспект 100 лет Владивостоку, 47–6.
Тел.: +7 (914) 718-38-06, e-mail: plen02.09.1954@mail.ru*

На основе широкого круга российских и зарубежных источников исследуются основные аспекты пребывания чехословацких военнопленных на Дальнем Востоке России в годы Гражданской войны и военной интервенции (1918–1920 гг.). Анализируются причины появления чехословаков на российской территории. Исследуются взаимоотношения бывших чехословацких пленных, добровольно сдавшихся России и преданных собственным правительством, с российскими революционными отрядами, а также с иностранными военными частями, базировавшимися во Владивостоке. Делаются выводы о причинах раскола чехословацкого корпуса. Особое внимание обращается на отклики американских, английских и японских газет на особенности взаимоотношений чехословацкого корпуса с Антантой. Делается вывод о трагичности судеб чехословаков, помимо собственной воли оказавшихся втянутыми в Гражданскую войну на территории России.

Ключевые слова: *Россия, Первая мировая война, Гражданская война, военная интервенция, чехословацкий корпус, иностранные военнопленные, чехословацко-белогвардейский переворот, Дальний Восток, Владивосток.*

Политические и исторические аспекты пребывания чехословацких военнопленных на Дальнем Востоке России в годы Гражданской войны и интервенции (1918–1920 гг.)

Гражданская война и военная интервенция на Дальнем Востоке были значительно осложнены присутствием на обширной российской территории от Пензы до Владивостока военизированного чехословацкого корпуса, состоявшего из бывших военнопленных и начитывавшего до 30 тыс. чел. [1, с. 29]. Причины появления чехословаков на российской территории уходят своими корнями в XVII в.

После поражения в битве на Белой горе в 1620 г. Чехия, а к концу XVII в. и Словакия оказались под властью австрийских Габсбургов. Военно-полицейский террор Австро-полицейской монархии Габсбургов, ее правительство стали для большинства чехов и словаков воплощением всех несчастий и бед, поскольку для австро-венгерской бюрократии чехи и словаки всегда были неполноценными народами. В чешских землях в качестве обязательного офици-

ального языка был введен немецкий, из учреждений изгонялись чиновники-чехи, из школ – чехи-учителя.

С началом Первой мировой войны оживились никогда не прекращавшиеся попытки чехов освободиться из-под власти Габсбургской династии.

В 1915 г. в Париже представителями различных чехословацких национал-либеральных группировок был создан единый руководящий орган – Чешский комитет действия, переименованный впоследствии в Национальный совет чешских и словацких земель (Чехословацкий национальный совет) [1, с. 29]. Председателем совета стал известный политический деятель, профессор философии Пражского университета Т. Масарик, заместителем – Й. Дюрих, секретарем – Э. Бенеш [1, с. 29]. Вновь созданный орган практически взял на себя представительство интересов всех чехов и словаков перед странами Антанты. Стремясь увеличить свой политический вес, Национальный совет выступил с идеей создания собственных воинских частей из находившихся в России чехов и словаков.

К началу Первой мировой войны в России проживало около 100 тыс. чехов и словаков [1, с. 29]. Еще осенью 1914 г. по просьбе чешских колонистов в России была создана Чешская дружина в количестве 903 добровольцев [1, с. 29].

Проявлением антивоенных, антигабсбургских настроений стала, прежде всего, массовая сдача чехов и словаков в плен на русском и сербском фронтах.

Весной 1915 г. одно за другим стали поступать сообщения о сдаче в плен целых воинских подразделений, сформированных в чешских землях. В марте сдались русским войскам 9 рот 11-го Писецкого и 3 роты 42-го Терезинского пехотных полков. В апреле с оружием в руках на сторону русских перешло свыше 1 тыс. солдат 28-го Пражского пехотного полка во главе с офицерами. В мае добровольно сдались свыше 1500 солдат и офицеров 36-го Млада-болевского пехотного полка и т.д. [2, с. 278]. Верховное командование вынуждено было констатировать, что чешские полки являются не только «менее боеспособными, но просто для подразделений других национальностей, сражающихся с ними рядом» [2, с. 278]. Уже к концу 1916 г. в России оказалось 200-250 тыс. чехов и словаков, значительная часть которых сдалась в плен добровольно [2, с. 278]. «Мы просили позволить нам создать из наших пленных добровольческую армию, которая выступила бы против немцев», – писал впоследствии Т. Масарик.

Первоначально российское правительство весьма скептически отнеслось к планам расширения чехословацких воинских частей за счет пленных, предпочитая помещать пленных чехов в лагеря. «Сложностей в России было много, – вспоминал Т. Масарик, – самые невероятные – с русскими властями, которые никак не могли взять в толк, чего мы добиваемся. Они принимали нас за австрийцев и за предателей нашего императора... И многие русские не желали отдавать чехов в армию, наши пленные им были нужны как прекрасные рабочие на фабриках, в шахтах, на дорогах и на полях» [3, с. 103].

Осенью 1915 г., когда на Восточном фронте шли тяжелые позиционные бои, русское правительство согласилось, наконец, на пополнение Чешской дружины военнопленными, количество которых непрерывно увеличивалось.

В начале 1916 дружина была переформирована в чехословацкий стрелковый полк, с апреля началось формирование стрелковой бригады, а 26 сентября генерал Н. Духонин разрешил официально сформировать из бывших военнопленных отдельный чехословацкий корпус в составе двух дивизий и запасной бригады. Командиром корпуса был назначен русский генерал В. Шокоров, начальником штаба – также русский генерал М. Дитерихс. Общая численность корпуса составила около 30 тыс. чел. [1, с. 29].

По воспоминаниям британского дипломата Р.Б. Локкарта, «...чешская армия...состояла из военнопленных. Они были славяне, только формально австрийские подданные, и в начале войны толпами переходили на сторону русских. Они не любили царского режима, который отказывался признать их самостоятельную национальность. Они были демократы по инстинкту, сочувствовали русским либералам и социал-революционерам» [4, с. 265].

Весной 1917 г. при поддержке западных союзников перед русским командованием был поставлен вопрос о переброске чехословацких частей во Францию для участия в боевых действиях против Германии в качестве добровольцев.

Идя навстречу своему французскому союзнику, русское правительство согласилось на вербовку чехословацких добровольцев для отправки на Запад и некоторого расширения воинских частей в составе русской армии. «С немцами и мадьярами мы уже находились в состоянии войны, – писал впоследствии Т. Масарик, – поскольку я официально просил французов объявить наш корпус частью французской армии» [3, с. 106].

Планировалось, что путь бывших военнопленных чехословаков на запад будет лежать через Владивосток, поскольку, по словам, Масарика, «...на Мурманск – дорога не в порядке, Архангельск замерз до мая» [5, с. 153]. Вместе с чехословаками из Владивостока на родину американскими пароходами должны были выехать германские и австрийские военнопленные, находившиеся здесь со времен Первой мировой войны.

15 января 1918 г. филиал Национального совета чешских и словацких земель (Чехословацкий национальный совет) во главе с Т. Масариком провозгласил чехословацкие вооруженные силы в России «составной частью чехословацкого войска, состоящего в ведении Верховного главнокомандования Франции» [5, с. 148]. Корпус полностью перешел на содержание союзников. «Первые деньги, – писал впоследствии Масарик, – я получил от англичан... 80 тысяч фунтов стерлингов. В Москве с французской миссией... все вопросы, как финансовые, так и продовольственные, были разрешены в положительном смысле..., чтобы мы тотчас отправились во Францию» [6, с. 499].

Для реализации задуманного плана корпусу предстояло пересечь с запада (корпус дислоцировался в Киеве) на восток огромную территорию. «Я добился от большевиков...»вооруженного нейтралитета», – вспоминал Т. Масарик, – то есть того условия, что наши солдаты поедут в Сибирь, имея с собой оружие... Нашим солдатам я разослал приказ: не вмешиваться во внутренние дела русских – чтобы в них не увязнуть, в том случае, если против них выступит какая-либо «славянская партия» – защищаться» [3, с. 106].

Чехословаки продвигались через Сибирь не как боевая единица, а как группа свободных граждан, бывших военнопленных, везущих с собой определенное количество оружия для защиты от покушений. Так, на каждую тысячу человек из числа чехословаков было выделено 100 винтовок и 1 пулемет [5, с. 184]. Таким образом, корпус всеми силами стремился сохранить себя как военную организацию.

5 апреля 1918 г. Япония высадила небольшой десант во Владивостоке. Большевистское руководство посчитало это достаточным основанием для разрыва только что установленного соглашения с корпусом о демобилизации и сдаче оружия. 9 апреля 1918 г. из Москвы в Красноярск, где в это время находился корпус, было отправлено подписанное Сталиным разъяснение, фактически отменявшее прежнее соглашение. Новые условия большевиков – полное разоружение чехословаков и проезд их во Владивосток мелкими группами, что должно было раздробить корпус, но на самом деле его эшелоны растянулись вдоль всей транссибирской магистрали, еще более накалив и без того взрывоопасную обстановку в революционной России.

В то же время Верховный Совет Антанты также не торопился с эвакуацией чехословацких частей из России. Известно, в частности, что готовя интервенцию, 2 мая 1918 г. союзниками было принято решение использовать корпус в качестве авангарда интервенционистских сил России [2, с. 288]. «В настоящее время между Пензой и Владивостоком находятся 70 тыс. вооруженных чехов, писал Генеральный консул США в Иркутске Гаррис, – это армия, которая может быть использована в качестве ядра, к которому присоединяются многие антибольшевики с целью свержения большевиков. ...В связи с этим я рекомендую, чтобы чехи остались в данный момент в Сибири и чтобы немедленно был рассмотрен вопрос о совместной интервенции» [7, с. 184].

Следует отметить, что накануне прибытия чехословаков во Владивосток, в руководстве филиала Национального совета произошли важные изменения. Т. Масарик в начале марта 1918 г., посчитав свою миссию в России выполненной, под вымышленным именем уехал в США. В Вашингтон он следовал через Владивосток, посетил французского консула и сообщил, что 40-50 тыс. чехословаков в скором времени придут в город [7, с. 192]. Первый чехословацкий полк уже двигался в это время по Амурской железной дороге. Уезжая в США, Т. Масарик возложил заботы о жилье, пропитании и транспорте для многотысячного корпуса на французского посла во

Владивостоке. Тот, в свою очередь, обратился за помощью к союзным консулам. Как признавался впоследствии Масарик, он, в конце концов присоединил бы корпус «к любой достаточно сильной армии, чтобы вступить в борьбу с большевиками и немцами...» [8, с. 73]. Помощь в репатриации рассматривалась союзниками своего рода платой за участие в борьбе против большевиков. «...Было бы серьезной ошибкой вывезти чехословацкие войска из Сибири – писал посланник США в Китае Рейнш. – При небольшой материальной и моральной поддержке они смогут контролировать всю Сибирь в ущерб Германии. Если бы их не было в России, стоило бы доставить их туда издалека... [7, с. 196].

Таким образом, бывшие чехословацкие пленные, добровольно сдавшиеся России, преданные собственным правительством, вместо репатриации через Владивосток стали, по выражению Э. Бенеша, «...простой пешкой на шахматной доске, причем весьма весомой» [9, с. 71-72]. Однако рядовой состав корпуса не желал вмешательства в гражданскую войну и вступил в конфликт с большевиками только потому, что они «представляли их себе агентами Германии или Австрии и полагали, что большевики мешают им при осуществлении их стремлений» [10, с. 61] – поскорее эмигрировать на родину.

В конце апреля 1918 г. первые 6 тыс. чехословаков прибыли во Владивосток [7, с. 194]. 27 мая 1918 г. в городе уже насчитывалось 10 тыс. чехов [7, с. 140]. Как отмечал американский адмирал Найт, поначалу чехословаки были настроены очень миролюбиво, «...им предлагали принять на добровольных началах участие в военных операциях в Сибири и России, но они категорически отказались, полагая, что тем самым окажутся в конфликте с русской группировкой, тогда как их главным врагом является Германия. Чехи все более беспокоились в связи с отсутствием новостей относительно сроков их отправки» [7, с. 140]

По прибытии во Владивосток чехословаков разместили в пересыльных казармах на Второй речке, снабдили необходимыми продуктами питания. Известно, в частности, что в период 1918-1920 гг. продукты для чехов во Владивостоке отпускались в долг, также бесплатным для них было пользование почтой, телеграфом, канцелярией, таможней. Задолженность чехословаков предприятия торгового обслуживания после репатриации составила 25 325 751 золотых руб. [11].

Эти факты косвенно свидетельствуют о том, что поначалу отношения бывших чехословацких военнопленных с жителями города и администрацией Владивостока складывались вполне благожелательно. В частности, глава чехословацкой дипломатической миссии во Владивостоке доктор Гирса отмечал: «Что касается Дальнего Востока, я с чувством глубокой благодарности и искренней дружбы считаю своим долгом засвидетельствовать, что эвакуация наших солдат не только не встречает никаких препятствий, а, напротив, ей оказывалось всегда всевозможное содействие, за что я считаю принести своим долгом искреннюю благодарность» [12].

Другим свидетельством искреннего отношения дальневосточников к чехословакам являются воспоминания чешского генерала Сырового: «Русские на Дальнем Востоке относятся к чехам совершенно корректно. Чешские поезда имеют возможность беспрепятственно подъезжать к Владивостоку. Наши солдаты надеются на отдых во Владивостоке после длительного пути» [12]. Задержка с отправкой на родину, предательство со стороны руководства и подстрекательство союзников подтолкнули чехословаков к вооруженному мятежу. «Наши пленные были в определенной мере деморализованы...это вполне естественно: любая неволя парализует человека, – писал впоследствии Т. Масарик, размышляя над причинами участия чехословаков в белогвардейском мятеже. – Чехи не всегда умеют проявить твердость, они «дают осечку», если у них нет занятия, дела; так случилось переходом через Сибирь и повторилось в конце сибирской кампании» [3, с. 104-105].

Стремление руководства чехословаков завладеть ситуацией во Владивостоке с первых дней их прибытия в город характеризует приказ штаба чехословацкого отряда от 7 июня 1918 г., отмененный впоследствии по требованию Временного Правительства Автономной Сибири. По данному приказу, выезд из г. Владивостока с 7 июня 1918 г. мог быть разрешен только чехословаками. Спокойствие в городе также должны были поддерживать только чехословацкие войска. Не подчинившиеся действиям и распоряжениям чехословаков подлежали аресту, причем аресты должны были производиться только по ордерам коменданта чехословаков. Русская охрана по приказу от 7 июня 1918 г. должны быть разоружена [13, с. 72, 73].

«Означенный приказ в случае его опубликования может быть понят населением как акт вмешательства чехословаков, действующих от имени союзников, в наши внутренние дела, что может иметь нежелательные последствия», – так отзывалось Временное Правительство Автономной Сибири в приказе и объявило его выпуск «недоразумением» [13, с. 72]

Приказ штаба чехословаков был отменен, и координация действий чехословацкого корпуса с Временным Правительством Автономной Сибири (ВПАСом) впоследствии была налажена. Более того, члены Чехословацкого национального совета Гирса и Шпачек заверили главу ВПАСа П.Я. Дербера в том, что пока чехословаки находятся на Дальнем Востоке, никакие выступления и враждебные акты по отношению к ВПАСу допущены не будут [13, с. 81].

Таким образом, основная масса чехословаков на Дальнем Востоке действовала совместно с правительством ВПАСа. Свидетельством тому является грамота Сибирского правительства чехам и словакам от 3 сентября 1918 г., опубликованная в Вестнике Временного Правительства Автономной Сибири. «Братья, чехи и словаки! – сообщалось в грамоте. – Война забросила Вас далеко от вашей родины. Значительная часть населения Сибири связана с вами узами национального родства. Судьба объединила нас против общего врага. Вынужденные выступить

против большевиков и, выйдя, таким образом, из состояния нейтралитета, вы не отказались помочь нам в борьбе с темными силами, разрушившими русскую государственность...Временное Сибирское правительство выражает твердую уверенность, что предстоящие совместные наши действия (против большевиков) будут сопровождаться такими же выдающимися успехами» [14]. Таким образом, Вестник ВПАС охарактеризовал вооруженное нападение чехословаков на Владивостокский совет и части Красной гвардии, находившиеся в своих казармах. 29 июня 1918 г. несколько членов исполкома Совета и его председатель К. Суханов, оказавшиеся в момент выступления чехословаков в помещении Совета, были арестованы, а затем расстреляны. Характерно, что, по свидетельству очевидцев владивостокских событий 29 июня 1918 г., «чехи оказались менее кровожадными, чем местная буржуазия, избивавшая рабочих, и пытались сдерживать толпу, но напрасно» [7, с. 215].

Вспоминая о чехословацко-белогвардейском перевороте во Владивостоке 29 июня 1918 г., очевидец писал: «Чехов буржуи угощали спиртом и вином, и те доканчивали начатое дело, не подозревая, что они обмануты и будут со временем горько жалеть о своих поступках» [7, с. 215].

Обманутыми чехословаков называют и в обращении Владивостокского подпольного горкома РКП (б) к рабочим города, которое вышло в связи с чехословацко-белогвардейским переворотом во Владивостоке. Здесь же говорилось о чехах-социалистах, вставших непосредственно в ряды Красной Армии и Советов [7, с. 217]. Вместе с тем в сообщении американского консула во Владивостоке Колдуэлла государственному секретарю США Лансингу от 5 июля 1918 г. подчеркивается полное взаимодействие чехословаков с союзниками, а также японцами и их надежду на поддержку и руководство со стороны США. «Полагаю, – заключал Колдуэлл, – что ситуация требует немедленных действий, и что мы должны помочь чехам в их борьбе..., предоставив им оружие, военное снаряжение, госпитали Красного Креста с врачебным персоналом и всеми лечебными средствами, а также некоторые вооруженные силы. Данная операция будет направлена на не за или против какой-либо русской партии, а также чехов, но против Германии и Австрии» [7, с. 219].

Сразу же после захвата Владивостока отряд чехословаков, насчитывавший 6 тыс. чел., двинулся на Никольск-Уссурийский. Первый бой чехословаки провели у станции Надеждинская, где против белочехов сражался отряд сучанских рабочих в количестве 3 тыс. чел., которые были разбиты чехами [15, л. 157].

Для отражения наступления белочехов были сняты войска с Гродековского фронта и переброшены к Никольск-Уссурийскому. Недалеко от города, у разъезда 69 версты, был образован противочешский фронт. Белочехи в 3 раза по численности превосходили силы большевиков. Наиболее ожесточенный бой белочехов с бойцами Красной Гвардии состоялся

в местечке Фенина сопка. Здесь в течение 11 часов шла битва между чехословацкими и венгерскими войсками бывших военнопленных. Из 376 венгров в живых осталось только 179 чел [15]. Тяжелые потери понесли и чехи. Их 10-й полк был разгромлен, а 8-й и 9-й полки понесли большие потери, что вынудило чешское командование срочно прислать подкрепление из Владивостока. По этому поводу в «Книге записок и информации чехословацких войск», выпущенной отделом чехословацкого военного командования во Владивостоке, появилась следующая запись: «...2 июля 1918 г. 8, 9, 10 полки начали наступление на Никольск-Уссурийский. 3 июля мы встретили серьезное сопротивление на 69 версте, но после трехдневного кровавого сопротивления с рукопашным боем 6 июля заняли город Никольск-Уссурийский. Потери Владивостокской группы чехословаков очень чувствительны, в этом виновата тяжелая борьба с неприятелем» [15, л. 160].

После взятия Никольска-Уссурийского чехословаки повели наступление вдоль линии железной дороги к северу, в результате чего Гродековский фронт перестал существовать, и был создан Уссурийский фронт. 16 июля 1918 г. произошел тяжелый бой чехословаков с красными под Спасском, в с. Хвалынки. Силы белочехов насчитывали здесь не менее 10 тыс. хорошо вооруженных солдат, обладавших дальнобойной артиллерией, снятой с боевых кораблей, в результате чего белочехи могли обстреливать русские с позиции дальних дистанций [15, л. 161, 164].

Кроме красных, насчитывавших около 3 тыс. бойцов, 32 пулемета, 20 полевых орудий, против чехословаков под Хвалынками сражались 2 роты, состоявшие из бывших военнопленных – венгров, а также латышей и чехословаков, перешедших на сторону Красной гвардии. В этом бою чехи потерпели поражение, погибло 200 чехословацких солдат [15, л. 164].

В это же время другая часть солдат чехословацкого корпуса базировалась во Владивостоке. Они несли охрану торгового порта, железнодорожных станций, прилегающих к городу, а также интенданского склада и концентрационного лагеря с пленными красноармейцами в районе 6-го км Владивостока. Остальные подразделения чехословаков в составе интервенционистских войск охраняли Уссурийскую железную дорогу и сучанские угольные копи, принимали участие в карательных операциях против партизан. Во время этих боев погибло более 100 чехословацких солдат [16].

Вместе с тем использование чехословаков в качестве военной силы как союзными войсками, так и большевиками привело к явному идеологическому расколу в чехословацком корпусе. Как сообщалось в докладной записке белогвардейского генерала В.Е. Флуга Совету министров колчаковского правительства о политике держав на Дальнем Востоке в 1918 г. «...чехословаки...подверглись в России в 1917 г. сильной социалистической пропаганде, которая упала на благоприятную почву, та как, комплектуясь, главным образом, из состава военнопленных

нижних чинов...чехословацкие полки представляли сплошь демократическую массу, уже подготовленную для восприятия социалистических идей» [7, с. 234].

Как известно, первые эшелоны чехословацкого корпуса прибыли во Владивосток в мае 1918 г. В это время из солдат, ушедших из корпуса, во Владивостоке был сформирован первый чехословацкий революционный отряд, насчитывавший до 300 бойцов [18]. 24 мая 1918 г. на митинге личного состава отряда была принята следующая резолюция: «Мы солдаты владивостокского Чехословацкого революционного отряда при Красной Армии, приветствуем трудовое население Дальнего Востока в лице его Советов и заявляем, что признаем единственную власть, власть Советов, которую мы готовы защищать от всех врагов, как внутренних, так и внешних...» [19, с. 151]. При отряде было создано информационное бюро, публиковавшее воззвания и обращения Чехословацкого революционного отряда, а с 5 июня 1918 г. бюро начало выпускать на чешском языке свою собственную газету «Правда» (орган Чехословацкой социал-демократической партии коммунистов) [17]. Вскоре всей политической работой стал руководить партийный комитет, избранный на совещании чехословацких революционных социал-демократов Владивостока. Председателем комитета являлся И. Машек, секретарем комитета и редактором газеты И. Янда, командиром Чехословацкого революционного отряда, переименованного в июне 1918 г. в 1-й стрелковый батальон Чехословацкой Красной Армии во Владивостоке, стал бывший офицер чехословацкого корпуса Вацлав Мировский [19, с. 151].

Общее руководство революционными чехословацкими отрядами в Приморье летом 1918 г. осуществлял Полевой комитет Чехословацкой Красной Армии. В. Мировский командовал чешскими частями на Гродековском, а затем на Уссурийском фронте, где как на стороне чехов, так и против них сражались русские и венгры [20, с. 14-15].

Свидетельством раскола между чехословаками является Циркулярное сообщение бюро печати Дальсовнаркома всем местным Советам о положении на Никольск-Уссурийском фронте в июле 1918 г.: «...среди чехословаков начался раскол, наши войска перешли в наступление. Беженцы передают, что между авангардом чехословаков, находившихся в передовых рядах и чехословацкими частями на станции Раздольное идет перестрелка...71 полк целиком отказался от участия в выступлении и принимает всех отказавшихся выступать чехословаков...» [16].

Коммунистическая пропаганда в рядах чехословацких легионеров, приведшая к расколу корпуса, серьезно беспокоила командование Владивостокской группировки чехословацкого корпуса. Приказом командующего штабом корпуса генерала М.К. Дитерихса была создана специальная дисциплинарная комиссия, собиравшая сведения о чехах, подозреваемых в намерении выйти из корпуса или в симпатиях к коммунистам. Эта комиссия практиковала в качестве меры пресечения лишение гражданских

прав, тюремное заключение или отправку в штрафные части [5, с. 224, 225].

Так, два полка чехословаков, отказавшихся выступить против Советской власти были разоружены и интернированы на о. Русский.

В сообщении руководству 2-го (нелегального) чехословацкого войскового съезда правительству Чехословацкой республики от 23 декабря 1919 г. указывалось, что отказ участвовать в операциях против Красной Армии и партизан в Сибири и на Дальнем Востоке в 1918-1919 г.г. было разоружено, интернировано или послано в рабочие штрафные батальоны в общей сложности около 3 тыс. чехословацких солдат, в том числе целиком 5 рот 4-го полка, две роты 11 полка, часть солдат 5, 7, 8-го полков и 1-го ударного батальона [19, с. 158]. «Чешские солдаты втихомолку от офицеров снабжали нас оружием, патронами и амуницией, – вспоминает один из активных Гражданской войны П. Аносов. – Нами было выделено три наиболее развитых товарища для пропаганды среди чехов. Работа развернулась широко. Чешские солдаты группами приходили в поселок: мы устраивали с ними беседы... Обычно это происходило так. Группа чехов приходила на заставу, мы завязали им глаза и провожали в штаб. Там устраивались беседа, чай. Нам они приносили газеты и «в подарок» несколько сот патронов, одну или две винтовки. Они давали нам полную информацию [19, с. 158].

Однако путем провокаций чехословацкому командованию удалось склонить большинство своих солдат к борьбе против Советов. Зная неприязнь чехов к немцам и венграм, белогвардейцы совместно с руководством чехословацкого корпуса во Владивостоке выдавали за «свежеиспеченных» пленных, захваченных на Уссурийском фронте, военнопленных венгров и немцев из Никольска-Уссурийского лагеря, находившихся там со времен Первой мировой войны [15, л. 164].

Одновременно среди чехословаков распространились слухи о том, что на стороне большевиков воюют немцы, поэтому чехам необходимо создать в Сибири и на Дальнем Востоке единый противогерманский флот.

Однако 3-батальон 4-го строительного полка чехословацкого корпуса отказался воевать против России одним из первых. Несмотря на репрессии и угрозы, этот батальон ни в 1919, ни в 1920 гг не пожелал получить оружие, намереваясь демонстративно прибыть безоружным на репатриацию. Данный батальон был интернирован чехословацким командованием в б. Горностай, в район Владивостокской крепости, был лишен своего номера, а роты мятежного батальона получили новую нумерацию. Солдаты из батальона поодиночке и партиями были отправлены в другие роты, часть солдат была признана больной и выслана на родину, некоторые арестованы и направлены в штрафные батальоны. Однако вплоть до лета 1920 г. в батальоне существовал уникальный демократический орган бывших чехословацких военнопленных, называемой «солдатским комитетом заступительства» [15, л. 161].

«Комитет заступительства» участвовал в так называемом «гайдовском восстании», когда большевистски настроенные части корпуса, расположенные в районе Первой речки Владивостока, восстали против своих белогвардейски настроенных земляков. Мятеж был подавлен, комитеты заступительства в частях корпуса распущены, члены комитетов арестованы и интернированы на о. Русский. В 1919 г. участники гайдовского восстания в качестве арестантов были отправлены на родину [21, л. 58].

Оставшиеся на о. Русском члены Чехословацкого «заступничества», несмотря на военно-тюремный режим интернирования, выпускали в нескольких экземплярах рукописную подпольную коммунистическую газету «Сиротек» («Сирота»), впоследствии она печаталась в подпольной типографии на стеклографе. В газете разоблачалась чехословацкая авантюра в Сибири и на Дальнем Востоке, выражались симпатии русскому народу. Газета пользовалась популярностью у чехословацких солдат [21, л. 58].

Даже после того, как члены «заступничества» с о. Русский были в качестве военных преступников отправлены в Чехословакию осенью 1919 г., газета «Сиротек» продолжала издаваться «заступительским комитетом» интернированного 3-го батальона 4-го стрелкового строительного полка, находившегося в районе бухты Горностай [21, л. 58].

На Анжерских каменноугольных копях работала еще одна группа чехословацких солдат, интернированных за свое критическое отношение к происходящим на Дальнем Востоке событиям и нежелание участвовать в боевых действиях с местным населением. Эта группа, уезжая из Владивостока в 1920 г., опубликовала в большевистской газете «Красное Знамя» письмо жителям города: «Мы, разоруженные солдаты чехословацкой армии разных частей, прощаемся сегодня с вами, товарищи и граждане Дальнего Востока. Многие из нас были принуждены штыками воевать против вас... Мы не забудем, что мы видели, слышали и пережили. Это будет история чешской армии в Сибири, «гунны в Сибири». Мы во Владивостоке жили очень долгое время... Нас в течение целого года старались всеми мерами заставить взять оружие, тем самым отказаться от своих взглядов. Дорогие товарищи и граждане, простите, но мы не виноваты в том, что здесь произошло...» [16].

Перед отправкой на родину по совместному решению командования корпусом, Приморского земского правления и Владивостокской городской управы на Морском кладбище Владивостока был создан единый воинский мемориал. Работами по его устройству руководил Войцех Коубек. Мемориал включал две братские могилы: в одной похоронены участники Гайдовского восстания, в другой – прах солдат, раннее похороненных под Шкотово, Раздольном, Спасском. Братские могилы включали 400 чел. 92 чехословака были похоронены индивидуально [16]. Планировалось, что чехословаков из Владивостока будут перевозить на американских пароходах. В частности, генерал П. Марч, начальник Генерального штаба армии США, заявил в феврале

1920 г., что чехословаки будут перевезены из Владивостока на родину через Суэцкий и Панамский каналы, причем союзники уплачивали перевозку каждого legionera 225 долларов [22]. В течение марта 1920 г. состоялась репатриация 20 тыс. чехословацких солдат и офицеров, которые были перевезены на американских пароходах «Матаваска», «Эделайн», «Америка», «Монт-Вернон» [22].

Кроме чехословаков, американские корабли должны были перевозить на родину германских и австрийских военнопленных, не перешедших на сторону Красной Армии. Так, 18 января 1920 г. сам Папа Римский обратился к японскому правительству с изложением плана возвращения на родину находившихся в Сибири и на Дальнем Востоке бывших германских и австрийских военнопленных. План состоял в том, чтобы японское правительство взяло на себя ответственность за вывоз этих пленных из России в Японию и содержание их там до прибытия американских пароходов. Однако ввиду недостаточного количества кораблей для репатриации этот план так и не был реализован [22].

Последние иностранные военнопленные в составе 250 чехословаков, 550 австрийцев и немцев были отправлены из Владивостока в конце февраля – начале марта 1923 г. [23, л. 107]. Дальревком предоставил для этих военнопленных железнодорожный состав. Репатриации предшествовала телеграмма из Владивостока в посольство Чехословакии в Москве следующего содержания: «Вследствие критического положения чехословацких граждан, ожидающих отъезда на родину, просим сообщить решение вопроса об отправке чехословацких репатриантов из Владивостока в Москву» [23, л. 107].

Таким образом, бывшим чехословацким военнопленным на Дальнем Востоке в годы Гражданской войны и военной интервенции отводилась особая роль, как в плане союзников, так и в намерениях различных российских политических партий, в том числе большевистской. Чехословаки помимо собственной воли оказались втянутыми в гражданскую войну в России, которая самым трагическим образом отразилась как на их судьбах, так и на судьбах других иностранных военнопленных в России.

Литература и источники

1. Юрченко В. Мятаж, которого не было: К истории чехословацкого корпуса, возвращавшего на родину через Россию, 1918 г. // Родина. 1994. №1. С. 28–34.
2. Краткая история Чехословакии: С древнейших времен до наших дней / отв. ред. А.Х. Клеванский, В.В. Марьина, И.И. Поп. М.: Наука, 1988. 576 с.
3. Чапек К. Беседы с Масариком // Вопросы истории. 1998. №2. С. 103–106.
4. Локкарт Р.Б. История изнутри – мемуары британского агента. М.: Изд-во Новости, 1991. 320 с.
5. Клеванский А.Х. Чехословацкие интернационалисты и проданный корпус. Чехословацкие политические организации и воинские формирования в России. 1914–1921. М.: Наука, 1965. 397 с.
6. Минц И. Год 1918-й. М.: Наука, 1982. 576 с.
7. Подготовка и начало интервенции на Дальнем Востоке России (октябрь 1917 – октябрь 1918 г.): Документы и материалы. Владивосток: ИИАЭН ДВО РАН, 1997. 304 с.
8. Когда Англия вторглась в Советскую Россию / пер. с англ. Э. Ротштейн; предисл. В.В. Овчинников; послесл. А.К. Соколов. М.: Прогресс, 1982. 187 с.
9. Краль В. О контрреволюционной и антисоветской политике Масарика и Бенеша. М.: Изд-во иностранной литературы, 1955. 280 с.
10. Грейвс У.С. Американская авантюра в Сибири (1918–1920) / пер. с англ. А.Ф. Сперанского, С.С. Соколова; с вступ. ст. И.И. Минца. М.: Государственное военное изд-во, 1932. 248 с.
11. Родина. 1922. 17 авг.
12. Голос Родины. 1920. 15 апр., 17 апр.
13. Красный архив. М.; Л., 1929. Т. 35
14. Вестник Временного правительства автономной Сибири. Омск, 1918. 3 сент.
15. Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). Ф. 1504. Оп. 1. Д. 3.
16. Красное Знамя. 1992. 24 янв.
17. Голос Приморья. 1918. 23 мая.
18. Крестьянин и Рабочий. 1918. 25 мая.
19. Интернационалисты. Трудящиеся зарубежних стран – участники борьбы за власть Советов на юге и востоке республики. М.: Наука, 1971. 280 с.
20. Флегонтов А., Яньков П. Уссурийский фронт. Хабаровск: Дальгиз, 1932. 29 с.
21. ГАХК. Ф. 1504. Оп. 1. Д. 3.
22. Голос Родины. 1920. 18 февр., 29 февр.
23. Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (РГИА ДВ). Ф. 2422. Оп. 1. Д. 266.

References

1. Yurchenko V. Myatezh, kotorogo ne bylo: K istorii chekhoslovatskogo korpusa, vozvrashchavshego na rodinu cherez Rossiyu, 1918 g. [A rebellion that was not: To the history of the Czechoslovak corps returning to Russia through Russia, 1918]. *Rodina*, 1994, no. 1, pp. 28–34.
2. *Kratkaya istoriya Chekhoslovakii: C drevneishikh vremen do nashikh dnei* [A Brief History of Czechoslovakia: From ancient times to our days]. A.Kh. Klevanskii, V.V. Mar'ina, I.I. Pop (eds.). Moscow, Nauka Publ., 1988, 576 p.

3. Chapek K. *Besedy s Masarikom* [Conversations with Masaryk]. *Voprosy istorii* [Questions of History], 1998, no. 2, pp. 103–106.
4. Lockhart R.B. *Istoriya iznutri – memuary britanskogo agenta* [The story from the inside is the memoirs of a British agent]. Moscow, Novosti Publ., 1991, 320 p.
5. Klevanskii A.Kh. *Chekhoslovatskie internatsionalisty i prodannyy korpus. Chekhoslovatskie politicheskie organizatsii i voinskie formirovaniya v Rossii. 1914–1921* [Czechoslovak internationalists and sold corps. Czechoslovak political organizations and military formations in Russia. 1914–1921]. Moscow, Nauka Publ., 1965, 397 p.
6. Mints I. *God 1918-i* [Year of 1918th]. Moscow, Nauka Publ., 1982, 576 p.
7. *Podgotovka i nachalo interventsii na Dal'nem Vostoke Rossii (oktyabr' 1917 – oktyabr' 1918 g.): Dokumenty i materialy* [Preparation and initiation of intervention in the Far East of Russia (October 1917 – October 1918): Documents and materials]. Vladivostok, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East of the Far-Eastern Branch of the RAS Publ., 1997, 304 p.
8. *Kogda Angliya vtorglas' v Sovetskuyu Rossi* [When England invaded Soviet Russia]. E. Rotshtein (trans. from English), V.V. Ovchinnikov (preface), A.K. Sokolov (afterword). Moscow, Progress Publ., 1982, 187 p.
9. Kral V. *O kontrrevolyutsionnoi i antisovetskoj politike Masarika i Benesha* [About the counter-revolutionary and anti-Soviet policies of Masaryk and Benes]. Moscow, Izd-vo inostrannoi literatury Publ., 1955, 280 p.
10. Grevs V.S. *Amerikanskaya avanyura v Sibiri (1918–1920)* [American adventure in Siberia (1918–1920)]. A.F. Speranskii, S.S. Sokolov (trans. from English), I.I. Mints (introductory article). Moscow, Gosudarstvennoe voennoe izd-vo Publ., 1932, 248 p.
11. *Rodina*, 1922, 17 August.
12. *Golos Rodiny*, 1920, 15 April, 17 April.
13. *Krasnyi arkhiv*. Moscow, Leningrad, 1929, vol. 35.
14. *Vestnik Vremennogo pravitel'stva avtonomnoi Sibiri* [Bulletin of the Provisional Government of Autonomous Siberia]. Omsk, 1918, 3 September.
15. *Gosudarstvennyi arkhiv Khabarovskogo kraya (GAKhK)* [The State Archive of the Khabarovsk Krai], f. 1504, op. 1, d. 3 (in Russian, unpublished).
16. *Krasnoe Znamya*, 1992, 24 January.
17. *Golos Primor'ya*. Vladivostok, 1918, 23 May.
18. *Krest'yanin i Rabochii*, 1918, 25 May.
19. *Internatsionalisty. Trudyashchiesya zarubezhnykh stran-uchastniki bor'by za vlast' Sovetov na yuge i vostoke respubliki* [Internationalists. The working people of foreign countries are participants in the struggle for the power of the Soviets in the south and east of the republic]. Moscow, Nauka Publ., 1971, 280 p.
20. Flegontov A., Yan'kov P. *Ussuriiskii front* [The Ussurisk Front]. Khabarovsk, Dal'giz Publ., 1932, 29 p.
21. *Gosudarstvennyi arkhiv Khabarovskogo kraya (GAKhK)* [The State Archive of the Khabarovsk Krai], f. 1504, op. 1, d. 3 (in Russian, unpublished).
22. *Golos Rodiny*, 1920, 18 February, 29 February.
23. *Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Dal'nego Vostoka (RGIA DV)* [The Russian State Historical Archive of the Far East], f. 2422, op. 1, d. 266 (in Russian, unpublished).

УДК 94(47)

PETR GERMANOVICH ALEKSANDROV

Scientific Associate,
Primorye State Museum named after V.K. Arsenyev.
690003, Russian Federation, Vladivostok, Posyetskaya ul., 19–19.
E-mail: pal1889@mail.ru

**«The events are under way in the territory of one Russian town...»:
the details of Czechoslovak rebellion in Vladivostok**

The article is devoted to an armed revolt of parts of the Vladivostok group of the Czechoslovak case during which in the city the power of Council of Working and Soldier's deputies has been overthrown. In article, the author pays special attention to reconstruction of events of the revolution which was taking place in Vladivostok on June 29, 1918. Work is based on little-known Czechoslovak sources, documents of the Russian State Historical Archive of the Far East and the State Archive of Primorsky Krai, materials of periodicals of 1918, memoirs of direct participants of events, both supporters of Council, and Czechoslovaks. Analyzing the course of a revolt of Czechoslovak parts and the events preceding him, the author reveals a number of the features distinguishing this event from performances of Czechoslovak groups in the Volga region, Siberia and in the Urals.

Keywords: Civil War, Far East, Vladivostok, Czechoslovak Corps, Legionnaires, revolt.

ПЁТР GERMANOVICH ALEKSANDROV

Научный сотрудник,
Приморский государственный объединенный
музей им. В.К. Арсеньева.
690003, Россия, Владивосток, ул. Посыетская, 19–19.
Тел.: +7 (908) 4406604, e-mail: pal1889@mail.ru

Статья посвящена вооруженному восстанию частей Владивостокской группы Чехословацкого корпуса, в ходе которого в городе была свергнута власть Совета Рабочих и Солдатских депутатов. В статье автор особое внимание уделяет реконструкции событий переворота, происходившего во Владивостоке 29 июня 1918 г. Работа основана на малоизвестных чехословацких источниках, документах Российского государственного исторического архива Дальнего Востока и Государственного архива Приморского края, материалах периодической печати 1918 г., воспоминаниях непосредственных участников событий, как сторонников Совета, так и чехословаков. Анализируя ход восстания чехословацких частей и предшествующих ему событий, автор выявляет ряд особенностей, отличавших данное событие от выступлений чехословацких групп в Поволжье, Сибири и на Урале.

Ключевые слова: Гражданская война, Дальний Восток, Владивосток, Чехословацкий корпус, легионеры, мятеж.

**«События происходят на территории русского города...»:
подробности чехословацкого мятежа во Владивостоке**

Вооруженный мятеж Чехословацкого корпуса стал существенным фактором в эскалации Гражданской войны на Российской территории. На современном этапе развития российской исторической науки данное событие приковывает к себе взгляды многих исследователей, заставляя все чаще обращаться к его региональному аспекту. Длительное время в отечественной историографии господствовал выдвинутый В.И. Лениным тезис о преднамеренности данной акции [1, с. 1-2]. В связи с этим в исторических трудах советского периода основное внимание уделялось реконструкции событий чехословацкого мятежа в регионах Сибири, Урала и Поволжья, лишь эпизодически касаясь мятежа во Владивостоке [2]. Отказ от марксистско-ленинской

методологии позволил расширить исследуемую проблематику, однако, авторы продолжали освещать события в вышеуказанных регионах, лишь фрагментарно касаясь событий на Дальнем Востоке [3], [4]. Вместе с тем следует сказать, что Чехословацкий мятеж во Владивостоке обладал рядом особенностей не характерных для остальных регионов. Привлечение к исследованию проблемы чехословацких источников позволяет взглянуть на события мятежа с позиций двух сторон – российской и чехословацкой.

Эшелоны с чехословацкими легионерами начали прибывать во Владивосток начиная с 25 апреля 1918 г., но внимание городской общественности было приковано совершенно к другому событию [5, л. 1]. Едва ли не единственный, кто обратил внимание

на появление в городе чехословаков, был служащий британской торговой фирмы Дж. Финдли, писавший: «Однажды утром, проходя по Светланской улице, я увидел порядка 600 мужчин, шедших под музыку военного оркестра. Они были одеты в русскую униформу, однако значительно отличались, поскольку двигались в тесном строю... Тогда я даже не мог предположить кто это был» [6, p. 501].

Чехословацкие источники указывают, что в сопровождении уполномоченного советского правительства при корпусе С. Лукьянова в город первыми прибыли военнослужащие 1-го батальона 5-го Пражского стрелкового полка [7, s. 653, 655]. Впоследствии во Владивостоке скопился личный состав еще нескольких полков, а также ряд вспомогательных и руководящих служб Чехословацкого корпуса. Общая численность чехословацких военнослужащих, прибывших в город к концу июня 1918 г. составляла 13411 человек [7, s. 668].

Проблем с размещением легионеров не возникало. По распоряжению исполкома городского совета им были выделены жилые постройки, в которых до объявленной в начале 1918 г. демобилизации, размещались части гарнизона Владивостокской крепости. Личный состав вышеупомянутого 5-го Пражского, а также 8-го Силезского полков разместился на юго-восточной окраине города, в районе Гнилого Угла и м. Чуркин [7, s. 656]. Прибывшие в конце мая – начале июня военнослужащие 2-го запасного полка разместились в долине Первой Речки [8, s. 107], а шесть рот 7-го Татранского полка с артиллеристами 2-й бригады заняли военные постройки в бухте Горностай [9, s. 44]. Кроме того, в городе находился ряд штабных служб корпуса во главе с генерал-майором М.К. Дитерихсом, а также созданная членами Чешско-Словацкого Национального Совета (ЧНС) В. Гирсой, В. Хоуской, В. Гурбаном, Я. Шпачеком Владивостокская коллегия, призванная обеспечить эвакуацию войска в Европу [7, s. 656]. По соглашению с Владивостокским советом рабочих и солдатских депутатов военное и политическое руководство Чехословацкого войска занимали здание Морского клуба [10, л. 233], [11, s. 98].

В середине июня движение чехословацких эшелонов к Владивостоку прекратилось из-за начавшегося, 25 мая, в Центральной и Западной Сибири вооруженного противостояния между чехословаками и частями Красной Армии, которое к середине июня стремительно охватило Транссибирскую магистраль от Омска до Нижне-Удинска. Следствием начавшихся боевых действий стало решение Центросибири разоружить оставшиеся на подконтрольной территории чехословацкие эшелоны [12, с. 15]. Так 26 мая в Иркутске, следуя распоряжению Центросибири, отряд красногвардейцев предпринял попытку разоружить эшелон 2-й артиллерийской бригады, в котором находились 600 бойцов под началом капитана Померанцева. Акция привела к вооруженному столкновению, имевшему, чрезвычайно ожесточенный характер. Об этом свидетельствуют потери сторон, в общей сложности, составившие около 100 раненых

и 50 убитых [13, с. 65]. Из них на долю чехословацких военнослужащих пришлось 15 убитых и 63 получили ранения [14, s. 24]. Конфликт удалось прекратить только через сутки при посредничестве французского консула, уговорившего чехов сложить оружие. В результате Иркутский совет пропустил на восток несколько эшелонов [13, с. 66]. Однако это были последние прибывшие во Владивосток эшелоны.

В первой половине июня во Владивосток из Сибири дважды приезжали курьеры. В письме к сослуживцу, непосредственно направлявший их, Р. Гайда следующим образом сформулировал поставленную перед ними задачу: «...отправил во Владивосток несколько человек с приказом, что бы наши 5 и 8 полки двигались к нам навстречу...» [Цит. по: 15, s. 429].

Выполнить данный приказ можно было только путем вооруженного выступления против советской власти во Владивостоке. По этой причине посланниками Гайды предпринимались попытки склонить местное чехословацкое руководство к мятежу. Курьер, прибывший 14 июня, представил генералу Дитерихсу официальное сообщение о приведении всех частей корпуса в боевую готовность с целью вооруженным путем пробить себе дорогу во Владивосток. Узнав об этом постановлении, принятом в Челябинске еще 20 мая на съезде Чехословацкого войска, члены владивостокского отделения ЧНС не спешили его выполнять, отчетливо показав это в направленной к Р. Гайде телеграмме: «Вновь настойчиво напоминаем вам, что единственной нашей целью является, как можно скорее отправиться на французский фронт, поэтому надлежит соблюдать строжайший нейтралитет в русских делах. Старайтесь договориться с местными советами на мало-мальски приемлемых для нас условиях. Гирса, Хоуска и Гурбан» [16, s. 33].

Нежелание участвовать во внутрироссийских распрях заставило членов ЧНС во Владивостоке принимать вполне конкретные меры. Например, выступая, от имени Чехословацкого войска В. Гирса предложил направить в район Нижнеудинска, где происходил вооруженный конфликт, делегацию из представителей иркутского, хабаровского и владивостокского Советов, включив в ее состав представителей чехословацкой стороны. Комитетами 4-х полков, находившихся во Владивостоке, в ее состав были делегированы штабс-капитан Клевета, фельдфебель Вильда, младший унтер-офицер Яновский и поручик Зазворка [17].

Главой делегации был назначен член Национального Совета В. Шпачек, однако перед отъездом он внезапно заболел и его сменил прапорщик В. Хоуска, который также являлся членом ЧНС [18, s. 258]. 17 июня группа чехословацких представителей направилась на Нижнеудинский фронт. И уже 24 июня в Иркутске ими было подписано предварительное соглашение с Центросибирью и Дальсовнаркомом, опубликованное, впоследствии, в местной газете «Власть труда». Его пункты, декларировали открытое желание делегатов прекратить участие своих земляков в конфликте. Условия до-

кумента предусматривали урегулирование конфликта: взаимное освобождение пленных в Сибири; эвакуацию чехословаков из Владивостока с 1 июля, передачу оружия и захваченных железнодорожных пунктов советским органам; распространение условий мирного соглашения на эшелоны, стоящие к западу от Челябинска [19].

Однако примирить враждующие стороны не удалось, поскольку Р. Гайда отказался рассматривать вопрос о перемирии, мотивируя тем, что оно позволит большевикам собрать новые силы для нападения на чехословаков [16, s. 107]. Известие о подписании договора привело Гайдю в негодование, он хотел придать членов делегации трибуналу и повесить как изменников [7, s. 592-593]. Главным объектом его нападок стал прапорщик В. Хоуска, заочно обвиненный в «моральной поддержке противника» и стремлении «внести раскол в ряды чехословаков» [20]. Впоследствии Гайда пересмотрел свою позицию в отношении владивостокской делегации, члены которой, по его словам, были введены в заблуждение большевиками [16, s. 107].

Тем временем, во Владивостоке отношения чехословацкого руководства и местного Совета стремительно менялись в сторону противостояния. Опираясь на архивные документы можно сказать, что это подогревалось неоднократными случаями вооруженных провокаций в местах расквартирования легионеров [21, л. 4]. Раздражающим фактором служила и активная деятельность сотрудников так называемого «Информационного бюро», осуществлявшего среди легионеров вербовку в ряды 1-го стрелкового батальона Чехословацкой Красной Армии [22, с. 223-224]. По мнению чехословаков, своими действиями бюро создавало в частях смуту и способствовало развалу войска. На эти происшествия Национальный совет неоднократно обращал внимание владивостокских властей, требуя от Исполкома Совета рабочих и солдатских депутатов принять меры к обеспечению безопасности легионеров. Длительное время их требования оставались без внимания, но 20 июня под давлением иностранных консулов руководство Совета вынуждено было подписать «Соглашение об особой охране района расквартирования чехословацких войск» [23, л. 4], составленное членами ЧСНС.

Условия соглашения предписывали: подвергать аресту всех лиц, заподозренных в распространении агитации, имеющей целью создать конфликт между Советом и чехословацкими войсками. Кроме того, в местах проживания легионеров вводился запрет на всякое несанкционированное передвижение с оружием. Жителям города разрешалось находиться в расположении чехословацких частей не позднее 10 часов вечера, в ночное время пребывание позволялось только по специальному выданному разрешению коменданта города по чехословацким делам [24]. Охрану территории и воинских складов осуществляла не только советская сторона, но и чехословаки. Последние, по распоряжению генерала Дитерихса выставили вооруженные дозоры возле

казарм [25, s. 236]. Следует заметить, что благодаря данному соглашению чехословацкое командование имело возможность контролировать любое перемещение имущества, хранившегося на складах с оружием и взрывчатыми веществами. Без письменной санкции чехословацкого коменданта, Совет больше не мог воспользоваться запасами, сосредоточенными на складах, что в значительной мере сказалось на его вооруженных формированиях, в чем, были заинтересованы все антибольшевистские силы.

Не вызывает сомнения, что происходившие в городе события способствовали успеху миссии поручика Смекала прибывшего во Владивосток 26 июня в поезде американской миссии [7, s. 667]. Поручик представил генералу Дитерихсу дублировавший распоряжения Р. Гайдю приказ начальника Чехословацкого корпуса генерала В.Н. Шокорова «...двинуться немедленно на Читту-Иркутск... Занять предварительно все склады оружия и амуниции во Владивостоке» [22, с. 225].

Днем 28 июня, чехословацкое военное руководство поставило в известность о готовившейся операции представителей иностранных консульств, рассчитывая получить от них помощь. Но те, по словам генерала М.К. Дитерихса, заявили о готовности оказать только «моральную поддержку» готовящемуся выступлению, поскольку реальную помощь не могли предоставить без санкции своих правительств [7, s. 667].

Неопределенная позиция союзников по Антанте не остановила чехословацких руководителей, поскольку значительное влияние на их настроение оказывал личный состав сосредоточенных во Владивостоке полков. Бойцы, встревоженные сведениями из Сибири, на своих собраниях высказывались о необходимости помочь сослуживцам [26, s. 32]. В данной ситуации у чехословацкого руководства во Владивостоке возникало два пути: оставить под своим контролем военные склады и разоружить все воинские формирования, подчиненные Совету, сохранив управление городом в руках, либо полностью ликвидировать советские учреждения. Само чехословацкое руководство склонялось к первому варианту, для реализации которого был принят ряд мер.

В пятницу 28 июня в 6 часов вечера генерал Дитерихс издал приказ, в соответствии с которым частям Чехословацкого корпуса, находившимся во Владивостоке, было предписано разоружить военнослужащих советского гарнизона. Начало операции было намечено на утро субботы 29 июня [11, s. 127]. Однако подготовка началась в ночь с пятницы на субботу, когда вооруженные отряды чехословаков разоружили советскую стражу, совместно с ними охранявшую воинские склады в Гнилом Углу [25, s. 236]. Следует заметить, что подготовка к войсковой операции производилась чехословаками и в других районах Владивостока. В частности, к утру 29 июня господствовавшие над долиной Первой Речки высоты были заняты бойцами 2-го Запасного полка [8, s. 112].

Около 8 утра 29 июня отряд в составе 3-х рот и штаба 5-го Пражского полка выдвинулся из своих

казарм. Командиром отряда был назначен поручик Юхн, который опасаясь возможного сопротивления со стороны большевиков, в течение нескольких часов расставил вооруженные заставы на высотах вдоль бухты Золотой Рог. Вблизи кутовой части бухты (совр. пл. Луговая) в это же время небольшой группой чехословацких солдат была разоружена охрана Минного городка – крупного склада с боеприпасами. По мнению О. Венека – автора хроники 5-го полка, успех данной операции предопределила густая растительность на склонах окружающих склад холмов, маскировавшая передвижение чехословацких сил [11, s. 130].

Одновременно Светланская улица и близлежащие переулки без какой-либо маскировки были, заняты двумя батальонами 8-го Силезского полка [27].

Важные события разворачивались и в центральной части города, куда генерал Дитерихс направил 4-х парламентаров в сопровождении 2-й роты 5-го Пражского полка с письменным ультиматумом к руководителям Совета [11, s. 130]. Требования чехословацкого командования содержали всего два пункта: прекратить вывоз из города военных грузов для интернациональных отрядов, совершающих нападения на чехословаков в Сибири, добровольно в течение часа разоружить все подчиненные Совету воинские отряды [28]. Таким образом, ультиматум давал возможность членам Совдепа формально сохранить советскую власть в городе.

Ультиматум был передан представителям Совета ровно в 10 утра, но документ в письменном виде работники Совдепа принять отказались, сославшись на отсутствие в здании председателя К. Суханова [28]. Как показали дальнейшие события, чехословацким руководством данный факт принят во внимание не был. Спустя 30 минут, вооруженные легионеры, заняв здание Совдепа, арестовали находившихся внутри сотрудников. Следует заметить, что в помещениях никаких документов найдено не было, поскольку осведомленные о появлении в городе вооруженных легионеров сотрудники успели сжечь все документы [29, л. 26].

К.А. Суханову, которому, прежде всего и был адресован ультиматум, как и еще нескольким его соратникам, удалось избежать ареста в здании Совета. Под стражу они были взяты, только когда добровольно явились в Чехословацкий Национальный совет. Как констатируют чехословацкие источники с просьбой защитить их от разъяренной толпы [27]. После ареста руководители Владивостокского совета были доставлены на гауптвахту в Гнилом углу [30, с. 20].

Картина переворота была бы не полной, если не сказать о том, как происходящие события были восприняты жителями Владивостока. Появление на городских улицах вооруженных отрядов вызвало чрезвычайное оживление: моментально прекратилось движение трамваев, закрылись все кафе, а на домах китайцев были вывешены национальные флаги [27]. Не менее живой интерес у большинства населения вызвало известие об аресте членов Совета. Около здания собралась толпа любопытных,

выкрикивавших разного рода оскорбления в адрес большевиков. Препятствуя попыткам самосуда, чехословакам пришлось взять арестованных под усиленную охрану [27].

После ареста Совета в разных концах города началось разоружение частей советского гарнизона, руководство процессом взяли на себя генерал Дитерихс и его помощник капитан Яну [31]. После того как поступил приказ, бойцы 8-го полка в казармах на берегу бухты Золотой Рог, разоружили отряд моряков Сибирской флотилии [26, s. 33]. В районе Первой Речки действовали 2 ударные группы, сформированные 7-м Татранским полком. По свидетельству участников переворота, с поставленной задачей бойцы полка справились чрезвычайно быстро, уже к полудню одна из групп разоружила советскую артиллерийскую часть, в парке которой находились устаревшие орудия. В это же время другая ударная группа производила захват железнодорожной станции и вагоноремонтных мастерских. На этот раз не обошлось без перестрелки, в ходе которой не было ни убитых, ни раненых. В итоге большая часть красногвардейцев сложила оружие, остальные отступили в надежде вырваться из города [9, s. 86-88].

К 10 утра отряд под началом капитана Вейнера, состоящий из нескольких рот 2-го запасного полка, незаметно прибыл в район Второй Речки. Когда поступил приказ силой разоружить красноармейские части, бойцы 3-й стрелковой и технической рот, обезоружив охрану, заняли железнодорожную станцию на Второй Речке [8, s. 112]. Тем временем, основная часть отряда в составе 1 и 2-й рот, окружила казармы, где находились красноармейцы. Отрезанные от города они вынуждены были сложить оружие [8, s. 112]. Кроме того, по личному распоряжению капитана Вайнера из бойцов 2-го полка был сформирован небольшой отряд, который на следующий день занял пригородные станции: Седанка, Океанская, Угольная [31]. Тем самым чехословаки стремились создать заслон на случай внезапной атаки со стороны г. Никольска-Уссурийского, где концентрировались основные силы большевиков. Однако атаки не последовало, поскольку большевики были в значительной мере деморализованы.

Следует отметить, что неожиданную помощь чехословаки встретили от иностранных союзников, которые активно приняли участие в разоружении кораблей Красной Сибирской флотилии, пытавшихся покинуть порт. Силами японского крейсера «Асахи», а также катеров были остановлены миноносцы «Бодрый», «Точный», «Твердый» и «Лейтенант Малеев», которые, еще в течение суток продолжали оставаться в боевой готовности. Только на следующий день старший из русских командиров – исполняющий обязанности начальника дивизиона Носилов, поехал на крейсер «Асахи». Сумев договориться об условиях капитуляции, он передал японцам суда со всем вооружением, после чего личному составу было решено вернуться на берег [28].

Из вышеприведенных фактов, следует, что советский гарнизон, не смог оказать легионерам должного

сопротивления, но как показали дальнейшие события, чехословакам было рано говорить о победе.

Как впоследствии вспоминал один из красногвардейцев, как только город облетело известие об аресте Совета, около штаба крепости на Вокзальной площади началась раздача добровольцам винтовок и патронов. К двум часам было роздано около 5000 винтовок [32, л. 1]. Но, по распоряжению начальника штаба крепости [32, л. 1] мобилизованные рабочие были распушены по домам. С большой долей вероятности можно предположить, такое решение было принято из-за незнания сложившейся обстановки, поскольку чехословаки предусмотрительно вывели из строя телефонную связь в городе [33].

Как указывают источники, несмотря на распоряжение разойтись, в штабе крепости продолжала оставаться группа военнослужащих, главным образом интернационалистов (венгров и чехословаков) охранявших имущество [27], [28].

Чехословацкое командование первоначально пыталось договориться с красноармейцами о добровольной сдаче оружия, гарантируя им жизнь. К зданию были направлены парламентарии, но, когда они приблизились, из окна была брошена граната. Осколками был убит legionер и двое русских из «Союза фронтовиков» [28]. Члены данной организации с первых часов выступления в качестве добровольцев с оружием в руках участвовали на стороне чехословаков. В качестве собственной символики, отличавшей их от legionеров, фронтовики использовали белозеленые повязки [34, с. 4].

После такого вероломного поступка вести дальнейшие переговоры с красноармейцами не имело смысла и, по приказу генерала Дитерихса, с нескольких сторон по штабу был открыт шквальный огонь, не причинивший, однако, особого вреда. Открытое пространство не позволяло чехословацким штурмовым группам подойти к зданию. Неудачу потерпела попытка бойцов 1-й роты Пражского полка приблизиться со стороны Посыетской улицы и 2-й роты от железнодорожного вокзала. Встреченные плотным огнем legionеры потеряли несколько человек ранеными и были вынуждены временно прекратить атаки, занявшись перегруппировкой сил [11, с. 130-131].

Период временного затишья был на руку обстреливавшимся, из осажденного штаба в Союз грузчиков, с просьбой о немедленной помощи, прибыл вестовой. После чего отряд Красной Гвардии порта, насчитывавший не более 60 человек, направился на Вокзальную площадь [32, л. 1].

Около 17 часов в район Вокзальной площади, под началом подпоручика Драбла, были переброшены дополнительные силы: 3-я рота Пражского полка и взвод пулеметчиков [11, с. 131]. К подходу свежих сил legionеры и бойцы из «Союза фронтовиков», заняли здание железнодорожного вокзала, крыша и внутренние помещения которого были превращены в опорный пункт. Ударная группа чехословаков сосредоточилась на углу Посыетской и 1-й Морской вокруг штаба. Вторая группа растянулась по 1-й Морской

улице, вплоть до железнодорожных путей [11, с. 131].

В 18 часов перестрелка возобновилась с удвоенной силой. В хронике Пражского полка отмечалось: «пулеметы непрерывно извергали пули и взрывались ручные гранаты» [11, с. 131]. Штурмовой группой на Посыетской улице были выбиты ворота, ведущие во двор штаба. Через проем, образовавшийся в заборе, legionеры сумели закинуть во двор несколько гранат, одна из них попала в оконный проем цокольного этажа, где располагалась типография. Взрыв вызвал возгорание запасов бумаги [35, с. 144], которое заставило оборонявшихся, вывесить из окна белый флаг [28]. А.Р. Вильямс в своих воспоминаниях описал сдачу красноармейцев: «Охваченные пламенем, задыхающиеся от дыма, они выползали на улицу и, спотыкаясь, шли с поднятыми вверх руками» [36, с. 259]. Под конвоем они были отправлены на гауптвахту в районе Гнилого Угла и в городскую тюрьму. Дальнейшая акция чехословаков в районе Эгершельда прошла весьма удачно: в казармах, где проживали грузчики порта, было изъято огромное количество оружия и боеприпасов [11, с. 132].

Необходимо сказать несколько слов о жертвах произошедшего переворота. В вопросе о потерях среди красноармейцев, источники содержат чрезвычайные разногласия. В официальной депеше консула Соединенных Штатов Америки в Вашингтон называлось 15 убитых и 40 раненых [37, р. 235]. По данным газеты «Далекая окраина», потери сторонников советской власти, насчитывали 149 человек, среди которых были мадьяры и германцы [38]. Проверить истинность обоих утверждений не представляется возможным, поскольку советская сторона не вела подсчет потерь. С уверенностью можно говорить лишь о 7 убитых грузчиках, похороны которых 4 июля переросли в политическую демонстрацию с участием представителей от 44 профсоюзов [39, л. 5].

Благодаря сводкам чехословацкого штаба картина потерь среди legionеров представляется более ясной. Единственной безвозвратной потерей был боец 9-й роты 5-го Пражского полка Иозеф Новотный, павший во время боя у штаба крепости. Еще 14 legionеров получили ранения различной степени тяжести [7, с. 669]. К потерям антибольшевистских сил следует относить и двух членов Союза фронтовиков, убитых взрывом той же гранаты что и Новотный, прощание с которым проходило 2 июля. Оно стало своеобразной манифестацией сил, совершивших переворот. На похоронах присутствовали моряки английской, американской, японской и китайской эскадр, «на гроб были возложены венки от японского генерального консула адмирала Като, ЧНС, горуправы, Временного Правительства Автономной Сибири и армии. Много цветом было возложено от частных лиц» [40].

Действия чехословацких солдат 29 июня 1918 г. создали во Владивостоке предпосылки к восстановлению ликвидированных большевиками органов земской и городской власти. Архивные документы свидетельствуют, свидетельствуют, что первой о своих притязаниях на власть заявила Приморская

областная земская управа, члены которой в сопровождении чехословацкого караула вскрыли ее опечатанные помещения [41, л. 2]. Официальная передача властных полномочий земству и местной городской управе состоялась 30 июня распоряжением начальника чехословацкого гарнизона капитана Р. Яну [34, с. 4].

Несмотря на опубликованное в прессе заявление Земской управы, о возобновлении деятельности [28], еще долгое время их полномочия были ограничены только хозяйственной сферой. В городе продолжали действовать чрезвычайные распоряжения, отданные генералом Дитерихсом в день переворота. В частности, одно из них касалось разоружения любых воинских формирований, за исключением чешских [31]. Приказ явился следствием появления в городе не дисциплинированных вооруженных отрядов из подростков [42, л. 11]. Впоследствии, под давлением Временного Правительства Автономной Сибири, это решение было отменено, и Владивосток стал одним из центров формирования армии так называемой «демократической контрреволюции» [43, л. 1-1об].

В результате действий чехословацких солдат Владивосток стал первым городом на российском Дальнем Востоке, где летом 1918 г. была свергнута советская власть.

Характерной чертой переворота стал и тот факт, что чехословацкое руководство перед началом силовой акции пыталось вступить с большевиками в переговоры, обещая оставить управление городом в руках Совета в обмен на разоружение всех подчиненных ему формирований. Несмотря на отказ от диалога с чехословаками, руководители Совета не смогли должным образом организовать оборону. Именно благодаря этому, переворот произошел без масштабного кровопролития. Этот факт стал существенным отличием переворота во Владивостоке от других очагов выступления Чехословацкого корпуса (Пенза, Самара, Челябинск). Чехословацкий мятеж подтолкнул страны Антанты к подготовке масштабной вооруженной интервенции на российскую территорию. Выступление чехословаков во Владивостоке стало заключительным актом присоединения корпуса к антибольшевистскому лагерю, что в корне изменило ход Гражданской войны на Дальнем Востоке.

Литература и источники

1. Ленин В.И. Речь на объединенном заседании ВЦИК, Московского Совета, фабрично-заводских комитетов и профессиональных союзов Москвы 29 июля 1918 г. // В.И. Ленин: полн. собр. соч.: в 55-х т. М.: Политиздат, 1969. Т. 37. 748 с.
2. Крушанов А.И. Борьба за власть Советов на Дальнем Востоке и в Забайкалье (апрель 1918 март 1920 гг.). Владивосток: Приморское книжное издательство, 1962. 355 с.
3. Ларьков Н.С. Начало гражданской войны в Сибири. Армия и борьба за власть. Томск: Издательство Томского ун-та, 1995. 252 с.
4. Ципкин Ю.Н. Гражданская война на Дальнем Востоке России: формирование антибольшевистских режимов и их крушение (1917–1922). Хабаровск: Хабаровский краевой музей им. Н.И. Гродекова, 2012. 246 с.
5. Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (РГИА ДВ). Ф. Р-738. Оп. 1. Д. 28.
6. Galton D., Keep J. Letters from Vladivostok, 1918–23 // Slavonic & East European Review. 1967. Vol. 45. No. 105. P. 497–530.
7. Za Svobodu: obrazkova kronika ceskoslovenskeho revolucniho hnuti na Rusi, 1914–1920. Praha: Památník odboje, 1926. D. 3. 891 s.
8. Prazky F. Dejiny pesiho pluku 10 Jana Sladkeho – Koziny. Brno: Vydano nakladem p. pl. 10 k 10 vyroci zalozeni pluku, 1927. 314 s.
9. Ivicic V. Tatranci. Dějiny 7 střeleckého tatranského pluku od jeho založení do návratu do vlasti. Praha: Nakladem Památníku Odboje, 1924. 249 s.
10. Государственный архив Приморского края (ГАПК). Ф. 1370. Оп. 3. Д. 41.
11. Venek O. 5 Ceskoslovensky strelecky pluk «Prazky» T.G. Masaryka v boji za svobodu vlasti 1917–1920. Peci: Pamatniku osvobozeni, 1934. 444 s.
12. Виленский-Сибиряков В.Л. Борьба за Советскую Сибирь (Центросибирь) 1917–1918 гг. М.: [б. и.], 1926. 22 с.
13. Рябиков В.В. Центросибирь. Новосибирск: Новосибирское областное государственное издательство, 1949. 254 с.
14. Holecek V. Nase vojsko. Irkutsk: Nakladem Informacne-osvetoveho odboru ministerstva vojenstvi, 1919. 68 s.
15. Pichlík K. Zahraniční odboj 1914–1918, bez legend. Praha: Svoboda, 1968. 503 s.
16. Gajda R. Moje pameti. Brno: «Bonus», 1996. 352 s.
17. Власть труда. 1918. 26 июня. №118.
18. Neugebauer J. S mirovou delegaci // Cestami odboje: jak žily a kudy táhly čs. legie. Díl IV. Praha: nakladatelství «Pokrok», 1928. S. 258–261.
19. Власть труда. 1918. 27 июня. №119.
20. Сибирская жизнь. 1918. 29 июня. №47.
21. ГАПК. Ф. 1370. Оп. 3. Д. 41.
22. Клеванский А.Х. Чехословацкие интернационалисты и проданный корпус: Чехословацкие политические организации и воинские формирования в России. 1914–1921 гг. М.: Наука, 1965. 397 с.
23. ГАПК. Ф. 715. Оп. 1. Д. 6.
24. Голос Приморья. 1918. 9 (28) июня. №232.
25. Koci F. Dobyti Vladivostoku // Cestami odboje: jak žily a kudy táhly čs. legie. Díl IV. Praha: nakladatelství «Pokrok», 1928. S. 236–238.
26. Vlacil F. Slezsky pluk. Strucna kronika 8. Cs. Streleckeho pluku. Mistek: Nakladem PPI. 8. «Slezského», 1937. 98 s.
27. Vestnik. 1918. 2 cervence. №37.
28. Голос Приморья. 1918. 17 (30) июня. №239.
29. ГАПК. Ф. П-3135. Оп. 2. Д. 49.

30. Свицерский Т. В гостях у чехов // Каторга и ссылка. 1931. №11 (108). С. 20–35.
31. Голос Приморья. 1918. 20 июня (3 июля). №241.
32. ГАПК. Ф. 1370. Оп. 3. Д. 81.
33. Novotný J. Deník z války – můj příběh [Электронный ресурс]. URL: <http://www.doubravnik.cz/view.php?cislocianku=2016020101> (дата обращения: 30.04.2017).
34. Obsazení Vladivostoku československým vojskem // Československá samostatnost. 1918. №6. S. 3–4.
35. Волгин П.К. Два этапа // Советское Приморье: Литературно-художественный альманах. Орган Приморского краевого отделения Союза Писателей СССР. Владивосток: Приморское книжное издательство, 1957. №23. С. 140–166.
36. Вильямс А.Р. О Ленине и Октябрьской революции. М.: Госполитиздат, 1960. 288 с.
37. Papers Relating to the foreign relations of the United States. 1918. Russia: in Three Volumes. Washington: United States Government Printing Office, 1932. V. 2. 887 p.
38. Далекая окраина. 1918. 30 июня. №3578.
39. РГИА ДВ. Ф. Р-534. Оп. 1. Д. 94.
40. Голос Приморья. 1918. 21 июня (4 июля). №242.
41. РГИА ДВ. Ф. Р-534. Оп. 1. Д. 14.
42. РГИА ДВ. Ф. Р-722. Оп. 1. Д. 1.
43. РГИА ДВ. Ф. Р-534. Оп. 1. Д. 272.

References

1. Lenin V.I. *Rech' na ob"edinennom zasedanii VTsIK, Moskovskogo Soveta, fabrichno-zavodskikh komitetov i professional'nykh soyuzov Moskvy 29 iyulya 1918 g.* [Speech on the single meeting of VTsIK, the Moscow Soviet, factory committees and trade unions of Moscow on July 29, 1918]. *Poln. sobr. soch. v 55-kh t.* [Complete set of works: in 55 volumes]. Moscow, Politizdat Publ., 1969, vol. 37, 748 p.
2. Krushanov A.I. *Bor'ba za vlast' Sovetov na Dal'nem Vostoke i v Zabaikal'e (aprel' 1918 mart 1920 gg.)* [The struggle for the power of the Soviets in the Far East and Transbaikalia (April 1918 March 1920)]. Vladivostok, Primorskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1962, 355 p.
3. Lar'kov N.S. *Nachalo grazhdanskoi voyny v Sibiri. Armiya i bor'ba za vlast'* [The beginning of the civil war in Siberia. Army and power struggle]. Tomsk, Tomsk University Publ., 1995, 252 p.
4. Tsipkin Yu.N. *Grazhdanskaya voyna na Dal'nem Vostoke Rossii: formirovaniye antibol'shevitskikh rezhimov i ikh krusheniye (1917–1922)* [Civil War in the Russian Far East: the formation of anti-Bolshevik regimes and their collapse (1917–1922)]. Khabarovsk, Khabarovsk Regional Museum named after N.I. Grodekova Publ., 2012, 246 p.
5. *Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Dal'nego Vostoka (RGIA DV)* [The Russian State Historical Archive of the Far East], f. R-738, op. 1, d. 28.
6. Galton D., Keep J. Letters from Vladivostok, 1918–23. *Slavonic & East European Review*, 1967, vol. 45, no. 105, pp. 497–530.
7. *Za Svobodu: obrazkova kronika ceskoslovenskeho revolucniho hnuti na Rusi, 1914–1920* [For Freedom: The Chronicle of the Czechoslovak Revolutionary Movement in Russia, 1914–1920]. Praha, Památník odboje, 1926, d. 3, 891 p. (in Czech).
8. Prazky F. *Dejiny pesiho pluku 10 Jana Sladkeho – Koziny* [The History of the 10 regiment of Jan Sladke – Koziny]. Brno, Vydano nakladem p. pl. 10 k 10 vyrocí založení pluku, 1927, 314 p. (in Czech).
9. Ivic V. *Tatransci. Dejiny 7 střeleckého tatranského pluku od jeho založení do návratu do vlasti* [Tatransci. History of the 7th Rifle Regiment of Tatra from its establishment to the return the homeland]. Praha, Nakladem Památníku Odboje, 1924, 249 p. (in Czech).
10. *Gosudarstvennyi arkhiv Primorskogo kraya (GAPK)* [State Archive of Primorsky Krai], f. 1370, op. 3, d. 41.
11. Venek O. 5. *Ceskoslovensky strelecky pluk «Prazky» T.G. Masaryka v boji za svobodu vlasti 1917–1920* [5 Czechoslovak Rifle Regiment «Pražský» T.G. Masaryk in the struggle for freedom of the country 1917–1920]. Peci, Pamatniku osvobození. 1934, 444 p. (in Czech).
12. Vilenskii-Sibiryakov V.L. *Bor'ba za Sovetskuyu Sibir' (Tsentrosibir') 1917–1918 gg.* [The struggle for Soviet Siberia (Centrosibir) in 1917–1918]. Moscow, without publishing, 1926, 22 p.
13. Ryabikov V.V. *Tsentrosibir'* [Centrosibir]. Novosibirsk, Novosibirskoe oblastnoe gosudarstvennoe izdatel'stvo Publ., 1949, 254 p.
14. Holecek V. *Nase vojsko* [Our army]. Irkutsk, Nakladem Informacne-osvetoveho odboru ministerstva vojenství, 1919, 68 p. (in Czech).
15. Pichlík K. *Zahraniční odboj 1914–1918, bez legend* [Foreign resistance 1914–1918, without legends]. Praha, Svoboda Publ., 1968, 503 p. (in Czech).
16. Gajda R. *Moje pameti* [My memory]. Brno, «Bonus», 1996, 352 p. (in Czech).
17. *Vlast' truda*, 1918, 26 June, no. 118.
18. Neugebauer J. *S mirovou delegacy* [With the Peace Delegation]. *Cestami odboje: jak žily a kudy táhly čs. Legie* [The ways of the resistance: how they lived and how they dragged Czechoslovak legion], part IV. Praha, nakladatelství «Pokrok», 1928, pp. 258–261 (in Czech).
19. *Vlast' truda*, 1918, 27 June, no. 119.
20. *Sibirskaya zhizn'*, 1918, 29 June, no. 47.
21. *Gosudarstvennyi arkhiv Primorskogo kraya (GAPK)* [State Archive of Primorsky Krai], f. 1370. Op. 3. D. 41.
22. Klevanskii A.Kh. *Chechoslovatskie internatsionalisty i prodanniy korpus: Chechoslovatskie politicheskie organizatsii i vojskie formirovaniya v Rossii. 1914–1921 gg.* [Czechoslovak internationalists and sold corps: Czechoslovak political organizations and military formations in Russia. 1914–1921]. Moscow, Nauka Publ., 1965, 397 p.
23. *Gosudarstvennyi arkhiv Primorskogo kraya (GAPK)* [State Archive of Primorsky Krai], f. 715, op. 1, d. 6.
24. *Golos Primor'ya*, 1918, 9 (28) June, no. 232.
25. Koci F. *Dobyti Vladivostoku* [Conquest of Vladivostok]. *Cestami odboje: jak žily a kudy táhly čs. Legie* [The ways of the resistance: how they lived and how they dragged Czechoslovak legion], part IV. Praha, nakladatelství «Pokrok», 1928, pp. 236–238. (in Czech).
26. Vlacil F. *Slezsky pluk. Strucna kronika 8. Cs. Streleckeho pluku* [Silesian Regiment. Brief Chronicle 8th Czechoslovak rifle regiment]. Mistek, Nakladem PPL. 8. «Slezského», 1937, 98 p. (in Czech).
27. *Vestnik*, 1918, 2 July, no. 37.
28. *Golos Primor'ya*, 1918, 17 (30) June, no. 239.

29. Gosudarstvennyi arkhiv Primorskogo kraya (GAPK) [State Archive of Primorsky Krai], f. P-3135, op. 2, d. 49.
30. Sviderskii T. *V gostyakh u Chekhov* [Visiting Czechs]. *Katorga i ssylka* [Katorga and link], 1931, no. 11 (108), pp. 20–35.
31. *Golos Primor'ya*, 1918, 20 June (3 July), no. 241.
32. Gosudarstvennyi arkhiv Primorskogo kraya (GAPK) [State Archive of Primorsky Krai], f. 1370, op. 3, d. 81.
33. Novotný J. *Deník z války – můj příběh* [The Diary of War – My Story]. Available at: <http://www.doubrovnik.cz/view.php?cislocclanku=2016020101> (accessed 30.04.2017) (in Czech).
34. *Obsazení Vladivostoku československým vojskem* [Occupied Vladivostok by the Czechoslovak army]. *Ceskoslovenska samostatnost* [Czechoslovak independence], 1918, no. 6, pp. 3–4 (in Czech).
35. Volgin P.K. *Dva etapy* [Two floors]. *Sovetskoe Primor'e: Literaturno-khudozhestvennyi al'manakh. Organ Primorskogo kraevogo otdeleniya Soyuza Pisatelei SSSR* [Soviet Primorye: Literary and artistic almanac. The organ of the Primorsky regional branch of the Union of Writers of the USSR]. Vladivostok, Primorskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1957, no. 23, pp. 140–166.
36. Vil'yams A.R. *O Lenine i Oktyabr'skoi revolyutsii* [About Lenin and the October Revolution]. Moscow, Gospolitizdat Publ, 1960, 288 p.
37. Papers Relating to the foreign relations of the United States. 1918. Russia: in Three Volumes. Washington: United States Government Printing Office, 1932. V. 2. 887 p.
38. *Dalekaya okraina*, 1918, 30 June, no. 3578.
39. Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Dal'nego Vostoka (RGIA DV) [The Russian State Historical Archive of the Far East], f. R-534, op. 1, d. 94.
40. *Golos Primor'ya*, 1918, 21 June (4 July), no. 242.
41. Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Dal'nego Vostoka (RGIA DV) [The Russian State Historical Archive of the Far East], f. R-534, op. 1, d. 14.
42. Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Dal'nego Vostoka (RGIA DV) [The Russian State Historical Archive of the Far East], f. R-722, op. 1, d. 1.
43. Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Dal'nego Vostoka (RGIA DV) [The Russian State Historical Archive of the Far East], f. R-534, op. 1, d. 272.

УДК 94

OLGA VLADIMIROVNA ZALESSKAYA

*Doctor of Historical Sciences, Dean of the International Faculty,
Professor of the Romance-Germanic and Oriental Languages Department,
Blagoveshchensk State Pedagogical University.
675000, Russian Federation, Amur Region, Blagoveshchensk, ul. Lenina, 104.
E-mail: olgazalesskaya@gmail.com*

The activity of the Blagoveshchensk office of the Far East state commercial representation (Dalgostorg) in the Chinese market in the late 1920s

The article based on a wide range of unpublished archival materials deals with the activity of the Blagoveshchensk office of the Far East state commercial representation (Dalgostorg) in the late 1920s, during the period after the completion of large-scale measures for the economic union of the Far East with the Soviet Russia and during the growing tensions in the Far East border. The Blagoveshchensk office of Dalgostorg carried out its activities directly on the Soviet-Chinese border, where in an exclusive geographical proximity there were two sparsely populated and extensive regions – the Soviet Far East and Northeast China. The apartness from the centers of the both countries, the weak development of industry, the role of the state in the foreign trade – all this had been influenced to the activity of the Blagoveshchensk office. In the article the author characterizes in detail the transformation of the authorities in the Far East after the end of the Civil War, analyzes the volumes and dynamics of the Soviet-Chinese border trade, considers the peculiarities of export-import operations of the Blagoveshchensk office of Dalgostorg with the Chinese merchants.

Keywords: *Soviet-Chinese relations, Far East, Dalgostorg, Soviet-Chinese cross-border trade, Blagoveshchensk office of Dalgostorg.*

ОЛЬГА ВЛАДИМИРОВНА ЗАЛЕСКАЯ

*Доктор исторических наук, декан международного факультета,
профессор кафедры романо-германских и восточных языков
Благовещенского государственного педагогического университета.
675000, Россия, Амурская область, г. Благовещенск, ул. Ленина, 104.
Тел.: +7 (962) 284-73-75, e-mail: olgazalesskaya@gmail.com*

В статье на основе широкого круга неопубликованных архивных материалов освещается деятельность Благовещенской конторы Дальгосторга в конце 1920-х гг., после завершения масштабных мероприятий по экономическому сращению Дальнего Востока с РСФСР и в период нарастания напряженности на дальневосточных рубежах. Благовещенская контора Дальгосторга осуществляла свою деятельность непосредственно на советско-китайской границе, где в исключительной географической близости находились два малозаселенных и обширных по территории региона – советский Дальний Восток и Северо-Восточный Китай. Отдаленность от центров обеих стран, слабое развитие промышленности, роль государства во внешней торговле – все это оказывало влияние на характер деятельности Благовещенской конторы. В статье автор подробно характеризует трансформации органов власти на Дальнем Востоке после окончания Гражданской войны, анализирует объемы и динамику советско-китайской приграничной торговли, рассматривает особенности экспортно-импортных операций Благовещенской конторы Дальгосторга с китайскими купцами.

Ключевые слова: *советско-китайские отношения, Дальний Восток, Дальгосторг, приграничная советско-китайская торговля, Благовещенская контора Дальгосторга.*

Деятельность Благовещенской конторы Дальгосторга на китайском рынке в конце 1920-х гг.

После освобождения Приморья от интервентов и белогвардейцев был положен конец гражданской войне на Дальнем Востоке. Постановлением Народного собрания Дальневосточной Республики (ДВР) 14 ноября 1922 г. был создан Дальневосточный революционный комитет (Дальревком), которому передавалась вся полнота власти на Дальнем Востоке. Перед Дальревкомом

ставилась задача объединения Дальнего Востока с Советской Россией.

В начале декабря 1922 г. в Дальневосточной области (ДВО) было создано Дальневосточное экономическое совещание (Дальэконосо), которое решало все хозяйственные и финансово-экономические вопросы. С начала апреля 1923 г. при Дальэконосо начала функционировать Дальневосточная плановая

комиссия (Дальплан), разрабатывавшая экспортно-импортные планы и экономические программы. Для руководства промышленностью 16 ноября 1922 г. было образовано Дальневосточное промышленное бюро (Дальпромбюро).

Вновь образованные властные органы столкнулись с большими трудностями в проведении экономических преобразований на Дальнем Востоке, где была слабо развита промышленность, превалировал частный капитал и постоянно ощущалось влияние растущих азиатских рынков. Так, в 1923 г. урожай бобов в географически соседствующем Северо-Восточном Китае составил 3,3 млн т, в 1925 г. – 4 млн т; экспорт, соответственно, 1,4 млн т (41,98% общего количества урожая) и 1,5 млн т (35,08% общего количества урожая) [1, с. 130–131].

Преследуя цель уменьшить долю частного капитала и повысить роль государства в дальневосточной экономике, 16 января 1923 г. Дальревком своим постановлением ввел на территории бывшей ДВР декреты ВЦИК от 13 марта 1922 г. «О внешней торговле», ВЦИК и СНК от 16 октября 1922 г. «О внешней торговле» и постановление Совета труда и обороны «О порядке выдачи лицензий для закупок и продажи за границей». В Чите, Благовещенске, Владивостоке были созданы бюро лицензий, которые, стремясь к увеличению количества экспорта и сокращению объема импорта, пошли по пути отказов в выдаче лицензий на ввоз. Этим было достигнуто снижение пассивного внешнеторгового баланса, но предполагаемого роста экспорта не произошло, лишь снизились общие объемы товарооборота ДВО. Так, в 1922/23 операционном году (операционный год начинался с 1 октября) Дальневосточной областью было ввезено из Китая товаров на сумму 16,5 млн руб., вывезено на сумму 5 млн руб.; в 1923/24 операц. году – на сумму 8 млн руб. и 7,3 млн руб.; в 1924/25 операц. году – на сумму 7 млн руб. и 6,8 млн руб. соответственно [2, с. 82]. В своем докладе в Совнарком РСФСР в июле 1923 г. председатель Дальревкома П.А. Кобозев подчеркивал, что на Дальнем Востоке «полная товарная зависимость от Маньчжурского рынка, и абсолютная изоляция от центральной России и Сибири» [3, с. 99].

Для проведения экспортно-импортных операций на Дальнем Востоке был открыт Дальгосторг – представительство Государственной экспортно-импортной торговой конторы РСФСР. Головная контора Дальгосторга находилась в Хабаровске, конторы – в Чите, Владивостоке, Сретенске, Благовещенске, Харбине, Николаевске, на Сахалине. Ассортимент реализуемых ими в Китае товаров был достаточно обширен: орехи, женьшень, грибы, мед, сыр, вина и наливки (в основном производства Грузии), минеральные воды (Дарасун, Боржом, Нарзан, Ессентуки), кварцевый песок, цемент, чугун, дрожжи, сухофрукты, горчичный порошок, тигровые туши и кости, воск, пакля, конский волос, смола, древесный спирт, вермишель и макароны, свежая и вяленая рыба, икра, морская капуста, панты, желчь медведя, пушнина, струя кабарги и т. д. [4, л. 24–27].

В соответствии со ст. 2-й советско-китайского соглашения 31 мая 1924 г. представители СССР и Китая должны были встретиться на совместной конференции, на которой, в частности, выработать проект торгового договора и пересмотреть таможенные тарифы. Такая конференция не состоялась, однако торгово-экономические связи между двумя странами продолжали активно развиваться. Объемы советско-китайской торговли ежегодно возрастали: в 1925 г. товарооборот СССР с Китаем составил 61,4 млн тамож. лянов, в 1926 г. – 86,8 млн тамож. лянов, в 1927 г. – 99,8 млн тамож. лянов, в 1928 г. – 118,3 млн тамож. лянов. Среди основных статей импорта из Китая следует отметить пшеницу, жиры, кожсырье и растительные масла. На китайском рынке имели спрос такие экспортные советские товары, как уголь, лес, рыбпродукты, морепродукты, пушнина. Однако по стоимости ввоз в СССР из Внутреннего и Северо-Восточного Китая более чем в два раза превышал советский вывоз в эти районы, т. к. главной статьей китайского импорта являлся чай, составлявший 75% общей стоимости ввоза. Контрабандный вывоз женьшеня, пантов, золота с территории советского Дальнего Востока также оказывал влияние на отставание стоимости советского экспорта в Китай от импорта из этой страны [5, с. 75–79].

Благовещенская контора Дальгосторга находилась в исключительном географическом положении – на российско-китайской границе, в непосредственной близости от китайского города Сахалана (ныне г. Хэйхэ провинции Хэйлунцзян). Это давало прямые выходы на китайские рынки и значительно ускоряло ход торговых операций, расширяло возможности экспорта и импорта. Среди экспортных позиций Благовещенской конторы Дальгосторга были: рыба соленая, сахар, веревка, керосин, мыло, мельничное оборудование, сельхозмашины, морская капуста, папиросы, сигареты, спички и т. д. У торговых агентов были налажены обширные связи среди китайских купцов на правой стороне Амура, а также с рядом иностранных (не китайских) фирм, в т. ч. с фирмой «Кунст и Альберс». Всего в Благовещенской конторе Дальгосторга в 1928 г. действовало 8 агентств и 270 агентов. Досмотр экспортных товаров Дальгосторга осуществлялся таможенным сотрудником, которого специально вызывали из ближайшего таможенного пункта не позже 3-х дней до вывоза товаров [6, л. 20, 100].

Особое внимание Дальгосторг уделял заготовке на территории советского Дальнего Востока пушнины и последующей ее реализации на китайской стороне. Так, на 1929/30 операц. год Дальгосторг запланировал закупить пушнины на 2300 тыс. руб., причем для Благовещенской конторы контрольные цифры заготовки были наиболее высоки – требовалось закупить пушнины на 620 тыс. руб. Для сравнения, Владивостокской конторе вменялось в обязанность заготовить пушнины на 580 тыс. руб., Читинской – на 475 тыс. руб., Николаевской – на 350 тыс. руб., Сретенской – на 175 тыс. руб., Хабаровской и Сахалинской – на 50 тыс. руб. каждой [4, л. 84–84 об.].

Однако торговля пушниной в Хэйхэском округе, как и по всей Маньчжурии и Монголии, находилась большей частью в руках иностранных (английских и американских) пушных и сырьевых фирм. Они обладали солидными оборотными средствами и имели преимущество перед китайскими фирмами в том, что пользовались правом экстерриториальности – не платили местного 16%-ного налога и работали на мировые пушные рынки. Из иностранных фирм в Сахалине действовали:

- Английская фирма «Бидерман», имела отделения в г. Мохэ, Хумахэ, Уюнь;

- Англо-сибирская компания «Роберт Смит» (бывшая русская фирма «Швецовы»);

- Русская фирма под американским флагом «Тонконогов», головное отделение находилось в Харбине;

- Американская фирма «Якобсон»;

- Фирма «Топаз» (позже переименованная в Юн-Син-Дэ).

Участие китайских фирм в пушной торговле на Сахалинском рынке было невелико, в основном они обслуживали внутренний рынок – Мукден и Харбин. Что касается иностранных фирм, то в 1924/25 операц. году они закупили пушнины, по подсчетам Дальгосторга, на сумму 250–300 тыс. даянов¹, в том числе фирма «Бидерман» закупила пушнины на 100 тыс. даянов, фирма «Тонконогов» на 90 тыс. долларов, фирма «Роберт Смит» – на 30 тыс. даянов [7, л. 20–21]. Тем не менее в 1927/28 операц. году прибыль Благовещенской конторы Дальгосторга от покупки и последующей реализации пушнины составила почти 2 тыс. амер. долларов [6, л. 216 об.].

Согласно циркуляру Дальневосточного отделения Главного Таможенного Управления от 5 января 1929 года, таможи Дальневосточного края (ДВК) (образованного вместо упраздненной ДВО в январе 1926 года) должны были передавать всю конфискованную пушнину местным филиалам Дальгосторга. Сдача пушнины производилась за наличный расчет, причем Дальгосторг к стоимости пушнины выплачивал таможням дополнительно 20%. Эта надбавка шла непосредственно задержателям – таможене, пограничной охране или Объединенному государственному политическому управлению (ОГПУ) [6, л. 83].

Отдельной статьей работы Дальгосторга была скупка шлихового и лигатурного золота. Благовещенская контора Дальгосторга занималась скупкой золота на территории от Сахалина до Лахасусу. Золото приобреталось по цене 8 даянов 80 центов за золотник, а Союззолоту сдавалось по 9 руб. за золотник. Кажущаяся большая разница в цене (при курсе даяна по Госбанку 0,65) практически нивелировалась, т.к. операции по скупке золота контора проводила в обмен на советские промтовары, реализуемые за границей с убытком до 45%.

Операции Благовещенской конторы по скупке золота следует охарактеризовать как низкодоходные, что обусловило постепенное снижение интереса торговых агентов к проведению подобных операций. В связи с этим управляющий «Союззолотом» Глинских в своих записках управляющему Благовещенской

конторой Дальгосторга заявил о повышении закупочных цен на золото 1000 пробы до 9 руб. за золотник с 1 января 1929 г. и настаивал на продолжении активного круглогодичного сотрудничества Благовещенской конторы с китайскими фирмами [8, л. 4]. За декабрь-февраль 1928/29 г. при осуществлении таких сделок Дальгосторг получил золота 14686 зол. 26 долей, при средней стоимости одного золотника 8,6 даян. При этом с февраля 1929 г. вся переписка по скупке золота в Сахалине Благовещенской конторой Дальгосторга была изъята из общего делопроизводства и засекречена [6, л. 92]. Следует отметить, что многие операции Благовещенской конторы Дальгосторга, в частности, операции с черными грибами, проходили по книгам Дальгосторга лишь частично, вследствие чего объемы экспорта и импорта нельзя считать абсолютно точными.

При дешевизне рабочей силы в Китае и низком спросе на советские товары, золото все же оставалось наиболее ценной валютой, при реализации товаров на золото Дальгосторг имел наименьший % убыточности. Сбыт советских промтоваров приносил ощутимую прибыль только тогда, когда осуществлялся с продуктами охоты, пользовавшимися на китайских рынках огромным спросом, – рогами и хвостами марала и изюбря. Так, в 1928/29 г. потребность китайского рынка в рогах марала выразилась в сумме 250 тыс. руб., в рогах пятнистого оленя – в сумме 150 тыс. руб., хвостов изюбря – в сумме 50 тыс. руб. [9, л. 45–46]. Эти товары (а также струю изюбря, струю кабарги, медвежью желчь, крабы, трепанги, древесные грибы, керосин) называли «проводниками». При реализации промтоваров вместе с «проводниками» (в соотношении 40% к 60%) в обмен на золото Дальгосторг получал ощутимую выгоду (минимум в два раза), поэтому Благовещенская контора Дальгосторга стремилась заготовить это сырье в максимально возможном количестве, зачастую игнорируя требование тарифного таможенного комитета, согласно которому, к примеру, панты должны были быть добыты только в соответствующем пантовом хозяйстве, а не путем охоты [6, л. 35].

Все иностранные торговые партнеры Благовещенской конторы Дальгосторга настаивали на расширении экспорта с советской территории товаров-«проводников», иные товары их практически не интересовали. Как отмечали в своих записках руководители Благовещенской конторы, ее экспортные возможности могли бы быть расширены, при условии распродажи товаров через Сахалин и районы прилегающие к нему, однако, как считала Благовещенская контора, реализации этих планов мешала сложившаяся практика продажи совторгпредством товаров-«проводников» с территории советского Дальнего Востока в Южный Китай через Тяньцзинь, минуя Сахалин [8, л. 1–2 об.]. Сделки, заключенные Благовещенской конторой Дальгосторга самостоятельно, сразу сворачивались. Так, сделка Дальгосторга с сахалинским купцом Суй-поу-вян о закупке у последнего партии сивушного масла для последующего экспорта в Японию окончилась

убытком в 8 тыс. даян – именно такую сумму задатка получил китайский купец, но поставки масла были запрещены по указанию головной конторы Дальгосторга [6, л. 216 об.].

На самом деле, рынок Сахалина и прилегающих к нему районов был беден, населен недостаточно и, как следствие, малоплатежеспособен. Все население состояло из мелких торгашей и незначительной части средних крестьян. Устойчивый спрос на черные грибы и керосин и достаточно быстрые обороты с этими товарами объяснялись их относительной дешевизной, возможностью закупок их мелкими партиями и за любые суммы. Что же касается сельскохозяйственных, тракторов и мельничного оборудования, то среди китайских крестьян наблюдался постоянный интерес к этим товарам, но крестьяне не имели и десятой доли наличности, чтобы купить их. Свободный капитал большинства сахалинских купцов не превышал 1 тыс. даян, и если им встречалась партия выгодного товара на большую сумму, нередко несколько купцов временно объединялись для совершения операции [9, л. 24–24 об.]. Наиболее крупными торговыми партнерами Благовещенской конторы Дальгосторга в Сахалине были китайские фирмы Бао-сын-дуна и Фын-тай-хао. Фирма Бао-сын-дуна представляла собой фирму с крупным капиталом, осуществлявшую крупные экспортно-импортные операции, а фирма Фын-тай-хао была более мелкой и вела торговлю исключительно комиссионными товарами. В 1927/28 г. Благовещенской конторой Дальгосторга было реализовано товаров в Китае на сумму 84 тыс. руб., из этой суммы фирмам Фын-тай-хао и Бао-сын-дуна было продано товаров на сумму 51 тыс. руб. [6, л. 205–206]. Полные данные о количестве и ассортименте товаров, проданных в 1928/29 г.

Благовещенской конторой Дальгосторга китайским фирмам в Сахалине, отражены в таблице 1.

Как свидетельствуют данные таблицы, реализация практически всех наименований товаров была убыточной, кроме хвостов изюбря и струи кабарги. От операций в Сахалине Благовещенская контора Дальгосторга потерпела убытки в сумме более чем 24 тыс. руб., прибыль от продажи собственных товаров составила только 233,04 руб. Среди причин столь серьезных убытков можно выделить: частые кадровые замены в штате Благовещенской конторы, отсутствие у торговых агентов опыта осуществления торговых операций, слабый учет товаров, отсутствие ответственных за хранение товаров, самовольная уценка товаров и бесконтрольная их раздача в качестве образцов, неурегулированность совместных действий с Благовещенской таможней. Сахалинский рынок был очень мал, там действовали только несколько крупных и средних китайских фирм. Объемы торговых операций были незначительными. При расчетах с китайскими купцами нередко отсутствовали твердые договоренности об условиях продажи комиссионных товаров, наблюдалась несогласованность в денежных и товарных расчетах, необоснованное предоставление кредитов китайским предпринимателям. В 1927/28 г. Благовещенская контора получила прибыль только от продажи китайской пушнины – в сумме 3900 руб., а также от сдачи золота – 47738 руб. [10, л. 14]. Традиционно низкими оставались объемы экспорта керосина в Сахалин, хотя китайская сторона была чрезвычайно заинтересована в экспорте керосина. Однако основная роль в данных экспортных операциях принадлежала Нефтесиндикату, имевшему своего представителя в Сахалине. Между Дальгосторгом и Нефтесиндикатом

Таблица 1.

**Экспорт Благовещенской конторы Дальгосторга китайским фирмам
в Сахалине в 1928/29 операционном году**

Наименование товаров	Себестоимость (руб.)	Продажная стоимость (руб.)	Результат (руб.)	
			Прибыль	Убыток
Сахар	3460.42	1953.09		1507.33
Рыба, масло	534.29	344.12		190.17
Панты	16521.41	11552.35		4969.06
Пушнина	5181.11	4101		1080.11
Хвосты изюбря, струя кабарги	3245.40	3479.44	233.04	
Черный гриб	8139.22	6529.70		1609.52
Гриб	10984.95	7311.70		3673.25
Спички	678.52	321.75		356.87
Орехи	182.70	114.40		68.30
Икра паюсная	655.57	449.59		205.98
Сельхозмашины	1023.25	816.00		207.25
Прочие товары	717.24	454.94		262.20
ИТОГО	51.325-08	37.428-08	233.04	14.130-04

Примечание. Таблица приведена по: ГАО. Ф. Р-761. Оп. 1. Д. 9. Л. 206.

шел постоянный спор о том, какая компания должна заниматься сбытом керосина на китайском рынке. Фактически же к середине 1920-х гг. на маньчжурском рынке господствовал американский керосин компании «Стандарт Ойл», имевшей в Маньчжурии свыше 370 агентств. Для удобства ведения нефтепромышленного бизнеса агентства негласно поделили Маньчжурию на три района с центрами в Дайрене, Мукдене и Харбине.

Что касается импорта, то в 1927/28 г. Благовещенской конторой Дальгосторга было импортировано из Сахалана золота на 133 тыс. руб., пушнины на 33 тыс. руб. (была реэкспортирована), муки на 25 тыс. руб., пшеницы на 254 тыс. руб. Муку и пшеницу также планировалось направить на реэкспорт, но в связи с сильным наводнением в Приамурье в 1928 г. эти товары были реализованы на внутреннем рынке [10, л. 1 об.].

В общем же, летом 1929 г. в приамурских селах проблема обеспечения продовольствием стояла особенно остро, т.к. в связи с наводнением 1928 г. муки до следующего урожая не хватило, а кооперация не могла в достаточной мере снабдить крестьян мукой и другими продуктами. В июле 1929 г. Дальгосторг приобрел на китайской стороне 100 пудов муки-крупчатки по 4 руб. за пуд, 300 пудов картофеля по 1 руб. за пуд. и организовал их продажу в приграничных селах Амура на советской стороне – муки по 9 руб. за пуд, картофеля по 3 руб. за пуд, чем вызвал недовольство крестьян. Не имея возможности приобрести продовольствие по ценам Дальгосторга, крестьяне стали нелегально сдавать китайским коммерсантам соленую кету, получая в обмен на пуд рыбы пуд китайской муки [9, л. 58]. Тем же летом 1929 г. население приграничных амурских сел, получая в потребкооперации в неограниченном количестве соль, продавало ее контрабандным путем на китайскую сторону, что срывало план Дальгосторга по торговле солью с Китаем. В связи с этим уполномоченные Наркомторга ограничили продажу соли населению [11, с. 53-54].

Во время конфликта на КВЖД летом 1929 г. китайскими властями было закрыто торгпредство СССР в Китае, а также отделения Госторга, Текстильсиндиката, Нефтесиндиката и Совторгфлота. Торговые связи советских организаций с крупнейшими китайскими фирмами Шанхая, Тяньцзиня, Ханькоу, Гуанчжоу были нарушены. Проекты по созданию смешанных советско-китайских торговых обществ,

разработанные представителями крупного китайского торгового капитала, реализованы не были. Экспорт Китая в СССР в 1930 г. упал до 55,4 млн тамож. лянгов (в 1928 г. он составил 89,7 млн тамож. лянгов), а общий объем советско-китайского товарооборота снизился в 1930 г. до 74 млн тамож. лянгов (в 1928 г. он составил 108 млн тамож. лянгов) [12, с. 427].

Арест нескольких десятков китайцев в Благовещенске летом 1929 г. оказал негативное влияние на взаимодействие благовещенских агентов с китайскими фирмами. Хэйхэсин даоинем (начальником округа Хэйхэ) было временно аннулировано выданное разрешение на ввоз советских товаров на сумму 250 тыс. руб. [6, л. 28 об.]. Китайские фирмы Сахалана, однако, не прекратили торгового сотрудничества с Дальгосторгом. После заключения Хабаровского протокола торговые отношения между дальневосточными советскими торговыми организациями Дальгосторг и Экспортхлеб и китайскими фирмами, действовавшими в приграничных районах Северо-Восточного Китая, продолжались. В 1930 г. были открыты торговые агентства Дальгосторга в с. Полтавка (осуществляло коммерческие операции в районе Санчагоу), и в г. Имане (работало с фирмами в округе г. Хулинь) [5, с. 112]. Однако в 1931 г. деятельность Дальгосторга была прекращена, и экспортно-импортные операции Благовещенской конторы также были свернуты.

Итак, в 1920-е годы Благовещенское отделение Дальгосторга являлось одним из звеньев в советской дальневосточной торговле с Китаем. Находясь непосредственно на советско-китайской границе – в г. Благовещенске напротив китайского Сахалана – Благовещенская контора осуществляла экспортно-импортные торговые операции с Северо-Восточным Китаем. Несмотря на имеющиеся недостатки в работе, деятельность Благовещенской конторы представляла собой прямой выход на рынки и внесла свой вклад в развитие советско-китайских приграничных торговых связей в 1920-е годы, хотя объемы операций были небольшими вследствие малозаселенности и слабой промышленной базы как Северо-Восточного Китая, так и Дальнего Востока России. В следующее десятилетие, с обострением международной обстановки в дальневосточном регионе, советское правительство выбрало приоритетным обеспечение безопасности советских дальневосточных территорий, и советско-китайская приграничная торговля была прекращена практически на полувековой период.

Примечания

¹ Даян – китайская серебряная монета, чеканенная с 1892 г., 900 (или 890) пробы. В 1928 г. 1 даян = 0,8 иены.

Литература и источники

1. Дунбэйцзинци ши луньвэньцзи (Сборник статей по истории экономики Северо-Восточного Китая). Т. 2. Харбин: Хэйлунцзян жэньминь чубаньшэ, 1984. 252 с.
2. Внешняя торговля и экспортные возможности Дальневосточного края: сборник статей / под ред. М.Я. Кауфмана, Ф.И. Андрианова, А.Д. Гачечиладзе. М.: Изд-во Наркомторга и ЭКО Дальнешторга, 1926. 152 с.
3. Цуканов С.С. Деятельность Дальневосточного революционного комитета и его роль в развитии региона (1922–1926 гг.). Хабаровск: Хабаровский пограничный институт ФСБ России, 2011. 178 с.

4. Государственный архив Амурской области (ГААО). Ф. Р-761. Оп. 1. Д. 10.
5. Сладковский М.И. История торгово-экономических отношений народов России с Китаем (1917–1974). М.: Наука, 1977. 367 с.
6. ГААО. Ф. Р-761. Оп. 1. Д. 9.
7. ГААО. Ф. Р-761. Оп. 1. Д. 13.
8. ГААО. Ф. Р-761. Оп. 1. Д. 11.
9. ГААО. Ф. Р-761. Оп. 1. Д. 9а.
10. ГААО. Ф. Р-376. Оп. 2. Д. 82.
11. Залесская О.В. Государственная торговля советского Дальнего Востока с Северо-Восточным Китаем в 1920-е гг. // Проблемы Дальнего Востока. 2008. №3. С. 43–57.
12. Мэн Сяньчжан. Чжун Су маои ши цзыляо (Материалы по истории китайско-советской торговли). Пекин: Чжунго дуйвай цзинцзи маои чубаньшэ, 1991. 654 с.

References

1. 东北史论文集 [Collection of articles on the history of the economy of Northeast China]. 下册. 哈尔滨: 黑龙江人民出版社, 1984. 252页 (in Chinese).
2. *Vneshnyaya trgovlya i eksportnye vozmozhnosti Dal'nevostochnogo kraya* [Foreign trade and export opportunities of the Far Eastern Krai]. Collection of articles, M.Ya. Kaufman, F.I. Andrianov, A.D. Gachechiladze (eds.). Moscow, Publishing house of Narkomtorg and Dalvneshtorg, 1926, 152 p. (in Russian).
3. Tsukanov S.S. *Deyatel'nost' Dal'nevostochnogo revolyutsionnogo komiteta i ego rol' v razviti regiona (1922–1926)* [The activities of the Far Eastern revolutionary committee and its role in the development of the region]. Khabarovsk, Khabarovsk Frontier Institute FSB of Russia Publ., 2011, 178 p. (in Russian).
4. *Gosudarstvennyi arkhiv Amurskoi oblasti (GAAO)* [State Archive of the Amur Region], f. P-761, op. 1, d. 10 (in Russian, unpublished).
5. Sladkovsky M.I. *Istoriya trgovno-ekonomicheskikh otnosheniy narodov Rossii s Kitaem (1917–1974)* [The history of trade and economic relations between the peoples of Russia and China (1917–1974)]. Moscow, Nauka Publ., 1977, 367 p. (in Russian).
6. *Gosudarstvennyi arkhiv Amurskoi oblasti (GAAO)* [State Archive of the Amur Region], f. P-761, op. 1, d. 9 (in Russian, unpublished).
7. *Gosudarstvennyi arkhiv Amurskoi oblasti (GAAO)* [State Archive of the Amur Region], f. P-761, op. 1, d. 13 (in Russian, unpublished).
8. *Gosudarstvennyi arkhiv Amurskoi oblasti (GAAO)* [State Archive of the Amur Region], f. P-761, op. 1, d. 11 (in Russian, unpublished).
9. *Gosudarstvennyi arkhiv Amurskoi oblasti (GAAO)* [State Archive of the Amur Region], f. P-761, op. 1, d. 9a (in Russian, unpublished).
10. *Gosudarstvennyi arkhiv Amurskoi oblasti (GAAO)* [State Archive of the Amur Region], f. P-376, op. 2, d. 82 (in Russian, unpublished).
11. Zaleskaya O.V. *Gosudarstvennaya trgovlya sovetskogo Dal'nego Vostoka s Severo-Vostochnym Kitaem v 1920-e gg.* [State trade of the Soviet Far East with Northeast China in the 1920s]. *Problemy Dal'nego Vostoka* [Problems of the Far East], 2008, no. 3. pp. 43–57 (in Russian).
12. 孟宪章中苏贸易史资料 [Materials on the history of Sino-Soviet trade]. 北京: 中国对外经济贸易出版社, 1991. 654页 (in Chinese).

УДК 94

TATIANA ALEKSANDROVNA ORNATSKAYA

Ph.D. in History, Doctoral Student

Far Eastern Federal University

680000, Russian Federation, Khabarovsk, ul. Lenina, 40–58.

E-mail: ota12@ya.ru

The formation and development of school-course training of lawyers in the Far East in 1922–1941

The article highlights a challenging period of legal training of staff of the Soviet organs of justice and the Prosecutor's office in the Far East. The author explores the period of the final stage of the existence of a buffer state – Far Eastern Republic – to the beginning of the Great Patriotic War. The Central objective of the article is to study the transformation of the essence of the educational process associated with the improvement of the legal field of the Russian Soviet Federative Socialist Republic in the studied period. The study clearly shows that in the 1920–1930s the formation of legal education took place. Normative regulation of the learning process was started only in the 1925, the article concludes that the remoteness of the Far Eastern region, the lack of qualified faculty, financial constraints, shortage of personnel at the grass-roots units of the judiciary and prosecutors hampered the formation of a system of judicial training in the region.

Keywords: Far East, justice, legal education, teaching, teaching process, syllabus, courses, training by correspondence.

ТАТЬЯНА АЛЕКСАНДРОВНА ОРНАЦКАЯ

Кандидат исторических наук, докторант

Дальневосточного федерального университета.

680000, Россия, Хабаровск, ул. Ленина, 40–58.

Тел.: +7 (924) 205-91-52, e-mail: ota12@ya.ru

Статья освещает сложный период становления юридической подготовки сотрудников советских органов юстиции и прокуратуры на Дальнем Востоке. Автор исследует период завершающего этапа существования буферного государства – Дальневосточной республики – до начала Великой Отечественной войны. Центральной задачей статьи является изучение трансформации сущности учебного процесса, связанной с усовершенствованием правового поля РСФСР в изучаемый период. Проведенное исследование наглядно показывает, что в 1920–1930-х гг. шло становление правового образования. Нормативная регламентация учебного процесса была начата лишь в 1925 г. В статье сделан вывод, что удаленность дальневосточного региона, нехватка квалифицированного преподавательского состава, финансовые трудности, кадровый голод в низовых подразделениях органов юстиции и прокуратуры затрудняли формирование системы подготовки юридических кадров в регионе.

Ключевые слова: Дальний Восток, юстиция, юридическое образование, обучение, учебный процесс, учебный план, курсы, заочная подготовка.

Становление и развитие школьно-курсового обучения юристов на Дальнем Востоке в 1922–1941 гг.

Октябрьская революция 1917 г. провозгласила одной из своих целей слом государственного строя Российской империи и создание принципиально нового государства, началось формирование социальных институтов во многом противоречащих традициям предыдущих столетий. Новая власть, открыто заявлявшая о своей классовой и коммунистической направленности, давала системе образования «заказ»: подготовить всесторонне развитого человека, поддерживающего коммунистические идеи и готового строить в стране социализм.

В период Гражданской войны в дальневосточном регионе находилось большое количество специалистов-правоведов, получивших подготовку в вузах

Российской империи. Так как создание органов юстиции Дальневосточной республики (далее – ДВР) не предполагало обязательного наличия правового образования у их сотрудников, специалисты «старой школы» призывались для работы в судебно-следственных учреждениях. Специальная юридическая подготовка или переподготовка сотрудников органов дальневосточной юстиции в 1917–1921 гг. не проводилась.

Успехи Народно-революционной армии ДВР предопределили воссоединение региона с РСФСР. Руководству государственных учреждений буферной республики становилась очевидной проблема интеграции в правовое поле Советской России. Поэтому

летом 1922 г. руководство суда буферной республики разработало и направило председателям окружных судов программу проведения занятий с сотрудниками учреждений юстиции ДВР. В августе 1922 г. прокурор Забайкальской губернии П.А. Васильев, разработав проект положения и смету, инициировал создание в Чите курсов для народных следователей и судей [1, л. 2], [2]. Учебный план курсов включал 450 часов аудиторных занятий (табл. 1).

Таблица 1.

**Учебный план курсов
для народных следователей и судей
(август 1922 г, г. Чита)**

Учебная дисциплина	Количество часов
Общеобразовательные предметы	18
Исторический материализм	12
Уголовное право	72
Уголовный процесс	72
Гражданское, трудовое и земельное право	124
Общая теория права – государственное право	42
Гражданский процесс	72
Судоустройство РСФСР	4
Судебная медицина	12
Административное право РСФСР	22
Всего	450

Изучение дисциплин проходило методом погружения. В первую неделю занятий проводились лекции по теории права и судебной медицине, со второй добавлялись гражданское право и гражданский процесс, уголовное право и процесс, а также административное и государственное право. Занятия проводились ежедневно по 3 часа с 18 до 21 часа. Академический час составлял 40 минут, поэтому лекции читались парами. На занятиях с группой преподаватели моделировали проведение судебных заседаний, обучали курсантов составлению протоколов, актов судебно-медицинского вскрытия и т.д. Знания проверялись на зачетах, предусмотренных по каждой учебной дисциплине. В середине апреля 1923 г. прошли выпускные экзамены. Комиссия заслушала 48 курсантов, не имевших академической задолженности. Экзамены по уголовному праву и уголовному процессу, гражданскому праву и гражданскому процессу сдали на удовлетворительные оценки все выпускники [3, л. 29–34], [4, с. 19].

В это же время руководство дальневосточного суда разработало и направило председателям окружных судов программу проведения занятий с сотрудниками учреждений юстиции ДВР. Цикл обучения состоял из 16 тем, затрагивавших изучение основных отраслей советского права. На лекциях освещались основные положения Конституции РСФСР, законодательства о судоустройстве, вопросы уголовного

права и процесса, а также Земельного и Лесного кодекса РСФСР [5, л. 10–13].

Курсы для административных работников органов низовывались сотрудниками МВД ДВР и являлись 3-месячными. На них обучающиеся изучали «общие сведения из области права, основные законы ДВР и РСФСР, центральные и местные правительственные установления» [6, л. 9].

Осенью 1922 г. на заседаниях Дальневосточного бюро ЦК РКП (б) обсуждались вопросы дальнейшей пролетаризации судебных органов, «чистки» аппарата учреждений юстиции, а также предложения прокурора Забайкалья П.А. Васильева об открытии курсов судебных работников в Благовещенске и Владивостоке [7, л. 1–38], [8, л. 4], [9, л. 61–64]. Однако вхождение Дальнего Востока в состав РСФСР отложило эти начинания.

Проведение в стране новой экономической политики способствовало возрождению рыночного обмена и кооперации, развитию банковской сети, росту количества финансовых учреждений и нотариальных контор. Увеличение внутригосударственных финансово-экономических сделок провоцировало, с одной стороны, расширение следственного аппарата и судебных структур, а с другой – обнажало несовершенство законодательной базы, нуждавшейся в коренной переработке действовавших нормативных правовых актов. Освобождение от устаревших правовых норм выразилось в проведении кодификации советского законодательства в первой половине 1920-х гг. Реформирование системы права способствовало повышению роли советских юридических кадров и сокращению потребности в специалистах, получивших образование до революции. В мае 1925 г. в Москве состоялся III Всесоюзный съезд Советов СССР. Значительное внимание делегаты уделили вопросам реализации «революционной» законности. Особая роль отводилась низовым кадрам, непосредственно осуществлявшим судебно-следственную работу, которые должны были обладать необходимой квалификацией. Вот почему уже в июле 1925 г. ВЦИК направил в краевые и областные исполнительные комитеты РСФСР Положение о юридических курсах.

Согласно документу, курсы организовывались при краевых и губернских судах с целью «преподавания необходимых знаний в области права рабочим и крестьянам, выдвигаемым местными партийными и профсоюзными организациями на судебную работу». Командируемый не должен быть младше 18 лет, отслужить в армии или быть признанным негодным к службе по состоянию здоровья, грамотным и «политически идейными» [10, с. 33].

В соответствии с Положением, при органах юстиции областей и губерний образовывались юридические курсы для судебно-следственных работников. Президиум суда Забайкальской губернии в начале октября 1925 г. утвердил учебный план 6-месячных курсов (табл. 2) [11, л. 2–3, 17].

Заведующим был назначен руководитель инструкторско-ревизионного отделения отдела юстиции Забайкальской губернии Берестецкий. Занятия

Таблица 2.

Учебный план юридических курсов при забайкальском губернском суде (1925 г.)

Дисциплины	Количество часов в триместрах (план/реализовано)				Преподаватели
	1-й	2-й	3-й	Всего	
Основы марксизма и ленинизма	2/1	2/1		32/16	Пистунов
Общая теория государства и права	1/0	1/0	0/1	16/8	Дмитриев
Государственное устройство РСФСР (бюджетное и налоговое право)	0/0	1/1	1/1	16	Рубинштейн А.М.
Трудовое право	0/0	1/1	3/1	32/16	Малых или Заседателей
Уголовное право	4/2	2/1	4/2	80/40	Банк и Ушаков
Уголовный процесс	2/1	3/2	4/1	72/32	Бакшт
Хозяйственное право (частное и публичное)	6/0	5/0	2/0	104/0	
Гражданский процесс	2/1	2/1	4/2	64/32	Голишевский
Судоустройство	1/1	1/0	0/0	16/8	Берестецкий
Гражданское право, кодекс об актах гражданского состояния	0/3	0/2	0/1	0/48	Вексман и Рубинштейн М.М.
Итого	18/9	18/9	18/9	432/216	

проводились 3 раза в неделю, по вечерам, в помещениях губернского суда. Программы преподаваемых дисциплин были утверждены руководством губернского суда. Теоретическое обучение завершилось 29 апреля 1926 г. Уже с 10 мая начались выпускные испытания по марксизму и ленинизму, уголовному праву, уголовному процессу, гражданскому праву и гражданскому процессу. Межэкзаменационный период составлял 2-3 дня. В состав аттестационной комиссии были включены представители отдела образования, прокуратуры, курсантов и преподаватель экзаменуемой дисциплины. Основным методом экзамена была «товарищеская беседа», в которой ведущую роль играл предметник. Всего к сдаче экзаменов было допущено 43 чел., 24 завершили обучение с удовлетворительными оценками, а 19 чел. не прошли выпускные испытания [11, л. 153]. Однако свидетельства об окончании обучения были выданы 33 выпускникам. Интересно проанализировать количество зачисленных и завершивших обучение курсантов, исходя из источника комплектования. Суд Забайкальской губернии направил на обучение 17 чел., а завершили – 6; забайкальская прокуратура направила 9 чел., а дипломы получили только 3. На курсы губернским административным отделом было направлено 12 чел., квалифицированными специалистами стало лишь 5. Курсанты из государственного политического управления, губернского профсоюза, земельного комиссии, отдела труда, а также жилищного отдела, как не сдавшие экзамены, были отчислены [11, л. 153–158].

Аналогичные курсы в июне 1926 г. проведены Сретенской прокуратурой. Основным контингентом

стали работники уездных органов дознания. На вечерних четырехчасовых занятиях, 2 раза в неделю, изучались Конституция РСФСР, административное право, судоустройство, уголовный процесс и уголовное право, гражданское право и гражданский процесс, техника дознания, а также методы приведения в исполнение решений и приговоров [12, л. 94].

В соответствии с директивами центрального руководства о расширении системы подготовки членов суда, усилиями Дальневосточного краевого суда под руководством Д.Н. Тогоева [13, л. 40], при поддержке Дальневосточного краевого исполнительного комитета курсы открылись в январе 1927 г. в Хабаровске. Они были ориентированы на переподготовку работников низовой судебной системы, что соответствовало резолюции III Всесоюзного съезда Советов СССР. В ходе 122-часовых занятий с курсантами в форме лекций и бесед изучались гражданское и уголовное право и процесс, основы трудового, земельного и семейного права, а также судоустройство. Необходимо подчеркнуть, что ввиду недостаточности средств курсы являлись региональными, сотрудников органов юстиции из других округов Дальневосточного края привлечь не удалось. Из 38 слушателей 12 чел. направлены окружным судом Хабаровска, 6 – окружной хабаровской прокуратурой, 7 чел. – представляли военно-судебные органы, 8 чел. – от хабаровского отдела труда и еще 8 чел. – от профсоюзов. Через 3 месяца завершили обучение и успешно сдали испытания лишь 11 чел. [14, л. 9–50].

В Дальневосточном крае действовали 6-месячные курсы подготовки работников органов юстиции.

Они, рассчитанные на обучение 50 чел., сталкивались с низким уровнем подготовки абитуриентов, отсутствием учебной литературы, невысоким качеством преподавания, поэтому давали ничтожный прирост квалифицированных кадров. В конце 1933 г. курсы выпустили 6 чел., окончивших судебное отделение, а летом 1934 г. – еще 15 [15, л. 25]. Краевым советским органом была заявлена цель скорейшего, в течение ближайших 2-х лет, обучения на Высших юридических и краевых курсах всех практических работников, не имевших специальной подготовки [16, л. 13].

Летом 1936 г. народный комиссар юстиции СССР Н.В. Крыленко в своем докладе о правовом образовании отмечал, что «подготовка юристов до 1931 г. – весьма расплывчата. Характерная черта – почти полный отрыв теоретического обучения от задач органов юстиции» [17, л. 194-196]. Недостаток квалифицированных кадров побудил руководство страны в середине 1930-х гг. принять ряд важных нормативных документов в области правового образования [18, л. 8].

В крае в 1936 г. открылись 6-месячные юридические курсы подготовки рабоче-крестьянского актива численностью 60 чел.; 3-месячные курсы подготовки секретарей судов, судебных исполнителей и нотариусов с контингентом обучающихся 30 чел.; 6-месячные курсы переподготовки 35 работников надзора исправительно-трудовых учреждений, а также курсы-конференции для народных следователей. Юридические курсы были открыты во Владивостоке. Они обладали областным статусом и предполагали обучение 60 чел. [17, л. 37, 49, 79, 82].

Курсы-конференции организовывались для 100–150 чел. народных следователей. Как правило, они предназначались для сотрудников, не работавших в органах следствия или имевших стаж работы в судебных органах, но отстающих по показателям рассмотрения дел. Программы курсов составлялись на 48 аудиторных часов по 8 часов лекций в день. Основное внимание на них уделялось криминалистике, уголовному процессу и уголовному праву [19, л. 50–54]. Однако такая форма повышения квалификации не позволяла слушателям качественно усвоить

учебный материал, поэтому на Дальнем Востоке данная форма проведения занятий не прижилась.

В конце 1936 г. в Дальневосточном крае была открыта юридическая школа с годичным сроком обучения, которую возглавил Н.Р. Фесенко. Все юридические школы вели обучение по типовому учебному плану (табл. 3) [20, л. 17–18].

С 1938 г. для улучшения качества образовательного процесса было установлено ежегодное начало учебного года – с 1 сентября, полугодное расписание с недельной аудиторной нагрузкой в 30 часов [21, с. 178].

В 1938-1940 гг. НКЮ СССР издано «Положение о юридической школе», разработаны программа производственной практики, единые образцы свидетельств об окончании юридической школы, зачетные книжки. Типографским способом были изданы учебные программы по всем юридическим дисциплинам. Разработаны правила приема, программы приемных испытаний и учебный план. Опубликованы учебники по гражданскому процессу, колхозному праву, судебной статистике, уголовному праву, гражданскому праву, уголовному процессу (для вузов и школ), судостроительству (для вузов и школ), криминалистике [22, л. 2].

Учебный план юридических школ предусматривал изучение общеобразовательных и социально-экономических дисциплин, большинство из которых завершалось сдачей зачетов [20, л. 17-18]. В начале второго полугодия обучения студенты проходили производственную практику, одновременно посещая теоретические занятия. Студенты на протяжении 5 месяцев по одной пятидневке в месяц работали в судебно-прокурорских органах. Практическая подготовка составляла 150 часов, или 25 рабочих дней. Места практики определялись председателем краевого (областного) суда по договоренности с прокурором, а перечень и программа практик утверждались Управлением учебными заведениями НКЮ СССР. Положением о производственной практике были определены ее задачи: лучшее усвоение слушателями теоретических знаний, приобретение практических навыков, проверка теоретической подготовленности и практических способностей.

Таблица 3.

Выписка из учебного плана годичных юридических школ РСФСР (1936 г.)

Название учебной дисциплины	Количество часов	Форма контроля
Уголовное право	160	Итоговая аттестация
Уголовный процесс	90	Итоговая аттестация
Гражданское право	160	Итоговая аттестация
Гражданский процесс	90	Итоговая аттестация
Судоустройство	58	Зачет
Трудовое право	50	Зачет
Земельно-колхозное право	48	Зачет
Криминалистика	52	Зачет
Судебная медицина	28	Зачет
Судебная психиатрия	16	Зачет
Судебная статистика	20	Зачет

Распределением на практику занималась комиссия в составе директора юридической школы, представителя краевого (областного) суда и прокурора, а также преподавателей специальных дисциплин. Слушатель школы на период практики зачислялся в штат учреждения практикантом, но компенсации и вознаграждения не получали. Практиканты прикреплялись к ответственному и квалифицированному работнику, который определял им практические задания, подбирал необходимый для работы материал, контролировал и оценивал работу. За руководство практикантами сотруднику выплачивалась надбавка в размере 20-30% от ставки независимо от количества прикрепленных.

Учебно-методическое руководство практикой осуществляли 2-3 преподавателя юридической школы, а на руководство практикой каждому из них отводилось 150 часов. Преподаватели разрабатывали план производственной практики, проводили консультации и ежедневно выезжали к местам практик для наблюдения за практикантами. В процессе производственного обучения слушатели юридической школы заполняли индивидуальный дневник практики и составляли отчет, который заслушивала комиссия, распределявшая места проведения практик [20, л. 108–110].

За 2 месяца до завершения обучения выпускники правовых школ распределялись на места службы комиссией в составе: народного комиссара юстиции республики, представителей прокуратуры и партийных органов, а также директора школы. После получения свидетельства об образовании выпускник получал направление с указанием места работы, должности, оклада и обеспеченности жильем [23, с. 187].

В июне 1938 г. на состоявшемся в Москве всесоюзном совещании директоров правовых школ было отмечено, что общим недостатком системы школьного юридического обучения является слабое методическое обеспечение учебного процесса, отсутствие литературы и законодательства, нехватка штатных преподавателей. В ходе обмена мнениями были выработаны единые подходы к организации учебного процесса (учреждение педагогических советов и цикловых методических секций, открытие учебно-методических кабинетов), форме проведения групповых занятий (вводное слово преподавателя, практические упражнения, проверка усвояемости) и порядка распределения выпускников (директор школы совместно с представителями суда и прокуратуры подавал на утверждение НКЮ РСФСР разверстку распределения) [24, с. 99–104].

По итогам совещания в начале августа 1938 г. был издан приказ наркомата юстиции СССР, установивший единые сроки начала и окончания учебного года, учебный план, полугодовые расписания занятий, обязательную практику, порядок распределения выпускников и закрепил необходимость организации педсоветов и предметно-цикловых комиссий [22, л. 1–2]. Управлением учебными заведениями народного комиссариата юстиции СССР разработаны

и опубликованы инструктивно-методические письма о порядке подготовки конспектов слушателями на семинарских занятиях, а также о методике преподавания дисциплин [25, с. 83–84].

Введение новых требований к образовательному процессу в юридических школах повлекло их инспектирование. Осенью 1938 г. постановлением коллегии наркомата юстиции СССР работа Хабаровской юридической школы, руководил которой Дедов, была признана неудовлетворительной. В докладе народного комиссара юстиции РСФСР Я.П. Дмитриева отмечалась плохая организация учебно-методической работы, низкий уровень преподавания, несоблюдение дальневосточным руководством органов юстиции приказов НКЮ СССР о контроле качества преподавания. Перечислялись факты срывов занятий по вине преподавателей – работников прокуратуры и следствия, приводились случаи отсутствия утвержденного расписания, констатировалось отчисление за неуспеваемость более половины контингента школы. В завершении доклада был сделан вывод, что «Хабаровская школа числится действующей, но фактически она прекратила свое существование» [20, л. 43, 49], [26, л. 67, 85–86]. Юридическая школа была закрыта 8 июля 1939 г., выпустив 25 учащихся, 4 из которых завершили обучение на «отлично».

Неудачной оказалась и деятельность хабаровских курсов переподготовки работников исправительно-трудовых учреждений. В докладах наркомата юстиции о деятельности образовательного подразделения 1937 г. отмечалась недостаточность обеспечения преподавательским составом, учебными помещениями и общежитием, обучающихся было всего 25, хотя согласно плану набор должен был составить 86 чел. [27, л. 9].

25 ноября 1938 г. при хабаровской юридической школе открылись курсы, рассчитанные на подготовку 40 чел. [28, л. 184]. По завершении обучения выпускники, в соответствии с распределением, были направлены в районы края [29, л. 34].

Действовали курсы и в столице Приморского края. Их деятельность имела много нареканий со стороны руководства органами юстиции, поэтому в 1940 г. они были закрыты.

Попытку организации 6-месячных курсов для работников дальневосточного суда и прокуратуры предприняли в феврале 1940 г. в Хабаровске. Учтя предыдущий опыт, руководителем курсов назначили председателя Хабаровского краевого суда С.П. Битюкова. Курсы через 3 месяца были закрыты. В приказе начальника управления наркомата юстиции по Хабаровскому краю отмечалось, что «курсовая программа по изучению юридических дисциплин не выполнена, из 800 часов прочитано только 585. По основным дисциплинам: уголовное право, гражданское право и гражданский процесс – прочитаны только лекции по сокращенному курсу». Поэтому выпускные экзамены было решено не проводить, а выставить оценки по среднему баллу успеваемости [30, л. 181]. Проверка деятельности юридических

курсов, проведенная в 1939 г. управлением учебными заведениями НКЮ СССР, свидетельствовала о невыполнении учебного плана на 80%. Причинами являлись необеспеченность курсов учебными помещениями и общежитиями, недостаток преподавателей, недоукомплектованность курсов из-за общего недостатка кадров [28, л. 184].

Курсовая система подготовки была заменена курсами-семинарами и занятиями по повышению квалификации. Семинары проводились сначала 5, а потом и 3 дня в месяц в вечернее время. Они были обязательными для посещения народными судьями, судoisполнителями, секретарями участков и судебных заседаний, а также ревизорами и заведующими секторами управления наркомата юстиции по краю. Занятия по повышению квалификации являлись еженедельными, на них обсуждались вопросы, связанные с практической деятельностью [30, л. 177, 422]. Например, на проведенном в конце 1939 – начале 1940 гг. при Хабаровском краевом суде семинаре для народных судей, обсуждались порядок приема посетителей, оплата единой государственной пошлины, новое в реквизитах по делам и искам из договора перевозки, оформление расходно-приходных операций в народном суде, исполнение решений и приговоров и проч. [31, л. 131].

Приказом НКЮ СССР от 1 октября 1938 г. получение юридического образования для сотрудников органов юстиции стало обязательным. В документе подчеркивалось, что работники, не обучающиеся в юридических учебных заведениях или на курсах, должны обязательно учиться в юридических заочных школах. Заочные юридические школы, по выражению исследователя советского правового обучения А.Я. Козинцева, являлись «формой профанации юридического образования» [32, с. 77]. Они подчинялись наркоматам юстиции республик и находились под патронажем Всесоюзного заочного юридического института, а размещались в наиболее крупных городах. Основной их задачей было повышение квалификации практических работников органов юстиции и прокуратуры без отрыва от работы. В школы принимались работники суда, прокуратуры, нотариата и адвокаты, имевшие образование не ниже 4 классов. На вступительных экзаменах

абитуриенты сдавали арифметику и русский язык. Каждое полугодие проводились 30-дневные сессии, студентам предоставлялся оплачиваемый отпуск, а иногородним – жилье и возмещалась стоимость проезда. Административный штат школы включал в себя директора и его заместителя по учебной части, а преподавательский состав специальных дисциплин мог быть только с высшим юридическим образованием [21, с. 178–180], [33]. Для повышения качества самостоятельной подготовки слушателей наркомат юстиции СССР разрабатывались и выпускались методические материалы [34].

Открытие заочной юридической школы стало еще одним способом повышения профессионального уровня сотрудников органов юстиции региона. С сентября 1940 г. по ноябрь 1941 г. она действовала в Хабаровске. После ее ликвидации обучение краевых студентов было передано в ведение отдела кадров наркомата юстиции по Хабаровскому краю [30, л. 260], [35, л. 144–145, 346]. Основной формой обучения студентов являлась самостоятельная работа, выполнение письменных заданий. Организация учебного процесса предусматривала проведение установочных лекций, аудиторных занятий, консультаций и экзаменационных сессий, организуемых 1-2 раза в год продолжительностью 30 учебных дней. В помощь студентам централизованно был издан «Сборник методических указаний к письменным работам для слушателей заочных юридических школ». В пособии в доступной для студентов форме раскрывались методика работы с учебником, правила составления конспектов, порядок подготовки контрольной работы, а также тематика контрольных работ по всем изучаемым дисциплинам. К каждой теме изучаемых дисциплин имелся развернутый план-конспект, отражавший основные вопросы, а также список литературы (табл. 4) [34].

На наш взгляд, необходимо отметить, что на состоявшихся в августе 1940 г. Всесоюзном совещании директоров юридических школ и в январе 1941 г. Всесоюзном совещании заведующих учебной частью констатировалась «оторванность преподавания от практики», недостаточность обеспечения учебными пособиями, слабая работа предметно-цикловых комиссий, действовавших в юридических школах.

Таблица 4.

Тематика письменных работ для студентов заочной юридической школы (1940 г.)

<i>Советское государственное право</i>	
Тема 1. Избирательная система СССР	
Тема 2. Основные права и обязанности граждан по Сталинской Конституции	
Тема 3. Высшие органы государственной власти СССР, союзных республик и автономных республик	
<i>Судоустройство</i>	
Тема 1. Функции НКЮ СССР по действующему законодательству	
Тема 2. Организационные принципы построения суда по Сталинской Конституции	
Тема 3. Советская адвокатура	
Тема 4. Советская прокуратура	
Тема 5. Народный суд	

<i>История ВКП (б)</i>
Тема 1. Борьба В.И. Ленина против народничества и легального марксизма Тема 2. Партия большевиков в период империалистической войны Тема 3. Основные решения XIV партийной конференции и курс на индустриализацию СССР Тема 4. Партия большевиков в борьбе за коллективизацию сельского хозяйства и ликвидацию кулачества как класса Тема 5. XVIII съезд партии о построении коммунизма в одной стране
<i>Советское гражданское право</i>
Тема 1. Лица физические в советском гражданском праве Тема 2. Право личной собственности Тема 3. Договор купли-продажи в советском гражданском праве Тема 4. Защита прав и интересов ребенка по советскому гражданскому праву Тема 5. Наследование по советскому гражданскому праву
<i>Советское уголовное право</i>
Тема 1. Стадии развития преступной деятельности Тема 2. Преступление против общества, социалистической собственности Тема 3. Преступления против личности Тема 4. Преступления против личной собственности Тема 5. Должностные преступления
<i>Советский уголовный процесс</i>
Тема 1. Права обвиняемого на предварительном и судебном следствии в советском уголовном процессе Тема 2. Предание суду в советском уголовном процессе Тема 3. Роль защиты в советском уголовном процессе Тема 4. Приговор в советском уголовном процессе Тема 5. Обжалование приговора в советском уголовном процессе
<i>Советский гражданский процесс</i>
Тема 1. Подведомственность и подсудность гражданских дел Тема 2. Доказательства в советском гражданском процессе Тема 3. Судебное решение Тема 4. Законная сила судебного решения Тема 5. Обжалование в советском гражданском процессе Тема 6. Пересмотр решения по вновь открывшимся обстоятельствам Тема 7. Исполнение судебного решения
<i>Советское колхозное право</i>
Тема 1. Колхозная собственность и организация колхозных фондов Тема 2. Право землепользования колхозов и колхозных фондов Тема 3. Членство в колхозах
<i>Советское трудовое право</i>
Тема 1. Социалистический трудовой договор Тема 2. Регулирование условий труда женщин и охрана материнства в советском трудовом законодательстве Тема 3. Социалистическая трудовая дисциплина Тема 4. Инспекция труда Тема 5. Порядок разрешения трудовых споров

Несмотря на эти негативные факторы, с 1935 по 1940 г. юридические школы СССР подготовили 11495 специалистов, в то время как вузы за 10 лет своей деятельности выпустили лишь 5103 специалиста в области права (табл. 5) [16, л. 189–190], [22, л. 1–3, 7, 8].

Традиционный для комплектования кадров подход, основанный на принципе профессионализма, в Советской России был замещен принципом «сле-

дования идеалам марксизма», классовым подходом и наличием у предполагаемого сотрудника навыков организационной работы. К середине 1920-х гг. подготовка правоведов была «поставлена на службу» марксистским идеалам государства. Основой обучения стала курсовая подготовка, которая, ввиду занятости направляемых для обучения специалистов, осуществлялась в условиях временных ограничений. Действовавшие на Дальнем Востоке курсы, как прави-

**Динамика роста контингента обучающихся, получающих юридическое образование
(данные по СССР)**

Обучаемые Учебные заведения	1932	1933	1934	1935	1936
Юридические институты	1131	1276	1675	2039	2578
Правовые школы	226 8	516 16	685 19	2090 29	3000 32
6 мес. курсы	329 14	405 15	1122 28	1600 37	2400 37
3 мес. курсы секретарей и судебных исполнителей			129	675	675

ло, организовывались для специалистов, не имевших юридического образования. Сокращенные сроки обучения обуславливали логику образовательного процесса. Желание руководства органами юстиции обеспечить обучаемых практическими навыками давало отрицательные результаты, что было связано с отсутствием у курсантов общих правовых знаний.

Изменение к середине 1930-х гг. государственной политики в сфере правовой подготовки сотрудников органов юстиции способствовало формированию сети школьного обучения. Лишь в этот период на-

чалась централизованная разработка и утверждение учебных планов и программ, издание учебников и учебных пособий, инструкций о порядке ведения образовательного процесса и контроля качества преподавания. Однако характерными для Дальнего Востока оставались проблемы отсутствия преподавательского состава, неуккомплектованности курсов из-за общей нехватки кадров, слабого материального обеспечения. Поэтому реализация школьной и курсовой подготовки кадров для органов юстиции региона была затруднена.

Литература и источники

1. Государственный архив Забайкальского края (ГАЗК). Ф. Р-27. Оп. 1. Д. 170.
2. Дальневосточный путь. 1922. 21 окт.
3. Российский государственный исторический архив Дальнего востока (РГИА ДВ). Ф. Р-2460. Оп. 2. Д. 14.
4. Еженедельник советской юстиции. 1923. №24.
5. Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). Ф. П-2. Оп. 3. Д. 115.
6. ГАХК. Ф. Р-19. Оп. 1. Д. 84.
7. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 372. Оп. 1. Д. 568.
8. РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 583.
9. ГАЗК. Ф. Р-27. Оп. 1. Д. 177.
10. Латышева Н.А. Формирование системы отечественного судебного делопроизводства в период 20-х гг. XX в. // История государства и права. 2015. №7. С. 38–43.
11. ГАЗК. Ф. Р-11. Оп. 3. Д. 85.
12. РГИА ДВ. Ф. Р-2460. Оп. 1. Д. 298.
13. ГАХК. Ф. Р-58. Оп. 11. Д. 81.
14. ГАХК. Ф. П-2. Оп. 2. Д. 247.
15. ГАХК. Ф. П-2. Оп. 28. Д. 74.
16. ГАХК. Ф. П-2. Оп. 2. Д. 71.
17. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-9492. Оп. 1. Д. 2034.
18. ГАХК. Ф. Р-819. Оп. 1. Д. 6.
19. Тарасов-Родионов П.И. Повышение квалификации народных следователей // Социалистическая законность. 1936. №11. С. 50–54.
20. ГАРФ. Ф. Р-9492. Оп. 1. Д. 2060.
21. Кукар А.А. Правовые основы подготовки работников юстиции в системе НКЮ СССР (вторая половина 30-х годов XX века) // Право и образование. 2003. №4. С. 175–187.
22. ГАРФ. Ф. Р-9492. Оп. 1. Д. 2053.
23. О мероприятиях по улучшению работы правовых школ системы НКЮ СССР: приказ НКЮ СССР от 8 августа 1938 г. №71 // Сборник приказов прокуратуры Союза ССР, действующих на 1 декабря 1938 г. / сост.: Д.И. Орлов, Б.И. Солерс; под ред.: А.Я. Вышинского. М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1939. 279 с.
24. Всесоюзное совещание по вопросам юридического образования // Социалистическая законность. 1938. №7. С. 99–101.
25. Козинцев А.Я. Среднее юридическое образование в системе органов юстиции СССР в 30-е годы XX века // Среднее профессиональное образование. 2007. №9. С. 83–84.
26. ГАРФ. Ф. Р-9492. Оп. 1. Д. 2057.

27. ГАРФ. Ф. Р-9492. Оп. 1. Д. 2041.
28. ГАРФ. Ф. Р-9492. Оп. 1. Д. 2099.
29. ГАХК. Ф. Р-1399. Оп. 1. Д. 2.
30. ГАХК. Ф. Р-1399. Оп. 1. Д. 4.
31. ГАХК. Ф. Р-1399. Оп. 1. Д. 3.
32. Козинцев А.Я. Заочное юридическое образование в системе органов юстиции СССР в 30-е годы XX века // Научные исследования в образовании. 2007. №6. С. 74–79.
33. Положение о заочных юридических школах. М.: Юридическое издательство НКЮ СССР, 1940. 10 с.
34. Сборник методических указаний к письменным работам для слушателей заочных юридических школ. М.: Юридическое издательство НКЮ СССР, 1940. 40 с.
35. ГАХК. Ф. Р-1399. Оп. 1. Д. 5.

References

1. *Gosudarstvennyi arkhiv Zabaikal'skogo kraya (GAZK)* [The State Archive of the Zabaykalsky Krai], f. R-27, op. 1, d. 170.
2. *Dal'nevostochniy put'*, 1922, 21 October.
3. *Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Dal'nego vostoka (RGIA DV)* [The Russian State Historical Archive of the Far East], f. R-2460, op. 2, d. 14.
4. *Ezhenedel'nik sovetskoi yustitsii*, 1923, no. 24.
5. *Gosudarstvennyi arkhiv Khabarovskogo kraya (GAKhK)* [The State Archive of the Khabarovsk Krai], f. P-2, op. 3, d. 115.
6. *Gosudarstvennyi arkhiv Khabarovskogo kraya (GAKhK)* [The State Archive of the Khabarovsk Krai], f. R-19, op. 1, d. 84.
7. *Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv sotsial'no-politicheskoi istorii (RGASPI)* [The Russian State Archive of Social and Political History], f. 372, op. 1, d. 568.
8. *Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv sotsial'no-politicheskoi istorii (RGASPI)* [The Russian State Archive of Social and Political History], f. 372, op. 1, d. 583.
9. *Gosudarstvennyi arkhiv Zabaikal'skogo kraya (GAZK)* [The State Archives of the Zabaykalsky Krai], f. R-27, op. 1, d. 177.
10. Latysheva N.A. *Formirovaniye sistemy otechestvennogo sudebnogo deloproizvodstva v period 20-kh gg. XX v.* [Formation of system of the domestic judicial proceedings during the 20s of the 20th century]. *Istoriya gosudarstva i prava* [History of State and Law], 2015, no. 7, pp. 38–43.
11. *Gosudarstvennyi arkhiv Zabaikal'skogo kraya (GAZK)* [The State Archives of the Zabaykalsky Krai], f. R-11, op. 3, d. 85.
12. *Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Dal'nego vostoka (RGIA DV)* [The Russian State Historical Archive of the Far East], f. R-2460, op. 1, d. 298.
13. *Gosudarstvennyi arkhiv Khabarovskogo kraya (GAKhK)* [The State Archive of the Khabarovsk Krai], f. R-58, op. 11, d. 81.
14. *Gosudarstvennyi arkhiv Khabarovskogo kraya (GAKhK)* [The State Archive of the Khabarovsk Krai], f. P-2, op. 2, d. 247.
15. *Gosudarstvennyi arkhiv Khabarovskogo kraya (GAKhK)* [The State Archive of the Khabarovsk Krai], f. P-2, op. 28, d. 74.
16. *Gosudarstvennyi arkhiv Khabarovskogo kraya (GAKhK)* [The State Archive of the Khabarovsk Krai], f. P-2, op. 2, d. 71.
17. *Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii (GARF)* [The State Archive of the Russian Federation], f. R-9492, op. 1, d. 2034.
18. *Gosudarstvennyi arkhiv Khabarovskogo kraya (GAKhK)* [The State Archive of the Khabarovsk Krai], f. R-819, op. 1, d. 6.
19. Tarasov-Rodionov P.I. *Povysheniye kvalifikatsii narodnykh sledovatelei* [Refresher training of national investigators]. *Sotsialisticheskaya zakonnost'*, 1936, no. 11, pp. 50–54.
20. *Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii (GARF)* [The State Archive of the Russian Federation], f. R-9492, op. 1, d. 2060.
21. Kukar A.A. *Pravovye osnovy podgotovki rabotnikov yustitsii v sisteme NKYu SSSR (vtoraya polovina 30-kh godov XX veka)* [Legal basis of preparation of workers of justice in the system of the Ministry of Justice of the USSR (the second half of the 30s of the 20th century)]. *Pravo i obrazovanie* [Law and Education], 2003, no. 4, pp. 175–187.
22. *Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii (GARF)* [The State Archive of the Russian Federation], f. R-9492, op. 1, d. 2053.
23. *O meropriyatiyakh po uluchsheniyu raboty pravovykh shkol sistemy NKYu SSSR: prikaz NKYu SSSR ot 8 avgusta 1938 g. №71* [On measures to improve the work of the schools of law system of the Ministry of Justice of the USSR: order of the Ministry of Justice of the USSR from August 8, 1938 no. 71]. *Sbornik prikazov prokuratury Soyuza SSR, deistvuyushchikh na 1 dekabrya 1938 g.* [The collection of the orders of the Prosecutor of the USSR, in force on 1 December 1938]. D.I. Orlov, B.I. Solers (comp.), A.Ya. Vyshinskii (ed.). Moscow, Yuridicheskoe izdatel'stvo NKYu SSSR, 1939, 279 p.
24. *Vsesoyuznoye soveshchanie po voprosam yuridicheskogo obrazovaniya* [All-Union conference on legal education]. *Sotsialisticheskaya zakonnost'*, 1938, no. 7, pp. 99–101.
25. Kodintsev A.Ya. *Srednee yuridicheskoe obrazovanie v sisteme organov yustitsii SSSR v 30-e gody XX veka* [Higher legal education in bodies of the judicial system of the USSR in 30s years of the 20th century]. *Srednee professional'noye obrazovanie* [The Journal of Secondary Vocational Education], 2007, no. 9, pp. 83–84.
26. *Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii (GARF)* [The State Archive of the Russian Federation], f. R-9492, op. 1, d. 2057.
27. *Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii (GARF)* [The State Archive of the Russian Federation], f. R-9492, op. 1, d. 2041.
28. *Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii (GARF)* [The State Archive of the Russian Federation], f. R-9492, op. 1, d. 2099.
29. *Gosudarstvennyi arkhiv Khabarovskogo kraya (GAKhK)* [The State Archive of the Khabarovsk Krai], f. R-1399, op. 1, d. 2.
30. *Gosudarstvennyi arkhiv Khabarovskogo kraya (GAKhK)* [The State Archive of the Khabarovsk Krai], f. R-1399, op. 1, d. 4.
31. *Gosudarstvennyi arkhiv Khabarovskogo kraya (GAKhK)* [The State Archive of the Khabarovsk Krai], f. R-1399, op. 1, d. 3.
32. Kodintsev A.Ya. *Zaochnoye yuridicheskoye obrazovanie v sisteme organov yustitsii SSSR v 30-e gody XX veka* [Extramural juridical education in the system of justice of the USSR in the 30s years of the 20th century]. *Nauchnyye issledovaniya v obrazovanii* [Scientific Research in Education], 2007, no. 6, pp. 74–79.
33. *Polozheniye o zaochnykh yuridicheskikh shkolakh* [The position of correspondence law schools]. Moscow, Yuridicheskoe izdatel'stvo NKYu SSSR, 1940, 10 p.
34. *Sbornik metodicheskikh ukazanii k pis'mennym rabotam dlya slushatelei zaochnykh yuridicheskikh shkol* [A collection of guidelines for written work for students of correspondence law schools]. Moscow, Yuridicheskoe izdatel'stvo NKYu SSSR, 1940, 40 p.
35. *Gosudarstvennyi arkhiv Khabarovskogo kraya (GAKhK)* [The State Archive of the Khabarovsk Krai], f. R-1399, op. 1, d. 5.

ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ / HISTORY OF INTERNATIONAL RELATIONS

УДК 951.081:973.06

ALEXANDER LEONIDOVICH ANISIMOV

*Doctor of Historical Sciences,
Professor of socio-humanitarian and economic disciplines of
the Far Eastern Law Institute.
680063, Russian Federation, Khabarovsk, lane Vladivostok, 1–34.
E-mail: anisimov0802@gmail.com*

U.S. Extraordinary Envoy and Minister Plenipotentiary to Qing Empire John Elliott Ward (1858–1861): the treaty at any price

In historiography, there is practically no works that address the history of American-Chinese relations, mid-19th century through the prism of personalities contributing to their formation. Given the degree of knowledge of the problems in this article, tasked to analyze the activities of American diplomatic representative in the Qing Empire J.E. Ward to implement the new tasks of Chinese policy of the United States set by Washington in the late 50s of the 19th century when writing works have been used archival materials published diplomatic documents, the English-language newspaper, published in China, United States and England, as well as domestic work, American, Chinese, British and Japanese researchers.

Keywords: *Far eastern United States policy, China, Qing Empire, opium wars, The Taiping rebellion, Tientsin treaty.*

АЛЕКСАНДР ЛЕОНИДОВИЧ АНИСИМОВ

*Доктор исторических наук, профессор кафедры социально-гуманитарных и экономических дисциплин
Дальневосточного юридического института.
680063, Россия, г. Хабаровск, переулок Владивостокский, д. 1, кв. 34.
Тел.: 89625039322, e-mail: anisimov0802@gmail.com*

В отечественной историографии практически нет работ, которые рассматривали бы историю американо-китайских отношений середины XIX в. через призму личностей, способствовавших их становлению. С учетом степени изученности проблемы в данной статье поставлена задача проанализировать деятельность американского дипломатического представителя в Цинской империи Дж.Э. Уорда по реализации новых задач китайской политики США, поставленных Вашингтоном в конце 50-х гг. XIX в. При написании работы были использованы архивные материалы, опубликованные дипломатические документы, англоязычная пресса, издававшаяся в Китае, США и Англии, а также работы отечественных, американских, китайских, английских и японских исследователей.

Ключевые слова: *дальневосточная политика США, Китай, Цинская империя, опиумные войны, Тайпинское восстание, Тяньцзиньский договор.*

Чрезвычайный посланник и полномочный министр США в Цинской империи Джон Эллиотт Уорд (1858-1861 гг.): договор любой ценой

Политика США в отношении Цинской империи в 40–60-х гг. XIX в. достаточно хорошо исследована, но деятельность американских дипломатов в Китае этого периода во многом прошла мимо внимания исследователей. «Повезло» лишь некоторым, внесшим наибольший вклад в реализацию дальневосточной политики Вашингтона, добившимся заключения неравноправных договоров с Китаем [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7; 8;]. Деятельность других американских дипломатов, оставивших не столь яркий вклад в истории американо-китайских отношений, за редким

исключением [9], практически не изучалась. Среди них и деятельность посланника в Китае в 1858–1861 гг. Дж.Э. Уорда.

15 декабря 1858 г. чрезвычайным посланником и полномочным министром США в Цинской империи был назначен Дж.Э. Уорд. Джон Эллиотт Уорд (2 октября 1814 – 29 ноября 1902 года) – американский политик и дипломат. Он служил прокурором Соединенных Штатов в Джорджии, был мэром г. Саванна (шт. Джорджия), спикером палаты представителей и президентом сената Джорджии, президентом На-

ционального конвента Демократической партии в 1856 г. в Цинцинати, который выдвинул Джеймса Бьюкенена кандидатом в президенты от демократической партии [10, л. 168 и об.].

Инструкции предписывали ему достичь Пекина. В связи с этим Уорд считал необходимым установить тесный контакт с русским представителем в Цинской империи и иметь его союзником во время переговоров с цинскими властями. О чем он информировал российского представителя в Вашингтоне Р. Остен-Саккена [10, л. 168 об.].

Петербург продолжал придерживаться политики сотрудничества с американскими представителями в Китае, о чем Стеклъ сообщил Л. Кассу. Последний заверил русского посланника, что такие же инструкции даны Уорду и подчеркнул: «В наших обоюдных интересах действовать вместе. Это способ остановить замыслы англичан и помешать им установить свое преобладание в Китае» [10, л. 172 об.].

5 февраля 1859 г. Дж. Уорд отправился в Китай. В инструкциях от 29 апреля госсекретарь Л. Касс уполномочил его обменяться с маньчжурскими представителями ратификационными грамотами по Тяньцзиньскому договору и конвенциям 1858 г., если на этом будут настаивать цинские власти. Хотя это было и не обязательно. Но эти инструкции Дж. Уорд получил лишь 29 августа 1859 г. в Шанхае, после того, как 16 августа в Бейтане он произвел обмен ратификационными грамотами Тяньцзиньского договора. Поэтому Вашингтон и Пекин не обменялись ратификационными грамотами конвенций 1858 г. [11, р. 85, 70]

В феврале 1859 г. цинское правительство через своих уполномоченных в Шанхае стало добиваться, чтобы представители Великобритании, Франции и США проследовали в Пекин для обмена ратификационными грамотами через Бейтан, а не Дагу и без вооруженного сопровождения, а после церемонии обмена вернулись назад [12, с. 448].

По исковой конвенции, подписанной США и Цинской империей в ноябре 1858 г. в Шанхае в дополнение к Тяньцзиньскому договору, Пекин обязался уплатить Соединенным Штатам контрибуцию и сумме 500 тыс. таэлей за убытки, понесенные американцами от военных действий в районе Гуанчжоу [11, р. 92 – 94]. Пекин же уплатил США 735 238 долларов и 97 центов, что было значительно больше, чем требовалось уплатить за иск американцев против Китая. После уплаты всех исков, осталось еще 353 400 долл. 90 центов, которые были, в конце концов, возвращены цинскому правительству [13, р. 233].

Чтобы привести в жизнь положения исковой конвенции, в Китай 9 марта 1859 г. были назначены, в соответствии с актом от 3 марта 1859 г., особоуполномоченные, которые должны были на месте проверить иски американских граждан к цинскому правительству и определить сумму, которую необходимо было выплатить по этим искам. Уполномоченными были назначены Оливер Эверетт Робертс, ранее служивший в качестве вице-консула США в

Гонконге, и Чарлз Уильям Бредли. Они начали свою работу в Макао 14 ноября 1859 г. и завершили ее 13 января 1860 г. Решение О.Э. Робертса и Ч.У. Бредли подлежали одобрению американского посланника в Цинской империи Дж.Э. Уорда. Всего было предъявлено 56 исков на сумму 1 520 547 долл. 53 цента. По этим искам были вынесены решения об уплате 48 исков на общую сумму 489 694 доллара 78 центов (339 339 долл. 36 цент. основного капитала и 150 295 долл. 42 цента процентов) [11, р. 113].

В начале июня в Шанхае собрались представители Англии, Франции и США Брюс, Бурбулон и Уорд для того, чтобы договориться с императорскими особоуполномоченными о своей поездке в Пекин для обмена ратификационными грамотами Тяньцзиньских договоров. Здесь снова проявилась англо-французская солидарность. 11 июня союзники сообщили Уорду, что они отбывают в Пекин 13 июня, а он «волен поступать как ему угодно» [14, с. 311, 327; 15, р. 317]. Таким образом, американского представителя даже не пригласили сопровождать союзников, им пренебрегли.

Английский посланник Брюс имел инструкции отправиться с английской эскадрой на север Китая до Тяньцзиня. Обмен ратификационными грамотами предписывалось произвести только в Пекине. По сути дела, Англия провоцировала войну, попирая суверенитет Цинской империи. 20 июня 1859 г. англо-французский флот в составе 21 корабля во главе с Брюсом и Бурбулоном появился у Дагу. 21 июня сюда прибыл Дж. Уорд на флагманском корабле американской эскадры «Пауэтан» в сопровождении парохода «Тойван». 24 июня «Тойван», на борту которого находились Дж. Уорд и командующий американской эскадрой Дж. Тэттнолл, попытался подойти к форту, но сел на мель. Английский адмирал Хоуп послал ему на помощь военный корабль «Плувер».

Группа американцев с «Тойвана» была послана на мол, где встретилась с цинской делегацией. Маньчжурские представители заявили, что цинский офицеры имеют приказ открыть огонь по любому судну, которое попытается пройти мимо форта. Офицеры знали о прибытии иностранных посланников, которые направлялись в Пекин, и известили американцев, что в соседний город Бейтан прибыл губернатор Провинции Чжили Хэн Фу, который готов принять американского посланника [15, р. 318–319].

Уорд сообщил содержание разговора с цинскими представителями союзникам. Поэтому англичане и французы знали, что они встретят сопротивление со стороны фортов Дагу, если попытаются пройти в Тяньцзинь этим путем [10, л. 198]. Но союзники решили идти напролом. Решение англичан силой прорваться в Тяньцзинь являлось нарушением англо-китайского договора 1858 г., который не предусматривал права иностранцев посылать военные суда в Байхэ. Цинские власти не возражали против принятия английского посланника в Пекине. Сопrotивляясь попытке англичан прорваться силой мимо фортов Дагу в Тяньцзинь, Цины попытались воспрепятствовать попытке нарушить договор 1858 г. со

стороны западных посланников. Ответственность за развязывание боевых действий в 1859 г. ложится полностью на союзников. В связи с этим представляется неверным тезис китайского историка Ху Шена о том, что война 1859–1860 гг. была спровоцирована цинским правительством [16, с. 46]. На самом деле вина за ее развязывание ложится на правительства Англии и Франции.

25 июня союзники попытались штурмовать Дагу, но их суда сели на мель, а защитники фортов встретили их сильным огнем. Попытка высадить десант также не удалась. Англичане потеряли три корабля, около 500 человек было убито и ранено [10, л. 176–178, 131].

Вскоре после начала сражения адмирал Хоуп попросил помощи у commodора Тэттнолла в переброске английских войск к месту боя. Тот обратился за советом и разрешением к посланнику Дж. Уорду. Как позднее писал Уорд в личном письме, опубликованном в «Нью-Йорк Таймс», а затем перепечатанном в лондонской «Ивнинг», «это был трудный вопрос. Как представители нейтральной страны мы не имели права вмешиваться или оказывать малейшую помощь любой стороне. Но могли ли мы считаться представителями строго нейтральной страны? Мы находились в компании с другими державами не по своему выбору». Поэтому американский дипломат, вопреки нейтралитету страны, которую он представлял, не колеблясь, заявил Тэттноллу: «мы должны оказать необходимую помощь, чтобы выручить адмирала (Хоупа – А.А.) из его трудного положения», несмотря на то, что американцы не имели права «открывать огонь из орудий ради их защиты, или дать им солдат, чтобы помочь в атаке». Уорд подчеркивал, что желание commodора буксировать английские лодки с десантом к месту боя получило не только «мое согласие, но и мое безоговорочное одобрение» и находилось в соответствии «с моим собственным желанием» [17, р. 6].

Тэттнолл понимал, что пребывание официального представителя нейтральной страны на борту судна, участвующего в боевых действиях против цинских войск, являлось, по меньшей мере, неуместным. Поэтому он попросил Дж. Уорда и его свиту покинуть «Тойван». Уорд согласился с доводами commodора, но вскоре вернулся на пароход, заявив, что так как «Тойван» собирается идти под огонь с его одобрения и согласия, он должен остаться на нем, хотя и понимал, что «наиболее достойная позиция для меня была бы на борту «Пауэтана» [10, л. 201; 17, р. 6].

В результате, американский пароход оказал помощь в переброске английских войск к месту боя. Кроме того, американские моряки принимали непосредственное участие в сражении, заменяя изнуренных английских и французских солдат у артиллерийских орудий и стреляли до тех пор, пока Тэттнолл не приказал им удалиться. Всего около 200 американцев принимало активное участие в сражении при Дагу. Активно действовал и сам commodор, который бросил ставшую крылатой фразу: «Кровь гуще воды! Будь я проклят, если буду безучастным

зрителем и буду смотреть, как белых людей убивают на моих глазах!» и ринулся на помощь «братьям по крови». После боя американцы предоставили свои суда для отдыха и лечения английских военнослужащих, снабжали их свежей рыбой и овощами [17, р. 6; 18, р. 270; 10, л. 201; 19, р. 747–748].

В Англии с теплым чувством встретили сообщения о помощи, оказанной американцами англичанам. Английская пресса отмечала: «Мы не могли бы получить больше сочувствия и доброжелательности, чем встретили от американцев» [20, р. 10; 21, р. 5].

Таким образом, США приняли непосредственное, хотя и ограниченное, участие в боевых действиях против Цинской империи. Их представители на время отбросили нейтралитет.

Узнав о событиях при Дагу, госсекретарь Л. Касс оправдал поведение Уорда при Дагу тем, что сами цинские уполномоченные виновны в этом, так как они не захотели обменяться ратификационными грамотами с Уордом в Шанхае, до прибытия английского и французского представителей. Командование военно-морским флотом также полностью одобрило действия commodора Тэттнолла при Дагу [10, л. 199].

Но в прессе и деловых кругах США известие о событиях в Китае и перспектива новой войны вызвали недовольство, так как эти события могли нарушить американо-китайскую торговлю. Американская «Ивнинг Пост» досадовала, что «прекрасная возможность воспользоваться точным и благоразумным нейтралитетом... была потеряна американским посланником» [10, л. 199, 196 об.].

Уже во время сражения при Дагу Дж. Уорд понял, что, если англичан постигнет неудача, он будет иметь мало шансов выполнить свою миссию – обменяться ратификационными грамотами и ввести в действие Тяньцзиньский договор. Поэтому он сделал все, чтобы довести дело до конца, встав на путь сепаратных переговоров. Уорд послал письмо к генерал-губернатору пров. Чжили, в котором сообщил, что находится на севере Китая по приглашению императорских особоуполномоченных и в соответствии с договором для того, чтобы передать письмо президента китайскому императору. В связи с этим он просил содействия в достижении Пекина. Поступок Уорда вызвал недоумение и удивление цинских властей, которые знали об участии американцев в бою при Дагу. Монгольский князь Сэрэнгэчи, один из цинских военачальников, доносил императору, что Англия, Франция и США объединились против империи. Американцы и французы помогали англичанам в рукопашном бою в районе фортов, а нейтралитет США был притворным. Он считал, что после поражения западных держав обмен ратификационными грамотами Тяньцзиньского договора Уордом являлось «неким злым умыслом». По мнению цинского сановника, американский посланник с согласия англичан и французов должен добраться до Тяньцзиня, чтобы не прервались дипломатические отношения с Пекином и подготовить почву для действий в качестве посредника между Цинской империей и Англией, и Францией. Это отвлечет внимание цинских властей,

а тем временем англичане и французы соберут силы, чтобы контратаковать позиции цинских войск. Уорд на встрече с цинскими особоуполномоченными в Бейтане отрицал участие американцев в военных действиях против Цинов при Дагу [18, р. 271; 22, р. 6; 23, р. 81-82].

Тем не менее, в Пекине решили пойти навстречу американскому посланнику, следуя старому дипломатическому принципу «использовать варваров против варваров». К тому же Цины, в отличие от прошлых лет, были в выигрышной позиции – они нанесли поражение объединенному флоту западных держав.

20 июля Уорд сел в повозку и отправился из Бейтана в Пекин. Над повозкой, а затем и над лодкой, в которой американский дипломат ехал в цинскую столицу, развивался маленький желтый вымпел со словами: «Данники из Соединенных Штатов» [24, р. 638]. Один из самых авторитетных американских китаистов Дж. К. Фербенк подчеркивал, что это путешествие Уорда в Пекин являлось данническим типом поездки. Такого же мнения придерживается английский исследователь «опиумных» войн Дж. Бичинг. Об этом же с издевкой писала и английская пресса того времени [25; 18, р. 276].

27 июля в Пекине Уорда навестил секретарь Гуй Ляна и Хуа Шана с тем, чтобы обсудить вопрос о встрече представителей двух стран и о представлении американского посланника богдыхану. При этом цинский сановник заметил, что из-за участия американского парохода в сражении при Дагу «император имеет некоторые сомнения по поводу искренности мирных намерений американцев». На что американские дипломаты заявили с угрозой, что сделанное Тэттноллом 25 июня было вызвано отрицательным отношением США к приему иностранных посланников на побережье Китая и может иметь серьезные последствия.

30 июля состоялась встреча Дж. Уорда с императорскими особоуполномоченными, на которой обсуждалась процедура аудиенции у императора. Во время этой встречи Уорд отказался от выполнения церемонии поклонения императору (коу-тоу), на которой настаивали цинские сановники. Хотя цинские представители и заявили, что США не похожи на платящие дань Пекину азиатские государства, но и в Европе практикуется похожая система, в частности при английском дворе. Они изъявили готовность совершить коу-тоу перед президентом США. 2 августа цинские особоуполномоченные посетили Уорда в его резиденции. Снова обсуждался вопрос об аудиенции. Уорд согласился несколько раз низко поклониться императору, не поворачиваясь к нему спиной, но отказался от коленопреклонения. Это не устроило цинскую сторону. Тогда американский дипломат заявил, что он к 11 августа возвратится в Бейтан. 3 августа в резиденции Уорда неожиданно появился цинский чиновник, который предложил компромиссный план аудиенции. Но, в конце концов, император передумал и заявил о необходимости соблюдения традиционной церемонии коу-тоу. Уорд отказался это сделать. Пятидневная дискуссия ока-

залась бесплодной. Тогда американский посланник передал письмо президента императорским особоуполномоченным и предложил им обменяться ратификационными грамотами. Император согласился на предложение Уорда [15, р. 326–338].

Уорду приходилось действовать в сложных условиях изоляции. Как отмечали английские газеты, американская миссия была на положении заключенных. Она была лишена свободы передвижения. Сообщение с русскими представителями, находившимися в Православной миссии в Пекине, было затруднено и поставлено Цинами под жесткий контроль. Это же отмечал и один из американских дипломатов – С.У. Уилльямс, считавший, что цинские власти ограничивали свободу передвижения, боясь сговора между русскими и американцами [26, р. 4; 15, р. 334]. Профессор Токийского университета Масатака Банно отмечает, что с Уордом и его свитой обращались в Пекине как с посланниками даннической страны [27, р. 31]. Английская пресса язвительно утверждала, что результатом поездки Дж. Уорда в Пекин ратификационный обмен в Бейтане, обращение цинских властей с американской миссией были унижительными и доказали, что политика британского и французского посланника была правильной [26, р. 4]. Приведенные факты никак не подтверждают утверждение современного российского историка С.Н. Бурина о том, что «Уорд был с почестями препровожден в Пекин» и что цинские власти «немедленно... отправили его в местечко Пейтан», где и «состоялся обмен копиями договора» 1858 года [28, с. 291]. Эта и другие неточности и ошибки связаны с тем, что автор ограничился очень узким кругом источников: из документов – это лишь сборник документов (в основном не полных), изданных П. Клайдом в 1964 г.

10 августа Дж. Уорд передал письмо президента Гуй Ляну. 16 августа в Бейтане без всяких церемоний был произведен обмен ратификационными грамотами Тяньцзиньского договора.

Поведение Дж. Уорда в Пекине, его отказ «подчиниться унижительным церемониям» были одобрены правительством США. Администрация Бьюкенена была удовлетворена благополучным окончанием миссии Уорда. Л. Касс в беседе со Стеклем заметил: «Ратификация договора состоялась, мы достигли нашей главной цели, остальное: церемонии и этикет – это факт маловажный для нас» [29, р. 7; 10, л. 209; 30, л. 207–208].

События лета 1859 г. на севере Китая встревожили руководство США. Правительство Соединенных Штатов усмотрело в провалившейся атаке на Дагу угрозу собственным интересам. Хотя планы Англии и Франции по отношению к Китаю не были известны Вашингтону, его настораживало «сердечное взаимодействие, установившееся между Францией и Англией». В связи с этим правительство Бьюкенена пристально следило за событиями в Китае. Особенно беспокоила американскую администрацию перспектива установления доминирующего влияния Великобритании в Китае. В беседе со Стеклем в феврале 1860 г. Л. Касс заявил, что, пока речь шла только о

торговых привилегиях, в которых были заинтересованы и американцы, Вашингтон не выступал против действий союзников, но, если Англия извлечет выгоду из войны и осуществит свой план, который она долго вынашивала, – захватить остров Чжоушань или другую китайскую территорию, чтобы контролировать Цинскую империю, «мы не останемся молчаливыми зрителями». Американская администрация опасалась, что захват Пекина англо-французскими войсками «приведет к полной дезорганизации китайской империи», а это затруднит достижение прочного и долговременного соглашения с Цинской империей. Кроме того, война препятствовала развитию американско-китайской торговли, поэтому американская буржуазия желала ее скорейшего окончания [31, л. 48, 103; 10, л. 216, 214].

В связи с этим Вашингтон поручил своему посланнику в Цинской империи следить за действиями союзной эскадры, поддерживать хорошие отношения с российским представителем Игнатьевым и действовать в качестве посредника между цинскими властями и союзниками Уорд должен был соблюдать нейтралитет и вмешиваться лишь в крайнем случае. Об этих инструкциях американскому посланнику было сообщено Петербургу, Лондону и Парижу. Российское правительство приветствовало это решение [31, л. 49–50, 56–57; 10, л. 218, 212].

Стремясь не допустить доминирующего влияния Великобритании на север Китая, Петербург стремился заручиться поддержкой правительства США. В российской столице считали, что американский представитель в Цинской империи мог бы оказать дипломатическую поддержку Н.П. Игнатьеву, если она потребуется, чтобы окончательное соглашение с Пекином «не содержало положений в ущерб США и России». Но Уорд предпочел не вмешиваться, чем поставил Игнатьева в трудное положение [10, л. 212; 32, с. 5–6, 9, 36, 62–63].

В марте 1860 г. английский посланник в Цинской империи Ф. Брюс направил маньчжурскому правительству ультиматум, в котором потребовал извинений за действия цинских войск у Дагу в 1859 г. и обмена ратификационными грамотами по Тяньцзиньскому договору в Пекине. Причем посланник Великобритании должен был следовать до Тяньцзиня на английском военном корабле. Он также настаивал на уплате цинским правительством компенсации в 4 млн. таэлей за потери и военные расходы, понесенные Англией при Дагу в июне 1859 г., признания права английского правительства определять характер представительства в Пекине и т.д. Эти требования Пекин должен был удовлетворить в течение 30 дней, по истечению которых Великобритания угрожала возобновить военные действия против Цинской империи [33, с. 445].

После отказа пекинского правительства от удовлетворения ультиматума, в апреле 1860 г. англичане и французы возобновляют военные действия.

В июне представители Англии, Франции, США и России собрались в Шанхае. Игнатьев и Уорд имели инструкции от своих правительств, действовать

совместно, чтобы не допустить преобладающего влияния Англии в Китае. В Шанхае Дж. Уорд предложил Н.П. Игнатьеву выработать план совместных действий, который предполагал создание русско-американской эскадры в китайских морях для оказания давления на Англию и выступление с совместным заявлением о том, что Россия и США не стремятся иметь постоянных дипломатических представителей в Пекине, чтобы заставить союзников отказаться от постоянного представительства в цинской столице. Но Игнатьев отверг этот план. Он хотел сохранить свободу действий в случае, если Англия добьется права постоянного представительства в Пекине. Таким образом, не удалось достичь единства действий между посланниками США и России, хотя, как сообщил Игнатьев в Петербург, между ним и Дж. Уордом и установилось хорошее взаимопонимание. Вашингтон приветствовал установление хороших отношений между Уордом и Игнатьевым [10, л. 242–243; 34, с. 136–137].

Не имея возможности оказывать влияние на действия английского и французского посланников, Уорд и Игнатьев покинули Шанхай. 21 июня Дж. Уорд отправился в Чжоушань для «поправки здоровья», а на следующий день и Н.П. Игнатьев отплыл в Японию.

Напуганное военными приготовлениями союзников, цинское правительство, через Игнатьева, предложило Эдджину и Гро отправиться через Бейтан в Пекин, чтобы там провести переговоры и произвести обмен ратификационными грамотами, но союзники отвергли путь мирного урегулирования конфликта. Они вели дело к возобновлению военных действий.

Попытка Пекина использовать Дж. Уорда в качестве посредника также провалилась. Он отказался передать союзникам просьбу цинских властей о мирном решении проблемы.

Из-за медленного сосредоточения французских войск союзники лишь к концу августа оказались готовы к нанесению удара по фортам Дагу. В период сосредоточения сил и начала боевых действий Дж. Уорд и Н.П. Игнатьев находились в устье р. Байхэ. Их пребывание беспокоило Эдджина, который опасался их вмешательства в переговоры с цинскими властями, что помешало бы удовлетворить все требования Лондона.

Уорд рассчитывал играть роль посредника между враждующими сторонами и таким образом попытаться не допустить усиления позиций Великобритании в ущерб интересам США. Но в силу того, что ни Цины, ни союзники не обратились к нему, Уорд решает покинуть район Байхэ и отправиться в Чифу, где и ожидать дальнейшего развития событий. Н.П. Игнатьев писал, что американский посланник опасался щекотливого и затруднительного положения, в котором он мог оказаться как представитель нейтральной державы. Уорд потерял надежду участвовать в переговорах с цинскими властями и иметь какое-либо влияние на ход дела и добраться до Пекина. Сам Уорд в донесении в Вашингтон сообщал о бесполезности своего пребывания в заливе Чжили [32, с. 5; 31, л. 173]. В начале августа американский посланник

отплыл в Чифу, а затем отправился в Шанхай, не оставляя мысли о том, что к нему еще обратятся за посредничеством.

22 августа, когда англо-французские войска и флот начали наступление на Тяньцзинь, Уорд появился в устье Байхэ, но сразу же отплыл назад, видя, что в нем не нуждаются. Отъезд Уорда поставил Игнатьева в очень трудное положение. Он оказался в полной изоляции, без надежды на благоприятный исход своей миссии. Игнатьев считал в то время, что Россия будет отстранена от участия в переговорах не только союзниками, но и Цинами

В этих условиях российский посланник принял ряд мер, чтобы выйти из изоляции, оказать влияние на ход событий в Китае и выполнить задачу своей миссии. Он сближается с французским посланником Гро и устанавливает с ним хорошие отношения. Попытался Игнатьев и побудить Уорда вернуться на север Китая, чтобы вдвоем противостоять притязаниям Англии. Но Уорд предпочел не вмешиваться и ждать развязки событий в Гонконге [32, с. 5–6, 62–63].

Президент Бьюкенен в очередном годовом послании Конгрессу в декабре 1860 г. выразил удовлетворение поведением Уорда в Китае. В условиях резко обострившейся в 1860 г. внутривластной ситуации в стране накануне гражданской войны американскому правительству было не до Китая. 10 ноября Стеклъ доносил Горчакову, что в Вашингтоне не думают о делах в Китае, как и вообще о внешнеполитических вопросах. Все остается нерешенным до прихода к власти новой администрации [29, р. 643; 31, л. 187, 174]. В то же время американская буржуазия, связанная с американо-китайской торговлей, и ее представители в Конгрессе и правительстве не упускали из виду Китай.

Несмотря на то, что США официально придерживались политики нейтралитета по отношению к

гражданской войне в Китае, американские дипломаты в этой стране не предприняли никаких мер против действий Ф. Уорда и других американцев, активно участвовавших в войне на стороне Цинской империи.

Со своей стороны, тайпины делали все, чтобы доказать, что они не собираются воевать с иностранцами. В конце июня 1860 г. из Сучжоу в Шанхай вернулись американские миссионеры Крауфорд, Холмс и Хартуэлл, которые сообщили американскому посланнику Дж. Уорду о желании тайпинов развивать отношения дружбы с иностранцами. Кроме того, миссионеры заявили, что тайпины не будут атаковать Шанхай без согласия на это иностранцев. Если же они не будут возражать, тогда тайпины возьмут город и учредят здесь правительство. Но Дж. Уорд отказался принять послание тайписких руководителей, которых он считал бандой «убийц и грабителей» [10, л. 246].

10 июля Ли Сючен направил письмо представителям Англии, Франции и США, в котором он выражал недоумение в связи с тем, что иностранцы помогают цинским властям оборонять Шанхай и заверил, что при взятии Шанхая тайпины не причинят вреда иностранцам. Он предложил дипломатам прибыть в Сучжоу для обсуждения договора о дружбе [35, р. 187, 174], но представители западных держав проигнорировали это предложение.

Иностранцы по-прежнему продолжали оказывать помощь цинским властям, помогать им оборонять Шанхай. Представители западных держав в Китае не возражали против участия своих граждан в войне на стороне маньчжуров и разрешили шанхайскому даотаю покупать оружие и порох у иностранных торговцев.

Дж. Уорд ушел с дипломатического поста в 1861 г., вскоре после начала американской гражданской войны, вернулся в Саванну и после войны переехал в Нью-Йорк, где занимался юридической практикой.

Литература и источники

1. Fuess C.M. The Life of Caleb Cushing. N.Y.: Harcourt, Brace and Co., 1923. 2 vols.
2. Williams F.W. Anson Burlingame and the first Chinese mission to foreign powers. N.Y.: Charles Scribner's sons, 1912. X, 370 p.
3. Williams S.W. The Life and Letters Samuel Wells Williams, L.L.D. Missionary, Diplomatist, Sinologue. N.Y. – L.: G.P. Putnam's sons, 1889. 490 p.
4. Kuo P.C. Caleb Cushing and the Treaty of Wanghia, 1844. Journal of Modern History. 1933. Vol. 5. no 1. Pp. 34–54.
5. Chien K. Cushing mission, was it necessary? The Chinese Social and Political Review. 1939. Vol. 23. no 1. Pp. 3–14.
6. Халфин Н.А. Миссия Робертса // Проблемы востоковедения. 1960. №1. С. 183–189.
7. Анисимов А.Л. Питер Паркер – дипломат и миссионер (американский миссионер П. Паркер в Китае в XIX веке). М., 1990. 33 с. Деп. в ИНИОН №42901.
8. Анисимов А.Л. «Самый большой патриот империи» (американский миссионер П. Паркер в Китае в XIX в.) // Взаимоотношения народов России, Сибири и стран Востока: история и современность. Подготовительные материалы ко Второй международной научно-практической конференции 23 – 26 сентября 1997 г. Иркутск: Иркутский госуд. пед. ун-т, 1996. С. 25 – 48.
9. Анисимов А.Л. Американский особоуполномоченный в Цинской империи Х. Маршалл (1852–1853 гг.): борьба за пересмотр Вансянского договора и нейтралитет по отношению к Тайпинскому восстанию // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2017. №2. С. 5–12.
10. Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. СПб., Гл. Архив, I – 9, 1856 – 1860 гг. Оп. 8. Д. 11.
11. Treaties and other international acts of the United States of America / Ed. by H. Miller. W.: United States Government Printing Office, 1948. Vol. 8. XXXVII, 1065 p.
12. Илющенко В.П. Крестьянская война тайпинов: дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.03. М., 1966. Т.1, 2. 932 с.

13. Treaties, conventions, international acts and agreements between the United States of America and other powers, 1776–1909 / Comp. by W.M. Malloy. W.: Government Printing Office, 1910. Vol. I. XXVI, 1230 p.
14. Хмелевский Н. Отношение европейцев к Китаю в последние двадцать лет // Отечественные записки. 1861. Т. CXXXVI. №5 – 6. С. 297–350.
15. Williams S.W. Narrative of the American embassy to Peking. Read before the Society, October 25th, 1859. Journal of the North-China Branch of the Royal Asiatic Society. 1859. No. III. Pp. 315–349.
16. Ху Шен. Агрессия империалистических держав в Китае. М.: Издательство иностранной литературы, 1951. 304 с.
17. The Evening Mail. 1859. From October 31, to November 2.
18. Beaching J. The Chinese Opium wars. L.: Hutchinson of London, 1975. 352 p.
19. Griffis W.E. Our Navy in Asiatic waters. Harper's New Monthly Magazine. 1898. Vol. 97. no 58. Pp. 738–760.
20. The Times. 1859. September 16.
21. The Evening Mail. 1859. From September 14, to September 16.
22. The Evening Mail. 1859. From October 31, to November 2.
23. Documents. – China after the victory of Taku, June 25, 1859, contributed by I.F. Tsiang. The American Historical Review. 1929. Vol. XXXV. no 1. Pp. 79–84.
24. Rockhill W.W. Diplomatic mission to the Court of China. The American Historical Review. 1897. Vol. II. no. 4. Pp. 627–643.
25. Fairbank J.K. Chinese – American interactions. A Historical Summary. New Brunswick (N.J.): Rutgers University Press, 1975. 5, 90 p.
26. The Evening Mail. 1859. From October 28, to October 31.
27. Banno M. China and the West. 1858–1861. Cambridge: Harvard University Press, 1964. XI, 367, XLV p.
28. История внешней политики и дипломатии США, 1775–1877 / Отв. ред. Н.Н. Болховитинов. М.: Международные отношения, 1994. 384 с.
29. A compilation of the messages and papers of presidents, 1789–1897 / Comp. by J.D. Richardson. W.: Government Printing Office, 1896–1897. Vol. 5. VII, 672 p.
30. АВПРИ. Ф. МИД, Канцелярия, 1859 г. Оп. 469. Д. 206.
31. АВПРИ. Ф. МИД, Канцелярия, 1860 г. Оп. 470. Д. 195.
32. Игнатьев Н.П. Отчетная записка, поданная в Азиатский департамент в январе 1861 г. генерал-адъютантом Н.П. Игнатьевым о дипломатических сношениях его во время пребывания в Китае в 1860 году. СПб., 1895. 310 с.
33. Мертваго Д. Очерк морских сношений и войн европейцев с Китаем до 1860 года. СПб.: Тип. Морского министерств, 1884. [2], VIII, VI, 655 с.
34. Клименко Н.П. Колониальная политика Англии на Дальнем Востоке в середине XIX века. М.: Наука, 1976. 309 с.
35. Curven C.A. Taiping Rebel. The deposition of Li Hsiu-ch'eng. Cambridge: Cambridge University Press, 1977. 357 p.

References

1. Fuess C.M. The Life of Caleb Cushing. N.Y.: Harcourt, Brace and Co., 1923. 2 vols.
2. Williams F.W. Anson Burlingame and the first Chinese mission to foreign powers. N.Y.: Charles Scribner's sons, 1912. X, 370 p.
3. Williams S.W. The Life and Letters Samuel Wells Williams, L.L.D. Missionary, Diplomatist, Sinologue. N.Y. – L.: G.P. Putnam's sons, 1889. 490 p.
4. Kuo P.C. Caleb Cushing and the Treaty of Wanghia, 1844. Journal of Modern History, 1933, vol. 5, no 1, pp. 34–54.
5. Chien K. Cushing mission, was it necessary? The Chinese Social and Political Review, 1939, vol. 23, no 1, pp. 3–14.
6. Khalfin N.A. Missiya Roberta [The Mission of the Roberts]. Problemy vostokovedeniya [Problems of Oriental studies], 1960, no. 1, pp. 183–189.
7. Anisimov A.L. *Piter Parker – diplomat i missioner (amerikanskii missioner P. Parker v Kitae v XIX veke)* [Peter Parker – diplomat and missionary (American missionary P. Parker in China in the 19th century)]. Moscow, 1990. 33 p. Dep. v INION [Deposited in the Institute for scientific information on social sciences], no. 42901.
8. Anisimov A.L. «Samyi bol'shoi patriot imperii» (amerikanskii missioner P. Parker v Kitae v XIX v.) [“The biggest Patriot Empire” (an American missionary p. Parker in China in the 19th century)]. *Vzaimootnosheniya narodov Rossii, Sibiri i stran Vostoka: istoriya i sovremennost'. Podgotovitel'nye materialy ko Vtoroi mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii 23–26 sentyabrya 1997 g.* [The relationship of peoples of Russia, Siberia, and the countries of the East: history and modernity. The travaux préparatoires to the second international scientifically-practical Conference, 23–26 September 1997]. Irkutsk: Irkutskii gosud. ped. univ., 1996, pp. 25–48.
9. Anisimov A.L. *Amerikanskii osoboupolnomochennyi v Tsinskoi imperii Kh. Marshall (1852–1853 gg.): bor'ba za peresmotr Vansikogo dogovora i neutralitet po otnosheniyu k Taipinskomu vosstaniyu* [American Commissioner in Qing Empire H. Marshall (1852–1853): a revision of the Treaty of Wanghia and neutrality vis-à-vis the Taiping rebellion]. *Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoi Sibiri i na Dal'nem Vostoke* [Humanitarian research in Eastern Siberia and the Far East], 2017, no. 2, pp. 5–12.
10. *Arkhiv vneshnei politiki Rossiiskoi imperii (AVPRI)* [Archive of foreign policy of the Russian Empire]. F. SPb., Gl. Arkhiv, I – 9, 1856–1860 gg., op. 8, d. 11. (In Russian, unpublished).
11. Treaties and other international acts of the United States of America / Ed. by H. Miller. W.: United States Government Printing Office, 1948. Vol. 8. XXXVII, 1065 p.
12. Ilyushechkin V.P. *Krest' yanskaya voina taipinov. Dis. Doct. ist. Nauk* [The Taiping peasant war. Dr. hist. sci. diss.]. Moscow, 1966. Vol. 1, 2. 932 p. (In Russian, unpublished).
13. Treaties, conventions, international acts and agreements between the United States of America and other powers, 1776–1909 / Comp. by W.M. Malloy. W.: Government Printing Office, 1910. Vol. I. XXVI, 1230 p.
14. Khmelevskii N. *Otnoshenie evropeitsev k Kitayu v poslednie dvadtsat' let* [Attitude of Europeans to China in the past twenty years]. *Otechestvennye zapiski* [Domestic scraps], 1861, vol. CXXXVI, no. 5 – 6, pp. 297–350.
15. Williams S.W. Narrative of the American embassy to Peking. Read before the Society, October 25th, 1859. Journal of the North-China Branch of the Royal Asiatic Society, 1859, no. III, pp. 315–349.
16. Khu Shen. *Agressiya imperialisticheskikh derzhav v Kitae* [The aggression of imperialist powers in China]. Moscow, Inostrannoi literatury Publ., 1951. 304 p.
17. The Evening Mail. 1859. From October 31, to November 2.
18. Beaching J. The Chinese Opium wars. L.: Hutchinson of London, 1975. 352 p.
19. Griffis W.E. Our Navy in Asiatic waters. Harper's New Monthly Magazine, 1898, vol. 97, no. 58, pp. 738–760.

20. The Times. 1859. September 16.
21. The Evening Mail. 1859. From September 14, to September 16.
22. The Evening Mail. 1859. From October 31, to November 2.
23. Documents. – China after the victory of Taku, June 25, 1859, contributed by I.F. Tsiang. The American Historical Review, 1929, vol. XXXV, no 1, pp. 79-84.
24. Rockhill W.W. Diplomatic mission to the Court of China. The American Historical Review, 1897, vol. II, no. 4, pp. 627-643.
25. Fairbank J.K. Chinese – American interactions. A Historical Summary. New Brunswick (N.J.): Rutgers University Press, 1975. 5, 90 p.
26. The Evening Mail. 1859. From October 28, to October 31.
27. Banno M. China and the West. 1858–1861. Cambridge: Harvard University Press, 1964. XI, 367, XLV p.
28. *Istoriya vneshnei politiki i diplomatii SShA, 1775–1877* [History of foreign policy and diplomacy of the United States, 1775–1877] / Otv. red. N.N. Bolkhovitinov. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 1994. 384 p.
29. A compilation of the messages and papers of presidents, 1789–1897 / Comp. by J.D. Richardson. W.: Government Printing Office, 1896-1897. Vol. 5. VII, 672 p.
30. AVPRI [Archive of foreign policy of the Russian Empire]. F. MID, Kantselyariya, 1859 g., op. 469, d. 206. (In Russian, unpublished).
31. AVPRI [Archive of foreign policy of the Russian Empire]. F. MID, Kantselyariya, 1860 g., op. 470, d. 195. (In Russian, unpublished).
32. Ignat'ev N.P. *Otchetnaya zapiska, podannaya v Aziatskii departament v yanvare 1861 g. general-ad'yutantom N.P. Ignat'evym o diplomaticheskikh snosheniyakh ego vo vremya prebyvaniya v Kitae v 1860 godu* [Final Note filed in the Asian Department in January 1861, aide-de-camp to General N.P. Ignatiev on diplomatic relations during his stay in China in the year 1860]. St. Petersburg, 1895. 310 p.
33. Mertvago D. *Ocherk morskikh snoshenii i vojn evropeitsev s Kitaem do 1860 goda* [Essay on Marine Affairs and wars Europeans with China before 1860 year]. St. Petersburg, Maritime ministries Typography, 1884. [2], VIII, VI, 655 p.
34. Klimenko N.P. *Kolonial'naya politika Anglii na Dal'nem Vostoke v seredine XIX veka* [The colonial policy of England in the Far East in the mid-19th century]. Moscow, Nauka Publ., 1976. 309 p.
35. Curven C.A. Taiping Rebel. The deposition of Li Hsiu-ch'eng. Cambridge: Cambridge University Press, 1977. 357 p.

© Клио, 2018

© Анисимов А.В., 2018

УДК 32.0919.5 (571:73): 94(73)''19(73)'19''

KONSTANTIN TEODOROVICH TIKHI

*Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Historical Education,
Pedagogical School of the Far Eastern Federal University.
690010, Russian Federation, Primorsky Krai, Ussuriysk, Nekrasova St., 35.
E-mail: kontih@mai.ru*

Rapprochement of Soviet-Japanese relations in 1925 in the evaluations of American press

The submitted work is devoted to research of the attitude of American society toward normalization of Soviet-Japanese relations in 1925. The US conservative and liberal press have been investigated on the basis of content analyses during the policy of non-recognition. Conservative press considered that Soviet-Japanese rapprochement do not disturb the results of Washington Conference, using «faking news». Liberal Press stressed missed opportunities for American, business and went for the US recognition of the Soviet Russia.

Keywords: *Japanese-Soviet relations, Soviet foreign policy, American public opinion.*

КОНСТАНТИН ТЕОДОРОВИЧ ТИХИЙ

*Доктор исторических наук, профессор кафедры исторического образования
Школы педагогики Дальневосточного федерального университета.
690010, Россия, Приморский край, г. Уссурийск, ул. Некрасова, 35.
Тел.: +7 (914) 724-01-89, e-mail: kontih@mai.ru*

Представленная работа посвящена исследованию отношения американского общества к нормализации японо-советских отношений в 1925 г. На основе контент-анализа исследовалась консервативная и либеральная пресса США в период политики непризнания Советского государства. Консервативная печать считала, что советско-японское сближение не нарушает решений Вашингтонской конференции о принципе «открытых дверей», откровенно используя «дутые сенсации». Либеральная пресса подчеркивала упущенные возможности для американского бизнеса и в целом необходимость признания Советского Союза Соединенными Штатами.

Ключевые слова: *японо-советские отношения, советская внешняя политика, американское общественное мнение.*

Сближение советско-японских отношений в 1925 г. в оценках американской прессы

Японо-советские отношения изначально представляли большой интерес для правительства и общественности США в силу нескольких обстоятельств. После окончания Вашингтонской конференции (1922 г.) было очевидным, что Япония вряд ли смирилась с лимитированной программой военно-морского строительства, а также с ограничением ее господства в Китае и в целом в бассейне Тихого океан. С другой стороны, завершение гражданской войны и интервенции в Советской России не привело к полной эвакуации японских войск с о. Сахалин. Разработка Японией природных ресурсов южной части острова формально противоречила решениям Вашингтонской конференции, которые предусматривали «равные возможности» для участников «договора девяти держав» в экономической эксплуатации дальневосточного региона. Подозрительное отношение США к японским намерениям на российском Дальнем Востоке оформилось еще до революции 1917 г. в России. Не удивительно, что стремление противодействовать японской экономической экспансии стало одной из причин участия

Соединенных Штатов в антисоветской интервенции. Эту версию отстаивал не только официальный Вашингтон. С ней были согласны многие американские современники. Ее разделяли исследователи и в более позднее время. Поэтому интерес американцев к дипломатическим маневрам Японии на Дальнем Востоке в 1920-е гг. вполне объясним.

Установление советско-японских отношений в начале 1925 г. оказалось несколько неожиданным для общественности США, и сразу вызвало противоречивые оценки. Это событие воспринималось как признак переориентации советской внешней политики. Считалось, что советская политика большевизации Европы после событий в Германии в 1923 г. потерпела крах. Европа стала выходить из послевоенного кризиса. Новым направлением в революционной деятельности Советского правительства становилась Восточная Азия. Самым удобным местом для нанесения удара по извечному геополитическому противнику России были восточные колонии Британии – Китай и Индия. Географически и исторически важную роль здесь играло России, ее близость к

важным экономическим рынкам Дальнего Востока. С другой стороны, политико-дипломатический потенциал России мог быть востребован не только Европой (прежде всего Германией), но и Востоком, в том числе Японией, которую не удовлетворяли решения Вашингтонской конференции [1, р. 7]. Таким образом, решение Москвы о переговорах с Японией рассматривалось в США как ответный шаг на возрастание враждебности европейских стран к Советской России [2, р. 21]. Переговоры между Японией и Советским Союзом рассматривались в американской печати по трем позициям: сущность японо-советского соглашения; его последствия для международной обстановки в целом и его влияние на состояние американо-советских и американо-японских отношений в частности.

В высших эшелонах власти США высказывалось мнение, что договор может нарушить статус-кво на Дальнем Востоке. При этом большие опасения вызывали маневры советской дипломатии. Рупором консервативных кругов США выступала газета «The New York Times». Ссылаясь на «неопубликованное приложение» к японо-советскому договору, газета заявила, что в случае начала каких-либо военных действий США, Англии и Франции в Китае, Советский Союз может предоставить китайцам 200 тыс. советских солдат, вооруженных и экипированных Японией. Утверждалось, что СССР намеревается обменять Сахалин и 50% своей доли на КВЖД на 4 японских малых крейсера, 1 линкор, 30 подводных лодок и 7 эсминцев. Помимо этого Япония якобы согласна способствовать превращению Владивостока в первоклассную военно-морскую базу [3, р. 1]. Строились предположения о том, что китайская армия будет инструктироваться русскими и японскими офицерами, и что на протяжении 30 лет Китай будет закупать только японское и советское вооружение.

Такие предположения газеты вызвали настолько пугающий эффект, что японское посольство в США поспешило заявить о «полной безосновательности» этих нелепых домыслов. При этом оно добавило, что «Япония не в том положении, чтобы обращаться за помощью к России» [4, р. 2].

Негативная реакция прессы США была обусловлена, по меньшей мере, двумя обстоятельствами. Во-первых, она отражала официальную позицию Вашингтона в вопросе о признании СССР. Правительство США критиковало дипломатические отношения стран, признавших Советский Союз. С другой стороны, следует принять во внимание принятый 16 апреля 1924 г. конгрессом закон, запрещавший японскую иммиграцию в США. Возобновление в США кампании запугивания «желтой опасностью», вызвало в Японии бурю протеста. Не случайно обозреватель «The New York Evening Post» Дж. Барри считал, что советско-японский договор надо рассматривать как ответ Японии на иммиграционный акт Соединенных Штатов: Америка отказалась от «джентльменского соглашения», Япония закрыла «открытые двери» [5, р. 2].

Советское руководство предлагало Японии выход из своеобразной дипломатической изоляции.

Кроме того, Япония перестала бы зависеть только от американских и английских сырьевых источников [6, р. 2]. Таким образом, консервативным кругам США пришлось признать некоторое ослабление экономических позиций Америки на Дальнем Востоке.

Большинство обозревателей США считало, что договор не давал особых привилегий японской стороне, за исключением фактического признания советской стороной Портсмутского договора, который закреплял за Японией статус мировой державы. Но и для советской стороны договор создавал выгодный внешнеполитический прецедент. Цитируя заместителя наркома иностранных дел Л.М. Карахана, газета «The New York Times» отмечала: «Когда возникла мысль о том, что Японии следует возвратить России Сахалин, возможно, что и Румыния осознает трудность своего положения, поскольку она храбра только тогда, когда имеет международную поддержку». Другими словами, Румынии со временем придется отказаться от аннексии Бессарабии, ранее входившей в состав Российской империи [7, р. 24].

Этот аспект японского признания СССР особенно часто поднимался в консервативной публицистике США, пытавшейся дезавуировать успех советской дипломатии. Отмечалась истерическая реакция на подписание договора со стороны румынского правительства, объявившего о возможной концентрации советских войск на западных границах СССР. Учитывая советско-германское взаимопонимание, сложности в германо-польских отношениях, могло показаться, что советско-японский договор может развязать руки для активной советской экспансии в Восточной Европе. Из этого следовал вывод, что любой международный договор с Советским Союзом неизбежно создает трудности и даже конфликтные ситуации на международной арене [8, р. 1]. Так, например, появлялись газетные «утки» о намерении Японии иметь в Пекине, по примеру СССР, посла, а не посланника, что шло вразрез с вашингтонскими решениями. Утверждалось, что Япония вряд ли ратифицирует аннексию Бессарабии и тем самым осложнит положение Румынии. Таким образом, отмечала американская пресса, последствия советско-японского договора могут негативно сказаться не только в Европе, но и вызвать неблагоприятные для США изменения и в Тихоокеанском регионе [9, р. 2].

Для своей аргументации периодика США ссылалась на официальную реакцию и общественное мнение других стран. Так, приводилась нота правительства Китая, в которой Советское правительство обвинялось в нарушении советско-китайского договора (31 мая 1924 г.), один из пунктов которого предусматривал отмену всех прежних соглашений царской России с другими странами (в том числе Японией) относительно прав в Китае. Правда, это не помешало американским газетам вскоре заявить, что признание Советским правительством Портсмутского договора не наносит ущерба правам Китая и не представляет собой отклонение от советских принципов равенства и справедливости [10, р. 1]. А все разговоры об альянсе Японии, СССР и Китая нужно

рассматривать как трюк советской пропаганды, цель которой вбить клин в отношения между Японией и англосаксами – США и Великобританией [11, р. 1].

В свою очередь, либеральная пресса отмечала, что с середины 20-х гг. авторитет советской дипломатии, несомненно, повысился, поскольку ее дипломаты представлены в Китае и Японии наряду с американскими, французскими и английскими. Уже в то время обозреватели считали, что, несмотря на изоляционизм, американскому руководству следует обращать больше внимания на внешнеполитические мероприятия Советского Союза, в т. ч. и на Дальнем Востоке.

Антиамериканские тенденции в политике СССР, Японии и Китая, как считалось, во многом связаны с положением финансов этих стран. Так, обозреватель либерального журнала «The Nation» Л. Фишер считал, что если бы Москва имела возможность получить заем у американских банкиров, то для нее был бы предпочтителен пакт с Соединенными Штатами и Китаем, нежели с Японией. Он подчеркивал, что для Советского Союза дружба с Китаем значила гораздо больше, чем с Японией. Но если Китай в своей политике будет постоянно ориентироваться на США, говорил он, а последние будут проводить прежнюю политику в Поднебесной, то Советское правительство вряд ли сохранит доброе отношение к своему южному соседу [12, р. 317]. Это положение Фишео неоднократно аргументировано и в своих поздних работах [13].

Нормализация отношений между Японией и СССР влекла за собой активизацию торгово-экономических связей. Эта тема активно обсуждалась в американской печати. Параллельно с официальными переговорами японские бизнесмены и представители Главконцесскома изучали возможности поставок советской нефти в Японию. До этого она большей частью импортировалась из США (320 тыс. т в год), что было недостаточно и невыгодно для Японии из-за транспортировки за 4000 миль. В то же время месторождения сахалинской нефти находились в 400 милях от Хоккайдо. В американской периодике нередко сообщались детали концессионных советско-японских соглашений по сахалинской нефти, подчеркивался их выгодный характер для Японии [14, р. 2].

Не случайно, что первая реакция официального Вашингтона на предоставление Японии нефтяных и других концессий была отрицательной. В заявлении госдепартамента отмечалось, что это соглашение нарушает решения Вашингтонской конференции. При этом американское правительство испытывало давление со стороны конкурирующих нефтяных монополий США. Позже, разобравшись в деталях договора, президент США К. Кулидж и госсекретарь Ф. Келлог заявили, что никакого нарушения обязательств со стороны Японии не было. В противном случае правительству США вновь пришлось бы

столкнуться с нежелательным прецедентом, который возник ранее в связи с предоставлением Советским правительством концессии компании Синклера на Сахалине. Заявление американского руководства было призвано рассеять беспокойство среди деловых кругов страны в связи с явным ущемлением их экономических интересов. Контракт Синклера с Советским правительством был признан «ненормальным», поскольку его заключение не должно обязательно сопровождаться установлением дипломатических отношений между СССР и США [15, р. 1, 4]. Поэтому консервативная пресса пыталась преподнести концессии как плату за дипломатическое признание и возможность получения иностранного займа. Параллельно высказывалось мнение, что материальный проигрыш, т. е. предоставление концессий, Советский Союз мог бы компенсировать экстерриториальностью в Японию. Наличие официального дипломатического представительства действительно облегчало ведение коммунистической пропаганды [16, р. 1].

С другой стороны, отмечалось, что госдепартамент знал о предстоявшем соглашении. Поэтому именно он должен был нести всю ответственность за потерю американских позиций в регионе с богатейшим месторождением нефти. Однако основная причина пассивности администрации США в вопросе об участии своей страны в разработке сахалинской нефти усматривалась всего лишь в «промедлении» [16, р. 3], а не в общей политике непризнания Советского правительства.

Таким образом, подавляющая часть американского общества восприняла нормализацию советско-японских отношений без особого энтузиазма. С одной стороны, сказывались настроения масс в условиях политики внешнеполитического изоляционизма правительства США, что вполне укладывалось в пацифистские настроения значительной части американской общественности. С другой стороны, отмечалось ослабление позиций США на Дальнем Востоке. Советско-японский компромисс представал как прецедент для подобных угроз неустойчивости в Европе. Создавалась видимость активизации коммунистической пропаганды на дальневосточном направлении. Подобные оценки стали следствием общей политики правительства США в отношении СССР, давлением американских нефтяных монополий. Сказывались рецидивы негативного отношения американской общественности к политике Японии на Дальнем Востоке. В то же время либерально настроенные круги отмечали упущенные экономические выгоды для Соединенных Штатов вследствие отсутствия дипломатических отношений с Советским государством. Перспективы взаимовыгодного сотрудничества между Японией и СССР выступали очередным свидетельством и подтверждением неразумности позиции Вашингтона в «русском вопросе».

Литература и источники (references)

1. The New York Times, 1925, Aug. 24.
2. Chicago Sunday Tribune, 1925, Jun. 4.
3. The New York Times, 1925, Feb. 14.
4. The New York Herald Tribune, 1925, Feb. 15.
5. The New York Evening Post, 1925, Apr. 10.
6. The New York Herald Tribune, 1925, Feb. 28.
7. The New York Times, 1925, Feb. 28.
8. The New York Herald Tribune, 1925, Feb. 1.
9. Christian Science Monitor, 1925, Jan. 22.
10. The New York Herald Tribune, 1925, Feb. 1.
11. Chicago Daily Tribune, 1925, Feb. 1.
12. The Nation, 1925, Feb. 2.
13. Fischer L. America, Japan and Russia. *The Nation*, 1925, March 25.
14. Fischer L. The Soviets in World Affairs. A History of the Relations between the Soviet Union and the Rest World. 1917–1929. N.Y.: Vintage Books, 1960 (First print 1930). 616 p.
15. The New York Times, 1925, Sept. 21.
16. Journal of Commerce, 1925, Apr. 13.

© Клио, 2018
© Тихий К.Т., 2018

УДК 94 (47) (571.6)

YURIY VASILIEVICH PIKALOV

*Doctor of Historical Sciences, Professor,
Professor of the Socio-Humanitarian and Economic Disciplines Department of the
Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation.
680013, Russian Federation, Khabarovsk, Vladivostokski per., 1–6.
E-mail: profiyvp@mail.ru*

The problem of Special Far Eastern Army commanders and political workers' compliance with the professional requirements, moral and political qualities (1929)

The research's topic relevance is determined by the demand of the historical experience in the new type army formation during the country transition from the socioeconomic and political development of an old model to the new one. It was exactly in the period when the Special Far Eastern Army (SFEA) was formed and rallied. The most difficult period for it was in 1929, when in the process of the army formation it entered the battle on the Chinese Eastern Railway. The study was based on the basis of the State Archive of the Khabarovsk Krai unpublished documents and published documents of the resolutions and decisions of congresses, plenums, and resolutions of the Central Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks), as well as the All-Russian Central Executive Committee of the Soviets resolutions. The next group of sources made up the periodical press, in particular, the newspaper «Pravda». Assistance in the research was provided by the scientists who wrote on similar subjects. The novelty of the research consists of a scientific analysis attempt of the command staff discontent with the policy of the leading party, with their financial position and with hazing relations between the commanders of the Special Far Eastern Army. These hazing relations are divided into hooligan manifestations and confrontation between the command staff and political workers of the army. As a result of the work, conclusions were drawn about the harmful impact of commanders with their financial position, the hazing between them on the morale and combat capability of the SFEA. The causes that gave rise to these discontent and hazing relationships are revealed. This makes it possible to use them in the current conditions of the construction of the Armed Forces of Russia.

Keywords: *Special Far Eastern Army, professionalism of commanders, morale, army combat capability, hazing, special department, political department.*

ЮРИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ ПИКАЛОВ

*Доктор исторических наук, профессор,
профессор кафедры социально-гуманитарных и экономических дисциплин
Дальневосточного юридического института
Министерства внутренних дел Российской Федерации.
680013, Россия, Хабаровск, Владивостокский пер., д. 1, кв. 6.
Тел.: +7 (4212) 43-95-17, +7 (914) 540-41-52,
e-mail: profiyvp@mail.ru*

Актуальность темы данного исследования определяется востребованностью исторического опыта формирования армии нового типа в период перехода страны от старой модели социально-экономического и политического развития к новой. Именно в такой период создавалась и спланировалась Особая Дальневосточная армия. Самым тяжелым для нее стал 1929 г., когда в процессе формирования армия вступила в бои на Китайской Восточной железной дороге. Исследование проводилось на основании неопубликованных документов Государственного архива Хабаровского края (ГАХК), опубликованных документов – резолюций и решений съездов, пленумов и постановлений Центрального комитета Всесоюзной коммунистической партии (большевиков), а также постановлений Всероссийского центрального исполнительного комитета советов (ВЦИК). Следующую группу источников составила периодическая печать, в частности газета «Правда». Помощь в исследовании оказали и научные труды авторов, писавших по схожей тематике. Новизна исследования состоит в попытке научного анализа проявлений недовольства командного состава политикой правящей партии, своим материальным положением и неуставных отношений между командирами Особой Дальневосточной армии. Эти неуставные отношения подразделяются на хулиганские проявления и противостояние между командным составом и политработниками армии. В итоге работы сделаны выводы

ды о пагубном воздействии недовольства командиров своим материальным положением, неуставных отношений между ними на моральный дух и боеспособность ОДВА. Выявляются причины, порождавшие эти недовольства и неуставные отношения. Это дает возможность их использования в современных условиях строительства Вооруженных сил России.

Ключевые слова: *Особая Дальневосточная армия, профессионализм командиров, моральный дух, боеспособность армии, неуставные отношения, особый отдел, политотдел.*

Проблема соответствия командиров и политработников Особой Дальневосточной армии профессиональным требованиям и морально-политическим качествам (1929 г.)

К концу 1920-х годов положение СССР на Дальнем Востоке стало меняться в сторону его ухудшения. Японский кабинет министров возглавил генерал Танака, который сформулировал отношение к Советскому Союзу в секретном меморандуме: «В программу нашего роста входит, по-видимому, необходимость вновь скрестить наши мечи с Россией на полях Монголии в целях овладения богатствами Северной Манчжурии. Пока этот скрытый риф не будет взорван, наше судно не сможет пойти быстро вперед» [1, с. 362].

И.В. Сталин на XV съезде ВКП(б) (декабрь 1927 г.) обозначил точку зрения партийного руководства на международное положение страны: «Усиление империалистических тенденций в лагере империалистов и угроза войны (в отношении СССР) есть один из основных факторов нынешнего положения» [2, с. 286–287].

В течение 1927 и 1928 гг. начали ухудшаться отношения между СССР и Китаем. Это выразилось в провокациях и налетах на советские дипломатические миссии, консульства и предприятия Китайской Восточной железной дороги (далее КВЖД). Китайские войска стали нападать на советские пограничные отряды и на мирное население на советской территории.

В условиях резкого ухудшения международного положения встал вопрос об укреплении обороны дальневосточных рубежей. С этой целью приказом Революционного Военного Совета СССР была создана Особая Дальневосточная армия (далее ОДВА). В конце сентября – начале ноября 1929 г. она, совместно с Амурской военной флотилией разгромила китайские части, обезоружив и пленив 8 тыс. солдат и 300 офицеров противника [3].

Успех ОДВА в конфликте на КВЖД не означал, что армия в полной мере соответствовала требованиям времени. Конец 20-х – начало 30-х гг. XX в. стали временем кардинальной перестройки вооруженных сил СССР. Этого требовало нарастание международной напряженности вокруг страны. Помимо Китая, реальную угрозу дальневосточным границам государства представляла Япония. Этот противник на тот момент был мощнее Китая и продолжал усиливаться. В связи с этим укрепление профессионального и морально-политического уровня командиров Красной Армии стало насущной задачей политического руководства страны.

Надо отметить, что с самого начала военного строительства советское партийное и государ-

ственное руководство предприняло ряд мер по укреплению морально-политического духа в армии и на флоте. Прежде всего, в декабре 1918 г. были созданы политические отделы, которые должны были стать проводниками политики партии среди военнослужащих [4, с. 544].

В следующем, 1919 г. постановлением Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета было утверждено решение о создании Особых отделов, как органов военной контрразведки. Они должны были изобличать шпионов, военнослужащих, настроенных против советской власти и политики правящей партии [5].

Анализ сводок особых отделов и политотделов ОДВА за 1929 г. показал, что профессиональный и морально-политический уровень определенной части ее командного состава были далеки от требуемого военной обстановкой. Между тем командиры, наряду с другими составляющими, определяли боеспособность личного состава подразделений. Следовательно, их морально-политический облик представлял наибольшую заботу в деле укрепления армии.

Одной из причин, негативно влиявшей на морально-политический облик комсостава ОДВА, была его социальная неоднородность. Правда и то, что она отражала социальный состав населения СССР того времени. С начала революции прошло менее двадцати лет, и в стране еще не успела сформироваться социальная структура общества, свободная от остатков прежнего классового устройства государства. В связи с этим в составе командиров ОДВА состояли бывшие офицеры Российской Императорской армии, лица, сочувствующие Л.Д. Троцкому и недовольные его отстранением от руководства страной, а так же офицеры, воевавшие на стороне противников советской власти.

Тревожные признаки несоответствующего морально-политического состояния комсостава ОДВА проявлялись, в основном, в трех направлениях.

Первое – недовольство военным руководством страны, которое проявляло нерешительность в организации боевых действий против китайских провокаций и захватов советских территорий. Второе – возмущение плохим денежным и натуральным довольствием. Третье – «неуставные» отношения между командирами частей и подразделений.

Недовольство военным руководством страны.

С момента формирования ОДВА в рядах начальствующего состава возникло острое недовольство

политикой советского правительства в отношении китайской агрессии на КВЖД. Как отмечалось в обзоре за 1 сентября 1929 года «Значительная часть начсостава считает, что момент к объявлению войны уже упущен и войны не будет». Длительное бездействие войск у границы, по мнению многих командиров, постепенно подрывало боевой дух солдат ожиданием: «Скорее бы хоть один конец – война или мир, неужели еще будем месяц стоять здесь, ведь это же черт знает что такое». «Наше правительство сначала взялось за дело горячо, нота за нотой, так и сыпались, а потом все остыло. Теперь вот сиди в этой дыре, пока не скажут. Все были настроены хорошо, красноармейцы с большим рвением ожидали войну, а теперь весь пыл пропал, ни на что смотреть не хочется» [6, л. 27–30].

Подобные высказывания командиров о руководстве страны говорили об их недоверии к нему. Подобные настроения свидетельствовали о низкой дисциплине комсостава ОДВА, его неблагонадежности. Такие командиры не могли быть опорой партии и правительства, поскольку обсуждали их непригодность к руководству страной. Такие разговоры, в принципе, недопустимы в действующей армии, находящейся в боевой обстановке.

Указанные настроения сохранялись вплоть до начала боевых действий. При этом резкость суждений все более возрастала. Начальник штаба 35 дивизии Н.К. Омелюстый говорил: «Наши боятся вступить в войну с Китаем, а это значит, что Советский Союз потерял весь военный авторитет и теперь все будут плевать на нас, видя, что мы воевать не можем» [6, л. 8–9]. Недовольство определенной части комсостава затягиванием начала войны и «нерешительностью действий советской власти» было бы не так серьезно, если бы на ее почве не наслаивалось другое негативное явление в среде командиров ОДВА – так называемые «отпускные настроения». Командиры, убежденные в том, что войны уже не будет, начали требовать от начальства отпусков и приезда жен к месту службы. Первые прецеденты имели место еще в августе 1929 г., когда в 26 дивизии распространился призыв к массовой подаче рапортов об увольнении [6, л. 139]. Аналогичные случаи фиксировались и в сентябре и в октябре.

Даже после начала боевых действий на КВЖД, «отпускные настроения» не исчезли. В сводке Особого отдела ОДВА за 5 ноября 1929 г. отмечалось, что в 103, 104 и 108 полках, оставленных у границы на зимний период «фиксируются отдельные случаи стремления удрать из Армии. Характерно, что наиболее вопиющие факты «удирательских» настроений падали на партийный начсостав, отдельные лица из коих не пренебрегают никакими средствами, лишь бы избавиться от обстановки, в которой находятся» [6, л. 220]. Политрук 103 полка Самсонов, в ответ на вынесенный ему выговор за невыполнение своих обязанностей, заявил о своем выходе из партии. В ответ на требования партийной ячейки полка вести воспитательную работу, заявлял – «Я беспартийный, делайте сами». В 35-й дивизии был зафиксирован

ряд случаев, когда командиры пытались получить отпуска, подговаривая родственников через личную переписку, направить в части телеграммы о фиктивных разводах, семейных скандалах, болезни жен и пр. с целью получения отпусков. Например, комроты все того же 103го полка Уткин, добился увольнения для решения семейных проблем. В полученной им ранее телеграмме от жены было сказано, что жена «нашла себе другого мужа и уезжает, а детей оставляет у знакомых». К моменту возвращения Уткина, сотрудники Особого отдела выяснили, что никакой неурядицы в семье вообще не было [7, л. 147–148].

Если недовольство начальствующего состава выжидательной политикой «советского руководства», исчезли из сводок Особого отдела ОДВА в ноябре-декабре 1929 г, то «отпускные настроения» сохранялись еще довольно долго, вплоть до апреля 1930 г. В наибольшей степени этим настроениям был подвержен средний комсостав [7, л. 76–80]. Понятно, что данные действия командиров не укрепляли дисциплину и боеготовность вверенного им личного состава.

Денежное и натуральное довольствие.

Денежное и натуральное довольствие военнослужащих составляли главную основу материального благосостояния командиров ОДВА и их семей. Иначе говоря, это были зарплата и продуктовые пайки. Если в центральных регионах страны обеспеченность военнослужащих продуктами была удовлетворительной, то на Дальнем Востоке в этом деле имелись трудности. Сельское хозяйство дальневосточного региона и до революции не обеспечивало всех потребностей его населения. Создание ОДВА сопровождалось перемещением многотысячных частей в районы, не обеспеченные соответствующей продовольственной базой.

В марте 1923 г. был сформирован Особый колхозный корпус в составе ОДВА (просуществовал до апреля 1936 г.), который должен был решить продовольственный вопрос. Предполагалось, что это позволит сократить завоз хлеба и мяса из западных районов страны [8, с. 106]. Однако части ОДВА, расположенные в отдаленных приграничных районах и других малодоступных местах, продолжали испытывать недостатки в продовольственном обеспечении.

Естественно, что подобные затруднения вызвали негативную реакцию командиров. В сентябре 1929 г. Особый отдел докладывал командованию ОДВА о том, что среди начсостава переброшенных в ДВК авиачастей недовольства «на почве неудовлетворенности материальными условиями ДВК значительно возросло. А тяга улизнуть в центральную часть СССР усилилось, доходя в последние дни до 60%» [6, л. 42].

Надо отметить, что приведенные негативные примеры отклика командиров на неудовлетворительные условия жизни, не являлись массовыми. В сентябрьских и октябрьских 1929 г. сводках Особого отдела ОДВА утверждалось, что основная масса командиров, в целом по ОДВА, подобными негативными явлениями не страдала. К таким выводам приходил заместитель начальника Особого отдела Капман,

анализировавший поступающую из частей информацию: «настроения всего комполитсостава в общем по-прежнему остаются здоровыми. Имеется желание повоевать и уверенность в победе... В общей массе настроение начсостава остается здоровым» [6, л. 67]. Однако, наличие даже относительно небольшого числа недовольных службой командиров, являлось тревожным фактором в боеспособности войск.

Неурядицы с размерами денежного довольствия комсостава ОДВА представляли более серьезную угрозу для их морально-политического облика.

Особенно негативные отклики начсостава встретил приказ о новых ставках денежного довольствия. Некоторые командиры рассматривали их как «мероприятие, не обеспечивающее материального благополучия командного состава» [6, л. 8]. Именно это подталкивало многих командиров 77 полка к уходу из армии. Командир взвода этого полка Боженев жаловался сослуживцам: «В Никольск-Уссурийске страшная дороговизна. Чем в таких условиях жить – лучше податься на гражданскую работу; Что ни год, то неизменно и все больше урезают ставки, хитро все подстроено, считают основной оклад за счет уменьшения других видов, а это здорово бьет по нашему карману. Скоро будем получать компенсации за службу в отдаленной местности и разница получится большая, это разбивает все планы, сидишь и каждый год планируешь, куда и как эти деньги истратить и вдруг все твои планы летят к черту» [6, л. 9]. И хотя в других подразделениях призывов к массовым увольнениям из армии не наблюдалось, общее недовольство низким денежным довольствием имело место.

Особенно остро на эту проблему реагировали в авиачастях, переброшенных из других регионов (преимущественно 6 авиаотряд, дислоцировавшийся ранее в Чите). «Задержка выплаты полевых и частые письма из дома, с просьбами выслать деньги сильно нервируют летный и командный состав авиаотряда. На почве отдаленности от дома, среди летчиков началось моральное разложение – пьянство, связи с проститутками и несвоевременное возвращение из отпусков и т.п. Всего за первые две недели сентября 1929 г. в авиаотряде было отмечено 7 подобных случаев» [6, л. 30].

Задержки с выплатами «боевых», положенных командирам в составе воюющих частей, так же негативно отражались на их моральном духе. В сводке Особого отдела за 12 октября 1929 г. отмечалась возросшая острота недовольств начсостава по этому поводу. «Некоторые командиры дошли до того, что «стреляют» махорку у подчиненных красноармейцев. Хуже всего приходилось командирам, имевшим на содержании безработных членов семьи. А в подразделениях расположенных непосредственно на границе, т. к. части находились вдалеке от своих мест дислокации и начсостав был оторван от семей, многие командиры были вынуждены питаться из красноармейского котла» [6, л. 139 об.].

Все это усугублялось невыплатами начсоставу компенсаций за службу в отдаленной местности, что вызывало справедливое возмущение и расхолажи-

вало командиров в несении службы. Задолженность по данным выплатам на 5 ноября 1929 г. составляла 400000 руб. На все обращения финансовая служба ОДВА отвечала: «Центр денег не отпускает, несмотря на 10 запросов, отделяется уклончивыми ответами» [6, л. 221].

Следует отметить, что трудности с обеспечением командиров денежным и натуральным довольствием были характерны, на тот период, для всей страны. Объяснялось это началом широкого перевооружения Красной Армии. ЦК ВКП(б) в своем постановлении «О состоянии обороны страны» 15 июля 1929 г. отметил: «...наряду с модернизацией существующего вооружения добиться в течение ближайших двух лет получения опытных образцов, а затем и внедрения их в армию, современных типов артиллерии, всех современных типов танков, бронемашин и пр. ... Считать, что важнейшей задачей на ближайшие годы в строительстве красной авиации является скорейшее доведение ее качества до уровня передовых буржуазных стран...» [9, с. 282].

Необходимость доведения обороноспособности страны до уровня передовых западноевропейских стран в короткие сроки потребовала огромных денежных затрат. Финансирование технического перевооружения Красной Армии стала приоритетной задачей всех первых советских пятилеток. Понятно, что в условиях недостатка финансов, эта задача решалась в ущерб денежному и натуральному довольствию военнослужащих. Одновременно решать две задачи: технического перевооружения и повышения материального благосостояния военнослужащих, страна в то время не могла. Приходилось определять приоритеты, и они были не в пользу второй задачи. По данным И.И. Басика, с 1924 по 1927 гг. денежное содержание военнослужащих сократилось с 26,69% до 22,91%, а натуральное довольствие сократилось с 27,23% до 26,01%. При этом финансирование технического перевооружения постоянно росло [10, с. 465].

Как видим, проблема сокращения и нерегулярной выплаты денежного и натурального довольствия военнослужащих была общегосударственной. Однако в ОДВА она стала более острой, чем в остальных частях страны, по причине специфики дальневосточной окраины.

На Дальнем Востоке продовольствие и непродовольственные товары стоили гораздо дороже, чем в остальных частях страны. По данным Особого отдела 1-й дивизии ОДВА с 1 по 10 июня 1927 г. по причине неудовлетворительного денежного и натурального довольствия 25 представителей начальствующего состава дивизии написали рапорта об увольнении. В сводках Особого отдела зафиксированы высказывания командиров по этому поводу: «По плану положено увеличение зарплаты на 71%, а где они не вижу. Раньше я платил за квартиру 5 р. а сейчас 10, за молоко платил 10 коп. а сейчас 20 коп., работаешь по осознанию, но без всякого желания, а раз этот так, то какой же из меня командир, когда одной ногой находишься в армии, а другой хочешь демобилизоваться, в самой службе не видно никаких благоприятных

перспектив. 8 лет работаю на должности командира роты, хожу пешком, истрепался как сукин сын, сейчас продвинули немного, но пользы от этого никакой, только нагрузка прибавилась... Брат у меня гораздо слабее развит, чем я, работает на гражданской службе строго 6 часов в сутки, получает 275 рублей и посмеивается надо мной и моей горькой жизнью» [11, л. 312]. При одинаковом денежном довольствии командира ОДВА и командира в другой части страны, покупательная способность первого была ниже.

Тяжелое положение с денежным довольствием командиров ОДВА усугублялось тем, что в большинстве удаленных частей отсутствовали магазины и рынки сельскохозяйственной продукции. Питание в семьях командиров стало неудовлетворительным. Они, зачастую, питались хуже рядового состава. Если последние получали гарантированное котловое питание в частях, то командиры и их семьи не имели такой возможности. Это было явной недоработкой командования и политуправления ОДВА, снижало морально-политический дух командиров и ослабляло боеготовность частей и подразделений.

«Неуставные» отношения между командирами ОДВА.

Неуставные отношения существовали всегда и во всех армиях мира. Прежде всего надо определить в чем они выражались, для того чтобы правильно анализировать подобные факты во взаимоотношениях между военнослужащими. Не претендуя на полную и глубокую квалификацию подобного феномена, можно сказать, что неуставные взаимоотношения между военнослужащими это те, которые выходят за рамки уставов и противоречат традиционным принципам товарищества и взаимовыручки, которые всегда культивировались в Российской и Советской армиях.

Давно известно, что неуставные отношения разрушают чувства долга и ответственности военнослужащих, подрывают боевой дух подразделений армии. Борьба с подобными явлениями в вооруженных силах нашего государства всегда была актуальной задачей командиров. Однако неуставные взаимоотношения между командным составом сводят решение этой задачи на нет и являются еще более плохим проявлением неблагоприятной служебной обстановки.

Обзоры политотделов и донесения особых отделов ОДВА за 1929 г. ежемесячно фиксировали различные инциденты, связанные с неуставными отношениями. Все указанные случаи можно разделить на два вида. Первый – связанные с профнепригодностью отдельных командиров, когда страдали лишь некоторые военнослужащие. Второй – более опасный – противостояние между командным и политическим составом, когда разрушалась боеспособность целых подразделений.

Вначале рассмотрим характерные примеры неуставных отношений первого вида. «В 5 полку начальник медчасти Трещинский зверски избил (котелком пробил голову) старшину, в ответ на замечание последнего – «почему Вы кушаете на свежей газете». За это на Трещинского было наложено взыска-

ние» [12, л. 178]. «Взводный командир 78 строевого полка обматерил младшего командира, когда тот, по приказу дежурного разбудил его дома и попытался привести в часть, другой командир этого полка отправил красноармейцев в лес искать свою собаку. В 107 полку незаконно удерживали на службе красноармейца» [6, л. 67–68]. «В октябре 1929 г., в этом же самом полку, взводный командир был осужден на 3 года за то, что со своим взводом преждевременно ушел из сторожевого охранения. После приговора, в полку началась травля командира (должность в сводке не сообщается) Шахова, который доложил об этом командованию полка. Часть начсостава резко обвиняет к[оманди]ра Шахова донесшего об уходе Морозова из сторожевки» [13, л. 149 об.].

Еще одним показательным примером неуставных отношений между командирами являлся конфликт между руководством 40 эскадрильи и 19 авиаотряда. Вот что об этом говорилось в донесении Особого отдела: «Начало конфликта в октябре 1929 г. было положено командиром эскадрильи Карлиным, который по прибытию в Спасск, приказал насильно выселить семьи летчиков 19 авиаотряда из их квартир. Был случай, когда в квартире летчика находилась одна супруга с детьми и их заставили вытаскивать вещи, для освобождения квартиры. В ноябре месяце, ситуация дошла до такого абсурда, что летчикам 19 авиаотряда начали отказывать в помощи при обслуживании самолетов, а так же подолгу не разрешать садиться на посадочную полосу. Имел место случай, когда летчик отряда целый час провел в воздухе, ожидая разрешения идти на посадку» [6, л. 221].

Анализ выше приведенных фактов неуставных отношений показывает, что в их основе лежали низкие человеческие и профессиональные качества «командиров – самодуров», которые нарушали уставы и принципы товарищеских взаимоотношений в частях ОДВА. Искоренение подобного поведения требовало времени для подготовки новых командных кадров, отвечающих высоким требованиям командира.

Более опасные неуставные отношения второго типа встречаются в сводках особых отделов чаще, чем первого. В то время это выглядело еще более тревожным. «В 61 полку буквально накануне переброски подразделения в Читу произошла смена командира. Комиссар полка Козлов бы «вычищен» перед переброской в Читу за «диктаторство» и ряд других антипартийных и уголовных деяний. Новый командир полка Ездоков так же стал обвиняться в использовании тактики единоначалия во взаимоотношении с новым комиссаром Клочковым. Клочков, в свою очередь, очень болезненно реагировал на критику в свой адрес и не пользовался авторитетом у парторганизации» [6, л. 8 об.].

Обстановка в десантном батальоне 4 Волочаевского полка оценивалась Особым отделом как «нездоровая, в виду того, что «служебная спайка» между партийным начсоставом и беспартийными командирами отсутствует. Конфликт вызван напряженными отношениями между политруком Толстовым и двумя ротными командирами – Винаркевичем и Кибаль-

ченко. Политрук, вместе с комиссаром батальона, необоснованно обвинили Кибальченко в том, что тот сфальсифицировал свою службу в партизанских отрядах в Гражданскую войну. Конфликт обострился, после первых августовских стычек боев с китайцами на границе, на разбор военной операции вообще не был приглашен беспартийный начсостав. Что, само собой, вызвало резкое неодобрение последних и создало нездоровую обстановку для дальнейшей работы беспартийных командиров в батальоне. В ответ на возникший конфликт, Политотдел Сунгарийской группы среагировал довольно быстро. Комиссар батальона был отозван и на его место назначен новый, обстановку в батальоне удалось разрядить» [6, л. 9 об.].

Противостояние между командным и политическим составом порой выливалась в открытую вражду: «Комиссар ж..., за указаниями к нему никогда не пойду», в таких выражениях высказывал свое недовольство помощник командира роты Марченко [6, л. 7].

Еще один пример противостояния командного и политического состава: «В девятой кавалерийской бригаде, все дошло до открытого противостояния основной части политсостава и начальника бригады Митюкова. В постоянных конфликтах между командирами и комиссарами эскадронов в составе бригады, командир бригады постоянно поддерживал первых. Дело часто доходило до игнорирования командирами мнения комиссаров и открытого покушения на их авторитет» [6, л. 10 об.].

Другой пример: «Конфликт между комиссаром и командиром возник в конце сентября 1929 г. в Дальневосточном артиллерийском полку. Командир полка Глебов (беспартийный) и комиссар Орлов конфликтовали по вопросам управления частью еще с весны 1928 года. Частые вмешательства политотдела в вопросы управления частью заставляли командования полка внешне выправлять имеющуюся недоговоренность, т.е. идти на уступки. Однако политрук продолжал публично проявлять недоверие к командиру полка. Так, например, в сентябре в часть прибыли новые политработники, военком запретил им докладывать о прибытии командиру полка – «я сам Вас потом представлю». Узнав о прибытии новых политработников, командир полка Глебов сделал им выговор за неявку к нему по прибытию» [6, л. 68].

Далее конфликт распространился на весь полк. Оперативные работники Особого отдела докладывали командованию ОДВА: «Конфликт между беспартийным командиром и политруководителем распространился на весь остальной командный состав полка. Командиры рот и взводов стали систематически срывать политзанятия, а политруководители ста-

ли самовольно давать поручения красноармейцам и отправлять их из части с заданиями на несколько дней без согласования с командирами» [6, л. 69].

Как уже отмечалось выше, подобные конфликты были гораздо более разрушительными для боеспособности воинских подразделений, чем самодурство и хулиганство командиров. Вызваны они были тем, что в Красной Армии, наряду с командирами, в каждом подразделении были политработники с надзорными функциями от ВКП(б). Они имели, порой, даже больше власти, чем командиры. В случае, когда политработник обладал низкой культурой и отсутствием профессиональной военной подготовки, возникали конфликты между ним и командиром. Не случайно, поэтому 25 февраля 1929 г. ЦК ВКП(б) принял по этому поводу специальное постановление «О командном и политическом составе РККА», где он «...определил очередные задачи в деле совершенствования подготовки, обеспечения полного единства в работе командного и политического состава Красной Армии, последовательного осуществления курса на единоначалие» [9, с. 176–179].

Таким образом, хотя в целом ОДВА выполняла возложенные на нее обязанности по защите дальневосточных рубежей СССР, профессиональные и морально-политические качества части ее командного состава не отвечали требованиям времени.

Недовольство командиров выжидательной политикой правительства в конфликте на КВЖД отражало низкий уровень их воинской дисциплины и профессиональных качеств. Открытое обсуждение правильности или неправильности государственной политики характерно, скорее, для ополчения, а не для регулярной армии.

Возмущение комсостава недостаточным денежным довольствием усугублялось бездействием командования в налаживании снабжения командиров и их семей в необжитых малонаселенных районах Дальнего Востока. Это так же подрывало боеспособность армии.

Неуставные отношения среди командиров подрывали единство и боевой дух воинских коллективов. При этом, если от хулиганства и самодурства командиров страдали лишь отдельные военнослужащие, то от противостояния командного и политического руководства разрушалась дисциплина и боеготовность целых подразделений.

Многие проблемы, обострившиеся в тяжелом для ОДВА 1929 г., могли быть решены благополучно, если бы высшее командование армией уделяло больше внимания насущным нуждам командиров. Тем более что они выполняли свой долг в сложных, а порой и очень тяжелых условиях службы на Дальнем Востоке.

Литература и источники

1. Международные отношения на Дальнем Востоке (1780–1945 гг.) / под общ. ред. чл.-корр. АН СССР Е.М. Жиркова. М.: Госполитиздат, 1951. 793 с.
2. Сталин И.В. XV съезд ВКП(б) 2–19 декабря 1927 г. Политический отчет Центрального Комитета 3 декабря // Собр. соч. в 13-ти т. Т. 10. М.: Госполитиздат, 1952. 408 с.

3. Правда. 1929. 23 ноября
4. История Гражданской войны в СССР. Т. 3. М.: Госполитиздат, 1958. 740 с.
5. Постановление Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета. Об особых отделах при Всероссийской Чрезвычайной Комиссии (Положение) // Известия Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов. 1919. 21 февраля.
6. Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). Ф. П-2. Оп. 1. Д. 166.
7. ГАХК. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 244.
8. Песков В.М. Военная политика СССР на Дальнем Востоке в 30-е гг. XX в. Хабаровск: Изд-во ХГПУ, 2000. 345 с.
9. О состоянии обороны страны. Постановление ЦК ВКП(б) 15 июля 1929 г. // Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 1898–1970. Изд. 8-е, доп. и испр.: в 12-ти т. Т. 4: 1927–1931. М.: Политиздат, 1970. 583 с.
10. Басик И.И. Военная реформа 1920-х годов в СССР // Россия в XX веке: Реформы и революции: в 2-х т. Т. 2 / под ред. Г.Н. Севостьянова. М.: Наука, 2002. С. 456–465.
11. ГАХК. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 245.
12. ГАХК. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 167.
13. ГАХК. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 168.

References

1. *Mezhdunarodnye otnosheniya na Dal'nem Vostoke (1780–1945 gg.)* [International relations in the Far East (1780–1945)]. Corresponding Member of the Academy of Sciences of the USSR E.M. Zhirkov (ed.). Moscow, Gospolitizdat Publ., 1951, 793 p.
2. Stalin I.V. *XV s"ezd VKP(b) 2–19 dekabrya 1927 g. Politicheskii otchet Tsentral'nogo Komiteta 3 dekabrya* [XV Congress of the CPSU(b) 2–19 December 1927. Political Report of the Central Committee, December 3]. *Sobr. soch. v 13-ti t.* [Collection of Works in 13 volumes], vol. 10. Moscow, Gospolitizdat Publ., 1952, 408 p.
3. Pravda, 1929, November 23.
4. *Istoriya Grazhdanskoi voiny v SSSR* [History of the Civil War in the USSR], vol. 3. Moscow, Gospolitizdat Publ., 1958, 740 p.
5. *Postanovlenie Vserossiiskogo Tsentral'nogo Ispolnitel'nogo Komiteta. Ob osobykh otdelakh pri Vserossiiskoi Chrezvychainoi Komissii (Polozhenie)* [Resolution of the All-Russian Central Executive Committee. About special departments in the All-Russian Extraordinary Commission (Regulations)]. *Izvestiya Vserossiiskogo Tsentral'nogo Ispolnitel'nogo Komiteta Sovetov* [Izvestia of the All-Russian Central Executive Committee of the Soviets], 1919, 21 February.
6. *Gosudarstvennyi arkhiv Khabarovskogo kraya (GAKhK)* [The State Archive of the Khabarovsk Krai], f. P-2, op. 1, d. 166.
7. *Gosudarstvennyi arkhiv Khabarovskogo kraya (GAKhK)* [The State Archive of the Khabarovsk Krai], f. P-2, op. 1, d. 244.
8. Peskov V.M. *Voennaya politika SSSR na Dal'nem Vostoke v 30-e gg. XX v.* [Military policy of the USSR in the Far East in the 30s of the 20th century]. Khabarovsk, KhSPU Publ., 2000, 345 p.
9. *O sostoyanii oborony strany. Postanovlenie TsK VKP(b) 15 iyulya 1929 g.* [On the state of the country's defense. Resolution of the Central Committee of the CPSU(b), July 15, 1929]. *Kommunisticheskaya partiya Sovetskogo Soyuz v rezolyutsiyakh i resheniyakh s"ezdov, konferentsii i plenumov TsK. 1898–1970* [Communist Party of the Soviet Union in resolutions and decisions of congresses, conferences and plenums of the Central Committee. 1898–1970]. Ed. 8th, add. and corrected: in 12 volumes, vol. 4: 1927–1931. Moscow, Politizdat Publ., 1970, 583 p.
10. Basik I.I. *Voennaya reforma 1920-kh godov v SSSR* [The Military Reform of the 1920s in the USSR]. *Rossiya v XX veke: Reformy i revolyutsii: v 2-kh t.* [Russia in the Twentieth Century: Reforms and Revolutions: in 2 volumes], vol. 2, G.N. Sevost'yanov (ed.). Moscow, Nauka Publ., 2002, pp. 456–465.
11. *Gosudarstvennyi arkhiv Khabarovskogo kraya (GAKhK)* [The State Archive of the Khabarovsk Krai], f. P-2, op. 1, d. 245.
12. *Gosudarstvennyi arkhiv Khabarovskogo kraya (GAKhK)* [The State Archive of the Khabarovsk Krai], f. P-2, op. 1, d. 167.
13. *Gosudarstvennyi arkhiv Khabarovskogo kraya (GAKhK)* [The State Archive of the Khabarovsk Krai], f. P-2, op. 1, d. 168.

© Клио, 2018

© Пикалов Ю.В., 2018

УДК 947.085(571.6)

GALINA ANATOLYEVNA TKACHYOVA

*Doctor of Historical Sciences, Professor,
Far Eastern Federal University,
Leading Researcher of the Institute of history, archaeology and ethnography of the peoples Far East,
Far Eastern branch of the Russian Academy of Sciences.
690001, Russian Federation, Vladivostok, Pushkinskaya St., 89.
E-mail: tkacheva@bmail.ru*

Acquisition of naval units in the Far East of the USSR during the Second World War (1939–1945)

In the article on basis of archival documents and materials, for the first time introduced into scientific circulation, describes the process of completing units of the Pacific navy (TOF) and the Red banner Amur military flotilla (KAF) by conscripts and reservists of the reserve, volunteers in the Great Patriotic War. Their social and demographic characteristic is submitted. Provides the information about redeployment of military units and changes in the number of personnel of the Far Eastern naval forces depending on the operational-strategic situation in the region and the need to replenish the existing troops on the Soviet-German front. Using statistical data revealed that the main indicators of the mobilization of reservists and volunteers to the Pacific fleet and the Amur flotilla depended on the military-political situation, economic and demographic capabilities of the country and was determined by the restructuring of the Armed forces of the USSR. With use of statistical data, it is revealed that the main indicators of mobilization of reservists and volunteers to the Pacific navy and the Amur military flotilla depended on the military-political situation, economic and demographic opportunities of the country and were defined by reorganization of Armed forces of the USSR.

Keywords: *Great Patriotic War, Far East, Pacific fleet, Amur military flotilla Decorated with the Order of the Red Banner, mobilization expansion, mobilization, recruits, persons liable for call-up of a stock.*

ГАЛИНА АНАТОЛЬЕВНА ТКАЧЕВА

*Доктор исторических наук, профессор,
Дальневосточный федеральный университет, ведущий научный сотрудник,
Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН.
690001, Россия, г. Владивосток, ул. Пушкинская, 89.
Тел.: +7 (914) 651-55-50, e-mail: tkacheva@bmail.ru*

В статье на основе комплекса архивных документов и материалов, впервые вводимых в научный оборот, рассматривается процесс комплектования частей Тихоокеанского флота (ТОФ) и Краснознамённой Амурской военной флотилии (КАФ) призывниками и военнообязанными запаса, добровольцами в годы Великой Отечественной войны. Представлена их социально-демографическая характеристика. Приводятся данные о передислокации воинских подразделений и изменениях в численности личного состава Дальневосточной группировки военно-морских сил в зависимости от оперативно-стратегической обстановки в регионе и необходимости пополнения действующих частей на советско-германском фронте. С использованием статистических данных, выявлено, что основные показатели мобилизации военнообязанных и добровольцев на Тихоокеанский флот и в Амурскую военную флотилию зависели от военно-политической обстановки, экономических и демографических возможностей страны и определялись реорганизацией Вооружённых сил СССР.

Ключевые слова: *Великая Отечественная война, Дальний Восток, Тихоокеанский флот, Амурская Краснознамённая военная флотилия, мобилизационное развёртывание, мобилизация, призывники, военнообязанные запаса.*

Комплектование военно-морских соединений на Дальнем Востоке СССР в годы Второй мировой войны (1939–1945)

В годы Второй мировой войны геополитическая и военно-стратегическая расстановка сил в Азиатско-Тихоокеанском регионе вынуждала советское руководство принимать важные военно-политические решения, направленные на

укрепление восточных рубежей страны. Задача укрепления Дальневосточного региона решалась военно-политическими, военно-экономическими, организационно-правовыми, идеологическими методами, гарантирующими защиту жизненно важ-

ных интересов советского государства. Советская военная доктрина определяла строительство оборонительных рубежей, организацию противовоздушной и противохимической обороны, подготовку боевых резервов и развёртывание сухопутных и военно-морских сил на стратегических направлениях, гарантирующих защиту жизненно важных интересов СССР в условиях ведения войны на два фронта – против Германии и Японии.

С 1 сентября 1939 г. в стране вводится всеобщая воинская обязанность, защита Отечества становится священным долгом, а воинская служба – почётной обязанностью всех граждан без различия национальности, вероисповедания, образования, социального происхождения и положения. Военнообязанные запаса, состоявшие на общем (РККА), специальном (ВМФ) и особом учёте (по Наркоматам железнодорожного, водного транспорта и внутренних дел, пограничных и внутренних войск), с учётом звания, специальности и возраста (до 35, 45, 50-ти лет) призываются на учебные сборы, молодые люди 1918–1921 гг. рожд. – на действительную военную службу.

Мобилизационные возможности стратегического развёртывания Вооружённых сил СССР определила проходившая с 15 марта по 15 апреля 1941 г. во всех шестнадцати военных округах страны перепись военнообязанных 1900–1918 гг. рожд. (отдельно 1905–1918 гг., а на территории дислокации Дальневосточного фронта 1910–1918 гг. рожд.) к воинским подразделениям.

Районы комплектования личным составом флотов и флотилий устанавливались, прежде всего, с учётом наличия людских ресурсов в ближайших военных округах к местам базирования, а при их недостатке – в отдалённых. Части Тихоокеанского флота укомплектовывалась военнообязанными запаса и призывниками из ресурсов ВМФ Московского военного округа (Московский городской, областной, Горьковский областной военкоматы и военкоматы Марийской, Чувашской, Мордовской автономных республик), Приволжского (Куйбышевский, Пензен-

ский областные военкоматы и военкомат Татарской АССР), Уральского (Молотовский, Свердловский, Челябинский областной военкоматы и военкоматы Башкирской и Удмуртской АССР), Забайкальского (Иркутский областной военкомат и военкоматы Якутской и Бурят-Монгольской автономных республик), Сибирского (Новосибирский областной, Алтайский краевой военкоматы и военкомат Ойратской автономной области), Дальневосточного фронта (Приморский краевой, Уссурийский, Нижне-Амурский, Камчатский, Сахалинский областной военкоматы), из ресурсов Красной Армии – Дальневосточного фронта, Московского и Уральского военных округов. На Амурскую военную флотилию направлялись военнообязанные Московского военного округа (Ивановский областной военкомат), Уральского (Кировский), Сибирского (Омский, Красноярский, Хакассский), Забайкальского (Читинский), Дальневосточного фронта (Хабаровский, Амурский и ЕАО) из ресурсов ВМФ, Дальневосточного фронта и Уральского военного округа – РККА [1, л. 7–9, 13].

Выбор областных, районных, городских военкоматов для комплектования военно-морских соединений на Дальнем Востоке СССР обуславливался ограниченными мобилизационными возможностями восточных районов страны. Несмотря на то, что в мобилизационную потребность Тихоокеанского флота не включили 15% надбавку на убыль (6685 чел.), не удалось приписать 8105 военнообязанных (18,2% задания), в том числе 3021 (27,3%) – младшего начальствующего и 5084 (15,2%) – рядового состава. Судя по отчётам, возникли трудности при подборе личного состава в авиационные части флота (не обеспечено 37% младшего начальствующего и 17,5% рядового состава). Амурской флотилии не удалось приписать 41% – младшего начальствующего и 12% – рядового состава, в том числе 24% – на флот, 18,6% – в части береговой обороны и 26% – военно-воздушных сил (см. табл. 1).

Неудовлетворительная отработка мобилизационного плана для частей военно-морского флота связа-

Таблица 1 – Мобилизационный план комплектования личного состава Тихоокеанского флота и Амурской военной флотилии (июнь 1941 г.), чел.

Флот, флотилия	Состав	Мобилизационная потребность			Приписано военнообязанных		
		МНС	РС	итого	МНС	РС	итого
ТОФ	Флот	2798	6858	9656	1912	5897	7809
	БО-4	2466	10510	12976	2046	8645	10691
	БО-2	1418	8206	9624	1322	7331	8653
	ВВС	4379	7888	12267	2760	6505	9265
	Итого	11061	33462	44523	8040	28378	36418
КАФ	Флот	561	1110	1671	285	984	1269
	БО-4	106	567	673	112	436	548
	БО-2	14	199	213	25	201	226
	ВВС	390	498	888	207	450	657
	Итого	1071	2374	3445	629	2071	2700

Источник: ЦВМА. Ф. 864. Оп. 1. Д. 7. Л. 26, 27 (сост. авт.).

на в большей степени с решением организационных вопросов. Во-первых, районы комплектования были окончательно определены только 17 декабря 1940 г. Местные органы военного управления, осуществлявшие одновременно приписку военнообязанных для частей РККА и ВМФ без чётких указаний Штабов военных округов при изменении учитываемых возрастных категорий военнообязанных общего, специального и военизированного учёта не смогли оперативно учесть мобилизационные ресурсы. Во-вторых, бронирование рабочих оборонных заводов и личного состава пароходств, начало навигации

транспортного и рыболовского флота усугубили проблему сбора информации и персонального отбора рядового и младшего начальствующего состава в команды корабля или части.

Согласно разработанному мобилизационному плану, из 31,5 млн чел. годных к военной службе (16,4% населения страны), в первую очередь подлежали призыву военнообязанные тринадцати возрастов, а на Дальнем Востоке – восьми, причём лица до 35 лет направлялись на укомплектование боевых частей, а старших возрастных категорий – тыловых и обслуживающих подразделений. Для

Таблица 2 – Состав военнослужащих запаса прибывших на комплектование Тихоокеанского флота (июнь – август 1941 г.), чел.

	Состав	Флот	БО-4	БО-2	ВВС	Всего
Должны прибыть	МНС	2390	2031	1354	4100	9875
	РС	5992	8661	7186	7401	29240
	Итого	8382	10692	8540	11501	39115
Прибыло	МНС	1781	1812	1082	2436	7111
	РС	5377	9294	7543	7280	29494
	итого	7158	11106	8625	9716	36605
Отсеяно	по состоянию здоровья	27	4	3	11	45
	по морально-политическим причинам	15	1	-	-	16
	национальному признаку	6	-	-	-	6
	другим причинам	21	1	-	-	22
	всего	69	6	3	11	89
Зачислено в части, в том числе	МНС	1759	1812	1082	2432	7085
	РС	5330	9288	7540	7273	29431
	итого	7081	11100	8622	9705	36516
по полу	мужчин	6989	11100	8622	9631	36340
	женщин	102	-	-	74	176
по категориям	1-я категория	4592	7714	4938	5764	23008
	2-я категория	2497	3386	3684	3941	13508
по возрасту (год рожд.)	1901–1904	9	15	7	23	54
	1905–1909	1541	1868	3068	2696	9173
	1910–1917	5272	8909	5238	6705	26104
	1918–1922	267	308	329	281	1185
по социальному составу	рабочих	5031	7788	4195	6550	23564
	колхозников	437	1228	3375	1596	6636
	крестьян единоличников	14	49	64	-	127
	служащих	1601	1992	979	1559	6131
	прочих	6	43	9	-	58
по партийности	членов ВКП (б)	409	494	191	298	1392
	канд. в члены ВКП (б)	354	498	204	438	1494
	членов ВЛКСМ	745	1267	791	788	3591
	беспартийных	5581	8841	7436	8181	30039
по образованию	высшее и н/высшее	29	26	8	146	209
	среднее	545	387	78	218	1228
	9–8 кл.	320	428	88	337	1173
	7–5 кл.	2642	4007	1349	2868	10866
	4–1 кл.	1814	6242	6971	6038	22803
	неграмотные	1	10	128	98	237

Источник: ЦВМА. Ф. 864. Оп. 1. Д. 7. Л. 93–96 (сост. авт.).

мобилизационного развёртывания Военно-Морского флота предназначалось более 287 тыс. чел. рядового и младшего начальствующего состава, из них 231,9 тыс. – по учётным специальностям флота (134,8 – по первому разряду) и 55,2 тыс. – армии. Данное количество в 2,4 раза превышало расчётную мобилизационную потребность ВМФ (32,9 тыс. – для частей флота, 56,6 тыс. – береговой обороны и 31,5 тыс. – военно-воздушных сил) [1, 7–9, 26–27]. Однако ни планово-статистические, ни военные ведомства не располагали достоверными сведениями о мобилизационных возможностях страны.

Великая Отечественная война скорректировала схемы развёртывания воинских формирований. По постановлению Президиума Верховного Совета СССР, с 23 июня 1941 г. проводилась частичная мобилизация военнообязанных 14 возрастов (1905–1918 гг. рожд.) на территории 14 военных округов. В Забайкальском, Среднеазиатском округах и на территории Дальневосточного фронта она осуществлялась скрытым порядком с 1 июля 1941 г. (объявлена 21 июля 1941 г.). Всеобщей мобилизация стала с августа 1941 г.: призывались военнообязанные старших возрастов (предельный возраст военнообязанных устанавливался 55 лет) и достигшие 18 лет (с 1944 г. – 17 лет).

Начало войны в морских соединениях Дальнего Востока встретили более 120,7 тыс. краснофлотцев и красноармейцев, старшин и сержантов. По распоряжению Главного морского штаба ВМФ, мобилизационное развёртывание Тихоокеанского флота и Амурской флотилии осуществлялось в три очереди: с 8 июля были мобилизованы суда гражданских наркоматов с личным составом, с 19 июля призывались военнообязанные, приписанные к

частям береговой и противовоздушной обороны, отдельным кораблям и частям, а с 23 июля 1941 г. – весь приписной состав.

При определении численности вооружённых формирований на советском Дальнем Востоке учитывалась специфика его геополитического пространства при огромной протяжённости морских и сухопутных границ и маловероятности внутри- и межрегиональной перегруппировки войск. При наличии для Тихоокеанского флота на учёте 56,1 тыс. военнообязанных запаса по ресурсам ВМФ и 26,8 тыс. ресурсов Красной Армии, соответственно Амурской флотилии 12 тыс. и 1,1 тыс., формирование их частей обеспечивалось почти полностью военнообязанными 1905–1918 гг. рожд. Из-за отдалённости районов комплектования вызов военнообязанных запаса производился телеграммами. Согласно плану они должны были прибыть к месту назначения со второго по тринадцатый день мобилизации (за исключением предназначенных для комплектования частей с готовностью до трёх месяцев), но начали поступать из дальневосточных военкоматов с 9 июля и основной состав прибыл к 18–23 августа 1941 г. [1, л. 31, 85].

К 1 сентября 1941 г. по плану скрытого развёртывания на ТОФ мобилизовали 41 тыс. военнообязанных запаса (92,2% нарядов). По отчётным сведениям, планировалось прибытие 39,1 тыс. чел., а прибыло по одиночке, командами и эшелонами 36,6 тыс. (7,1 тыс. младшего начальствующего и 29,5 тыс. рядового состава). После переосвидетельствования прибывших военнообязанных запаса, 89 чел. отсеяли (большинство по состоянию здоровья), а 36,5 тыс. распределили, из них согласно потребностям в части береговой обороны 54%,

Таблица 3 – Состав военнослужащих запаса прибывших на комплектование Амурской военной флотилии (июль 1941 – август 1942 г.), чел.

Состав		Флот	БО-4	БО-2	ВВС	Всего
По возрасту (год рожд.)	1905–1910	1890	492	363	542	3287
	1911–1924	428	78	131	134	771
По социальному составу	рабочие	1580	362	349	472	2763
	колхозники	173	94	43	24	334
	служащие	554	112	101	178	945
	прочие	11	2	1	2	16
По партийности	члены ВКП (б)	109	19	15	5	148
	канд. в члены ВКП (б)	108	35	13	15	171
	члены ВЛКСМ	241	66	56	77	440
	беспартийные	1860	450	410	579	3299
По образованию	высшее	2	-	1	1	4
	среднее	135	19	19	26	199
	9–7 кл.	387	75	49	126	637
	6–5 кл.	578	125	100	140	943
	4–3 кл.	959	279	228	288	1754
	малограмотные	257	72	97	95	521
Итого		2318	570	494	676	4058

Источник: ЦВМА. Ф. 864. Оп. 1. Д. 7. Л. 107.

авиации – 27% и флота – 19%. Преобладающее большинство составляли лица 24–30 лет (72%), рабочие (65%), беспартийные (82%). Из прибывших окончили начальную школу 64% (26% – малограмотные), 5–7 кл. – 31% и 8–10 кл. – 3% (см. табл. 2)

В период мобилизационного развёртывания части Амурской военной флотилии на 81% комплектовались лицами в возрасте 30–36 лет, на 68% – рабочими и на 23,3% – служащими. Большинство были беспартийными: коммунисты составляли 7,8%, комсомольцы – 10,8%. Несмотря на то, что на флот, в силу высокой технической оснащённости частей требовались более образованные военнослужащие, среди прибывших имелось 43,2% с образованием 3–4 кл., 23,2% – 5–6 кл. и 12,8% – малограмотные (см. табл. 3).

В рамках дополнительного формирования к сентябрю 1942 г. на ТОФ прибыли более 9,7 тыс. военнообязанных запаса (по сведениям отдела по учёту кадров призвали 13,6 тыс.). Всего с июля 1941 по август 1942 г. на ТОФ мобилизовали около 50,8 тыс. (40,8 тыс. – рядовые и 10 тыс. – младший начальствующий состав). С учётом 7,5 тыс. призывников, организационное развёртывание кораблей и частей Тихоокеанского флота было произведено в установленные сроки. План комплектования личного состава ТОФ перевыполнен за счёт ресурсов Дальневосточного фронта, обеспечившего 37% мобилизационной потребности флота, Московского – 31% и Уральского военного округа – 20%. Укомплектованность по Главной военно-морской базе составила 104,7%, Владимиро-Ольгинской – 134,8%, Петропавловской – 125,3%, Комсомольской – 220,0%, Совгаваньской – 86,6%, Де-Кастринской – 92,7%, Николаевской – 83,7% и Ногаевскому сектору обороны – 94,6% [1, л. 86–93].

К сентябрю 1942 г. в части Амурской военной флотилии прибыло более 4 тыс. военнообязанных запаса (3,5 тыс. к сентябрю 1941 г.) и мобилизационный план также был перевыполнен. Дальневосточный фронт выполнил наряд на 116,5% и Забайкальский военный округ – на 157,2%. Московский и Сибирский военные округа смогли обеспечить мобилизационную потребность соответственно на 90,4% и 92,7%, а Уральский – только на 61,3%, что объясняется необходимостью восполнения людских потерь на советско-германском фронте [1, л. 101, 106; 2, л. 169, 177–179 (подсчит. авт.)].

В ходе мобилизации выявилось, что проведённая накануне войны приписка военнообязанных запаса в военно-морские формирования Дальнего Востока оказалась не реальной. Рядовой состав запаса перекрывал расчётную потребность развёртывания Тихоокеанского флота и Амурской флотилии, а младший начальствующий – обеспечивал соответственно на 71,7% и 74,4%. Большинство мобилизованных не служили и не имели квалификации по военно-учётной специальности, суда были укомплектованы квалифицированными специалистами не призываемых возрастов, что потребовало их замены военнообязанными с более

низкой квалификацией. Дефицит специалистов удалось компенсировать за счёт перекомплектования и выпуска старшин (сержантов) с курсов и школ подготовки. Кроме того, часть судов Наркоматов рыбной промышленности и морского флота не мобилизовывалась, часть возвращалась владельцам или не оборудовалась, что повысило мобилизационный ресурс.

В ходе проведённых мобилизаций в Вооружённые силы СССР призвали около 14 млн военнообязанных 32 возрастов из 19,8 млн чел., находящихся на военном учёте, что позволило развернуть воинские формирования, укомплектовать личным составом дивизии второго стратегического эшелона и внутренних округов. Однако все мобилизационные ресурсы страны практически были исчерпаны для восполнения боевых потерь действующей армии и формирования новых войсковых соединений.

К началу 1943 г. в части Военно-Морского флота СССР призвали 264,8 тыс. военнообязанных запаса и на учёте состояли всего 67 526, из них 9675 – на общем (1432 – с военно-учётными специальностями и 5061 – служивших) и 57852 – на специальном, которые почти не призывались (в 1943 г. призвано 12,6 тыс. и 1944 г. – 10,5 тыс.) [1, л. 210–216; 3, л. 14–15].

Убыль личного состава Военно-Морского флота восполнялась за счёт призывников и добровольцев. В целях накопления резерва рядового и старшинского состава из молодых возрастов годных к строевой службе для покрытия некомплекта на боевых кораблях флота, в действующих частях авиации, береговой и противовоздушной обороны постановлением ГКО №1703сс от 5 мая 1942 г. предусматривалась комсомольско-молодёжная мобилизация женщин (см. табл. 4).

На должности во флотские управления и береговые базы, посты наблюдения и связи, противовоздушной обороны, гидрографии, на производственные предприятия и склады, медико-санитарные и ветеринарные, военно-судебные, культурно-массовые и учебные учреждения направили 20 326 мобилизованных девушек-добровольцев: 9803 (49%) – на флот, 5330 (26%) – в береговую оборону, 2909 (14%) – в авиационные и 2284 (11%) – в сухопутные части. На действительную военную службу в части ТОФ зачислили 6056 чел. и в КАФ – 1013 девушек (на флот 31% женщин Тихоокеанского флота и 33% – Амурской флотилии, в части береговой обороны – соответственно 19% и 42%, в военно-воздушные силы – по 25%, сухопутные части – 25% только ТОФ). Таким образом, большая часть нового пополнения ТОФ распределили на флот, а КАФ – в береговую оборону. Учитывая сложности с бытовым устройством, девушки в части поступали группами 5–10 чел., и в отдалённые районы, в частности в Петропавловск-на-Камчатке и Ногаево, не направлялись.

Среди призванных на действительную военную службу в 1942 г. преобладала молодёжь: 19–21-летние составляли приблизительно 68% по

Таблица 4 – Социально-демографическая характеристика женщин, мобилизованных в части Военно-морского флота СССР в 1942 г., чел.

Показатели		Всего ВМФ	В том числе	
			ТОФ	КАФ
Мобилизовано	наряд	20507	5157	1050
	прибыло	21610	6381	1117
	отчислено	1284	325	104
Зачислено в части	всего, из них	20326	6056	1013
	флот	9803	1877	337
	береговая оборона	5330	1117	426
	авиация	2909	1537	250
	сухопутные	2284	1525	-
	рабочие	5187	1512	285
В том числе, по социальному положению	колхозники	1321	249	74
	служащие	12199	3798	578
	учащиеся	1619	497	76
по партийности	члены ВКП (б)	264	61	7
	члены ВЛКСМ	12288	3625	611
	беспартийные	7774	2370	396
по образованию	высшее	200	41	2
	среднее	4591	977	114
	9–7 кл.	10807	3257	455
	6 кл.	2252	841	230
	5 кл.	1899	736	141
	4 кл.	577	204	71
по годам рождения	1925	142	23	11
	1924	1805	573	142
	1923	6096	1982	274
	1922	4739	1442	161
	1921	3019	813	142
	1920	1835	521	138
	1919	1250	311	58
	1918	826	230	54
	1917	359	92	12
	1916	171	48	15
	1915	56	18	6
	1914	16	3	-
	1913	12	-	-

Источник: ЦВМА. Ф. 864. Оп. 1. Д. 1108. Л. 35–36, 57–59, 90–92, 97–98 (сост. авт.).

ВМФ, 70% – по ТОФ и 57% – КАФ, 22–24-летние – соответственно 19%, 18%, 25%. Наличие девушек, не подлежащих призыву по возрасту, объясняется недостаточностью призывного контингента. Лиц возрастных категорий 25–29 лет имелось сравнительно немного – 3%, 17–18-летних значительно больше – 9,6% по ВМФ, 9,8% – по ТОФ и 15% – по КАФ.

Новое пополнение военно-морских частей страны по партийности было идентичным: члены ВКП (б) составляли не более 1%, ВЛКСМ 60–61%, беспартийные 38–39%. Образовательный уровень был сравнительно высоким: высшее образование имели 1%, среднее – 23%, 9–7 кл. – 53%, 6–5 кл. – 20%, 4 кл. – 3% зачисленных женщин. По сравнению с общефлотскими показателями на ТОФ прибыло

меньше лиц со средним и больше 6–5-кл. образованием. По КАФ лица со средним и незаконченным средним образованием составляли 56% против 70% по ТОФ и 76% по ВМФ, а с начальным – 7%, в то время как по флоту 3%.

Несмотря на более низкие показатели, уровень образования молодёжи, направленной в военно-морские части дальневосточного региона оставался высоким, что объясняется не только спецификой службы, требующей определённой подготовки, но и составом мобилизованных молодых женщин. По социальному положению преобладали служащие, составляя 60% зачисленных в ВМФ, 63% – на ТОФ, 57% – в КАФ, рабочие – соответственно 26%, 25%, 28%, колхозники – 6%, 4% 7%, учащиеся – по 8%.

Только 3–4% прибывших на Дальний Восток девушек могли использовать ранее приобретённые трудовые навыки.

Призыв советских женщин на военную службу обусловлен объективной необходимостью военного времени, что придавало этому массовому явлению вынужденный характер. Согласно статистической отчётности к середине 1944 г. в частях ВМФ заменили 28 675 чел. (около 52% необходимой численности), из них 16 073 – женщинами, 6600 – ограничено годными, 6002 – лицами старшей возрастной группы. На ТОФ, заменив 3862 чел. (66,6%) женщинами, 1575 (27,2%) – ограниченно годными и 356 (6,1%) – лицами старше 46 лет, удалось высвободить 5793 военнослужащих молодых возрастов, что составило только 30,6% необходимого количества [4, л. 3–7 (подсчит. авт.)].

Наиболее интенсивно перемещение личного состава военно-морских соединений Дальнего Востока наблюдалось до середины 1943 г., в дальнейшем стабилизировавшись на уровне 90–98% штатного расписания. В рамках подготовки к их мобилизационному развёртыванию с началом войны СССР с Японией, на основании директивы начальника Главного морского Штаба ВМФ №20841-1944 г. началась приписка военнообязанных. Только для покрытия недокомплекта личного состава (без учёта 2520 чел. для укомплектования судов, привлекаемых для выполнения специальных боевых заданий) требовалось 16,5 тыс. чел., но удалось приписать всего 45,2% военнообязанных и призывников, покрыть дефицит не представлялось возможным [5, л. 4, 38, 41].

В рамках мобилизационного развёртывания планировалось выделить на комплектование Тихоокеанского флота 20 126 чел., в том числе из личного состава Балтийского флота – 2195, Северного – 2000, Черноморского – 1914 чел., Каспийской и Амурской флотилий – 786 чел., остальные – за счёт переформирования частей ВМФ и РККА, призывников и добровольцев, курсантов школ подготовки специалистов. Мобилизационную потребность Амурской военной флотилии в 831 чел. частично планировалось закрыть за счёт 436 чел. военнообязанных запаса, 153 – военнослужащих Черноморского и 74 – Балтийского флота, 132 чел. – из резерва [6, л. 70–73; 8, л. 23].

Мобилизация военнообязанных в Дальневосточном регионе осуществлялась на основе единых нормативно-законодательных актов. С августа 1942 по декабрь 1944 г. на военную службу призывали 55 тыс. дальневосточников 1924–1927 гг. рожд. (63% учтённых лиц): в 1942 г. – 74% призывной молодёжи, в 1943 г. – 60% и в 1944 г. – 42%. Из них более 43% направили в стрелковые дивизии и запасные части ДВФ, 24% – на Тихоокеанский флот, 10% – в войска НКВД, 6% – в военные училища, 3% – части ПВО, остальных – в бронетанковые и артиллерийские части, разведывательные и снайперские школы, полки связи [9, л. 197–198; 10, л. 33, 77–80; 11, л. 29–29 об., 30, 348–348 об., 349, 353–354 (подсчит. авт.)].

На 1 января 1945 г. по постановлениям ГКО и СНК СССР отсрочка от мобилизации на Дальнем Востоке была предоставлена 114,4 тыс. военнообязанных, на 1 июня 1945 г. – 75,4 тыс. С весны 1945 г. в регионе началась мобилизация военнообязанных всех возрастных категорий. Особенно она затронула 17–20-летних, затем 21–25-летних и затем 41–50-летних. На производстве максимально сохранялись военнообязанные 26–40 лет, как правило, с опытом работы. В части ВМФ были мобилизованы практически все состоявшие на данном виде учёта по военкоматам региона [12, л. 107, 178, 241, 251; 13, л. 108, 119].

На 1 апреля 1945 г. на ТОФ прибыли 31,6 тыс. призывников 1927 г. рожд., в том числе 3,2% – из Московского, 14,1% – Приволжского, 27,3% – Уральского и Южно-Уральского, 17,2% – Сибирского, 12,4% – Хакасского и 24,4% – других военных округов, а дальневосточников только 34 чел. [14, л. 2–4, 141, 142]. Ресурсы военных округов и дальневосточного региона, предназначенные для восполнения убыли личного состава флота и флотилий были исчерпаны. Ситуацию осложняло отсутствие документации с учётными данными на военнообязанных в органах местного военного управления. В таких условиях, отобрать лиц, отвечающих морально-политическим требованиям (находившиеся на временно оккупированной территории и в плену на флот не направлялись) и уровню образовательной подготовки (не ниже 6 кл.) для службы на кораблях военно-морского флота не представлялось возможным. На флот прибывали лица, не служившие и не имевшие навыков морской службы. Даже призывники и военнообязанные запаса, прошедшие программу военной подготовки и учебные сборы от одного до четырёх раз, имели низкий уровень квалификации.

Передислокация и переформирование воинских соединений изменили состав Тихоокеанского флота и Амурской флотилии. На Тихоокеанский флот по осеннему призыву 1940 г. прибыли 43 тыс. чел. и на 1 января 1941 г. численность старшин (сержантов) и краснофлотцев составила 111,6 тыс. чел. (106,9 тыс. срочной службы и 4,75 тыс. – сверхсрочников). За годы войны на пополнение флота прибыли более 145 тыс. призывников и добровольцев, 54,7 тыс. – военнообязанных запаса, а также не демобилизовали весной 1941 г. около 2,9 тыс. В составе частей Красной Армии были отправлены на фронт 136 188 сержантов (старшин), краснофлотцев, откомандированы 11 441 чел. – на действующие флоты, 1672 – на укомплектование экипажей кораблей, полученных по ленд-лизу и 2086 чел. – военизированных судов морского флота.

На 1 января 1945 г. численность рядового и младшего начальствующего состава ТОФ (без учёта 2861 чел. частей вне нормы) составляла 107,3 тыс. чел., из них 84,4 тыс. – срочной службы, 4,6 тыс. – женщины, 2,8 тыс. – сверхсрочнослужащие, 15,5 тыс. – призывники запаса [15, л. 8–9, 21, 77–78; 3, л. 266; 16, л. 2, 38; 17, л. 13]. К августу на-

считывалось приблизительно 139,1 тыс. чел. (82% штатного расписания), в том числе 49,9 тыс. – в частях флота, 22,5 тыс. – береговой, 21,3 тыс. – противовоздушной обороны, 11 тыс. – сухопутных и 3,4 тыс. – строительных частях, 19 тыс. – в ВВС и 12,1 тыс. чел. – в морской пехоте [16, л. 2, 38; 18, л. 45, 83].

Численность личного состава Амурской флотилии, увеличившаяся за счёт мобилизации в первые месяцы войны с 8,2 тыс. до 13,1 тыс. чел., сократилась к январю 1943 г. до 10,6 тыс., а к январю 1945 г. – до 10,3 тыс. чел. С 1 июля 1941 по 10 апреля 1945 г. в части Амурской военной флотилии прибыли 15 712 чел. личного состава, из них 1178 старшин, сержантов, краснофлотцев из других флотов и тыловых частей, 4959 военнообязанных запаса и 8261 призванный, 893 девушки по комсомольскому призыву и 421 чел. – прочих. За этот период убыло 14 159 чел. (9281 – отправлены в части РККА и 2764 – на другие флоты, 498 – в запас, 697 – уволены по болезни и 148 – по беременности, 397 – по другим причинам, 370 – осуждены) [2, л. 178–181].

По военно-стратегической необходимости 215 чел. рядового и младшего командного состава направили на Балтийский флот, 138 – на Черноморский, 15 – Северный, 78 – в военные флотилии (70 чел. – в Днепровскую), 345 – в военно-морские училища и 498 – в тыловые части Военно-Морского флота, 52 чел. – передали в офицерский состав. На Тихоокеанский флот отправили 1475 чел., из них 257 чел. – на укомплектование 117-го и 114-го авиаполков, 191 чел. – авиабазы и 114 – 17-й авиамастерской, 60 чел. – 70-й роты связи, 209 чел. – монитора «Перекоп» и 153 – «Сиваш», 60 чел. – боносетевых заградителей «Сухона» и «Молога», 35 чел. – тральщика №191 и 171 чел. – спецкоманды [3, л. 14–15; 2, л. 179, 179 об, 181].

Из прибывших 4959 чел. из запаса осталось только 1110 (22,3%), а 2593 чел. (52%) – отправили в действующую армию и 758 – перевели на другие флоты или демобилизовали, 498 – возвратили в запас. Лиц по первому году службы имелось 23,6%, а по частям флота – 22,7% (выше допустимой нормы в 20%), соответственно по третьему году – 29 и 27%, по четвертому – по 2%, по пятому – 27% и 29%. В Амурской военной флотилии удельный вес женщин,

как по численности, так и по составу был выше, чем в военно-морских частях Тихоокеанского флота, где показатели были ниже средних по ВМФ [15, л. 8–9; 2, л. 178 об., 180; 16, л. 8 (подсчит. авт.)].

В годы войны, комплектование личного состава военно-морских соединений на Дальнем Востоке происходило на основе единых нормативно-законодательных актов, и зависело от военно-политической обстановки, экономических и демографических возможностей страны и определялось изменениями в дислокации и реорганизации Вооружённых Сил СССР. Общеобразовательный уровень, состояние здоровья, возраст, политико-моральный облик, национальная и социальная принадлежность являлись основными критериями отбора.

Планы мобилизационного развёртывания Тихоокеанского флота и Амурской военной флотилии не были отработаны. Если накануне войны учёт и комплектование рядового и старшинского состава осуществлялось по отдельным частям, прибытие и убытие – по заранее намеченным планам, создавая резерв квалифицированных специалистов, то в годы войны – без учёта наличия военнослужащих по годам службы. В итоге отдельные части располагали специалистами с более высоким уровнем подготовки, другие – с низким уровнем, но удельный вес военнослужащих прослуживших 3–5 лет в частях военно-морского флота на Дальнем Востоке СССР был сравнительно высоким, что обуславливалось военно-оперативной обстановкой на Тихоокеанском театре военных действий.

Неприкосновенность дальневосточных границ при ограниченных людских ресурсах, слабо развитой системе коммуникационных связей и недостатке финансовых средств поддерживалась за счёт использования социально-политических и военно-экономических возможностей страны. Опасаясь спровоцировать нападение Японии, все оборонные мероприятия в Дальневосточном регионе проводились скрытно в рамках «военно-учебной подготовки». Меры, направленные на укрепление Дальнего Востока СССР, соответствовали основным положениям советской военной доктрины, определяя направления мобилизационной политики и развёртывания войсковых соединений при защите территориальной целостности страны.

Литература и источники

1. Центральный военно-морской архив (ЦВМА). Ф. 864. Оп. 1. Д. 7.
2. Центральный военно-морской архив (ЦВМА). Ф. 864. Оп. 1. Д. 765.
3. Центральный военно-морской архив (ЦВМА). Ф. 864. Оп. 1. Д. 226.
4. Центральный военно-морской архив (ЦВМА). Ф. 864. Оп. 1. Д. 458.
5. Центральный военно-морской архив (ЦВМА). Ф. 864. Оп. 1. Д. 540.
6. Центральный военно-морской архив (ЦВМА). Ф. 2. Оп. 1. Д. 1022.
7. Центральный военно-морской архив (ЦВМА). Ф. 864. Оп. 1. Д. 1108.
8. Центральный военно-морской архив (ЦВМА). Ф. 864. Оп. 1. Д. 714.
9. Центральный архив Министерства Обороны (ЦАМО). Ф. 238. Оп. 1585. Д. 94.
10. Центральный архив Министерства Обороны (ЦАМО). Ф. 238. Оп. 1585. Д. 182.
11. Центральный архив Министерства Обороны (ЦАМО). Ф. 238. Оп. 1585. Д. 217.

12. Центральный архив Министерства обороны (ЦАМО). Ф. 238. Оп. 1585. Д. 271.
13. Центральный архив Министерства обороны (ЦАМО). Ф. 238. Оп. 1585. Д. 326.
14. Центральный военно-морской архив (ЦВМА). Ф. 864. Оп. 1. Д. 775.
15. Центральный военно-морской архив (ЦВМА). Ф. 864. Оп. 1. Д. 16.
16. Центральный военно-морской архив (ЦВМА). Ф. 864. Оп. 1. Д. 773.
17. Центральный военно-морской архив (ЦВМА). Ф. 864. Оп. 1. Д. 812.
18. Центральный военно-морской архив (ЦВМА). Ф. 2. Оп. 1. Д. 1009.

Reference

1. *Tsentral'nyi voenno-morskoi arkhiv* [The Central Naval Archive] (TsVMA). F. 864. Op. 1. D. 7.
2. *Tsentral'nyi voenno-morskoi arkhiv* [The Central Naval Archive] (TsVMA). F. 864. Op. 1. D. 765.
3. *Tsentral'nyi voenno-morskoi arkhiv* [The Central Naval Archive] (TsVMA). F. 864. Op. 1. D. 226.
4. *Tsentral'nyi voenno-morskoi arkhiv* [The Central Naval Archive] (TsVMA). F. 864. Op. 1. D. 458.
5. *Tsentral'nyi voenno-morskoi arkhiv* [The Central Naval Archive] (TsVMA). F. 864. Op. 1. D. 540.
6. *Tsentral'nyi voenno-morskoi arkhiv* [The Central Naval Archive] (TsVMA). F. 2. Op. 1. D. 1022.
7. *Tsentral'nyi voenno-morskoi arkhiv* [The Central Naval Archive] (TsVMA). F. 864. Op. 1. D. 1108.
8. *Tsentral'nyi voenno-morskoi arkhiv* [The Central Naval Archive] (TsVMA). F. 864. Op. 1. D. 714.
9. *Tsentral'nyi arkhiv Ministerstva Oborony* [Central Archive of the Ministry of Defense] (TsAMO). F. 238. Op. 1585. D. 94.
10. *Tsentral'nyi arkhiv Ministerstva Oborony* [Central Archive of the Ministry of Defense] (TsAMO). F. 238. Op. 1585. D. 182.
11. *Tsentral'nyi arkhiv Ministerstva Oborony* [Oborony Central Archive of the Ministry of Defense] (TsAMO). F. 238. Op. 1585. D. 217.
12. *Tsentral'nyi arkhiv Ministerstva Oborony* [Oborony Central Archive of the Ministry of Defense] (TsAMO). F. 238. Op. 1585. D. 271.
13. *Tsentral'nyi arkhiv Ministerstva Oborony* [Oborony Central Archive of the Ministry of Defense] (TsAMO). F. 238. Op. 1585. D. 326.
14. *Tsentral'nyi voenno-morskoi arkhiv* [The Central Naval Archive] (TsVMA). F. 864. Op. 1. D. 775.
15. *Tsentral'nyi voenno-morskoi arkhiv* [The Central Naval Archive] (TsVMA). F. 864. Op. 1. D. 16.
16. *Tsentral'nyi voenno-morskoi arkhiv* [The Central Naval Archive] (TsVMA). F. 864. Op. 1. D. 773.
17. *Tsentral'nyi voenno-morskoi arkhiv* [The Central Naval Archive] (TsVMA). F. 864. Op. 1. D. 812.
18. *Tsentral'nyi voenno-morskoi arkhiv* [The Central Naval Archive] (TsVMA). F. 2. Op. 1. D. 1009.

УДК 94(47).084.8

ALEKSEY VYACHESLAVOVICH USOV

*Ph.D. in History, Senior Lecturer,
State Legal and Civil Legal Disciplines Department,
Vladivostok branch of the
Far Eastern Law Institute of the Russian Ministry of Internal Affairs.
690002, Russian Federation, Vladivostok, Okeanskii Ave., 98–1.
E-mail: 101-mvd@mail.ru*

Rescue service of the Pacific fleet (1941–1945)

In article the historical experience of activity by Rescue service of the Pacific fleet in days of the Great Patriotic War and fighting with Japan is considered. The research study was conducted on the records of the Branch of the Central Archives of the Russian Ministry of Defence (Navy Archive in Gatchina) and its Archives department in Vladivostok, as well as Russian State Naval Archives in St. Petersburg, most of which are introduced into scientific circulation for the first time. The main focus is paid to creation and functioning of rescue units in the main navy bases of the USSR on the Pacific direction. Losses of the Soviet and foreign ship structure and also results of activities by Rescue service of the Pacific fleet on work performance ship-raising and rescue operations are analyzed, their features are traced. It is noted that the majority of the actual operations were made off-schedule, on the projects made at the place of accident. The author comes to the conclusion that the richest historical experience of the Emergency and Rescue Service of the Pacific Fleet got in 1941–1945 needs to continue to be studied, summarized and introduced into the training of modern marine rescuers.

Keywords: maritime safety, Far East, Great Patriotic War, ship salvaging, Pacific Fleet, diving, EPRON, sea rescue service, maneuvers.

АЛЕКСЕЙ ВЯЧЕСЛАВОВИЧ УСОВ

*Кандидат исторических наук, старший преподаватель
кафедры государственно-правовых и гражданско-правовых дисциплин,
Владивостокский филиал Дальневосточного юридического института
Министерства внутренних дел Российской Федерации.
690002, Россия, Владивосток, Океанский пр., 98, кв. 1.
Тел.: +7 (950) 282-37-61, e-mail: 101-mvd@mail.ru*

В статье рассматривается исторический опыт деятельности Аварийно-спасательной службой Тихоокеанского флота (АСС ТОФ) в годы Великой Отечественной войны и боевых действий с Японией. Исследование основано на документах Филиала Центрального архива министерства обороны РФ (архива ВМФ (ЦВМА), г. Гатчина), его архивного отдела на Тихоокеанском флоте (Владивосток), а также Российского государственного архива Военно-морского флота (Санкт-Петербург), основная часть которых вводится в научный оборот впервые. Главное внимание уделено созданию и функционированию аварийно-спасательных формирований в основных военно-морских базах СССР на Тихоокеанском направлении. Анализируются потери советского и иностранного корабельного состава, а также итоги деятельности по выполнению АСС ТОФ судоподъемных и аварийно-спасательных операций, прослеживаются их особенности. Отмечается, что большинство фактических операций производились внепланово, по составленным на месте аварии проектам. Автор приходит к выводу, что богатейший исторический опыт АСС ТОФ, полученный в 1941–1945 гг. необходимо продолжать изучать, обобщать и внедрять в подготовку современных морских спасателей.

Ключевые слова: морская безопасность, Дальний Восток, Великая Отечественная война, судоподъем, Тихоокеанский Флот, водолазное дело, ЭПРОН, АСС ТОФ, Аварийно-спасательная служба, учения.

Аварийно-спасательная служба Тихоокеанского флота 1941–1945 гг.

В 2017 году среди годовщин знаменательных событий в Отечественной истории, помимо 100-летия Великой русской революции, возможно выделить две весьма интересные памятные даты: 94 года (1923 г.) со дня образования Экспедиции подводных работ особого назначения (ЭПРОН) и 85 лет (1932 г.) с момента начала организации на Дальнем Востоке Отдельной дальневосточной партии ЭПРОН

для выполнения судоподъемных, аварийно-спасательных и водолазных работ. На основе этой организации с началом Великой Отечественной войны будет создана Аварийно-спасательная служба Тихоокеанского флота, деятельность которой в значительной мере способствовала поддержанию на надлежащем уровне государственной безопасности Советского Союза на Тихоокеанском направлении [1; 2, л. 6, 14].

В эпоху кардинальных перемен, которую переживает наша страна, как никогда ранее, возрастает значение опыта прошлого. Процессы, происходящие в современном мире свидетельствуют о том, что России, по-прежнему, необходимо укреплять национальную безопасность, в том числе на Дальнем Востоке, при этом учитывая уроки истории Великой Отечественной и Второй мировой войны [3; 4].

Характерной чертой советской историографии являлось традиционное исследование преимущественно политических, дипломатических, территориальных и военных аспектов боевых действий исследуемого периода [5]. В трудах историков постсоветского периода намечаются иные подходы. Получили освещение: проблемы деятельности дальневосточных территориальных управлений органов государственной безопасности [6; 7]; роль женщин в частях Тихоокеанского флота и Амурской флотилии [8]; вклад тыла и транспорта в обеспечении вооруженных сил [9; 10; 11; 12].

История флота не стала исключением – в отечественной и зарубежной литературе появляются работы, посвященные оказанию помощи поврежденным кораблям и судам, спасению гибнущих на море людей, проведению судоподъемных, подводно-технических работ и освоению морских глубин [13; 14; 15; 16]. Анализ публикаций, имеющих отношение к истории и деятельности Аварийно-спасательной службы Военно-морского флота (АСС ВМФ), свидетельствует о том, что ее деятельность на Тихоокеанском флоте остается малоисследованной.

В изучаемый период оперативная обстановка на Дальневосточном бассейне была напряженной и опасной [17]. Во время военных действий на Западе, Тихоокеанский флот имел повышенную оперативную готовность. В Дальневосточные порты (особенно с 1943 г.) шел основной поток импортных грузов, значительную долю которых составляла военная техника, паровозы, промышленное оборудование, продовольствие, жидкое топливо. Владивостокский торговый порт стал основными воротами СССР для иностранных товаров [11, с. 349-357].

Морской транспорт Дальневосточного бассейна внес существенный вклад в подготовку и проведение успешных боевых действий с Японией в августе 1945 г. Корабли и гражданские суда не смогли бы эффективно выполнять поставленные задачи без надлежащего аварийно-спасательного обеспечения. В связи с этим необходимо отметить незаслуженно забытую особую роль, которую играли в изучаемый период Аварийно-спасательный отдел Тихоокеанского флота (далее – АСО ТОФ) и подготовленные на его базе специалисты [18].

С началом Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.) ЭПРОН был преобразован в Аварийно-спасательную службу (АСС) ВМФ. Приказом наркома ВМФ адмирала Кузнецова от 22 июня 1941 г. №0799 было введено в действие Положение о Главном управлении ЭПРОН ВМФ и об Аварийно-спасательной службе флота (флотилии). ЭПРОН был передан в ведение Наркомата Военно-Морского Флота [19, с. 26].

В соответствии с приказом командующего ТОФ №0335 от 23 июня 1941 г. (на основании приказа Наркомата военно-морского флота (далее – НКВМФ) №0525 от 22.06.1941 г.) Тихоокеанская Краснознаменная Экспедиция подводных работ особого назначения (ЭПРОН) в полном составе была включена в состав Тихоокеанского флота (ТОФ).

Приказом НКВМФ №0798 от 23 августа 1941 г. объявлен штат и состав ЭПРОНа ТОФ. Согласно штатного расписания, экспедиции подчинялись следующие плавучие средства: морские суда «Находка» и «Тельман», морской буксир №2, ВРД №№33, 34, 35, плавбаза «Кречет». На балансе находилась береговая база [20, л. 5-7].

ЭПРОН подчинялся непосредственно Военному совету ТОФ, а в специальном отношении – начальнику Управления ЭПРОНа ВМФ. Основными задачами ЭПРОНа было не только обеспечение деятельности кораблей флота в аварийно-спасательном отношении, но и производство судоремонтных работ. Важное значение имело также оказание помощи командирам кораблей в подготовке личного состава в борьбе за живучесть надводных и подводных кораблей.

Согласно приказу НКВМФ №0469 от 01 июня 1942 г. Отдел аварийно-спасательной и судоподъемной службы флота (флотилии) возглавил всю деятельность аварийно-спасательного (далее – АСС флота) [20, л. 5]. Все аварийно-спасательные (АС) отряды флота и АСГ в з. Владимир (ВО ВМБ) были подчинены АС Отделу. Аварийно-спасательные группы в Де-Кастринской (ДК ВМБ) и Николаевской (НА ВМБ) военно-морских базах были непосредственно подчинены аварийно-спасательному отряду (АСО) в Совгавани (СТОФ). Вновь созданные отряд в Петропавловске-Камчатском (ПВМБ) и группа ВО ВМБ находились на начальной стадии организации – в течении 1942 г. только прошли стадию комплектования [21, л. 128].

В соответствии с приказом НКВМФ №0741 от 30 августа 1942 г. Отдел аварийно-спасательной и судоподъемной службы флота (флотилии) был переименован в Аварийно-спасательный отдел (отделение ЭПРОН) флота (флотилии). В его подчинении находились: отряды аварийно-спасательной службы, судоподъемных и подводно-технических работ; спасательные суда «Тельман», «Находка»; морской буксир №4; МРД №№6, 36; ВМ-7; РВБ №№34, 35; береговая база; склад аварийно-спасательного снаряжения.

Аварийно-спасательный отдел (на 20 ноября 1943 г.) состоял из четырех отделений (аварийно-спасательных и судоподъемных работ; технического; планово-финансового; распорядительно-строевого), подразделений связи, секретной и общей частей.

Приказом командующего ТОФ №050 от 31 января 1944 г. был сформирован 72-й аварийно-спасательный отряд с дислокацией в б. Золотой Рог и непосредственным подчинением начальнику АСО флота. В 1945 г. Аварийно-спасательный Отдел ТОФ имел в своем составе: 72-й аварийно-спасательный отряд, 26-й отряд подводно-технических работ; Большой

охотник-306 (торпедный корабль); береговую базу; спасательный водолазный колокол [20, л. 17-18].

Полная обеспеченность боевого функционирования кораблей флота в аварийно-спасательном отношении была достигнута за счет организации и деятельности аварийно-спасательных подразделений в основных военно-морских базах на Тихоокеанском флоте: Владивостоке, Совгавани, Петропавловске-Камчатском, заливе Владимир, Де-Кастри, Николаевске на Амуре. Спасатели АСС ТОФ решали задачи на огромном пространстве и на значительном удалении от баз: северная часть Японского моря, Охотское море, часть Тихого океана от мыса Лопатка до Командорских островов и западная часть Берингова моря [13, с. 115].

В 1941–1945 гг. ситуация на дальневосточном направлении имела определенные особенности. Одна часть судов оказывалась потопленной (результат торпедирования так называемыми «неизвестными подводными лодками», налетов авиации и т.д.) в открытом море или в иностранных водах на глубинах недоступных для водолазных работ, в связи с чем отпадала и необходимость их поисков. Другая часть была затоплена после подрыва на минных полях. Поиск в таких районах был невозможен. Место затопления остальных кораблей и судов в рассматриваемый период были известны и надобности в их поиске не возникало.

Данные отложившиеся в архивных источниках позволяют подсчитать потери корабельного состава ВМФ СССР, союзников, противника и гражданских Наркоматов в водах Советского Союза и водах временно им контролируемых (см: Табл. 1; 2) [21, 136–139; 22, 15]:

Приведенные в таблице №1 данные свидетельствуют о том, что гибель судов, в значительной степени, происходила в водах СССР. Так, за пять лет именно в водах СССР погибло 191 судно. В водах контролируемых СССР – 29 судов, в открытом океане и иностранных водах – 14 судов.

Приведенные в таблице №2 данные свидетельствуют о том, наибольшее количество погибших судов – 97 принадлежали Народному комиссариату ВМФ. Наименьшее – 32 судна были трофейными.

Значительное количество судов гибло вследствие ветхости корпуса, от сжатости льдами, от мин и артиллерийского обстрела, навигационной ошибки, шторма и др. Максимальное количество потерь на Тихоокеанском флоте за период Великой Отечественной войны произошло по причине торпедирования и потопления авиацией кораблей и судов (35% от всех потерь за войну). При этом наибольшее количество судов было потоплено по этой причине в 1945 году (2/3 от потерь за всю войну по этой причине). В числе потопленных авиацией и торпедами в 1945 году судов принадлежали Японии, и были затоплены в контролируемых Советским Союзом водах.

За все время войны предшествующее 1945 году потери от действий авиации и подводных лодок понесли торговые суда СССР. 1/3 всех случаев связана с провокационными потоплениями Японской стороной.

Потери, связанные с навигационными трудностями и неблагоприятными метеорологическими условиями на протяжении большей части года (сильные штормы и туманы), составляют около 20% от общего числа. От навигационных ошибок – приблизительно

Таблица 1.

Распределение потерь по годам

Год Место	1941		1942		1943		1944		1945		Всего	
	ед.	Дедвейт (далее – Дт.)	ед	Дт.	ед	Дт.	ед	Дт.	ед	Дт.	ед.	Водоизмещение в тоннах
В водах СССР	7	17029	31	7958	48	121481	69	110448	36	40051	191	296962
В водах контролируемых СССР	-	-	-	-	-	-	2	2900	27	121451	29	124351
В открытом океане и в иностранных водах	4	21079	5	43444	4	29570	1	7850	-	-	14	101943
Итого	11	38108	36	51397	52	151051	72	121198	63	161502	234	503256

Примечания: 1. Данные за 1941 и 1942 гг. неполные.

2. Данные за 1945 г. везде даны по 3.09.1945.

Таблица 2.

Распределение потерь по владельцам

Владелец Год	НКВМФ		НКМФ		НКРП		Трофейные		Всего	
	ед	Дт.	ед	Дт.	ед	Дт.	ед	Дт.	ед.	В-ние в тоннах
1941	3	2004	6	21604	2	14500	-	-	11	38108
1942	20	7326	10	43861	6	210	-	-	36	51397
1943	22	16079	19	119783	11	15189	-	-	52	151051
1944	26	12003	33	100257	11	6038	2	2900	72	121198
1945	26	11501	3	26715	4	515	30	122771	63	161502
Всего	97	48913	71	312220	34	36452	32	125671	234	523256

25%. Следует отметить тот факт, что на увеличение числа потерь по этой причине влияли те затруднения, которые японское правительство создавало судоходству СССР, запрещая пользоваться удобными морскими путями и принуждая их следовать опасными в навигационном отношении, например Татарским проливом.

Наибольшее количество потерь за период Великой Отечественной войны (по сравнению с другими организациями и Наркоматами) понес Наркомфлот (около 60%). Это обстоятельство объясняется тем, что основную тяжесть по транспортировке грузов из США в порты Дальнего Востока нес судовой состав НКМФ. Движение же судов НКМФ на линиях дальневосточные порты – порты США было исключительно интенсивно.

За 3,5 недели боевых действий с Японией было потоплено 125670 т. японского тоннажа. Это составляет около 24% всех потерь, имевших место на Тихоокеанском театре за весь период ВОВ. Именно в 1945 году отмечается наибольшее количество потерь. Это объясняется непосредственными военными действиями – потери составили 32% от имевших место в течение всей войны.

На втором месте в отношении количества потерь стоит 1943 год – время особенно интенсивного движения пароходов между портами советского Дальнего Востока и США [21, л. 140].

Во время военных действий на Западе, Тихоокеанский флот имел повышенную оперативную готовность, такая же готовность поддерживалась у плавсредств Аварийно-спасательного отдела (АСО) и всех спасательных отрядов к выходу на возможные фактические операции.

Враждебное отношение Японии к Советскому Союзу отрицательно сказывалось на оказании помощи судам, терпящим аварию в территориальных водах Японии. Так, при оказании помощи и снятии с мели

п/х. п/х. «Тымллат» (пролив Лаперуза) и «Мариуполь» (1-й Курильский пролив) в 1943 году японские власти создавали спасательным группам из СССР различные препятствия. Как правило, допускали к аварийному кораблю только одно судно. Без специального разрешения к аварийному судну не подпускали, радиостанции опечатывались, что замедляло проведение операции. В результате, пока велись переговоры между правительствами, танкер «Мариуполь» погиб. Оказывать помощь судам гибнущих в водах Гонконга, у берегов США и т.п. не приходилось вовсе, так как в этих районах велись военные действия и аварийные работы в этих районах привели бы к еще большему количеству жертв [21, 141].

Во время непосредственных военных действий с Японией с 9 августа по 3 сентября 1945 года, специально выделенные АС группы 72, 73 и 74 АСО следовали вслед за наступающими соединениями Тихоокеанского флота, и на месте оказывали помощь кораблям и судам, получившим боевые повреждения. Несмотря на очень сложную минную обстановку, особенно в портах Северной Кореи все операции были завершены успешно.

В большинстве случаев судоподъемные операции на ТОФ за время войны выполнялись по отдельным приказам или по заявкам различных гражданских организаций сразу же после аварии. Плановых заданий было крайне мало по причине отсутствия объектов для планирования [20, л. 23].

Корабли тонули либо на глубинах недоступных для водолазов, либо судоподъемные работы начинались сразу же после затопления корабля, а такие объекты не могли быть предусмотрены годовыми или квартальными планами.

Примечательно, что до окончания войны с Японией не было плана судоподъема затопленных во время боевых действий как трофейных, так и отечественных судов.

Таблица 3.

Общие итоги выполнения судоподъемных операций

Годы	1942		1943		1944		1945 (по 03.09)		ВСЕГО	
Место	Ед.	Д.	Ед.	Д.	Ед.	Д.	Ед.	Д.	Ед.	Водо-измещ.
В водах СССР	17	1778	16	2710	26	1716	15	1277	74	7481
В водах контролируемых СССР	-	-	-	-	-	-	1	56	1	56
Итого	17	1778	16	2710	26	1716	16	1333	75	7537

Примечание: раздельно по годам с 01.01.42 по 3.09.45 гг.

Таблица 4.

Общие итоги выполнения операций по снятию с мели

Годы	1942		1943		1944		1945 (по 03.09)		ВСЕГО	
Место	Ед.	Д.	Ед.	Д.	Ед.	Д.	Ед.	Д.	Ед.	Водо-измещ.
В водах СССР	14	6175	22	66300	27	77650	8	13885	71	164010
В водах контролируемых СССР	-	-	-	-	-	-	2	160	2	160
Итого	14	6175	22	66300	27	77650	10	14045	73	164170

Таблица 5.

Общие итоги выполнения операций по оказанию помощи

Годы	1942		1943		1944		1945 (по 03.09)		ВСЕГО	
Место	Ед.	Д.	Ед.	Д.	Ед.	Д.	Ед.	Д.	Ед.	Водо- измещ.
В водах СССР	7	39620	8	58956	18	56401	10	50729	43	205706
В водах контролируемых СССР	-	-	-	-	-	-	3	16186	3	16186
Итого	7	39620	8	58956	18	56401	13	66915	46	221892

Данные отложившиеся в архивных источниках позволяют представить итоги деятельности по выполнению АСС ТОФ судоподъемных и аварийно-спасательных (далее – АС) операций (см: табл. 3; 4; 5) [21, 141-142].

Из приведенной таблицы можно сделать вывод о том, что за период с 1942 по 1945 гг. было проведено 75 судоподъемных операций. Наибольшее количество – 26 судов было поднято в 1944 году.

Приведенная таблица свидетельствует о том, за период с 1942 по 1945 гг. было снято с мели 73 судна, наименьшее количество севших на мель судов имело место в 1945 г. – 10, наибольшее в 1944 г. – 27 [24, л. 21-22].

подавляющее большинство АС операций (по снятию с мели и оказанию помощи) выполнены по приказанию ВМФ и заявкам гражданских организаций. Небольшое число объектов, запланированных к снятию с мели в течение рассматриваемого периода объясняется тем, что подавляющее число аварийных работ производились сразу же по получению сигнала об аварии и такие работы не могли быть учтены ни квартальными ни, тем более, годовыми планами.

Применялись различные методы судоподъема при этом ступенчатого подъема не производилось, все корабли были подняты в одну ступень с грунта непосредственно на поверхность.

Операции проводились в различных условиях (время года, состав и опыт группы, плавательных средства, глубина и т.п.) и разнообразными способами – буксировкой, осушением и разгрузкой и др. [21, 143-146; 25, 1-40; 26, л. 62-65; 27, л. 125-130].

Судоподъемные и аварийно-спасательные операции имели некоторые особенности. Например, целый ряд серьезных аварийно-спасательных (АС) и судоподъемных (СП) операций, из-за отсутствия судов-спасателей выполнялись с рейдовых водолазных ботов. Они же сопровождали действующие в портах Кореи соединения ТОФ во время войны с Японией, и имели на борту мотопомпы, электропомпы, осветительные агрегаты и специальное имущество.

Успех выполнения АС и СП операций в большой мере был подготовлен проведением целого ряда учений, в том числе и учебных подъемов жесткими понтонами с глубины 50 м., что давало возможность на фактических авариях действовать «как на учении» [28, 169-178; 29, л. 24; 30, л. 9].

Так, в 1944 году впервые на учении по подъему подводной лодки (далее – ПЛ) с глубины на 50 м в

массовом масштабе была проведена декомпрессия водолазов на кислороде, что в несколько раз (до 4-5) уменьшило время пребывания водолазов на выдержках.

При учебном подъеме ПЛ «Л-18» был применен новый метод остропки при подъеме в несколько ступеней. Подъемные стропы брались по длине целыми, а составными, соединенными скобами, длиной равной высоте подъема на одну ступень. После подъема на одну ступень понтон по верхним стропам спускался до следующих, верхний строп отдавался, а следующий застегивался за стопорную планку понтона. Это ускорило операцию подъема.

В период войны из-за отсутствия доков АСО ТОФ, кроме выполнения АС операций, выполнил несколько работ по бездоковому ремонту аварийного корабля (далее – АК) с выполнением крупных бетонных работ (пх. «Клара Цеткин», пх. «Тымлат»). Аварийные группы АСО выполнили работы по бездоковому ремонту в отдаленных районах (пх. «Войков» в бухте Провидения, пх. «Аргунь» в бухте Нагаево) с широким применением электросварочных, клепальных и бетонных работ, в том числе столь масштабных, как восстановление общей продольной прочности океанского судна (пх. «Войков»).

В 1944 г. в 72 АСО был оборудован специальный водолазный бот для выполнения работ по газорезке. Его укомплектовали водолазами газорезчиками, что позволило иметь станцию подводной газорезки в немедленной готовности. На борту бота установили батарею из кислородных и водородных баллонов, провели магистраль и разместили остальное имущество по газорезке. Станция подводной газорезки выполнила целый ряд практических работ [21, л. 147-149].

Созданная в 1943 г. электросварочная мастерская служила центром подготовки водолазов-электросварщиков, объединяла несколько человек постоянных водолазов-электросварщиков, и была базой для подготовки по электросварке и резке остальных водолазов АСО и флота. Опыт объединения водолазов узкой специальности в одну группу для систематической подготовки себя оправдал. Так, на подъеме ПЛ «Щ-139» в апреле-мае 1945 года был запланирован и выполнен ее подъем после заделки крупной пробоины с большим объемом работ по подводной электросварке и резке. Качество подготовки водолазов-электросварщиков и качество выполнения работ было хорошее.

Помимо этого на операции по снятию с мели пх. «Е. Пугачев» из-за невозможности перегрузить мотокомпрессор на АК, был применен оригинальный способ осушения днищевых поврежденных танков путем отжата воды воздухом. Для этого поврежденные отсеки через мерительные трубки были соединены с герметически закрытым диптанком №2. Диптанк №2 заполнялся водой, давление воздуха повышалось и он под давлением отжимал воду из поврежденного днищевое танка. Таким образом был облегчен нос аварийного корабля.

Необходимо отметить, что подразделения АСО ТОФ были оснащены новым видом АС техники – дыропробивными пистолетами (ПДП), которые нашли применение на практических операциях. Так, пх. «Маяковский» на переходе получил повреждения в днище размерами 1300х1000. Трюмы были полностью загружены и пробоина была заделана снаружи стальным дублировочным листом при помощи болтов выстреливаемых из ПДП.

Все плановые операции выполнялись по заранее составленному проекту, но таких операций в практике судоподъема на ТОФ было немного. Подавляющее число операций выполнялось по документам, составленным непосредственным руководителем работ на месте аварии сразу после обследования АК. При этом происходило выяснение дополнительных данных. С учетом изменения обстановки, в проект вносились необходимые коррективы, самим же составителем. В Отдел эти документы высылались вместе с техническими отчетами, которые составлялись по всем крупным операциям, представляющим интерес для обобщения опыта (подъемы ПЛ «Щ-130», ПЛ «Щ-138», ПЛ «Щ-139» и др.) [31, л. 57-57об]. Мелкие и малоинтересные операции кратко описывались руководителем работ и материал оставался в делах отряда.

Примечательно, что нормирование, с последующими обобщениями, суммированием собранных данных, не велось. Нормировались только отдельные операции. На них велись разработанные АСО ТОФ технологические карточки, обработка была затруднена большим недокомплектом офицерского состава.

За годы Великой Отечественной войны на Западе, до начала военных действий с Японией, обследование затонувших судов велось теми же группами, которые затем производили работы по подъему или спасению.

Во время военных действий с Японией АС группы выделенные для обеспечения в аварийно-спасательном отношении наступающих соединений Тихоокеанского флота в портах Северной Кореи, произвели первоначальное водолазное обследование почти всех обнаруженных затонувших судов противника. Было обследовано 18 единиц общим водоизмещением 97800 тонн. В дальнейшем после окончания войны с Японией было начато детальное обследование для составления проектов и планов подъема [21, л. 148-160].

Таким образом, за период 1941–1945 гг. Аварийно-спасательной службой ТОФ, созданной на базе военизированной структуры Краснознаменной ЭПРОН, был получен уникальный исторический опыт. Организация и деятельность в основных военноморских базах на Тихоокеанском флоте аварийно-спасательных формирований обеспечила со своей стороны полную готовность боевого функционирования кораблей. Что позволило успешно оказывать помощь кораблям, получившим боевые, или аварийные повреждения. Опыт, полученный Аварийно-спасательной службой Тихоокеанского флота, необходимо продолжать изучать, обобщать и внедрять в систему современной подготовки морских спасателей.

Литература и источники

1. Чикер Н.П. Служба особого назначения. М.: ДОСААФ, 1975. 225 с.
2. Российский государственный архив Военно-морского флота (РГА ВМФ). Ф. р-2243. Оп. 1. Д. 57.
3. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации: утверждена Указом Президента РФ от 31.12.2015 №683 // Собрание законодательства РФ. 04.01.2016. №1 (часть II). ст. 212.
4. Крюков И.В. К вопросу о боевой подготовке личного состава дальневосточной группировки войск к войне с Японией в 1945 г. // История государства и права. 2013. №8. С. 11-15.
5. Макаренко В.Г. Подготовка специалистов с высшим образованием на Дальнем Востоке СССР в годы Великой Отечественной войны // Россия и АТР. 2015. №2 (88). С. 76-90.
6. Орнацкая Т.А. Деятельность дальневосточных территориальных управлений органов государственной безопасности СССР в 1941-1943 гг. // Военно-юридический журнал. 2015. №2. С. 15-21.
7. Цуканов С.С. К 100-летию органов безопасности (рецензия на монографию А.В. Грачева, Ю.Н. Ципкина «чекисты в борьбе за обеспечение государственной безопасности советского Дальнего Востока в годы Великой Отечественной войны») // Военно-юридический журнал. 2017. №8. С. 30-32.
8. Ткачева Г.А. Женщины в частях Тихоокеанского флота и Амурской флотилии в годы Великой Отечественной войны // Военно-исторический журнал. 2017. №6. С. 25-30.
9. Кемулария Л.А. События на Дальнем Востоке в августе-сентябре 1945 г. в контексте Великой Отечественной войны (историография проблемы) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. №3-2. С. 83-86.
10. Маклюков А.В. Вклад энергетиков Дальнего Востока в победу в Великой Отечественной войне (1941–1945 гг.) // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2015. №1 (32). С. 73-79.

11. Маклюков А.В. Приближая победу. Труд дальневосточных энергетиков в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // Восьмые Гродековские чтения Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 70-летию Победы в Великой Отечественной войне. 2015. С. 100–103.
12. Транспорт в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945. Исторические хроники. М.: Пан пресс, 2010. 575 с.
13. Голубев, В.Г. Илюхин В.Н., Максимов В.И. и др. Спасатели военно-морского флота. М.: Воениздат, 1996. 264 с.
14. Илюхин В.Н., Захаров П.В. От ЭПРОНа до федеральной системы поиска и спасания на море Российской Федерации. К 90-летию создания Экспедиции подводных работ особого назначения // Морской вестник. 2013. №4 (48). С. 77–83.
15. Krystosik-Gromadzińska A. The maritime search and rescue service in Poland during the last ten years and today // Bezpieczeństwo i Technika Pozarnicza. 2016. Vol. 42. P. 209–218.
16. Hill E., LaNore M., Véronneau S. Northern sea route: an overview of transportation risks, safety, and security // Journal of transportation security. 2015. T. 8, №. 3–4. С. 69–78.
17. Чернышев А.А. Триумф Тихоокеанского флота СССР. Реванш за Цусиму. М.: Яуза, 2015., 128 с.
18. Усов А.В. К вопросу об организационной структуре и специальной боевой подготовке Аварийно-спасательной службы ВМФ ТОФ (1941–1945) // Общество: философия, история, культура. 2017. №9. С. 63–66.
19. Усов А.В. Государственная морская спасательная служба на Дальневосточном бассейне России (1991–2014 гг.): монография. М.: Проспект, 2016. 208 с.
20. Архивный отдел (на Тихоокеанском флоте) Центрального архива Военно-морского флота (АО на ТОФ ЦВМА). Дело фонда №94. Выписка из исторической справки.
21. Центральный архив Военно-морского флота (ЦВМА). ЦВМА. Ф. 436. Оп. 21. Д. 73.
22. РГА ВМФ. Ф. р-2243. Оп. 1. Д. 37.
23. ЦВМА. Ф. 436. Оп. 21. Д. 20.
24. ЦВМА. Ф. 436. Оп. 21. Д. 72.
25. ЦВМА. Ф. 436. Оп. 21. Д. 82.
26. ЦВМА. Ф. 436. Оп. 21. Д. 96.
27. ЦВМА. Ф. 436. Оп. 21. Д. 97.
28. ЦВМА. Ф. 2628. Оп. 1. Д. 23.
29. ЦВМА. Ф. 2628. Оп. 2. Д. 5.
30. ЦВМА. Ф. 2628. Оп. 19713. Д. 4.
31. ЦВМА. Ф. 2628. Оп. 1. Д. 23.

References

1. Chiker N.P. *Sluzhba osobogo naznachenija* [Special operations Service]. Moscow, Russian Army, Air Force and Navy Volunteer Society Publ., 1975. 225 p.
2. *Rossiiskij gosudarstvennyj arhiv Voенno-morskogo flota* (RGA VMF). Russian State Naval Archives (RSNA). F. p-2243. 1. 57. (In Russian, unpublished).
3. *Strategija nacional'noj bezopasnosti Rossijskoj Federacii* [The National Security Strategy of the Russian Federation]: *utverzhdена Ukazom Prezidenta RF ot 31. 12.2015 №683* [approved by the Decree of the Russian President from Dec. 31. 2015 no. 683]. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collected Acts of the Russian Federation], Jan. 4. 2016, no. 1 (Vol. II), art. 212.
4. Krjukov I.V. *K voprosu o boevoj podgotovke lichnogo sostava dal'nevostochnoj gruppirovki vojsk k vojne s Japoniej v 1945 g.* [On the question of the combat training of the Far Eastern grouping of troops personnel for the war with Japan in 1945]. *Istorija gosudarstva i prava* [History of State and Law], 2013, no. 8, pp. 11–15.
5. Makarenko V.G. *Podgotovka specialistov s vysshim obrazovaniem na Dal'nem Vostoke SSSR v gody Velikoj Otechestvennoj vojny* [Training of specialists with the higher education in the Far East of the USSR in days of the Great Patriotic War]. *Rossija i ATR* [Russia and the Asia-Pacific Region], 2015, no. 2 (88), pp. 76–90.
6. Ornackaja T.A. *Dejatel'nost' dal'nevostochnyh territorial'nyh upravlenij organov gosudarstvennoj bezopasnosti SSSR v 1941–1943 gg.* [Activity of the Far Eastern Territorial Departments of the USSR state security agencies in 1941–1943], *Voенno-juridicheskij zhurnal* [Military-legal journal], 2015, no. 2, pp. 15–21.
7. Cukanov S.S. *K 100-letiju organov bezopasnosti (recenzija na monografiju A.V. Gracheva, Ju.N. Cipkina «chekisty v bor'be za obespechenie gosudarstvennoj bezopasnosti sovetskogo Dal'nego Vostoka v gody Velikoj Otechestvennoj vojny»)* [To the 100 anniversary of security service (the review of the monograph by A.V. Grachev, Yu.N. Tsipkin "security officers in fight for ensuring state security of the Soviet Far East in days of the Great Patriotic War"). *Voенno-juridicheskij zhurnal* [Military-legal journal], 2017, no. 8, pp. 30–32.
8. Tkacheva G.A. *Zhenshiny v chastjah Tihookeanskogo flota i Amurskoj flotilii v gody Velikoj Otechestvennoj vojny* [Women in parts of the Pacific Fleet and the Amur Flotilla during the Great Patriotic War]. *Voенno-istoricheskij zhurnal* [Military-Historical Journal], 2017, no. 6, pp. 25–30.
9. Kemularija L.A. *Sobytiya na Dal'nem Vostoke v avguste-sentjabre 1945 g. v kontekste Velikoj Otechestvennoj vojny (istoriografija problemy)* [Events in the Far East in August–September 1945 in the context of the Great Patriotic War (the historiography of the problem)]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i juridicheskie nauki, kul'turologija i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* [Historical, philosophical, political and legal sciences, culturology and art history. Questions of theory and practice], 2011, no. 3–2, pp. 83–86.
10. Makljukov A.V. *Vklad jenergetikov Dal'nego Vostoka v pobedu v Velikoj Otechestvennoj vojne (1941–1945 gg.)* [The contribution of power engineers of the Far East to victory in the Great Patriotic War (1941–1945)]. *Oikumena. Regionovedcheskie issledovanija* [Oecumene. Regional studies], 2015. no. 1 (32), pp. 73–79.
11. Makljukov A.V. *Priblizhaja pobedu. Trud dal'nevostochnyh jenergetikov v gody Velikoj Otechestvennoj vojny 1941–1945 gg.* [Bringing the victory closer. Labor of Far Eastern power engineers during the Great Patriotic War of 1941–1945]. *Vos'mye Grodekovskie chtenija Materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii, posvjashhennoj 70-letiju Pobedy v Velikoj Otechestvennoj vojne* [Eighth Grodekov Readings Materials of the international scientific and practical conference dedicated to the 70th anniversary of the Victory in the Great Patriotic War], 2015, pp. 100–103.
12. *Transport v gody Velikoj Otechestvennoj vojny. 1941–1945. Istoricheskie hroniki* [Transport during the Great Patriotic War. 1941–1945. Historical chronicles]. Moscow: Pan press Publ., 2010. 575 p.
13. Golubev, V.G. Iljuhin V.N., Maksimov V.I. et al. *Spasateli voенno-morskogo flota* [Rescuers of the Navy]. Moscow: Military House Publ., 1996. 264 p.

14. Iljuhin V.N., Zaharov P.V. *Ot JePRONa do federal'noj sistemy poiska i spasaniya na more Rossijskoj Federacii. K 90-letiju sozdanija Jekspedicii podvodnyh rabot osobogo naznacheniya* [From EPRON to the federal system of search and rescue at sea of the Russian Federation. To the 90th anniversary of the creation of the Expedition of underwater works of special function]. *Morskoj vestnik* [Marine Herald], 2013, no. 4 (48), pp. 77-83.
15. Krystosik-Gromadzińska A. *The maritime search and rescue service in Poland during the last ten years and today. Bezpieczenstwo i Technika Pozarnicza*. [Protection and equipment], Vol. 42, pp. 209-218.
16. Hill E., LaNore M., Véronneau S. Northern sea route: an overview of transportation risks, safety, and security. *Journal of transportation security*, Vol. 8, no. 3-4, pp. 69-78.
17. Chernyshev A.A. *Triumf Tihookeanskogo flota SSSR. Revansh za Cusimu* [Triumph of the USSR's Pacific fleet. Revenge for Tsushima]. Moscow: Jauza Publ., 128 p.
18. Usov A.V. *K voprosu ob organizacionnoj strukture i special'noj boevoj podgotovke Avarijno-spasatel'noj sluzhby VMF TOF (1941–1945)* [Concerning the organizational structure and special combat training of emergency rescue service of the Naval Pacific Fleet (1941–1945)]. *Obshchestvo: filosofija, istorija, kul'tura* [Society: Philosophy, History, Culture], 2017, no. 9. pp. 63-66.
19. Usov A.V. *Gosudarstvennaja morskaja spasatel'naja sluzhba na Dal'nevostochnom bassejne Rossii (1991–2014 gg.)* [State Marine Rescue Service in the Russian Far Eastern Basin (1991–1914)]: monografija [monograph]. Moscow, Prospect Publ., 2016. 208 p.
20. *Arhivnyj otdel (na Tihookeanskom flote) Tsentral'nogo arhiva Voенno-morskogo flota (AO na TOF TsVMA)* [Archives department (on the Pacific Fleet) of Central Naval Archive (AO na TOF TsVMA)]. *Delo fonda №94* [File of fund no. 94]. *Vypiska iz istoricheskoy spravki* [Historical reference extract].
21. *Tsentral'nyi voенno-morskoi arkhiv (TsVMA)* [Central Naval Archive (TSVMA)], F. 436. 21. 73. (In Russian, unpublished).
22. *Rossijskij gosudarstvennyj arhiv Voенno-morskogo flota (RGA VMF)*. Russian State Naval Archives (RSNA). F. p-2243. 1. 37. (In Russian, unpublished).
23. *Tsentral'nyi voенno-morskoi arkhiv (TsVMA)* [Central Naval Archive (TSVMA)], F. 436. 21. 20. (In Russian, unpublished).
24. *Tsentral'nyi voенno-morskoi arkhiv (TsVMA)* [Central Naval Archive (TSVMA)], F. 436. 21. 72. (In Russian, unpublished).
25. *Tsentral'nyi voенno-morskoi arkhiv (TsVMA)* [Central Naval Archive (TSVMA)], F. 436. 21. 82. (In Russian, unpublished).
26. *Tsentral'nyi voенno-morskoi arkhiv (TsVMA)* [Central Naval Archive (TSVMA)], F. 436. 21. 96. (In Russian, unpublished).
27. *Tsentral'nyi voенno-morskoi arkhiv (TsVMA)* [Central Naval Archive (TSVMA)], F. 436. 21. 97. (In Russian, unpublished).
28. *Tsentral'nyi voенno-morskoi arkhiv (TsVMA)* [Central Naval Archive (TSVMA)], F. 2628. 1. 23. (In Russian, unpublished).
29. *Tsentral'nyi voенno-morskoi arkhiv (TsVMA)* [Central Naval Archive (TSVMA)], F. 2628. 2. 5. (In Russian, unpublished).
30. *Tsentral'nyi voенno-morskoi arkhiv (TsVMA)* [Central Naval Archive (TSVMA)], F. 2628. 19713. 4. (In Russian, unpublished).
31. *Tsentral'nyi voенno-morskoi arkhiv (TsVMA)* [Central Naval Archive (TSVMA)], F. 2628. 1. 23. (In Russian, unpublished).

ПЕРСОНАЖИ ИСТОРИИ / HISTORICAL CHARACTERS

УДК 930: 572

SERGEY ALEKSANDROVICH GOLOVIN

*Doctor of Historical Sciences, Professor,
The Chair of Russian History and Special Historical Sciences,
Blagoveshchensk State Pedagogical University.
675000, Russian Federation, Amur Region, Blagoveshchensk, ul. Lenina, 104.
E-mail: gol_70@mail.ru*

Biography highlights of M.M. Gerasimov

The article deals with basic biography and creative activity highlights of M.M. Gerasimov – the founder of semblance recreation method on craniological groundwork. This technique has become a consequence of the development of biological, historical, archaeological and social disciplines that treat a person in all its complex diversity (anatomy, anthropology, paleoanthropology and archeology). This Soviet anthropologist's major achievements in prehistoric people and historical personalities' semblance recreation based on the analysis of skull calcus are covered in the article. To date, not all elements of the person can be accurately reconstructed on the basis of cranial data, and if the parts adjacent tightly to the bone base are restored with complete certainty, such elements of appearance as auricles, details of the forms of the lips, nostrils and others, will always inevitably to recover with a large share of probabilities. Wide selections of historiographical, biographical and bibliographical sources have been used during writing this article. The article is of interest to people of various specialties and is of particular importance for museology and archeology in connection with the problem of anthropogenesis.

Keywords: *anthropology, archaeology, semblance recreation based on the analysis of skull, historical graves.*

СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ ГОЛОВИН

*Доктор исторических наук, доцент,
профессор кафедры истории России и специальных исторических дисциплин,
Благовещенский государственный педагогический университет.
675000, Россия, Амурская область, г. Благовещенск, ул. Ленина, 104.
E-mail: gol_70@mail.ru*

Представленная статья обращена к основным вехам биографии и творческой деятельности М.М. Герасимова – основоположника метода воссоздания облика человека на краниологической основе. Данная методика стала следствием развития биологических, историко-археологических и социальных дисциплин, рассматривающих человека во всем его сложном многообразии (анатомии, антропологии, палеоантропологии и археологии). В представленной работе рассматриваются основные достижения советского антрополога по реконструкции внешности доисторических людей и исторических личностей на основе костных останков черепа. На сегодняшний день далеко не все элементы лица поддаются точной реконструкции на основании черепных данных, и если части, прилегающие плотно к костной основе, восстанавливаются с полной достоверностью, то такие элементы внешности, как ушные раковины, детали форм губ, ноздрей и другие, будут всегда неминуемо восстанавливаться с большой долей гипотетичности. При подготовке и подборке материала для статьи был использован широкий и разнообразный круг источников историографического, биографического и библиографического содержания. Статья представляет интерес для лиц самых разных специальностей и имеет особое значение для музееведения и археологии в связи с проблемой антропогенеза.

Ключевые слова: *антропология, археология, восстановление внешности по черепу, исторические захоронения.*

Основные вехи биографии М.М. Герасимова

Выдающийся русский антрополог Михаил Михайлович Герасимов (1907–1970), автор методики восстановления внешнего облика человека на основе скелетных останков («метод Ге-

расимова»), реконструировавший свыше 200 скульптурных портретов древних людей и исторических личностей (22 портрета), родился 2 (15) сентября 1907 г. в Санкт-Петербурге в семье земского врача.

Его детские и юношеские годы прошли в Иркутске, куда отец переехал в 1908 г. вместе с семьей для занятия должности начальника медицинской части переселенческого пункта. Его отец был врачом, дед по линии матери – художником. Интересы Михаила Герасимова сформировались в раннем возрасте под влиянием книг из отцовской библиотеки, в которой рядом с литературой по медицине, анатомии, зоологии, орнитологии находились книги по геологии, палеонтологии, археологии (сочинения Чарльза Дарвина, Альфреда Брэма, иллюстрированные энциклопедические издания «Вселенная и человечество», «Земля и люди» и др.). С детства он увлекался лепкой и рисованием [1, с. 66].

Со школьных лет он посещал археолого-краеведческий кружок, возглавляемый русским этнографом и антропологом, приват-доцентом (в дальнейшем профессором) педагогического факультета Иркутского университета, главой иркутской археологической школы Бернгардом Эдуардовичем Петри (1884–1937), которого считал своим учителем. В 1918 г., в возрасте 11 лет, участвовал в археологических раскопках Верхоленской Горы в пригороде Иркутска; в 1921 г. самостоятельно раскопал погребение эпохи неолита в Иркутске. «Окрестности города Иркутска чрезвычайно богаты остатками древних поселений, по преимуществу неолитического времени, это обстоятельство стимулировало мои ранние занятия археологией», – отмечал впоследствии Михаил Михайлович в автобиографии [2, л. 28].

В 1920 г. 13-летний Герасимов стал заниматься в анатомическом музее при медицинском факультете Иркутского университета под руководством профессора кафедры судебной медицины А.Д. Григорьева и анатома А.И. Казанцева, одного из первых сибирских антропологов. В 1920-е гг. он неоднократно подавал документы на поступление в Иркутский университет, но ему, как сыну дворянина, было отказано.

В 1922 г. Герасимов начинает работать археологом в краеведческом музее Иркутска. В 1924 г. он обнаружил и исследовал стоянку эпохи палеолита у станции Иннокентьевская (ныне Иркутск-II), в 1925 г. опубликовал свою первую научную статью об этих раскопках. В 1927–1928 гг. Герасимов обнаружил мезолитическую стоянку в Хабаровске, многослойный памятник Усть-Белая на Ангаре, неолитические могильники в Иркутске и на Верхней Лене [3, с. 43].

Главный в своей археологической практике объект – всемирно известную палеолитическую стоянку Мальта – Герасимов открыл в 1928 г., после сообщения местного крестьянина о находке гигантской кости (бивня мамонта). В результате раскопок было найдено поселение эпохи позднего палеолита. Расположена эта стоянка первобытных охотников и рыболовов на берегу речки Белой, притока Ангары, у современной деревни Мальта Усольского района Иркутской области, возраст стоянки – 20–24 тыс. лет. Именно здесь была изобретена методика послойного вскрытия древнего поселения широкой площадью, с полной расчисткой обнаруженных комплексов. Раскопки продолжаются и сегодня.

На территории археологического памятника на сегодняшний день раскопано 15 жилищ, вытянутых вдоль реки. Так как жилища не перекрывали друг друга, предполагается, что они существовали в одно время. В центре находилось сооружение длиной 14 м и шириной 4–5 м. Другие строения образовывали 3 группы: 6, 4 и 4 жилища, и различались по площади и форме. Пол был заглублен в землю на 50–70 см. Стены делались из крупных костей мамонта, крыша была покрыта шкурами, фундамент строений состоял из более мелких костей. Одно из жилищ было наземным, каркас стен составляли рога оленей, а в основании – кольцо из массивных плит известняка, поставленных на ребро.

Среди остатков фауны большая часть принадлежит северному оленю, найдены (в порядке убывания) кости песка, шерстистого носорога, мамонта, бизона, быка, лошади, россомахи, льва, волка. Материалы Мальты свидетельствуют, что на песцов охотились исключительно ради меха.

Среди находок – каменные и костяные орудия, произведения раннего искусства («мальтинские венеры», рисунки на бивнях мамонта, головные обручи, ожерелья из узорчатых бус, более простые украшения – диски с отверстиями, бусы из зубов животных), погребение 4-летнего ребенка.

Научной сенсацией явилось открытие в 1928 г. женских статуэток, вырезанных из кости мамонта (ранее подобные изображения находили только в Европе), фигурок летящих птиц, гравюр на кости. Свое название – «Мальтинские венеры» – эти статуэтки из бивня мамонта получили по аналогии с «палеолитическими венерами», обобщающим понятием для множества женских древнейших статуэток. Ранее считалось, что это исключительно изображения женщин. Однако современное высокотехнологичное микроскопное исследование поверхности статуэток показало наличие в скульптуре Мальты всех половозрастных групп: в коллекции Эрмитажа есть изображения детей, мальчиков-подростков, женщин разного возраста (присутствуют характерные детали, указывающие на возраст, подчеркнута продуктивная фаза – беременность, кормящие женщины). Большинство фигурок были одеты. При исследовании на статуэтках «проявился» полный набор верхней одежды и аксессуаров: шапочки, комбинезоны, обувь, пояса, браслеты, перевязи, котомки-рюкзаки.

В общей коллекции с Мальтинской стоянки насчитывается более 850 предметов: человеческие фигурки и их фрагменты, фигурки птиц и различных животных, украшения, браслеты, орнаментированные жезлы и диски, орудия труда. В настоящее время коллекциями с Мальтинской стоянки располагают различные музеи, в том числе Эрмитаж, Кунсткамера (Петербург), Государственный исторический музей (Москва), Художественный музей Иркутска. В мальтинской коллекции Эрмитажа хранится около сотни предметов, среди них 29 статуэток, фрагментов и деталей скульптуры. Палеолитическая мальтинская культура по уровню своего развития ничем не уступала лучшим образцам европейского палеолита.

Открытие и изучение мальтинского археологического памятника стало судьбоносным для молодого исследователя. В 1931 г. он публикует статью о своих открытиях, а в 1932 г. его приглашают в Ленинград для показа находок на выставке, организуемой для предстоящего Международного четвертичного конгресса, где он выступает с докладом и демонстрирует археологические находки, тщательно реставрированные им на месте раскопок [4].

В Иркутск он, работавший тогда в местном краеведческом музее и по совместительству палеонтологом-четвертичником в геологоразведочном тресте, уже не вернулся, так как был принят в аспирантуру Государственной академии истории материальной культуры (ГАИМК, с 1937 г. – Институт истории материальной культуры АН СССР, с 1959 г. – Институт археологии АН СССР). Причем не в отдел палеолита, а в Институт археологической технологии – одну из первых в мире специализированных лабораторий по применению естественнонаучных методов в археологии.

Примечательно, что М.М. Герасимов был зачислен в аспирантуру, которую так и не закончил, не имея диплома о высшем образовании, а научную степень доктора исторических наук получил (1956), не обладая дипломом кандидата исторических наук. Подобная практика «перескакивания» через ступени научной карьеры была нередкой для периода становления советской науки (1930–1950-е гг.). В этом отношении Михаил Михайлович был типичным самородком, самостоятельно пробившим себе дорогу в науку своим трудом и талантом.

В Ленинграде занятия археологией он сочетал с работой, а затем с заведованием (с 1937) реставрационными мастерскими Эрмитажа. С 1933 г. он работал старшим научным сотрудником в реставрационно-техническом отделе Эрмитажа и одновременно научно-техническим сотрудником в доклассовом секторе ГАИМК, а с 1937 г. – младшим научным сотрудником на кафедре палеолита ГАИМК (ИИМК) [2, л. 4].

Основным содержанием археологической деятельности Герасимова в 1930-е гг. были раскопки в Мальте. В 1932 г. там развернулись широкомасштабные работы, финансируемые ГАИМК и Комиссией по изучению четвертичного периода, во главе с известным советским археологом С.Н. Замятниным (1899–1958), открывшим в 1923 г. известную археологическую стоянку Костёнки-II (Воронежская область). Всего было вскрыто до 80 м² площади памятника, доказан факт многослойности Мальты, расчищены остатки жилых конструкций, получена значительная коллекция каменного и костяного инвентаря, украшений, статуэток.

Однако в период раскопок Мальты в 1934 г. уже под руководством начальника археологической экспедиции Г.П. Сосновского и при участии П.П. Хороших, когда раскопки охватили максимальную площадь (182 м²), тесного научного сотрудничества между исследователями на этот раз не сложилось. Герасимов надолго прерывает исследование этого

памятника, перейдя на изучение других археологических объектов региона [5]. В архиве ГАИМК содержится упоминание о его обобщающей работе о раскопках Мальты, хранившейся в отделе палеолита. Однако на сегодняшний день обнаружить эту рукопись не удалось.

В 1931 и 1934–1936 гг., а затем в 1959 г. он исследовал захоронения древних людей в открытом в 1926 г. А.П. Окладниковым знаменитом Фофановском могильнике, расположенном на берегу реки Селенги у села Фофаново в Кабанском районе Бурятии [6].

В 1936 г. в составе экспедиции, руководимой Сосновским, Герасимов проводил небольшие работы в Мальте и вел археологические разведки по реке Белой, а в 1937 г. полностью сосредоточился на изучении стоянки Усть-Белая [7].

Археологическая деятельность Герасимова в 1930-е гг. не ограничивалась только территорией Восточной Сибири. В 1932 г. он был командирован на Северный Кавказ, где совместно с В.И. Громыным обследовал местонахождения плейстоценовой фауны на реке Кубань. В 1933 г. Герасимов участвовал в раскопках П.П. Ефименко стоянки Костёнки-I (Воронежская область), открытой еще в 1879 г. И.С. Поляковым, в 1935 г. – обследовал на предмет археологических раскопок зоны затопления под водохранилище строящейся ГЭС на Оке.

Здесь необходимо отметить, что деятельность ГАИМК (ИИМК) в 1930-е гг. была ориентирована на преобразование археологии в новую науку, названную историей материальной культуры, которая должна была охватить все эпохи развития человечества от древнейших времен до наших дней. В соответствии с марксистскими представлениями основной интерес для археологов того времени представляла история технологии материального производства, понимание которой должно было явиться основой для реконструкции форм общественной жизни. Согласно функционально-технологическому подходу внимание археологов того времени было сосредоточено на выявлении целостной реконструкции процессов обработки: взаимосвязи между морфологией каменных орудий и приемами обрабатывания кости [8; 9].

Археолого-методологический подход Герасимова предполагал анализ археологических данных в сочетании с проведением экспериментов и этнографическими материалами. Используя собственные полевые наблюдения и данные по обработке кости и выделке шкур у тунгусов (эвенков), гольдов (нанайцев) и долган, он реконструировал, иллюстрируя рисунками, основные приемы расчленения кости (распаривания и размачивания бивня и кости перед обработкой), обрубания рога, изготовления игл, статуэток, нанесения орнамента на предметы украшения и др. [10].

Занятия археологией и анатомией помогли М.М. Герасимову реализовать захватившую его сознание еще с юношеского возраста идею восстановления облика древних людей по найденным при раскопках костным останкам. Разрешению этой проблемы он и посвятил всю свою жизнь.

В 1941 г. Герасимов отправился в Среднюю Азию для участия во вскрытии гробницы Тимуридов в Самарканде, где его застало начало Великой Отечественной войны. В Ленинград он уже не вернулся, подав в 1942 г., находясь в Ташкенте, заявление о переводе в московское отделение ИИМК.

С 1944 г. он жил в Москве, работал в ИИМК, затем в Институте этнографии АН СССР (ныне Институт этнологии и антропологии РАН), где основал Лабораторию антропологической (пластической) реконструкции (1950), которой руководил в течение 20 лет. В столице создал фундаментальные обобщающие труды в области реконструкции лица по его костной основе [11; 12], защитил докторскую диссертацию (1956), стал лауреатом Сталинской государственной премии (III степени, в области биологии, 1950) и заслуженным деятелем науки РСФСР (1970), был награжден орденом «Знак Почета».

За годы долгой научной деятельности М.М. Герасимов принимал непосредственное участие во всех крупнейших событиях советской палеоантропологии и исторической антропологии...

В 1930–1960-е гг. в СССР создавались научные комиссии по вскрытию захоронений исторических лиц с целью «подлинной идентификации погребений и создания их объективных истинных портретов» (официальная формулировка). В январе 1939 г. специальная комиссия вскрыла в Софийском соборе в Киеве мраморную гробницу князя Ярослава Мудрого; в июне 1941 г. – захоронение Тимуридов в мавзолее Гур-Эмир в Самарканде, в августе 1944 г. – погребение адмирала Ф.Ф. Ушакова, в 1956 г. – могилу основоположника таджикско-персидской поэзии на фарси Рудаки в кишлаке Панджруд (Таджикистан), в 1963 г. – гробницу Ивана Грозного в Архангельском соборе московского Кремля. В состав этих специальных комиссий включались известные историки, археологи, антропологи, чиновники. И в каждую комиссию входил М.М. Герасимов – автор скульптурных портретов перечисленных исторических лиц и консультант всех приведенных выше комиссий [13].

Исследования, как правило, он вел в тесном сотрудничестве с доктором медицинских наук (1945), профессором (1949), ветераном Великой Отечественной войны, награжденным боевыми орденами и медалями, известным советским антропологом Вульфом Вениаминовичем Гинзбургом (1904–1969), бессменно работавшим с 1938 г. в секторе антропологии Ленинградского отделения Института этнографии АН СССР.

В числе около 250 скульптурных портретов М.М. Герасимова наиболее известны реконструкции Ярослава Мудрого (1939), Андрея Боголюбского (1941), Тимура (1941), Улугбека (1942), Ф.Ф. Ушакова (1945), Ивана Грозного (1964), неандертальского мальчика из пещеры Тешик-Таш (1939), позднего неандертальца из грота Ла-Шапель-о-Сен (Франция), кроманьонцев со стоянок Кроманьон (Франция) и Сунгирь недалеко от Владимира (Россия).

Менее известны реконструкции царя скифов Скилура (1946), мальчика из детского погребенья в Староселье (Бахчисарай, Крым, 1956), Ибн Сины /

Авиценны/ (1956), Рудаки (1957), Иоганна Фридриха Шиллера (1961), Хаджи-Мурата (1964), царя Федора Ивановича (1965), архиепископа Новгородского Василия Калики, князя Курско-Трубчевского Всеволода Святославича, Шахруха, Мираншаха и многочисленные воссозданные портреты древних ископаемых людей [14; 15].

Большая часть его работ посвящена воссозданию облика древних людей. Они отражают основные этапы антропогенеза на территории тогдашнего СССР и так называемые типы ископаемого человека семейства гоминидов (австралопитек, питекантроп, синантроп, гейдельбергский человек, неандерталец, кроманьонец) [16].

Михаил Михайлович скончался 21 июля 1970 г. в Москве, находясь на вершине своей научной славы и признания заслуг, окруженный любовью близких и уважением коллег. Во всех начинаниях его всегда поддерживала жена Тамара Сергеевна Вандербеллен, которая подарила ему трех дочерей (Татьяну, Ксению, Маргариту). Ей он посвятил главный труд своей жизни – книгу «Восстановление лица по черепу» (1955) [12].

До его работ в научном мире считалось: воссоздать портрет по черепу невозможно, можно сделать только общий обобщенный тип. Подобные работы велись и за рубежом, но иностранные ученые были далеки от результатов советского ученого.

В реализации цели восстановления лица по черепу Михаил Михайлович Герасимов далеко обогнал своих предшественников и современников. Известный американский ученый-антрополог, руководитель антропологического отдела Калифорнийского музея естественной истории Генри Филд (1902–1986), приехавший в Москву на юбилейную сессию, посвященную 220-летию Академии наук СССР (15 июня – 3 июля 1945), осматривая стенд с результатами контрольных опытов Герасимова, в изумлении воскликнул: «Этого не может быть. Я отказываюсь верить собственным глазам!» [13, с. 134].

На международном конгрессе Ассоциации по изучению четвертичного периода (INQWA) в 1969 г. в Париже была устроена выставка работ М.М. Герасимова, где демонстрировались 20 скульптурных реконструкций первобытных людей.

Его дело в Лаборатории антропологической реконструкции Института этнографии АН СССР (РАН), которую он возглавлял в течение 20 лет (1950–1970) продолжили талантливые ученики и научные последователи (Г.В. Лебединская, Т.С. Сурнина, Н.Н. Мамонова, И.В. Каширина, Л.Т. Яблонский, Т.С. Балужева, С.А. Никитин, Е.В. Веселовская, В.Н. Звягин, А.И. Нечвалода, Д.В. Пежемский, О.М. Григорьева, М.Л. Бутовская, Е.А. Алексеева, А.П. Пестряков). Коллекция лаборатории является богатейшей в мире. В ней более 300 экспонатов, включающих галерею портретов исторических деятелей прошлого и отражающих эволюцию человека (скульптурные и графические портреты людей, населявших в разные исторические эпохи обширные пространства Евразии, – скифов, сарматов, гуннов, славян).

Литература и источники

1. Герасимова М.М., Медведев Г.И. Жизнь и деятельность Михаила Михайловича Герасимова // Вестник антропологии. 1998. №5. С. 65–82.
2. Архив Института истории материальной культуры Российской академии наук (ИИМК РАН). Ф. 2. Оп. 3. Д. 145; Ф. 35. Оп. 5. Д. 64. Личное дело М.М. Герасимова.
3. Флоренсов В.А., Флоренсов Н.А., Медведев Г.И. Непротеренным путём: Жизнь и творчество М.М. Герасимова. Иркутск: Восточно-Сибирское книжное изд-во, 1979. 111 с.
4. Герасимов М.М. Раскопки палеолитической стоянки в селе Мальта (предварительный отчет о работах 1928–1932 гг.) // Известия Государственной академии истории материальной культуры. 1935. Вып. 118. С. 78–124.
5. Герасимов М.М. Палеолитическая стоянка Мальта (раскопки 1956–1957 гг.) // Советская этнография. 1958. №3. С. 45–59.
6. Герасимов М.М. Раскопки Фофанского могильника / М.М. Герасимов, Е.П. Черных // Первобытная археология Сибири. Л.: Наука, 1975. С. 23–48.
7. Герасимов М.М., Сосновский Г.П. Новые находки на палеолитической стоянке в селе Мальта // Труды Советской секции INQUA. М., 1937. Вып. 1. С. 278–295.
8. Семенов С.А. Изучение следов работы на каменных орудиях // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. 1940. №4. С. 21–26.
9. Семенов С.А. Первобытная техника. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1957. 240 с.
10. Герасимов М.М. Обработка кости на палеолитической стоянке Мальта // Материалы и исследования по археологии СССР. 1941. №2. С. 65–85.
11. Герасимов М.М. Основы восстановления лица по черепу. М.: Советская наука, 1949. 185 с.
12. Герасимов М.М. Восстановление лица по черепу. (Современный и ископаемый человек). М.: Изд-во АН СССР, 1955. 586 с.
13. Раушенбах Б.В. Пристрастие. М.: Аграф, 2000. 438 с.
14. Ляпунов Б.В. Из глубины веков. О работах лауреата Сталинской премии М.М. Герасимова / под ред. А.Я. Брюсова. М.: Изд-во культурно-просветительской литературы, 1953. 108 с.
15. Векслер А.Г., Рабинович М.Г., Шеляпина Н.С. М.М. Герасимов и история Москвы (работы по восстановлению облика древних жителей Московского края и русских царей) // Антропологическая реконструкция и проблемы палеоэтнографии. Сборник памяти М.М. Герасимова. М.: Наука, 1973. С. 16–37.
16. Герасимов М.М. Люди каменного века. М.: Наука, 1964. 170 с.

References

1. Gerasimova M.M., Medvedev G.I. *Zhizn' i deyatel'nost' Mikhaila Mikhailovicha Gerasimova* [The life and work of Mikhail Mikhailovich Gerasimov]. *Vestnik antropologii* [Herald of anthropology], 1998, no. 5, pp. 65–82.
2. *Arkhir Instituta istorii material'noi kul'tury Rossiiskoi akademii nauk (IIMK RAN)* [Archive of the Institute of the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences], f. 2, op. 3, d. 145; f. 35, op. 5, d. 64. *Lichnoe delo M.M. Gerasimova* [Personal file of M.M. Gerasimov]. (In Russian, unpublished).
3. Florensov V.A., Florensov N.A., Medvedev G.I. *Neprotorennym putem: Zhizn' i tvorchestvo M.M. Gerasimova* [Untapped way: The life and work of M.M. Gerasimov]. Irkutsk, Vostochno-sibirskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1979, 111 p.
4. Gerasimov M.M. *Raskopki paleoliticheskoi stoyanki v sele Mal'ta (predvaritel'nyi otchet o rabotakh 1928–1932 gg.)* [Excavations of the Paleolithic site in the village of Malta (preliminary report on the works of 1928–1932)]. *Izvestiya Gosudarstvennoi akademii istorii material'noi kul'tury* [News of the State Academy of the History of Material Culture], 1935, vol. 118. pp. 78–124.
5. Gerasimov M.M. *Paleoliticheskaya stoyanka Mal'ta (raskopki 1956–1957 gg.)* [Paleolithic site Malta (excavations 1956–1957)]. *Sovetskaya etnografiya* [Soviet Ethnography], 1958, no. 3, pp. 45–59.
6. Gerasimov M.M. *Raskopki Fofanskogo mogil'nika* [Excavations of the Feofan burial ground]. Gerasimov M.M., Chernykh E.P. *Pervobytnaya arkhologiya Sibiri* [Primitive archeology of Siberia]. Leningrad, Nauka Publ., 1975, pp. 23–48.
7. Gerasimov M.M., Sosnovskii G.P. *Novye nakhodki na paleoliticheskoi stoyanke v s. Mal'ta* [New findings on the Paleolithic site in the village of Malta]. *Trudy Sovetskoi sekti INQUA* [Proceedings of the Soviet section of INQUA]. Moscow, 1937, vol. 1, pp. 278–295.
8. Semenov S.A. *Izuchenie sledov raboty na kamennykh orudiyakh* [Study of traces of work on stone tools]. *Kratkie soobshcheniya Instituta istorii material'noi kul'tury* [Brief reports of the Institute of the History of Material Culture], 1940, no. 4, pp. 21–26.
9. Semenov S.A. *Pervobytnaya tekhnika* [Primitive Technology]. Moscow; Leningrad, Izd-vo AN SSSR Publ., 1957, 240 p.
10. Gerasimov M.M. *Obrabotka kosti na paleoliticheskoi stoyanke Mal'ta* [Treatment of bone in the Paleolithic site of Malta]. *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR* [Materials and research on archeology of the USSR], 1941, vol. 2, pp. 65–85.
11. Gerasimov M.M. *Osnovy vosstanovleniya litsa po cherepu* [Basics of face reconstruction on the skull]. Moscow, Sovetskaya nauka Publ., 1949, 185 p.
12. Gerasimov M.M. *Vosstanovlenie litsa po cherepu. (Sovremennyy i iskopaemyi chelovek)* [Restoration of the face on the skull. (Modern and Fossil Man)]. Moscow, Izd-vo AN SSSR Publ., 1955, 586 p.
13. Raushenbakh B.V. *Pristrastie* [Addiction]. Moscow, Agraph Publ., 2000, 438 p.
14. Lyapunov B.V. *Iz glubiny vekov. O rabotakh laureata Stalinskoi premii M.M. Gerasimova* [From the depths of centuries. About the works of the laureate of the Stalin Prize M.M. Gerasimov]. A.I. Bryusov (ed.). Moscow, Izd-vo kul'turno-prosvetitel'skoy literatury Publ., 1953, 108 p.
15. Veksler A.G., Rabinovich M.G., Shelyapina N.S. *M.M. Gerasimov i istoriya Moskvy (raboty po vosstanovleniyu oblika drevnikh zhitelei Moskovskogo kraia i russkikh tsarei)* [M.M. Gerasimov and the history of Moscow (works to restore the appearance of the ancient inhabitants of the Moscow region and the Russian tsars)]. *Antropologicheskaya rekonstruktsiya i problemy paleoetnografii. Sbornik pamyati M.M. Gerasimova* [Anthropological reconstruction and paleoethnography problems. Collection of memory of M.M. Gerasimov]. Moscow, Nauka Publ., 1973, pp. 16–37.
16. Gerasimov M.M. *Lyudi kamennogo veka* [People of the Stone Age]. Moscow, Nauka Publ., 1964, 170 p.

УДК 94(47).084.9:343.294:35.078.58(355/359.08) «1937/1938»

ELENA ALEKSANDROVNA POPRAVKO

*Doctor of Historical Sciences, Professor,
Army General A.V. Khrulev Military Academy of Logistics.
199034, Russian Federation, Saint Petersburg, Makarov Emb., 8.
E-mail: elena_popravko@mail.ru*

The A.V. Khrulev's activity for rehabilitation of officers repressed in the period of Great Terror

The repressions of the command staff of the Red Army as a subject of research have a rich historiography. The opposite process – rehabilitation of officers – rarely attracts the attention of scholars, and it is mentioned mainly in biographical research in a final part as information about termination of criminal cases or the cancellation of previous convictions. But the scale of rehabilitation, the initiators and participants in this process remain beyond the attention of history.

This study aims to research the role of Army General Andrei Vasilievich Khrulev as one of the initiators and active participants in the rehabilitation of officers who were repressed at the Great Terror, to reveal the features of this work and to characterize some features of him as a military leader.

The research is based on the materials deposited in the personal archive of A.V. Khrulev (personal and official correspondence about the rehabilitation of officers who were repressed in the end of the 1930s, inquiries, request, personal characteristics of the repressed and their members families and etc).

The documents were provided by A.V. Khrulev's family – daughter Valeria Andreevna and grandson Alexander Eduardovich Khrulev.

Keywords: A.V. Khrulev, repression, command staff of the Red Army, Great Terror, rehabilitation, leadership style.

ЕЛЕНА АЛЕКСАНДРОВНА ПОПРАВКО

*Доктор исторических наук, профессор,
Военная Академия материально-технического обеспечения им. генерала армии А.В. Хрулева.
199034, Россия, Санкт-Петербург, наб. Макарова, 8.
E-mail: elena_popravko@mail.ru*

Репрессии командного состава Красной армии как предмет исследования имеют богатую историографию. Противоположный процесс – реабилитация военных кадров – значительно реже привлекает внимание исследователей и упоминается в основном в биографических исследованиях как итоговая информация о прекращении уголовных дел или отмене состоявшихся ранее приговоров. Но масштабы реабилитации, инициаторы и участники этого процесса остаются за пределами внимания исторической науки.

Данное исследование ставит цель – исследовать роль генерала армии Андрея Васильевича Хрулева как одного из инициаторов и активных участников реабилитации военных руководителей, репрессированных в годы «большого террора», выявить особенности этой работы и охарактеризовать некоторые черты личности военного руководителя.

Источниковой базой исследования стали материалы, отложившиеся в личном архиве А.В. Хрулева (личная и официальная переписка о реабилитации военных кадров, ставших жертвами массовых репрессий в СССР второй половины 1930-х гг.; запросы, справки, личные характеристики на репрессированных и членов их семей).

Материалы были предоставлены семьей А.В. Хрулева – дочерью Валерией Андреевной и внуком Александром Эдуардовичем Хрулевыми.

Ключевые слова: А.В. Хрулев, репрессии, военные кадры, «большой террор», реабилитация, руководящий стиль.

Деятельность А.В. Хрулева по реабилитации военных руководителей, репрессированных в период «большого террора»*

Репрессии командного состава Рабоче-Крестьянской Красной армии давно уже стали привычным предметом исследования и имеют богатую историографию. Противоположный же

процесс – реабилитация гораздо реже привлекает внимание исследователей, и в основном только в контексте информации о прекращении уголовных дел или отмене состоявшихся ранее приговоров.

* Исследование выполнено в рамках НИР «Биограф–18–МТО» Военной академии материально-технического обеспечения им. генерала армии А.В. Хрулева.

При этом масштабы реабилитации, инициаторы и участники этого процесса остаются вне поля внимания исторической науки. Данное исследование имеет целью показать Андрея Васильевича Хрулева как одного из инициаторов и активных участников реабилитации военных руководителей, репрессированных в годы «Большого террора», показать особенности этой работы и охарактеризовать некоторые черты личности военного руководителя.

Источниковая база исследования – материалы, отложившиеся в личном архиве А. В. Хрулева (личная и официальная переписка относительно реабилитации военных кадров, ставших жертвами массовых репрессий в СССР второй половины 1930-х гг.; запросы, справки, личные характеристики на репрессированных и членов их семей).

Материалы были предоставлены семьей А.В. Хрулева – дочерью Валерией Андреевной и внуком Александром Эдуардовичем Хрулевыми.

Один из важных аспектов исследования – установление времени, когда А.В. Хрулев начал заниматься вопросами реабилитации. Ведь может возникнуть вопрос: а не было ли это данью времени, участием в очередной партийной кампании, позволявшей укрепить и собственные позиции? В опубликованных исследованиях упоминается только о роли А. В. Хрулева в реабилитации В.К. Блюхера [1], что не позволяет оценить масштабы деятельности и степень вовлеченности в нее.

Ключевым событием эпохи «оттепели» был XX съезд КПСС, в финале которого (25 февраля 1956 г.) Н.С. Хрущев прочитал доклад «О культе личности Сталина и его последствиях». Надо отметить, что доклад был секретным и до выхода Постановления Президиума ЦК КПСС «О преодолении культа личности и его последствий» от 30 июня 1956 г. не предполагал превращения критики культа личности гласную кампанию. В то же время, единичные примеры реабилитации наблюдались после смерти Сталина («дело врачей», «Ленинградское дело» и др.). Известны и примеры реабилитации сталинского времени [3, с. 117–120]. Есть исследования, показывающие масштабы реабилитации представителей высшего командования РККА, осужденных в период «Большого террора» и освобожденных в 1939–1941 гг. [6].

Самые ранние документы, свидетельствующие об участии А. В. Хрулева в реабилитации военных кадров, отложившиеся в личном (семейном) архиве, могут быть датированы 1948 г. Короткая справка: «Симонов – б/майор – осужден приговором Военного Трибунала по закону от 7 августа (т.е. по Постановлению ЦИК и СНК СССР от 7 августа 1932 г. «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперативов и укреплении общественной собственности», известный как «Закон о колосках» [2]– Е.А.П.). Было личное письмо от него на Ваше имя о его невиновности. Вами подписано письмо в Прокуратуру о пересмотре его дела. Тов. Прокопович – его сестра-врач. Майор Айрапетов». Справка связана с телеграммой Прокопович, направленной на служебный адрес, в которой она вы-

ражает благодарность «за надежду служить в рядах всеми любимой Красной армии», но не упоминает имени человека, за которого ходатайствовал Андрей Васильевич.

Это позволяет нам сделать вывод, что и до смерти И.В. Сталина А.В. Хрулев ходатайствовал о реабилитации отдельных лиц из числа своих бывших сослуживцев.

Остальные документы личного (семейного архива) относятся к 1955–1957 гг. То есть минимум за год до знаменитого доклада XX съезду Андрей Васильевич Хрулев включается в работу по реабилитации высших военных кадров, репрессированных в годы «Большого террора». Достаточно часто основанием для этого становятся просьбы родственников осужденных. Причем, как правило, эти просьбы содержат как указания на затягивание рассмотрения ходатайств, так и очевидную уверенность, что вмешательство Андрея Васильевича будет результативным.

Это добавляет штрихи к портрету А.В. Хрулева как военного руководителя. Одно дело заботиться о подчиненных, от которых зависит работа на вверенном тебе участке (в конце концов, зависимость начальник – подчиненные взаимная: «Короля делает свита»). И совсем другое – рискнуть головой и помогать тем, кто уже осужден по ст. 58 УК РСФСР или знаменитому «указу семь-восемь», да еще в ситуации, когда у самого жена и брат [4, с. 191] отбывали наказание по политическим статьям.

Насколько для подобного рода инициатив требовалось смелости и после 1953 г., может свидетельствовать переписка о реабилитации дивизионного комиссара Г. Е. Письманника. В письмах от 16 января 1956 г. в Финансовое управление СА и Финансовый отдел Московского военного округа А.В. Хрулев в упоминании, что оказался «единственным человеком, который решился на реабилитацию Письманника», тогда как ни родная сестра дивизионного комиссара (с мужем), ни родная мать Письманника не только не захотели подать документы на реабилитацию, но и отказались пустить вдову пожить у себя в квартире на время рассмотрения дела о реабилитации.

Всего в личном (семейном) архиве данные о 63 представителях командного состава РККА, о реабилитации которых лично ходатайствовал А.В. Хрулев. При этом среди них нет документов, касающихся реабилитации В.К. Блюхера. Это дает нам основания сказать, что роль А.В. Хрулева в реабилитации военных кадров не исчерпывается и теми 63 персоналиями, о которых можно извлечь сведения из личного (семейного) архива.

Анализ документов позволяет выявить некоторые особенности личности, которые проявлялись в этой работе.

Первая особенность – комплексность подхода.

Наибольший интерес в этом плане представляет справка на 4-х страницах, на трех из них – данные о службе в Красной армии на 7 человек:

1. Хоменко Николай Николаевич – главный инженер Квартирно-эксплуатационного управления РККА, арестован в сентябре 1938 г.;

2. Саравайский Михаил Абрамович – начальник отдела Центрального строительного управления РККА (далее – ЦСУ РККА), арестован в 1937 г.;

3. Гиршков Василий Сергеевич – «с середины 1933 года Зам. Н-ка ЦСУ РККА, а затем СКУ РККА по авиастроительству», арестован в 1937 г.;

4. Хабалев Алексей Николаевич – до ареста в феврале 1938 г. начальник I-го отдела ЦСУ РККА;

5. Лаврентьев Григорий Владимирович – служил в ЦСУ РККА, арестован в 1939 г.;

6. Поспелов Федор Тихонович – служил в отделе аэродромного строительства Управления Военно-воздушных сил РККА, арестован в мае 1939 г.;

7. Жуковский Иван Петрович – начальник Воен-проекта ЦСУ РККА,

Четвертую страницу занимает список из 10 фамилий с комментарием: «т. Соломко и Синицын просили иметь в виду». Документ подписан «Шапиро» и датирован 29 марта 1956 г. Смысл документа, как и упоминаемые в нем лица становятся понятны только после сравнительного анализа с информацией других, отложившихся в личном архиве документов.

Становится понятно, что справка Шапиро послужила основанием для направления «согласно просьбы прокуроров т. Синицына и т. Соломко» 4 апреля 1956 г. в Главную Военную прокуратуру 5 справок, подписанных А.В. Хрулевым:

- о Григории Владимировиче Лаврентьеве, инженере Строительного управления ВВС РККА (беспартийный). Отмечена грамотность, исполнительность, а причиной репрессий названа «пресловутая версия, что военное строительство было охвачено сплошь вредительством»;

- о Федоре Тихоновиче Поспелове (до ареста «начальнике отдела аэродромного строительства УВВС РККА»), «безусловно честном» человеке;

- о Самуиле Абрамовиче Сыровайском, служившем «в Центральном аппарате Наркомвоенмора»;

- о Николае Николаевиче Хоменко, главном инженере Квартирно-эксплуатационного управления РККА, арестованном в сентябре 1938 г.

- об Алексее Николаевиче Хабалеве – до ареста в феврале 1938 г. начальнике I-го (планово-финансового) отдела строительного управления РККА, который «строил авиационную школу в Энгельсе и строил Научно-испытательный институт ВВС РККА в Щелкове».

Учитывая практику работы по реабилитации, давались не просто ЛИЧНЫЕ характеристики, но, как правило указывались фамилии лиц, проходивших по одним делам, что становилось основанием для рассмотрения и их дел. Так в справках от 4 апреля 1956 г. отмечалось: «Какая-то шайка авантюристов раздула версию о том, что в военном строительстве существует вредительство, возглавляемое рядом инженеров, окончивших военную академию, а именно – Павловым, Кашеевым, Шенкманом, братьями Максимовыми». В тот же день 4 апреля 1956 г. в Военную прокуратуру Московского военного округа, «согласно просьбы помощника военного прокурора майора

Купреева И.Ф.», была отправлена характеристика Давида Григорьевича Стернина, служившего в Политуправлении МВО. Таким образом, на основании ранее проделанной работы только за один день – 4 апреля 1956 г. – были поданы документы на реабилитацию 6 человек.

Вторая особенность – личное участие.

Хотя справки, которые готовят сотрудники, могут навести на мысль, что вся «черная работа» перекадывалась на них, документы личного (семейного архива) говорят, что это не так.

Например, в письме прокурору Карагандинской области А.В. Хрулев сообщал, что направляет заявление Н.И. Никитиной и 4 справки-отзыва: «Прошу Вас ускорить рассмотрение дела Никитина И.Г., по которому Заместитель Прокурора тов. Руденко сообщил гражданке Никитиной Н.И. 30 января 1957 года, что Областная Прокуратура приступила к пересмотру дела ее отца – Никитина Ильи Гавриловича. Я справлялся о Никитине в Министерстве строительства электростанций; работники Министерства строительства электростанций, с которыми я разговаривал, о Никитине дают хорошие отзывы как о работнике» (выделено – П.Е.А., т.е. документ свидетельствует о проведении личных бесед и сборе информации для составления характеристик, подаваемых на реабилитацию).

Третья особенность – настойчивость и систематичность.

Это проявлялось в том, что задействовались все инстанции, которые могли решить вопрос.

Яркий пример – дело о реабилитации Федора Яковлевича Вырова (арестован в марте или апреле 1938 г.). 29 сентября 1956 г. Татьяна Ильинична Вырова отправила письмо на рабочий адрес – в Министерство строительства СССР – просьбу помочь в реабилитации мужа, отметив, что еще в марте 1956 г. обращалась к «Прокурору Союза».

В личном (семейном) архиве отложились письмо Андрея Васильевича в Комитет партийного контроля заместителю председателя П.Т. Комарову от 18 декабря 1956 г. с просьбой посмертно восстановить в партии Ф.Я. Вырова. А.В. Хрулев говорит, что состоял в одной партограницации вместе с Выровым 5 лет. И в тот же день направляет ответ Т.М. Выровой, где отмечает, что еще в начале декабря подавал справку в КГБ при Совете Министров СССР, которая должна быть переправлена в КГБ по Харьковской области. Справка датирована 29 ноября 1956 г. В ней указано, что в 1930-х г. А.В. Хрулев возглавлял Финансово-плановое управление РККА, а Ф.Я. Выров был его подчиненным – начальником Первого отдела. Последний, с образованием Харьковского военного округа, был направлен туда как «один из числа лучших работников Финансово-планового управления РККА». Тем же 18 декабря 1956 г. датировано письмо в КГБ Харьковской области следователю Гладилину, где после обстоятельств знакомства и характеристики делается вывод: «Всякого рода обвинения Вырова во вредительской деятельности являются не более, как плодом из-

мышления». Кстати в этом письме есть упоминание о том, что Андрей Васильевич лично «познакомился с десятком таких дел».

Если персональных усилий не хватало – активно использовал личные и служебные связи. В личном (семейном) архиве отложились письма А.В. Хрулева другим высокопоставленным лицам:

– К.Е. Ворошилову: 1) о реабилитации Бориса Сергеевича Горбачева, арестованного по делу Енукидзе; 2) с просьбой помочь ускорить пересмотр дела Н.М. Синявского, у которого «довольно большие заслуги были в Красной армии в деле организации связи и организации войск связи»;

– Г.К. Жукову (о начальнике Разведывательного управления РККА Урицком) и др.

Четвертая особенность – полнота охвата проблемы.

Осуждение конкретного лица было подобно цепной реакции: супруги, дети, родители и т.п. попадали в категорию «член семьи изменника Родины». Зачастую реабилитация была необходима как акт абстрактной справедливости или дань памяти, а для восстановления в правах членов семьи, возможности вернуть определенное имущество, получить работу и т.д.

Например, А.В. Хрулев ходатайствовал перед начальником Финансового управления Советской армии генерал-лейтенантом В.Н. Дутовым об установлении пенсии жене бывшего начальника Военно-медицинской академии им. С.М. Кирова комкора В.А. Кангелари. Последний был репрессирован, что привело к осуждению жены и сына, а после реабилитации мужа и дело жены было пересмотрено, но решить вопрос с пенсией оказалось сложно.

Аналогичное ходатайство А.В. Хрулев направил 3 октября 1956 г. заместителю начальника Финансового управления Советской армии генерал-майору И.С. Векшину относительно супруги своего бывшего секретаря Митрофана Васильевича Малахова, которая не могла подтвердить факт регистрации брака в 1918 г., а поэтому не могла после реабилитации оформить пенсию. Андрей Васильевич просил «дать указание Райвоенкомату, чтобы он руководствовался не формальной бумажкой о регистрации брака, а тем, что ее, Малахову А.Д., более полтора десятков лет преследовали как жену Митрофана Васильевича Малахова, значит, у тех-то людей были данные, подтверждающие, что она жена Малахова М.В.».

Изучение материалов личного (семейного) архива позволяет сделать вывод о том, что участие в реабилитации высших военных кадров, репрессированных в период «Большого террора» для Андрея Васильевича Хрулева не было случайным или связанным с «тенденциями времени». Напротив, оно отражало его негативное отношение к этим событиям и было основано на убеждении в том, что репрессии военных кадров имели ложные основания. При наличии личной мотивации (по статье 58 УК РСФСР в разные годы были осуждены старший брат М.В. Хрулев и жена Э.С. Горелик), можно отметить, что участие в реабилитации военных кадров далеко выходило за пределы простого личного интереса. Это была масштабная работа, к которой привлекались сотрудники, задействовались личные и служебные связи. В этой работе проявились все ключевые характеристики руководящего стиля и особенности работы с кадрами, отличавшие А.В. Хрулева как военного руководителя на всех этапах его военной карьеры.

Литература и источники

1. Великанов Н.Т. Блюхер [Электронный ресурс]. М.: Молодая гвардия, 2010. (Раздел «Реабилитация»). URL: <https://biography.wikireading.ru/159154> (дата обращения: 20.11.2017).
2. Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности 7 августа 1932 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.great-country.ru/rubrika_myths/reprisal/110807-02.html (дата обращения: 20.11.2017).
3. Поправко Е.А. Е.А. Галликас: «В том, что я скоро буду на свободе и реабилитирована, я глубоко уверена...» (историко-биографическое исследование) // Клио. 2012. №5 (65). С. 117–120.
4. Поправко Е.А. Ранний этап биографии А.В. Хрулева по материалам ЦГА СПб и ЦГИА СПб // Выдающийся организатор материально-технического (тылового) обеспечения (к 125-летию со дня рождения генерала армии А.В. Хрулева): материалы межведом. науч.-практ. конф., 22 сентября 2017 года, Санкт-Петербург / под ред. Ю.А. Никитина, Е.А. Поправко. СПб.: ВAMTO, 2017. С. 190–195.
5. Черушев Н.С. Из ГУЛАГа – в бой [Электронный ресурс]. М.: Вече, 2013. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=177333&p=2> (дата обращения: 20.11.2017).

References

1. Velikanov N.T. Blyukher (Razdel «Reabilitatsiya») [Blukcher (Part “Rehabilitation”)]. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 2010. Available at: <https://biography.wikireading.ru/159154> (accessed 20.11.2017).
2. Ob okhrane imushchestva gosudarstvennykh predpriyatii, kolkhozov i kooperatsii i ukreplenii obshchestvennoi (sotsialisticheskoi) sobstvennosti 7 avgusta 1932 g. [On the protection of property of state enterprises, collective farms and co-operatives and the strengthening of public (socialist) property on August 7, 1932]. Available at: http://www.great-country.ru/rubrika_myths/reprisal/110807-02.html. (accessed 20.11.2017).

3. Popravko E.A. *E.A. Gallikas: «V tom, chto ya skoro budu na svobode i reabilitirovana, ya gluboko uverena...» (istoriko-biograficheskoe issledovanie)* [E.A. Gallikas: "In the Fact That Soon I will be on Freedom and Rehabilitated I am Deeply Sure..." (historical and biographical study)]. *Klio*, 2012, no. 5 (65), pp. 117–120.

4. Popravko E.A. *Rannii etap biografii A.V. Khruleva po materialam TsGA SPb i TsGIA SPb* [Early stage of A.V. Khrulev's biography on the documents of the Central State Archive of St. Petersburg and Central State Historical Archive of St. Petersburg]. *Vydayushchiysya organizator material'no-tekhnicheskogo (tylovogo) obespecheniya (k 125-letiyu so dnya rozhdeniya generala armii A.V. Khruleva): materialy mezhvedom. nauch.-prakt. konf., 22 sentyabrya 2017 goda, Sankt-Peterburg* [The Great Creator of Material and Technical (Logistics) Support (on the 125th anniversary of the birth of Army General A.V. Khrulev): Papers of Interdepartmental Scientific and Practical Conference, 22 September 2017, St. Petersburg]. Yu.A. Nikitin, E.A. Popravko (eds.). Saint Petersburg, Army General A.V. Khrulev Military Academy of Logistics (VAMTO) Publ., 2017, pp. 190–195.

5. Cherushev N.S. *Iz GULAGa – v boi* [From the GULAG to Battle]. Moscow, Veche Publ., 2013. Available at: <https://www.litmir.me/br/?b=177333&p=2> (accessed 20.11.2017).

© Клио, 2018

© Поправко Е.А., 2018

16+

KLIO
A MONTHLY SCHOLARLY JOURNAL
(12 issues a year)

КЛИО
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ ДЛЯ УЧЕНЫХ
№1(133)
2018

Главный редактор
Выпускающий редактор
Корректор
Верстка

С.Н. Полторак
А.А. Василькова
А.А. Василькова
Е.А. Тальянова

Дата выхода в свет «Клио» №1(133) – 22 января 2018 г.

Ежемесячное издание

Журнал основан и зарегистрирован 9 июля 1996 г.

Свидетельство о регистрации №П-2045. Выдано Северо-Западным региональным управлением Комитета Российской Федерации по печати (Санкт-Петербург)

Учредитель журнала С.Н. Полторак

Издатель ООО «Полторак»

Адрес издателя и редакции:

195220, Санкт-Петербург, Гражданский пр., 11, лит. А, пом. 1 Н

Тел./факс: (812) 534-28-28

E-mail: poltorak2006@yandex.ru

<http://clioscience.com>

Отпечатано с готового оригинал-макета, предоставленного редакционной коллегией
в типографии ООО «ПСП-ПРИНТ»

192212, Санкт-Петербург, ул. Белградская, д. 30, лит. А, пом. 15 Н

Тел.: (812) 655-09-33

Подписано в печать 18.01.2018 г. Формат 60x84 1/8

Объем 19,5 п.л. Тираж 1 000. Заказ №10169. Цена свободная

Подписка на журнал «Клио» осуществляется по каталогу «Роспечать».

Индекс 14243

Уважаемые коллеги!

Журнал для учёных «Клио» принимает к публикации работы историков всех специальностей, а также культурологов, филологов, философов и представителей других специальностей, делающих в своих статьях акцент на историческую составляющую.

К рассмотрению принимаются оригинальные, ранее не публиковавшиеся материалы.

Издание осуществляет рецензирование всех поступающих в редакцию материалов, соответствующих его тематике. Все рецензенты являются признанными специалистами по тематике рецензируемых материалов и имеют в течение последних 3 лет публикации по тематике рецензируемой статьи. Рецензии хранятся в редакции журнала в течение 5 лет.

Редакция направляет авторам представленных материалов копии рецензий или мотивированный отказ (в случае отрицательной рецензии для доработки или переработки текста статьи), а также обязуется направлять копии рецензий в Министерство образования и науки Российской Федерации при поступлении в редакцию издания соответствующего запроса.

The editorial staff of the journal «Klio» would appreciate cooperation
with foreign partners interested in distribution
of the journal in their countries.

Please contact us by e-mail:

politorak2006@yandex.ru

English version of website of the journal «Klio»:

clioscience.com/en/

